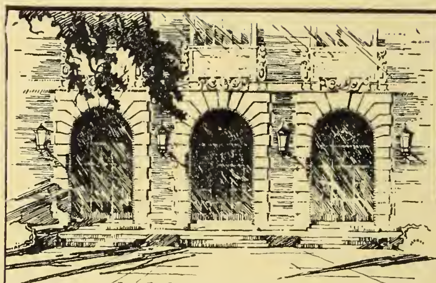


ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

АВГУСТЪ, 1892

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1892 г.

СОДЕРЖАНІЕ СОРОКЪ ВОСЬМАГО ТОМА.

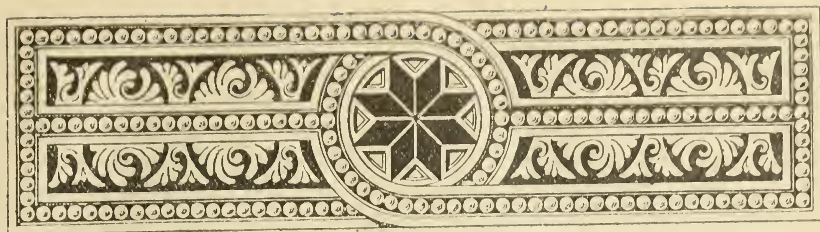
(АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ 1892 года).

стр.

КНЯЗЬ ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ БАГРАТІОНЪ

Съ гравированнаго портрета Ческаго.

дозв. цен. спб., 26 мая 1892 г.



ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ ВОРОТЫНЦЕВЫХЪ [1].

XX.

Былъ жаркій іюльскій день.

Наканунѣ, вечеромъ, Людмила Николаевна Ратморцева приказала разбудить себя чуть свѣтъ, и солнце еще не выглянуло изъ-за рощи, когда старая горничная Акулина вошла въ ея спальню.

— Дѣти спятъ?—спросила барыня, торопливо поднимаясь съ постели.

— Почиваютъ-съ. Шарабанъ сейчасъ подаютъ. Степанъ прибѣгалъ спрашивать, ему съ вами ѣхать, или Конону.

— Все равно. А погода какая?

— На небѣ ни облачка. Извольте сами посмотрѣть.

Она отдернула темную, штофную занавѣску передъ стеклянной дверью въ садъ, и настежь растворила эту дверь. Комната вся засіяла въ розовомъ сіяніи утренней зари и наполнилась благоуханіемъ цвѣтовъ. Людмила Николаевна, съ распущенными волосами, въ бархатныхъ туфляхъ на босую ногу и въ батистовой кофточкѣ, вышла на террасу.

— Какое чудное утро!—проговорила она, вдыхая полной грудью свѣжій душистый воздухъ и обводя радостнымъ взглядомъ клумбы цвѣтовъ, раскинувшіяся затѣйливыми фигурами между группами

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVIII, стр. 313.

рѣдкихъ растеній, съ извивающимися тропинками, усыпанными пескомъ.

Къ мѣстечку этому, прозванному «барыниномъ садомм», со всѣхъ сторонъ сходились аллеи изъ старыхъ, тѣнистыхъ деревьевъ обширнаго парка, примыкавшаго къ рѣкѣ, съ мостикомъ въ лѣсъ.

Подъ окнами гостиной, кабинета и столовой, тоже были клумбы съ цвѣтами, но не съ такими рѣдкими, какъ тѣ, что цвѣли въ «барыниномъ саду». Сюда и изъ оранжерей садовникъ приносилъ все, что у него выращивалось удачнѣе и распускалось пышнѣе.

Людмила Николаевна до страсти любила цвѣты. Окружать себя ими было для нея потребностью; она страдала отъ лишенія цвѣтовъ, какъ страдаютъ люди, привыкшіе курить, когда у нихъ нѣтъ табаку, и обжоры безъ лакомствъ.

— Извольте надѣть ботинки, сударыня: роса-съ, говорила, слѣдуя за нею, Акулина, съ полусапожками на толстыхъ подошвахъ въ рукѣ.

— Ничего, тутъ сухо, а въ садъ я не сойду. Мнѣ только хочется посмотрѣть, распустилась ли та пунцовая роза, которую пересадили сюда изъ оранжереи на прошлой недѣлѣ,—отвѣчала Людмила Николаевна, вглядываясь прищуренными глазами въ куртину, шагахъ въ пятидесяти отъ террасы. Надъ куртиной этой ужъ роемъ кружились пчелы и другія крылатыя насѣкомыя.

— Я сейчасъ посмотрю, а вы извольте тутъ постоять, трава мокрехонька и песокъ на дорожкахъ страсть какой сырой, — объявила Акулина.

И, не выпуская ботинокъ изъ рукъ, она направилась къ куртинѣ розъ.

— Ну, что?—въ нетерпѣніи крикнула ей барыня.

— Сейчасъ, сударыня, сейчасъ, дайте посмотрѣть... Вы про которую изволите спрашивать? Про желтую?

— Нѣтъ, нѣтъ, темно-красная, рядомъ съ бѣлой, правѣе, правѣе... Баринъ въ каждомъ письмѣ про нее спрашиваетъ...

— Вижу, сударыня, вижу. Вотъ она, расцвѣла. И какая большущая да красивая! Внутри-то лепесточки совсѣмъ какъ кровь алые... Вамъ оттуда не видать...

— Хорошо, хорошо, мы вмѣстѣ съ бариномъ посмотримъ. Пожалуйста, чтобъ ее не сорвали, Боже сохрани!

— Кому срывать, сударыня, барышни знаютъ, какое у вашей милости къ цвѣточкамъ пристрастье. Да и сами-то онѣ, большей радости для нихъ нѣтъ, какъ цвѣточками любоваться. Вчера о ландышахъ горевали: ландыши въ лѣсу въ нашемъ отцвѣли, искали, искали съ Григоріемъ Александровичемъ, ни одного не нашли, онъ и говоритъ...

— Ахъ, пора, пора мнѣ ѣхать,—прервала ея болтовню барыня, торопливо направляясь въ спальню, чтобы приняться за туалетъ.

— Успѣете-съ. До Грушевки верстъ пятнадцать будетъ, не больше. Степанъ намеднись сказывалъ: въ часъ, говоритъ, докатимъ. Вамъ какой клокъ-то подать, суконный или шелковый на ватѣ?

— Суконный. Сережа будетъ очень радъ узнать, что кустъ этотъ зацвѣлъ: онъ боялся, что прививка не примется, — говорила Людмила Николаевна, надѣвая шляпу изъ тонкой, итальянской соломы съ газовымъ, зеленымъ вуалемъ, и натягивая перчатки.

— Имъ еще суприз въ оранжереѣ припасенъ,—объявила Акулина, подавая барынѣ зонтикъ.

— Персики?

Старуха лукаво усмѣхнулась.

— Персики само собою, а то еще... Отъ всѣхъ Лукьянычъ въ секретѣ держитъ. До тѣхъ поръ никому не покажу, говоритъ, пока баринъ не пріѣдетъ.

— Ну, я и спрашивать не стану, — улыбнулась барыня, поспѣшно направляясь въ прихожую черезъ еще не прибранныя комнаты, съ множествомъ завялыхъ цвѣтовъ въ вазахъ, кувшинахъ и стаканахъ, разставленныхъ на всѣхъ столахъ, окнахъ и этажеркахъ.

— Скажи дѣтямъ, чтобъ позаботились о цвѣтахъ, — говорила она на ходу, слѣдовавшей за нею, горничной, — мы вернемся къ завтраку.

— Ужъ будьте покойны, еще вчера утромъ съ Григоріемъ Александровичемъ сговаривались, какъ имъ папенькинъ кабинетъ цвѣточками да разными тамъ другими сурпризами разукрасить. Все о ландышахъ хлопочутъ. Поди, чай уѣхалъ ужъ онъ за ними, Григорій-то Александровичъ, верхомъ хотѣли поѣхать къ оврагу.

— Да развѣ въ оврагѣ еще ландыши есть?

— Дѣвки намеднись сказывали, что есть. Григорій Александровичъ...

— Пожалуйста, чтобъ зелени было побольше къ завтраку. Горошекъ, какъ баринъ любитъ, въ салфеткѣ съ сливочнымъ масломъ.

— Слушаю-съ.

— Цыплята... и чтобъ спаржу не забыли.

— Не извольте безпокоиться-съ.

— Завтракъ накрыть на сѣверной террассѣ.

— Слушаю-съ. Барышнямъ бѣлыя надѣть платьица или новыя, розовыя?

Людмила Николаевна на мгновеніе задумалась.

— Розовыя,—отвѣчала она.

И счастливая улыбка разлилась по ея лицу.

Она ѣхала навстрѣчу къ мужу, въ хуторъ Грушевку, гдѣ онъ долженъ былъ переночевать проѣздомъ изъ Петербурга къ себѣ въ Святское. Ей о столькомъ нужно было переговорить съ нимъ наединѣ, что она рѣшила поѣхать къ нему навстрѣчу, съ тѣмъ, чтобъ вернуться вмѣстѣ домой и дорогой обо всемъ переговорить на просторѣ.

Никогда еще не ждала она съ такимъ нетерпѣніемъ свиданія съ мужемъ, какъ въ этомъ году.

Выѣхала она съ семьей въ деревню раньше обыкновеннаго, въ концѣ марта, съ мѣсяцъ спустя послѣ неожиданной кончины Воротынцева, и отчасти для того, чтобъ избавиться отъ докучливаго любопытства многочисленныхъ родственниковъ и знакомыхъ, интересовавшихся юношей, котораго они пріютили у себя въ домѣ.

Герой печальной драмы, розыгравшейся въ домѣ Воротынцевыхъ, оказался вдругъ предметомъ всеобщаго любопытства въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ. О немъ всюду говорили, всѣ хотѣли его видѣть, чтобъ собственными глазами судить объ его сходствѣ съ покойнымъ отцомъ, всѣхъ страстно интриговало таинственное прошлое этого юноши, всѣ задавались предположеніями насчетъ того, что ожидаетъ его въ будущемъ, и осыпали разспросами тѣхъ, которымъ удавалось познакомиться съ нимъ лично. А удавалось это немногимъ; съ тѣхъ поръ, какъ Ратморцевы взяли его подъ свое покровительство, Григорій Александровичъ, кромѣ какъ въ церковь съ семьей Сергѣя Владиміровича, никуда не показывался.

Людмилу Николаевну всѣ эти толки и разспросы невыносимо раздражали.

— Успокойся, милая, это только вначалѣ имъ такъ интересуются,—говорилъ Сергѣй Владиміровичъ женѣ, когда она жаловалась ему на назойливость тетушекъ и кузинъ, осаждавшихъ ее разспросами и просьбами показать имъ Григорія Воротынцева:— вотъ увидишь, что когда вы вернетесь сюда осенью, о немъ никто и не вспомнитъ.

— Осенью? Но неужто-жъ къ осени судьба его не будетъ окончательно рѣшена?

— Врядъ ли. Смерть Александра затормозитъ дѣло. Въ этомъ многіе увѣрены, между прочимъ, и графъ. Онъ говорилъ мнѣ, что государь съ большимъ участіемъ отнесся къ осиротѣвшей семьѣ Александра. И ужъ проволочки начались: дѣло для дополнительнаго слѣдствія отослано назадъ въ Москву, а Бутягину дали понять, чтобъ онъ больше не докучалъ начальству напоминаніями про Григорія. Старикъ уѣзжаетъ надняхъ восвояси: это я ему посовѣтовалъ.

Людмила Николаевна вздохнула.

— Значитъ, Гриша еще долго у насъ проживетъ, — печально протянула она.

— Развѣ онъ тебѣ въ тягость?— тревожно спросилъ ее мужъ.

Она поспѣшила его успокоить. Нѣтъ, нѣтъ, онъ ей не въ тягость, онъ не можетъ ей быть въ тягость. Она должна сознаться, что онъ очень кроткій и благонравный юноша, скромный, деликатный, всячески старается никому не мѣшать въ домѣ, никогда не придетъ раньше, чѣмъ его позовутъ, самъ ни съ кѣмъ первый не заговоритъ, по возможности стушевывается и всегда радъ услужить, доказать свою благодарность; надо также и въ томъ отдать ему справедливость, что онъ чрезвычайно прилеженъ, и m-r Vaillant имъ весьма доволенъ, но...

Остальнаго Людмила Николаевна не договаривала. Не хотѣлось ей сознаваться мужу, что она была несравненно счастливѣе раньше, когда Григорія у нихъ въ домѣ еще не было, и что она будетъ очень рада, когда ему вернутъ имя, состояніе, все что ему слѣдуетъ, и онъ переѣдетъ жить въ свой домъ или въ свое имѣніе, куда хочетъ, однимъ словомъ. Тогда она опять будетъ спокойно входить въ комнаты дочерей, безъ того слегка брезгливаго чувства, которое она теперь не въ силахъ подавить въ себѣ, при видѣ этого малаго, не знающаго, куда дѣвать руки, когда съ нимъ заговариваютъ, не умѣющаго ни сидѣть, ни разговаривать въ хорошемъ обществѣ и представлявшаго такой рѣзкій контрастъ съ ея изящными дѣвочками, что странно было ихъ видѣть вмѣстѣ.

Чувство это, которое она старалась въ себѣ заглушить, Людмила Николаевна приписывала отчасти опасенію, чтобъ дѣвочки не услыхали отъ этого полудикаря такихъ словъ, которыхъ онѣ не должны были слышать, чтобъ онъ не разсказалъ имъ чего нибудь изъ своей печальной исторіи, про то, что ему извѣстно про его мать и про отца, мало ли что могъ позволить себѣ разболтать юноша, не воспитанный, не имѣющій ни малѣйшаго понятія о томъ, что могутъ знать дѣвушки изъ хорошаго общества и что нѣтъ.

Сонѣ съ Вѣрой сказали, что Гриша имъ родственникъ, что вслѣдствіе стеченія несчастныхъ обстоятельствъ, которыя онѣ слишкомъ молоды, чтобъ понять, онъ все свое дѣтство и раннюю молодость провелъ между простыми людьми, и теперь ему надо какъ можно скорѣе наверстать потерянное время, чтобъ занять то мѣсто въ обществѣ, на которое онъ имѣетъ право по своему происхожденію. Къ этому прибавили, что разспрашивать его о прошломъ было бы неделикатно и жестоко, такъ какъ объ этомъ печальномъ прошломъ онъ, разумѣется, безъ смущенія и горечи вспоминать не можетъ.

Дѣвочки Ратморцевы были воспитаны въ такомъ слѣпомъ повиновеніи родительской власти, что имъ даже и въ голову не приходило протестовать противъ этого распоряженія, и Людмила Николаевна ни минуты не сомнѣвалась въ томъ, что приказаніе ея будетъ исполнено въ точности.

Дочери ея, подстрекаемыя и собственной добротой, и интересомъ къ новому родственнику, а также живымъ и горячимъ участіемъ къ нему всей дворни, усердно принялись за его воспитаніе и все свободное время посвящали ему, учили его играть на фортепьяно, объясняли уроки, заданные ему m-r Vaillant, по правляли его выговоръ, когда онъ произносилъ заученныя наизусть французскія фразы, и разсказывали ему то, что имъ было извѣстно изъ исторіи и литературы. Онъ выказывалъ большую любознательность, съ жадностью ко всему прислушивался и присматривался и позволялъ себѣ иногда предлагать вопросы относительно того, что ему трудно было съ перваго разу понять, но пускаться въ какіе бы то ни было разговоры о предметахъ, не касающихся ученія, или про себя, онъ никогда ни съ кѣмъ въ домѣ не рѣшался. Вообще никакихъ ни мыслей, ни чувствъ, онъ не позволялъ еще себѣ проявлять, и сдержанность эту одни приписывали робости, другіе—хитрости, третьи—глупости. Но въ виду его успѣховъ въ ученіи съ послѣднимъ мнѣніемъ трудно было согласиться. M-r Vaillant былъ въ восторгѣ отъ его памяти и понятливости. Мѣсяца три послѣ того, какъ началось его воспитаніе, онъ ужъ читалъ и писалъ пофранцузски и могъ объясняться на этомъ языкѣ. Учитель русскаго языка тоже былъ доволенъ его успѣхами. Память у него была богатая, охота учиться страстная. Но въ чемъ Сергѣй Владиміровичъ съ особеннымъ удовольствіемъ убѣждался съ каждымъ днемъ все больше и больше, это въ томъ, что Гриша на всѣхъ производитъ хорошее впечатлѣніе. Онъ все еще былъ неловокъ и робокъ, но мужицкаго, грубаго, въ немъ ровно ничего не было и въ застѣнчивости его, при красивой юношеской наружности, съ тонкими, благородными чертами нѣжнаго лица и большими, задумчивыми глазами, было много привлекательнаго.

Такъ прошла зима. Съ переѣздомъ въ деревню Сонѣ съ Вѣрой было предоставлено еще больше времени заниматься Гришей. Онъ оказался отличнымъ спутникомъ для отдаленныхъ прогулокъ; съ нимъ можно было куда угодно отпускать барышень. Онъ былъ силенъ, сметливъ, неутомимъ и чувствовалъ себя вполнѣ въ своей сферѣ среди полей и лѣсовъ.

Въ десяти верстахъ отъ Святскаго былъ мужской монастырь расположенный въ мѣстности, извѣстной въ окрестности красивымъ мѣстоположеніемъ.

Гриша туда повадился. Рѣдкое воскресенье не уходилъ онъ съ ранняго утра къ монахамъ, чтобъ пѣть съ ними на клиросѣ и бесѣдовать съ настоятелемъ, который полюбилъ его. Возвращался онъ назадъ съ цѣлыми снопами цвѣтовъ для сестрицъ, съ птичками и бѣлками, пойманными для нихъ въ лѣсу. У монаховъ все поспѣвало раньше, чѣмъ въ Святскомъ—малина, смородина, вишни; они щедро обдаривали Гришу всѣмъ, что у нихъ было лучшаго,

и онъ все это тащилъ къ своимъ. Людмила Николаевна не оставалась въ долгу и часто Гришѣ приходилось отправляться въ монастырь въ телѣжкѣ, чтобъ довезти кульки съ провизіей и виномъ, которые она поручала ему передать о. настоятелю съ братіей.

Такимъ образомъ черезъ Гришу сношенія между монастыремъ и Святскимъ установились самыя тѣсныя и частыя.

— Дѣвочки безпрестанно туда просятся,—разсказывала Людмила Николаевна мужу, возвращаясь съ нимъ въ шарабанѣ съ хутора домой.—Это теперь наша любимая прогулка. Мы не дальше, какъ вчера тамъ были. О. Амвросій очень добръ къ Гришѣ. Я съ нимъ недавно говорила про него. Старику удалось заставить его разоткровенничаться; онъ передалъ мнѣ про его чувства къ намъ, я была тронута.

— О, я въ этомъ не сомнѣваюсь! Онъ можетъ быть подозрителенъ и скрытенъ, какъ юноша, выросшій среди чужихъ, въ нуждѣ, невѣжествѣ и страхѣ, но это богато одаренная природа и въ немъ не трудно будетъ развить самыя высокія и благородныя чувства: вотъ увидишь.

— Дай-то Богъ!

— Да, да,—продолжалъ съ возростающимъ одушевленіемъ Ратморцевъ,—мы во всякомъ случаѣ сдѣлаемъ изъ него порядочнаго человѣка и полезнаго члена общества, и даже въ такомъ случаѣ, если ему не достанется никакого состоянія...

— А развѣ что нибудь слышно про его дѣло?—спросила она съ тревогой.

— Въ томъ-то и штука, что теперь про это дѣло ровно ничего не слыхать, имъ считается даже неумѣстнымъ интересоваться. Я раза три видѣлся съ графомъ, подолгу съ нимъ бесѣдовалъ о разныхъ предметахъ, но не нашелъ возможности упомянуть про Григорія, понимаешь?

— Это—дурной знакъ.

— Очень дурной,—подхватилъ Ратморцевъ.

— Неужели слѣдствіе замнутъ?

— Мало ли что могутъ сдѣлать!—уклончиво отвѣчалъ Сергѣй Владиміровичъ.

И, помолчавъ немного, онъ прибавилъ:

— Во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ внушить Гришѣ, чтобъ онъ чрезмѣрнымъ надеждамъ на счетъ скораго рѣшенія своей судьбы не предавался.

— Я ему на это недавно еще намекала.

— Хорошо сдѣлала. Ну, а что дѣти? Ты писала, что онѣ поздоровѣли и посвѣжѣли.

— Загорѣли даже, вотъ какъ на нихъ въ нынѣшнемъ году благотворно подѣйствовалъ деревенскій воздухъ. Особенно Вѣра.

Теперь она уже не такъ похожа на сестру, щечки у нея розовыя и пухлыя, а у Сони овалъ лица удлинняется...

— Да и въ глазахъ у нея другое выраженіе, чѣмъ у сестры. А съ лѣтами разница обозначится еще рѣзче, вотъ увидишь. Съ каждымъ годомъ взглядъ у Сони будетъ все глубже и мечтательнѣе, а улыбка...

— Да, Вѣринька дольше останется ребенкомъ. Ея смѣхъ съ утра до вечера раздается по всему дому, отъ каждой бездѣлицы она приходитъ въ восторгъ. Соня много серьезнѣе и стала задумываться...

— Голова у нея не болитъ? Помнишь въ прошломъ году?—съ живостью перебилъ жену Сергѣй Владиміровичъ.

Въ домѣ говорили, будто Соня его любимица. Должно быть, и Людмила Николаевна была въ этомъ убѣждена и, вѣроятно, поэтому старалась она при каждомъ удобномъ случаѣ вызвать въ немъ нѣжность къ Вѣрѣ.

— О, она совсѣмъ здорова! Обѣ онѣ окрѣпли и расцвѣли, какъ розы. И выросли. Я по платьямъ ихъ вижу, что онѣ выросли и пополнѣли,—повторила она съ наслажденіемъ. — У Сони походка измѣнилась, она становится похожа осанкой и манерами на твою покойную мать.

— А какъ онѣ съ Гришей? Не надоѣло еще съ нимъ возиться?

— Нисколько. Онѣ теперь съ нимъ за пѣніе принялись. У него голосъ замѣчательно хорошъ. Настоятель мнѣ говорилъ, что народу больше стало ѣздить въ монастырь къ обѣднѣ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ у нихъ поетъ на клиросѣ.

— Вотъ какъ!

— Да и вообще... вотъ ты самъ увидишь, онъ дѣлается совсѣмъ приличнымъ молодымъ человѣкомъ, даже ловокъ. Отлично выучился ѣздить верхомъ, и какъ скоро, въ какой нибудь мѣсяцъ. Мы недавно на него смотрѣли съ m-r Vaillant; въ бархатной жакеткѣ, которую ты ему прислалъ недавно, и въ башмакахъ, въ немъ невозможно узнать того полумонаха въ длинной чуйкѣ, какимъ онъ къ намъ явился полгода тому назадъ.

— Отлично, отлично, — съ самодовольной улыбкой повторялъ Сергѣй Владиміровичъ, слушая жену.

— Это будетъ ужасно, если ему никогда не возвратятъ его правъ на имя и состояніе отца,—замѣтила Людмила Николаевна.

— Ну, во всемъ-то ему отказать не могутъ, государь слишкомъ справедливъ. Я хочу, переждавъ нѣкоторое время, опять о немъ напомнить черезъ Леонтія Васильевича или прямо графу, но только не теперь...

— А что Воротынцевы? Ничего про нихъ не слыхать?

— Ничего. Уѣхали въ Тверскую губернію, тамъ у Марьи Леонтьевны наслѣдственное имѣніе...

— Можно себѣ представить, въ какой они тревогѣ!

— Еще бы,—со вздохомъ произнесъ Ратморцевъ и, чтобы скорѣе разсѣять мрачныя мысли, закружившіяся у него въ головѣ при напоминаніи о несчастныхъ жертвахъ, оставленныхъ Воротынцевымъ, онъ заговорилъ про своихъ дѣвочекъ. Неужели онѣ до сихъ поръ ничего не знаютъ о прошломъ Гриши? Ничего не знаютъ про его печальную исторію? Про его надежды?

Вопросы эти слегка даже оскорбили Людмилу Николаевну. Какъ могутъ ея дочери знать про то, о чемъ имъ запрещено спрашивать, и о чемъ никто въ домѣ не смѣетъ съ ними заговаривать? Нѣтъ, нѣтъ, имъ ничего неизвѣстно. Имъ даже и въ голову не приходитъ задумываться надъ подобными вопросами. Имъ извѣстно изъ жизни только то, что родители и старый идеалистъ Vaillant находятъ нужнымъ имъ открыть, только это, и ничего больше. Никогда не читали онѣ ни одной изъ тѣхъ книгъ, въ которыхъ трактуется о житейскихъ мерзостяхъ. Даже исторію, какъ священную, такъ и свѣтскую, онѣ изучаютъ по разсказамъ, нарочно для нихъ составленнымъ ихъ учителемъ, какъ и сама она училась, и всѣ дѣвушки изъ порядочнаго общества. Подругъ у нихъ нѣтъ; изъ дворни онѣ имѣютъ сношенія только со старшими слугами, а эти еще ревнивѣе родителей оберегаютъ ихъ чистоту и невинность. Надо слышать, съ какимъ восхищеніемъ няня разсказываетъ про своихъ барышень, какія онѣ чистыя и непорочныя, даже во снѣ имъ одни только ангельскіе сны грезятся. Да если-бъ имъ даже теперь и разсказать мрачную исторію Гришиной матери, онѣ ничего въ ней не поймутъ. Людмила Николаевна была въ этомъ точно также убѣждена, какъ въ томъ, что она жива и дышитъ. Сергѣй Владиміровичъ не разубѣждалъ ее; такая мать, какъ Людмила Николаевна, не могла не знать своихъ дѣтей, сомнѣваться въ этомъ было бы просто смѣшно.

День этотъ весело начался въ Святскомъ.

— Соня! сегодня папенька пріѣдетъ!—вскричала радостно Вѣра, просыпаясь.

Соня, въ полосатенькомъ бѣломъ съ голубыми полосками халатикѣ, свѣженькая и розовая отъ холодной ключевой воды, которой только что умылась, съ густыми, бѣлокурыми волосами, поутреннему заколотыми черепаховой гребенкой высоко на маленькой, граціозной головкѣ, стояла у открытаго окна и смотрѣла въ садъ.

— Да, да, маменька ужъ давно къ нему навстрѣчу поѣхала,—проговорила она, не мѣняя позы.

— Къ завтраку пріѣдутъ, нечего прохлаждаться-то, подымайся скорѣе,—ворчала няня, широко раздвигая бѣлый кисейный пологъ и сбираясь стащить съ лѣнтяйки пикейное одѣяло, подъ которымъ она потягивалась, закинувъ за голову тонкія ручки, съ розовыми пятнами на локтяхъ.

— Дай понѣжиться,—протянула Вѣра.

И, снова обращаясь къ сестрѣ, спросила, съ кѣмъ она говоритъ.

— Съ кѣмъ ей говорить, никого тамъ, окромя птичекъ Божьихъ да букашекъ, нѣтъ, — отвѣчала за Соню няня. — А ты вставай, дѣла-то еще много остается сдѣлать, а ужъ восьмой часъ, — продолжала старуха, отыскивая подъ простыней ножку своей любимицы и принимаясь натягивать на нее тонкій бѣлый ажурный чулокъ. Но Вѣра не унималась.

— Ты тамъ съ Гришей говоришь?—продолжала она допрашивать сестру.

Соня и на это ничего не отвѣтила.

— Какой тамъ Гриша! Гриша къ оврагу за ландышами ускакалъ. Еще солнышко не поднялось, какъ онъ осѣдлалъ себѣ Бурку, да и поѣхалъ. Гриша-то не такой лѣнтяй, какъ ты,—проговорила старуха. — Ну-ка, давай другую ножку, гдѣ она тамъ у тебя... Экая лѣнтяйка, даже обуться сама не можетъ... Дай срокъ, вотъ какъ пожалуюсь я на тебя маменькѣ, задастъ она тебѣ, дай срокъ. Ну, вотъ и башмачки надѣты, вставай же скорѣе.

Съ этими словами старуха стащила и простыню съ гибкаго, стройнаго тѣла своей любимицы.

Вѣра, еще разъ потянувшись и зѣвнувъ, стряхнула, наконецъ, съ себя дремоту и, сорвавшись съ постели, перебѣжала комнату, кинулась къ сестрѣ, обняла ее и, высунувъ свое еще заспанное личико съ взъерошенными волосами черезъ ея плечо, окинула смѣющимся взглядомъ прелестный пейзажъ, далеко раскинувшійся передъ нею въ яркомъ солнечномъ блескѣ.

— Ахъ ты безстыдница! Въ одной сорочкѣ! Ну, Боже сохрани, увидитъ кто!--забранилась няня.—Иди скорѣе умываться, проказница!

— Няничка, я сейчасъ... меня никто не увидитъ, я за Соню спрячусь... Какъ хорошо пахнетъ цвѣтами! Ахъ, какъ хорошо! Соня, какъ ты думаешь, что намъ привезетъ папенька? Я видѣла во снѣ, что на мнѣ браслетъ золотой, съ красными камнями, очень красивый... А, можетъ быть, онъ намъ подаритъ такія филиграновыя корзиночки, какъ у Маши Голицыной... Мы поѣдемъ сегодня верхомъ, Соня? Мнѣ хотѣлось бы далеко, далеко, въ монастырь, или еще дальше... Поѣдемъ сейчасъ, Соня, пожалуйста, милая, душенька, поѣдемъ!—болтала она, прижимаясь къ сестрѣ и цѣлуя ее куда ни попало.—Гриша скоро вернется, поѣдемъ съ нимъ... къ завтраку назадъ можно вернуться... А то еще лучше, поѣдемъ по дорогѣ въ Грушевку, навстрѣчу къ папенькѣ съ маменькой...

— А вокализы? А дуэтъ повторить?—напомнила Соня.

Вѣра вздохнула.

— Ахъ да, и у меня еще пейзажъ не совсѣмъ готовъ! Вчера вечеромъ m-r Vaillant не могъ его вставить въ рамку, потому что дерево съ лѣвой стороны еще не додѣлано, — печально прибавила она.

— Ну, вотъ видишь, одѣвайся скорѣе.

Но Вѣра не трогалась съ мѣста.

— На что ты тамъ смотришь?—спросила она, вглядываясь въ изумрудныя углубленія промежъ листвы разбѣгавшихся по всѣмъ направленіямъ аллей.

— Ни на что особенно, такъ,—неохотно отвѣчала Соня.

— А мнѣ показалось, будто ты съ кѣмъ-то разговариваешь...

Ее нетерпѣливо прервали.

— Одѣвайся скорѣе.

А когда Вѣра, привыкшая повиноваться сестрѣ, отошла къ умывальнику, у котораго ее ждала няня, Соня поспѣшно высунулась изъ окна и, кивнувъ по направленію къ высокому дубу, за который, при появленіи у окна Вѣры, спряталась мужская фигура, выбѣжала изъ комнаты.

Въ одно мгновеніе слетѣла она съ лѣстницы, промчалась, не оглядываясь, черезъ столовую и гостиную, выскочила въ растворенную стеклянную дверь на крытую террассу, густо обвитую вьющимися растеніями, и задыхающимся отъ волненія голосомъ прошептала:—Гриша!

Изъ-за дерева появился юноша съ корзинкой въ рукахъ.

— Ландыши?—спросила она, не спуская съ него смѣющагося взгляда.

— Ландыши. Здравствуй.

Они поцѣловались.

— Вотъ я прибѣжала скорѣе, чтобы прежде всѣхъ знать, что̀ ты принесъ.

— Да я бы никому и не показалъ прежде, чѣмъ тебѣ.

Глаза ея сверкнули счастьемъ.

— Такъ и стоялъ бы за дубомъ?

— Такъ и стоялъ бы.

И оба отъ избытка безотчетнаго веселья, переполнявшаго имъ душу, звонко засмѣялись.

— Ну, покажи, покажи... сейчасъ Вѣра придетъ... Ахъ, сколько ландышей! Гдѣ это ты нашелъ такое множество?—вскричала она, всплескивая руками отъ восхищенія, когда, снявъ листья, которыми были прикрыты нѣжные бѣлые цвѣты, онъ подалъ ей корзинку.

— Ахъ, какая прелесть!—повторяла она, пригибаясь все ближе и ближе къ цвѣтамъ, пока зардѣвшееся отъ восторга личико совсѣмъ не утонуло въ нихъ.

А онъ молча, съ блаженной улыбкой на полураскрытыхъ губахъ, любовался ея граціозной бѣлой шейкой и густыми кудрями, выбивавшимися изъ-подъ гребенки.

— Ахъ, какъ хорошо пахнетъ! — вымолвила она ослабѣвшимъ голосомъ.

И, поднявъ голову, вскинула на юношу опьяненный ароматами взглядъ и, въ порывѣ благодарности за доставленное наслажденіе, протянула ему обѣ руки.

— Какой ты милый, что досталъ эти цвѣты!

— Это послѣдніе,—вымолвилъ онъ въ смущеніи, не зная, что дѣлать съ ручками, такъ довѣрчиво отданными въ его распоряженіе. Не смѣя ни пожать ихъ, ни поцѣловать, онъ выпустилъ ихъ изъ своихъ дрожащихъ пальцевъ и, повторивъ безсвязно: это послѣдніе, покраснѣлъ до ушей.

Она не удивилась его смущенію. Къ его странностямъ сестры успѣли привыкнуть и, когда на него находили припадки безпричинной печали, задумчивости или конфуза, онѣ никогда не спрашивали, что съ нимъ, а старались только наперерывъ развеселить его ласками и разсказами.

— Ты очень хорошо сдѣлалъ, что съѣздилъ за ландышами,— объявила Соня, ставя корзину на полъ и опускаясь рядомъ съ нею. Это любимые папенькины цвѣты. Онъ писалъ намъ съ Вѣрой: «жаль, что не застану въ Святскомъ ландышей», помнишь?

— Помню, помню,—разсѣянно отвѣчалъ Гриша.

Лице его постепенно омрачалось подъ наплывомъ мыслей, закружившихся въ его головѣ при напоминаніи о пріѣздѣ Сергѣя Владиміровича изъ Петербурга.

Какія вѣсти привезетъ онъ изъ столицы?

Вопросъ этотъ Григорій никому здѣсь не смѣлъ предложить. Съ многочисленной дворней онъ и самъ держалъ себя далеко, да и люди эти въ своемъ желаніи видѣть въ немъ настоящаго барина, возвысить его въ своемъ собственномъ мнѣніи, обращались къ нему съ преувеличеннымъ почтеніемъ, а Людмила Николаевна съ мужемъ точно зарокъ себѣ дали не упоминать ни про его прошлое, ни про то, что ждетъ его въ будущемъ. Одинъ только m-r Vaillant позволялъ себѣ изрѣдка и вскользь намекнуть на то, что ученику его надо еще много работать, чтобы сдѣлаться достойнымъ того положенія, которое его ждетъ въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ. Но намеки эти были напрасны, и безъ того Григорій постоянно думалъ о будущемъ, теряясь въ самыхъ противорѣчивыхъ предположеніяхъ насчетъ того, чѣмъ будетъ для него это будущее, и безпрестанно впадая изъ одной крайности въ другую, отъ безумной радости въ мрачное отчаяніе. Вынужденное спокойствіе, подъ которымъ онъ долженъ былъ сдерживать чувства, волновавшія ему душу, угнетало все его существо тѣмъ бо-

лѣе невыносимо, что прежде, чѣмъ попасть въ домъ Ратморцевыхъ, онъ прожилъ около двухъ мѣсяцевъ въ совершенно иной средѣ. У Бутягиныхъ только и дѣлали, что судили и рядили про перемѣну, происшедшую въ его судьбѣ, и самымъ наивнымъ, самымъ шумнымъ образомъ проявляли участіе къ нему. У него спрашивали: какъ онъ думаетъ устроить свою жизнь, когда ему достанется имя и состояніе отца; съ нему приставали съ совѣтами и, съ безцеремонностью дикарей, не стѣснялись предаваться въ его присутствіи предположеніямъ самаго фантастическаго свойства.

Въ ревнивой заботливости о своемъ любимцѣ, Бутягинымъ мерещились ужасныя вещи: ударъ кинжала изъ-за угла, ядъ, колдовство... Мало ли есть средствъ извести человѣка, отъ котораго грозитъ позоръ и раззореніе! И Григорія никуда не выпускали безъ провожатаго, зорко слѣдили за каждымъ кускомъ, который онъ проглатывалъ, спрыскивали его съ уголька отъ глаза и почти каждый день вѣшали ему на шею новую ладонку съ молитвой, крестикъ деревянный съ мощами, или образокъ съ изображеніемъ угодника, охраняющаго отъ враговъ, учили его особеннымъ молитвамъ, имѣющимъ даръ смягчать сердца недоброжелателей.

Григорій всему безпрекословно повиновался. Въ его головѣ, отуманенной до потери сознанія новизной положенія и блестящими перспективами, развертывающимися безъ конца передъ его духовными очами, первое время не было ни одной складной мысли, все перепуталось въ какомъ-то хаосѣ ощущеній до того разнообразныхъ и противорѣчивыхъ, что разобраться въ нихъ не было никакой возможности, а въ душѣ, угнетаемой новыми впечатлѣніями, не находилось мѣста ни для какихъ проявленій самостоятельности и свободной воли. Порой все случившееся съ нимъ казалось ему очаровательнымъ сномъ, въ которомъ ежеминутно приходилось наталкиваться на такія явленія, о которыхъ онъ раньше имѣлъ самое смутное, самое отдаленное понятіе, и которыя, при ближайшемъ съ ними знакомствѣ, оказывались совсѣмъ иными, чѣмъ они представлялись его воображенію.

Въ той деревнѣ, гдѣ онъ выросъ, не было барскаго дома; это было поселеніе государственныхъ крестьянъ, считавшихся зажиточными, благодаря большому строевому лѣсу, составлявшему достояніе общества, деревни душъ въ пятьсотъ. Господъ Гришѣ рѣдко доводилось видѣть, но разъ какъ-то, среди лѣта, пріѣхала къ нимъ въ лѣсъ, за грибами, богатая помѣщица съ семьей и слугами изъ села, верстъ за пятнадцать. Явилось это общество въ линейкахъ, съ телѣгой, нагруженной посудой и провизіей, и расположилось на полянкѣ, у ручья, чай пить. Видѣть вблизи господъ было для Гриши и для его товарищей такою диковинной рѣдкостью, что они со всѣхъ ногъ сбѣжались, чтобы изъ-за деревьевъ наслаждаться невиданнымъ зрѣлищемъ.

Очень было любопытно. На барынѣ былъ шушунъ такой синій съ разводами и рукавички желтыя (теперь ужъ онъ зналъ, что это были перчатки), голова бѣлымъ окутана; на барышняхъ были коротенькія такія юбочки, бѣлые штаники съ балаболочками, зеленые башмачки, перевязанные ленточками крестъ на крестъ на бѣлыхъ чулкахъ съ дырочками, точь въ точь такихъ, какіе носили Соня съ Вѣрой. А на головѣ у нихъ были шляпы соломенныя, большущія, съ розовыми лентами. Были съ ними и барчуки, тоже любопытно наряженные, въ курткахъ какихъ-то и свѣтлыхъ штанахъ. И разговаривали они между собою пофранцузски. Теперь-то Григорій понялъ бы, что они говорятъ, ну, а тогда ни слова, конечно. И вдругъ кому-то изъ нихъ чернаго хлѣба захотѣлось и молока. Замѣтивъ выглядывавшую промежъ вѣтвей рожицу, барыня закричала:

— Эй, ты, мальчикъ, поди-ка сюда, не бойся.

Товарищи Григорія, съ сдержаннымъ хихиканіемъ, стали толкать его впередъ. Онъ упирался, что было силъ. Ему очень жутко было предстать передъ такимъ важнымъ обществомъ въ своей рваной рубашонкѣ, подпоясанной лычкомъ, и въ заплатанныхъ посконныхъ штанахъ, но дѣлать было нечего: озорникъ Ѳедька такъ изловчился выпихнуть его изъ-за дерева, что онъ кубаремъ выкатился почти къ самымъ ногамъ барыни. Дѣти завизжали отъ восторга, и сама барыня изволила засмѣяться. Григорій быстро вскочилъ на ноги и съ отчаянною рѣшимостью смотрѣлъ ей прямо въ глаза. «Дѣлай, дескать, со мной, что хочешь, ужъ все равно».

— Какой хорошенькій! — замѣтила одна изъ барышень.

Одобрительно кивнувъ въ знакъ того, что она согласна съ мнѣніемъ дочери, барыня ласково спросила у Григорія, здѣшній ли онъ.

Онъ не понялъ вопроса и робко вымолвилъ:

— Ты чаво?

Молодые господа опять подняли хохотъ. Тогда съ травы, на которой онъ растянулся во весь ростъ, приподнялся молодой баринъ и принялся въ свою очередь допрашивать мальчика, гдѣ изба его родителей и какъ зовутъ его отца.

Тутъ на выручку Григорія выступилъ одинъ изъ лакеевъ, раздувавшихъ по близости самоваръ. Онъ объяснилъ, что знаетъ этого мальчика. У него ни тятьки, ни мамки нѣтъ, онъ изъ шпитательнаго, у кузнеца Андрона живетъ. Кузнечиха его изъ Москвы на выкормку взяла.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; Григорію было не болѣе семи лѣтъ, когда случилось это происшествіе, но до сихъ поръ помнитъ онъ взгляды, полные любопытства, которыми всѣ окружающіе на него уставились, узнавъ объ его происхожденіи. Всѣ перестали смѣяться и, приблизившись къ Григорію, разглядывали его съ ногъ до головы, обмѣниваясь между собою замѣчаніями на

непонятномъ ему языкѣ. И прислуга тоже съ большимъ участіемъ на него смотрѣла. Наконецъ, предложивъ ему нѣсколько вопросовъ на счетъ того, добры ли къ нему пріемные родители, есть ли у нихъ свои дѣти и живутъ ли они зажиточно, барыня откинула съ его лба всклокоченныя кудри, спадывавшія ему ниже бровей, и долго всматривалась въ его синіе, съ длинными рѣсницами глаза, любуясь ими, а также его прямымъ съ горбинкой носомъ, маленькимъ ртомъ, продолговатымъ оваломъ загорѣлаго лица. Она приказала ему для чего-то протянуть ручонку и растопырить пальцы. Чудная барыня! Кабы Гриша не оробѣлъ до полусмерти при этомъ осмотрѣ, ему было бы смѣшно, ей-Богу! Она даже и на его босыя, грязныя ноги обратила вниманіе и другимъ велѣла на нихъ посмотрѣть, вотъ какая любопытная. Потомъ ему всѣ наперерывъ стали давать сластей, наклали ему въ подолъ рубашонки сахару, пироговъ сладкихъ, булки бѣлой, кренделей и, положивъ на все это два пятака, приказали принести изъ деревни кринку молока и чернаго хлѣба.

Григорій со всѣхъ ногъ побѣжалъ исполнять приказаніе, и прямо къ мамкѣ кузнечихѣ. Та пятакамъ несказанно обрадовалась, сейчасъ полѣзла въ погребъ за молокомъ, отрѣзала полковриги хлѣба, завернула въ чистое полотенце и, вмѣстѣ съ крынкой молока съ густымъ устоемъ, понесла господамъ въ лѣсъ. Григорій больше не трусилъ и пошелъ съ нею. Господа долго бесѣдовали съ кузнечихой. О чемъ именно, онъ не понялъ, хотя и порусски говорили, но, вѣроятно, о немъ, потому что время отъ времени кузнечиха ласково гладила его по головѣ своей широкой, мозолистой рукой. Господа дали ей денегъ. Много, должно быть. Григорію потомъ гармонику купили, да изъ старой тятькиной чуйки на зиму новый армякъ сшили. И долго послѣ того, почитай съ мѣсяцъ, зря не колотили, а тогда только учили, когда онъ виноватъ былъ въ чемъ нибудь.

А тамъ, пріѣхалъ изъ сосѣдняго большаго села братъ кузнечихи, слесарь Акимъ, и взялъ его къ себѣ въ ученіе. Григорій такъ хорошо навострился работать, что ему ужъ поручали тонкія штучки дѣлать, когда Бутягинъ розыскалъ его и открылъ ему, какая его ждетъ судьба.

Все ему тутъ разсказали, безъ утайки, и о томъ, какой важный да строгій баринъ его родитель, а также про горькую судьбу его матери. Но долго ничего не понималъ Григорій, кромѣ того, что въ судьбѣ его свершилась важная перемѣна. Этого ужъ нельзя было не понять: его одѣли съ ногъ до головы во все новое, кормили лакомствами и обращались съ нимъ болѣе чѣмъ ласково, съ уваженіемъ даже, называя не иначе, какъ Григорій Александровичъ, и на всѣ лады повторяли, что онъ долженъ себя за барина считать.

Привезли его въ Петербургъ и стали совѣщаться относительно того, какъ съ нимъ дальше поступать.

Старикъ Бутягинъ объявилъ, что денегъ онъ на него не пожалѣетъ.

— Хоть бы тысячу рублей запросили, чтобъ изъ Григорія Александровича заправскаго барина сдѣлать, сейчасъ готовъ дать.

Сынъ его, Алексѣй Петровичъ, купецъ первой гильдіи, одобрилъ вполнѣ намѣреніе отца, а невѣстка его, Анна Васильевна, которая вела знакомство въ хорошихъ домахъ и часто навѣщала свою крестную, супругу статскаго генерала, утверждала, что для манеръ и чтобъ онъ умѣлъ погосподски объясняться и пофранцузски бы зналъ, необходимо отдать его къ нѣмцу въ пансіонъ.

— А вотъ, какъ прикажетъ его дяденька, Сергѣй Владиміровичъ, сенаторъ Ратморцевъ, такъ мы и сдѣлаемъ,—возражалъ на эти совѣты старикъ.

Всѣ эти разговоры происходили въ присутствіи Григорія. Не стѣсняясь, совѣщались при немъ и съ камердинеромъ сенатора Ратморцева, Захаромъ Ипатычемъ, который рѣдкій день не забѣгалъ къ Бутягинымъ провѣдать молодаго барина Григорія Александровича и потолковать про его дѣло со своимъ старымъ кумомъ Петромъ Захарычемъ. У Бутягиныхъ Захаръ Ипатычъ былъ почетнымъ гостемъ, его сажали на диванъ, уставляли передъ нимъ столъ съ закусками, и Анна Васильевна заставляла свою Фленушку подавать ему чай.

Являлись и другіе люди поглазѣть на непризнаннаго сынка Воротынцевскаго барина, но всѣхъ рѣзче запечатлѣлась въ памяти Григорія женщина среднихъ лѣтъ, съ пронзительнымъ взглядомъ, не спускавшая съ него глазъ въ церкви. Каждую субботу и воскресенье, и въ какую бы церковь его ни повели, она непремѣнно туда являлась и ни на секунду не спускала съ него своихъ выразительныхъ черныхъ глазъ.

Женщину эту покровители его тоже давно замѣтили.

— Маланья-то Михаилова опять насъ выслѣдила, — говорила Анна Васильевна мужу и свекру по возвращеніи домой.—Все время на Григорія Александровича смотрѣла.

— Пусть ее смотритъ, — ухмылялся самодовольно старикъ.

— И мужъ съ нею былъ?

— Былъ, былъ.

— А прошлый разъ, на всенощной, съ двумя какими-то старушками пришла; тоже обѣ на Григорія Александровича все глядѣли да вздыхали. Очень онъ имъ всѣмъ любопытенъ.

— Какъ не любопытенъ! Поди, чай, тоже изъ Воротыновскихъ, маменьку его покойницу помнятъ. Маланья-то, эфта самая, вмѣстѣ съ нею выросла, еще покойницей старой барыней была къ ней приставлена. Она вѣдь, Маланья-то, покойницѣ Ѳедосьѣ Ивановнѣ внучатной племянницей доводилась, любимаго ейнаго племянника, выѣзднаго Тимоѳея, дочка. Его, Тимоѳея-то, въ солдаты покойный баринъ Василій Григорьевичъ отдалъ, мать потерялась, дѣвочку бабка и призрѣла...

А. М. МИХАЙЛОВСКІЙ-ДАНИЛЕВСКІЙ.

(Съ гравированнаго портрета Райта).

дозв. ценз. спб., 8 іюля 1892 г.

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ ВОРОТЫНЦЕВЫХЪ [1].

XXV.

ОЛИНЬКА правду сказала Людмилѣ Николаевнѣ: Марта часто за нею присылала.

Отношенія между ними становились со дня на день натянутѣе, холоднѣе и враждебнѣе. Марта безжалостно къ ней придиралась и на каждомъ шагу давала ей чувствовать разстояніе, раздѣлявшее ихъ, но порывать знакомства съ нею не хотѣла, и когда Полинька долго не приходила, она сама посылала за нею.

Предлоги для этого изыскивались разные, то поручала она ей найдти учителя для братьевъ, то книги или ноты въ магазинѣ, подобрать шелкъ для вышиванья, разобрать новую пьесу съ нею въ четыре руки...

Сначала Полинька не догадывалась, для чего именно Мартѣ нужно было время отъ времени ее видѣть, но когда она убѣдилась, что за нею посылаютъ для того только, чтобы узнать что нибудь про Григорія, про его надежды и про мѣры, принимаемыя его друзьями для скорѣйшаго окончанія его дѣла, она сдѣлалась очень осторожна и отвѣчала на вопросы такъ уклончиво, что ничего нельзя было отъ нея узнать.

Тогда Марта стала обращаться съ нею еще надменнѣе, и бывать у нея было для Полиньки настоящей пыткой, которую она

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIX, стр. 5.

переносила потому только, что и ее тоже влекло любопытство въ домъ Воротынцевыхъ. Марта была съ нею очень сдержанна и никогда не повѣряла ей ни заботъ своихъ, ни надеждъ, но Полинька угадывала по ея лицу, по ея улыбкѣ и по другимъ признакамъ, имѣетъ ли она причины быть довольной или нѣтъ. Когда она съ саркастической усмѣшкой спрашивала у нея, давно ли она видѣла Ратморцевыхъ, это значило, что ея повѣренному удался новый подвохъ, затѣянный противъ Григорія, и тогда Полинька возвращалась домой въ печальномъ настроеніи, а когда Марта была молчалива, когда глаза у нея были заплаканы и въ голосѣ ея прорывалась нервная дрожь, она изъ этого выводила, что обстоятельства складываются для нея неблагопріятно, и съ нетерпѣніемъ ждала появленія своего ученика, чтобы ободрить его и сказать ему, чтобы онъ надѣялся.

Со дня на день предавалась она все больше и больше семьѣ Сергѣя Владиміровича, а участіе ея къ Григорію принимало экзальтированный характеръ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ три раза въ недѣлю приходилъ къ ней пѣть.

Со всѣми былъ онъ застѣнчивъ и молчаливъ, къ ней же онъ, кромѣ того, чувствовалъ особенное недовѣріе, зная ея близость къ враждебной ему семьѣ, но ей мало-по-малу удалось побѣдить въ немъ и недовѣріе и антипатію, она сумѣла даже добиться его откровенности.

Каждый разъ послѣ урока, когда другіе ученики разъѣзжались по домамъ, Полинька задерживала Григорія на часъ или на два и бесѣдовала съ нимъ о томъ, что составляло предметъ его постоянныхъ заботъ и мечтаній. Съ особеннымъ интересомъ слушала она его разсказы про таинственную незнакомку, скончавшуюся въ Гнѣздѣ послѣ рожденія дѣвочки, которую старая барыня Мароа Александровна призрѣла и воспитала, какъ родное дитя.

Романтическая исторія этихъ двухъ существъ, матери и дочери, которымъ выпала на долю та же самая злая судьба, интересовала ее до чрезвычайности.

Сама она выросла въ чужой средѣ, въ качествѣ пріемной дочери знатной старухи, почти въ такомъ же одиночествѣ, какъ Мароинька. Сама она ждала избавителя въ лицѣ красиваго кавалера, который влюбился бы въ нее и женился бы на ней, не взирая на то, что она бѣдна и незнатнаго происхожденія. Правда, что, кромѣ двухъ-трехъ пошлыхъ эпизодовъ съ такими темными личностями, какъ племянникъ управляющаго, да сынъ жида-арендатора, предлагавшихъ ей сердце и руку, въ надеждѣ на то, что графиня наградитъ ее хорошимъ приданымъ, никакого романа въ ея жизни до сихъ поръ еще не было, но она такъ много мечтала объ этомъ, что, слушая Григорія, ей казалось, что и сама она пережила все то, что испытала несчастная жертва Александра Васильевича Воротынцева.

Съ каждымъ разомъ задерживала она все дольше и дольше Григорія въ маленькой залѣ, у клавикордъ, на которыхъ она разыгрывала разсѣянными руками сонаты Бетховена и Моцарта, ни на минуту не переставая слушать юношу, закидывая его вопросами, едва только онъ смолкалъ, и возбуждая въ его умѣ и сердцѣ новыя мечты, новыя чувства.

Никто не мѣшалъ ихъ бесѣдамъ. Слыша музыку, всѣ въ домѣ, въ томъ числѣ и Николай Ивановичъ, были увѣрены, что урокъ еще не конченъ.

Кучера, привозившаго Григорія Александровича, люди капитана угощали въ людской, лошадь съ санями ставили подъ навѣсъ, и такимъ образомъ время для всѣхъ короталось пріятно.

Мало-по-малу Григорій привыкъ къ душевнымъ изліяніямъ съ Полинькой. Она очень ловко заставила его понять, что ей все можно сказать, и не стѣсняться съ нею сдѣлалось для него потребностью. Ему здѣсь было свободнѣе, чѣмъ у Ратморцевыхъ, и пріятнѣе, чѣмъ у Бутягиныхъ. Отъ однихъ онъ ужъ успѣлъ отстать, къ другимъ еще не присталъ, а здѣсь была златая середина.

Полинька какимъ-то чутьемъ угадывала, какъ надо съ нимъ говорить, чтобы заставить себя понимать, и часто подсказывала она ему то, до чего онъ еще не могъ вполнѣ додуматься, на что не находилось у него словъ.

По мѣрѣ того, какъ расширялся его умственный горизонтъ, представленія, возникавшія въ его мозгу, все больше и больше принимали характеръ воспоминаній.

— Никакъ не могу я себя увѣрить, что никогда не видалъ моей матери,—говорилъ онъ Полинькѣ.—Я такъ живо воображаю себѣ ея голосъ, ея лице, ея ласки, точно на самомъ дѣлѣ это было, что я смотрѣлъ на нее и что она говорила со мной и ласкала меня. Я помню ее яснѣе и живѣе, чѣмъ отца, а между тѣмъ его я дѣйствительно видѣлъ, и очень недавно, всего только полтора года тому назадъ, но его образъ со дня на день уходитъ отъ меня все дальше и дальше, тогда какъ мать... Я даже могу сказать, на кого она похожа,—прибавилъ онъ съ улыбкой, вспоминая про Соню.

— На кого же?—спросила Полинька.

Онъ покраснѣлъ.

— У сестрицъ есть образъ... святой ликъ, точно съ нея списанъ,—отвѣчалъ онъ, запинаясь.

— Неужели съ нея никогда никто не списалъ портрета?

— Горничная тетеньки Людмилы Николаевны, Акулина Савишна, говоритъ, что когда молодой баринъ ухаживалъ за барышней, онъ рисовалъ съ нея портретъ красками въ книжку.

— Въ альбомъ, вѣрно,—подсказала Полинька.

— Да. Но врядъ ли портретъ этотъ уцѣлѣлъ.

— Непремѣнно уцѣлѣлъ,—объявила Полинька.—Все, что принадлежало Александру Васильевичу, остается въ сохранности. Онъ очень хорошо рисовалъ, и портретъ, навѣрное, вышелъ похожъ. Мароа Александровна хранитъ всѣ его работы; каждый его рисунокъ, каждая исписанная бумажка, все это у нея прибрано и заперто на ключъ, все, все, до послѣдняго силуэта.

— Хоть бы мнѣ дали взглянуть на этотъ портретъ!—сказалъ онъ со вздохомъ.

— Вамъ его совсѣмъ должны отдать. Вамъ должны отдать все, что принадлежало вашему отцу. Все будетъ ваше, домъ, со всѣмъ, что въ немъ есть... У васъ будетъ одинъ изъ красивѣйшихъ домовъ въ Петербургѣ, Григорій Александровичъ. Вамъ его, вѣрно, ужъ показывали?

— Да, мы разъ какъ-то проходили съ Бутягинымъ по набережной Мойки...

— Какъ красивъ фасадъ!—продолжала Полинька, не вслушиваясь въ его отвѣты.—Окна съ зеркальными стеклами и съ мраморными барельефами. Надъ воротами мраморный щитъ съ вашимъ гербомъ, а по обѣимъ сторонамъ крыльца бронзовые львы. Очень величественно. А если-бъ вы знали, какъ хорошъ дворъ! Посреди фонтанъ, окруженный цвѣтникомъ. Строенія всѣ, до послѣдней людской бани, каменныя. А позади чудесный садъ. Въ немъ лѣтомъ, въ самый сильный жаръ, прохладно и пахнетъ цвѣтами. И пропасть рѣдкихъ деревьевъ. Все это будетъ ваше, Григорій Александровичъ. У нихъ, говорятъ, и дача очень хороша. Она стоила больше ста тысячъ, оранжереи, теплицы...

Григорій слушалъ, какъ очарованный. Въ воображеніи его мелькали видѣнія, одно другаго обаятельнѣе. Онъ видѣлъ себя въ этомъ саду съ Соней, и все, что окружало ихъ, принадлежало имъ, все, все.

— Въ домѣ тридцать барскихъ комнатъ, — распространялась между тѣмъ Полинька.

— Больше, чѣмъ у Ратморцевыхъ,—замѣтилъ онъ раздумчиво.

— О, гораздо больше! Воротынцевы гораздо богаче Ратморцевыхъ. Я это отъ самого Александра Васильевича сколько разъ слышала. Онъ очень любилъ говорить про свой родъ, про свою прабабку Мароу Григорьевну и про то, что послѣ дѣда онъ остался единственнымъ представителемъ фамиліи. Теперь вы являетесь его замѣстителемъ, Григорій Александровичъ.

Онъ безнадежно махнулъ рукой.

— Никогда этого не будетъ,—вырвалось у него.

— Почему? Должно быть, у васъ всѣ права... это только вопросъ времени,—проговорила она.

— Человѣческая жизнь тоже вопросъ времени,—возразилъ онъ съ горькой усмѣшкой.

Она не знала, что ему отвѣтить. Слова замирали на ея губахъ передъ его отчаяньемъ и при мысли, что онъ, можетъ быть, понимаетъ свое положеніе лучше другихъ, и что въ неудачахъ, осаждающихъ его со всѣхъ сторонъ, онъ провидитъ то, что другимъ еще не ясно.

Вообще, чѣмъ ближе знакомилась она съ нимъ, тѣмъ больше терялась въ догадкахъ на его счетъ. На многихъ производилъ онъ впечатлѣніе слабоумнаго. Отецъ ея, послѣ перваго разговора съ нимъ, сказалъ:

— Юродивый какой-то, и на мужчину-то не похожъ. Гдѣ ужъ такому за себя постоять! Шелъ бы лучше въ монастырь грѣхи родительскіе отмаливать, да и дѣло съ концомъ.

Но иногда у этого юродиваго прорывались такія слова, такія мысли, до которыхъ не всякому умнику додуматься.

Иногда самыя простыя вещи трудно было объяснить ему, а иногда онъ понималъ то, въ чемъ сама Полинька не въ состояніи была дать себѣ отчета. По временамъ точно столбнякъ на него находилъ; онъ глубоко задумывался, надо было три-четыре раза его окликнуть, чтобы онъ очнулся, и тогда онъ пугался, терялся, и ему такъ трудно было собраться съ мыслями, что отъ усилій у него зубы судорожно сжимались и все лице искажалось.

«Да, такимъ, какъ другіе молодые люди, выросшіе въ нормальныхъ условіяхъ, ему никогда не быть»,—думала Людмила Николаевна, когда Полинька передавала ей свои наблюденія надъ Григоріемъ.

— Судя по тому, что извѣстно про его мать, — замѣтила г-жа Ратморцева,—онъ долженъ быть на нее похожъ и складомъ ума, и характеромъ. Та же нервность, та же болѣзненная мечтательность и экзальтація.

— Она была умна?—допытывалась Полинька.

— Богъ ее знаетъ!

И, помолчавъ немного, г-жа Ратморцева замѣтила, что во всякомъ случаѣ у этой несчастной разума не было ни капли, это очевидно.

— А какъ онъ вообще быстро развивается,—снова заговорила Полинька про Григорія.—Случается такъ: толкуешь ему, толкуешь что нибудь—не понимаетъ, и вдругъ, точно наитіемъ какимъ-то, все отлично себѣ усвоитъ.

— Вотъ эти-то скачки и опасны.

— Неужели?

— Непремѣнно опасны. Во всемъ нужна послѣдовательность, а въ умственномъ развитіи въ особенности. Мы строго держались этого правила съ дѣвочками,—продолжала она, понижая голосъ,

чтобы не быть услышанной Соней съ Вѣрой, которыя занимались рисованіемъ у окна, въ противоположномъ концѣ комнаты.—У нихъ позднее развитіе произошло отъ другихъ причинъ, чѣмъ у него, и никакимъ нравственнымъ потрясеніямъ онѣ никогда, слава Богу, не подвергались, но, тѣмъ не менѣе, мы всѣми силами старались не форсировать ихъ развитія, и вотъ видите какихъ мы, слава Богу, достигли блестящихъ результатовъ. По мѣрѣ того, какъ укрѣплялись онѣ физически, развивались въ нихъ и умъ, и способности. Не болѣе, какъ годъ тому назадъ, онѣ были совсѣмъ еще дѣти, ни надъ чѣмъ не задумывались, знали меньше своихъ сверстницъ, а теперь между дѣвушками нашего общества не всѣ такъ образованы, какъ онѣ, а у Сони къ тому же серьезный талантъ къ музыкѣ... Правда, онѣ отстали отъ другихъ въ знаніи жизни и долго еще во многихъ отношеніяхъ останутся дѣтьми, но развѣ это худо?

Съ этими словами она съ улыбкой оглянулась на своихъ дѣвочекъ. Вѣра, вытянувъ губки, усердно работала. Соня же, опустивъ кисть въ стаканъ съ водой, замерла въ напряженномъ вниманіи, съ которымъ она прислушивалась къ разговору между матерью и Полинькой. Глаза ея сверкали, на щекахъ выступалъ яркими пятнами румянецъ.

— Соня, что ты не рисуешь?—спросила Людмила Николаевна.

Она вздрогнула, судорожнымъ движеніемъ прополоснула кисть въ водѣ и, пригнувшись къ бумагѣ, съ усиліемъ проговорила:

— Я отдыхала, maman, меня утомляетъ долго сидѣть нагнувшись.

— Такъ пройдись по комнатѣ или совсѣмъ брось работу.

— Ничего, maman, я ужъ отдохнула.

У Людмилы Николаевны тревожно забилось сердце. Что это съ дѣвочкой? О чемъ она задумывается?—спрашивала она себя, не спуская глазъ съ дочери.

Еще въ деревнѣ начала она замѣчать перемѣну въ Сонѣ, ея молчаливость, разсѣянность, а также и то, что она рѣже прежняго смѣялась и полюбила сидѣть одна. По пріѣздѣ въ городъ все это прошло, и опять дѣвочки были постоянно вмѣстѣ. Обнявшись, щебетали онѣ между собой, бѣгали по длиннымъ свѣтлымъ корридорамъ, держась за руки, и искали другъ друга, чтобы дѣлиться каждой мыслью, каждымъ чувствомъ.

Людмила Николаевна такъ привыкла постоянно ихъ видѣть вмѣстѣ, что безотчетная тревога заползала ей въ душу, когда такъ случалось, что передъ нею стояла одна Вѣринька или одна Соня, и вопросъ: «гдѣ твоя сестра?» невольно срывался съ ея губъ.

Онѣ такъ хорошо это знали, что часто отвѣчали на этотъ вопросъ прежде, чѣмъ онъ былъ произнесенъ. Да имъ и самимъ было неловко другъ безъ друга.

Но съ нѣкоторыхъ поръ Соня опять стала задумываться, забиваться въ уголки съ книгой и, вотъ какъ теперь, смущаться, когда у нея спрашивали, что она читаетъ или о чемъ она думаетъ.

Не мѣняя позы, не поднимая глазъ съ работы и машинально отвѣчая на вопросы, предлагаемые Полинькой, Людмила Николаевна ломала себѣ голову надъ тѣмъ, что это дѣлается съ Соней?

Сейчасъ она солгала, объявивъ, что устала. Это случилось съ нею въ первый разъ въ жизни. Отъ Вѣры еще можно было ждать лукавства, но отъ Сони—нѣтъ. Что это съ нею дѣлается?

Людмила Николаевна стала слѣдить за нею внимательнѣе прежняго.

Нѣсколько дней спустя послѣ описанной сцены, Григорій сказалъ, что ему надо сегодня пораньше поѣхать на урокъ къ Полинѣ Николаевнѣ.

— Опять? Да вѣдь ты вчера у нея былъ! — вскричала, надувая губки, Вѣринька.

Соня не выронила ни слова, но мать ея видѣла, какъ она переглянулась съ Григоріемъ, и какъ они оба улыбнулись при этомъ.

Ужъ они понимали другъ друга безъ словъ.

Людмила Николаевна поблѣднѣла при этомъ открытіи.

Они любятъ другъ друга, и не братской любовью, а другой.

И, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ей вдругъ всплыли на память тысячи мелкихъ случаевъ, подтверждавшихъ ея подозрѣніе. Скучать начала Соня съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ ѣздить по вечерамъ къ Полинькѣ. Оживляется она тогда только, когда онъ тутъ или когда про него говорятъ. Пѣть одна разлюбила; играть съ нею въ четыре руки сестра допроситься не можетъ. Надняхъ, передъ тѣмъ какъ ѣхать кататься въ четырехмѣстномъ возкѣ, къ m-r Vaillant кто-то пришелъ, и онъ уступилъ свое мѣсто Григорію. Соня была весела всю дорогу. Она хохотала и шалила больше Вѣры.

Да, да, она къ нему неравнодушна.

Они и сами не подозрѣваютъ, что за чувство влечетъ ихъ другъ къ другу, но чувство это уже существуетъ, это ясно какъ день.

И оно станетъ постепенно развиваться, если не задушить его въ зародышѣ.

Но какъ его задушить? Какъ сдѣлать, чтобъ оно ушло такъ же незамѣтно, какъ пришло, само собой и постепенно? А главное, какъ сдѣлать, чтобъ они оба оставались въ невѣдѣніи, чтобъ никогда не знали, что были влюблены другъ въ друга, какъ это сдѣлать?

Прежде всего нужна осторожность. Какъ поступать, Людмила Николаевна еще не знала, одно только было для нея ясно — это то, что пока для всѣхъ это тайна, опасаться особенно нечего.

Она рѣшилась даже мужу не намекать про свое открытіе и такъ слѣдить за Соней, чтобъ никто этого не замѣчалъ.

Ни минуты не оставляла она теперь дѣвочекъ наединѣ съ Григоріемъ. Она изыскивала для этого всевозможныя средства, изобрѣтала имъ новыя занятія и развлеченія, никогда съ ними не разставалась и не довольствовалась тѣмъ, что дочери сидятъ по вечерамъ у круглаго стола въ одной съ нею комнатѣ, она сама присаживалась къ этому столу и, безпрестанно обращаясь то къ Сонѣ, то къ Вѣрѣ, съ вопросами или съ замѣчаніями, держала, такимъ образомъ, ихъ умъ въ постоянномъ напряженіи.

Иногда ей казалось, что она достигаетъ цѣли: дѣвочки, повидимому, охотно поддавались новымъ впечатлѣніямъ.

Но ей этого было мало. Она возобновила знакомство съ тѣми семьями, гдѣ были взрослыя дѣти, и стала устроивать вечеринки съ petits jeux и музыкой.

Мѣра эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; не избалованныя свѣтскими удовольствіями дѣвочки веселились, и Людмилѣ Николаевнѣ стало казаться, что Соня какъ будто опять ничѣмъ не отличается отъ сестры.

А Григорій все позже и позже засиживался у Ожогиныхъ.

Ему теперь только съ Полинькой и было хорошо. Когда, возвращаясь отъ нея домой, онъ видѣлъ свѣтъ въ большой залѣ, этого было достаточно, чтобъ заставить его соскочить изъ саней у чернаго крыльца и незамѣтно, темнымъ коридоромъ, пробраться въ мезонинъ, гдѣ была его комната. Тутъ онъ запирался на ключъ и весь вечеръ проводилъ за книгой, а еще чаще лежа на постели съ открытыми глазами и въ мечтахъ.

Сначала за нимъ посылали и спрашивали, почему онъ не хочетъ со всѣми веселиться, но онъ такъ упорно отказывался идти внизъ, ссылаясь на занятія, на усталость или на головную боль, что рѣшили оставить его въ покоѣ.

И Сергѣй Владиміровичъ и Людмила Николаевна, а также m-r Vaillant, понимали, что ему неловко съ дѣтьми хорошихъ фамилій. На каждомъ шагу могли его оскорбить какимъ нибудь неделикатнымъ замѣчаніемъ или неловкимъ вопросомъ. Что отвѣтитъ онъ, напримѣръ, если у него спросятъ, гдѣ его родители, или гдѣ онъ провелъ свое дѣтство, или на какую службу думаетъ онъ поступить, когда кончитъ свое воспитаніе. А что можетъ быть естественнѣе подобныхъ вопросовъ со стороны молодыхъ людей однихъ съ нимъ лѣтъ, которымъ неизвѣстно, въ какомъ онъ исключительномъ положеніи?

Людмила Николаевна думала, что сама судьба способствуетъ ея планамъ.

Соня съ Григоріемъ почти не видѣлась. Онъ самъ, по мѣрѣ того какъ сходился съ Полинькой, все больше и больше отдалялся отъ дѣвочекъ Ратморцевыхъ.

Въ немъ произошла значительная перемѣна за послѣдніе два мѣсяца. Бесѣды съ Полинькой, со дня на день, все больше и больше выясняли ему его положеніе, и безотчетная тоска, мучившая его раньше только по временамъ, перешла теперь въ постоянное уныніе.

Никогда дѣло его не кончится. Никогда не возвратятъ ему имени и состоянія; всю жизнь, долгіе, долгіе годы будетъ онъ прозябать въ жалкой роли непризнаннаго сына Воротынцева. О! ужъ лучше бы оставили его у кузнеца въ Москвѣ и не открывали бы ему тайны его происхожденія. Лучше бы ему ничего не знать и ни на что не надѣяться!

Все чаще и чаще отчаянье заглушало въ немъ всѣ прочія чувства. Ему было противно учиться, наука и искусство теряли для него всякую привлекательность, всякій смыслъ, и онъ не находилъ въ своемъ сердцѣ ни благодарности, ни любви ни къ кому, даже къ Сонѣ.

Развѣ она можетъ понимать его страданія? Съ нею даже и говорить объ этомъ нельзя. Она его любитъ и жалѣетъ, но за что— сама не знаетъ. Ей хочется къ нему прижаться, смотрѣть ему въ глаза, слушать его голосъ, и ему тоже раньше, ничего, кромѣ этого, не хотѣлось. Онъ былъ безконечно счастливъ съ нею вдвоемъ, подъ тѣнистыми сводами стараго парка въ Святскомъ, но съ тѣхъ поръ онъ нажилъ опытности, узналъ терзанія самолюбія, стыдъ и зависть, злобу на людей, преграждавшихъ ему путь къ счастью, узналъ муки безсилія и отчаянья, а она объ этомъ и понятія не имѣетъ.

Ему было съ нею даже тяжело. О чемъ имъ говорить? Ни одною изъ мрачныхъ мыслей, осаждавшихъ день и ночь его воображеніе, не могъ бы онъ съ нею подѣлиться, даже и въ такомъ случаѣ, если-бъ ихъ по цѣлымъ днямъ оставляли вдвоемъ. Онъ помнитъ ея недоумѣніе и испугъ, когда онъ пытался ей объяснить, какъ поступилъ его отецъ съ его матерью и съ нимъ самимъ. Она со слезами повторила: «Какъ же это? Какъ же?» И отъ тщетныхъ усилій понять этотъ ужасъ блѣднѣла и дрожала, какъ передъ страшнымъ призракомъ.

Какъ объяснитъ онъ ей теперь свою ненависть къ Маѳѣ Александровнѣ Воротынцевой, изъ-за которой тянутъ его дѣло, держатъ его между небомъ и землей, заставляютъ задыхаться отъ отчаянья? Надо на себѣ вынести эту пытку, чтобъ ее понять, а Соня не знаетъ, что такое злоба, ненависть, зависть и отчаянье, и никогда не узнаетъ.

Вотъ Полинька, та знаетъ. Рѣдко имя Марты упоминалось между ними, но Григорій чувствовалъ, что она тоже ея не любитъ, и увѣренность эта придавала ему смѣлости въ бесѣдахъ съ дочерью капитана Ожогина.

Онъ заходилъ бы въ домикъ на Мойкѣ еще чаще и засиживался бы въ немъ еще дольше, если-бъ не сталъ замѣчать, что Николай Ивановичъ относится къ нему враждебно.

Часто во время бесѣды Полинька дѣлала ему знакъ, чтобъ онъ смолкъ, и начинала закидывать его вопросами, не вяжущимися съ предметомъ ихъ разговора, указывая ему глазами на дверь, за которой раздавалось шлепанье мягкихъ сапоговъ капитана, а вслѣдъ за тѣмъ появлялась и угрюмая фигура старика, съ неизмѣнной трубкой въ зубахъ.

— Что вамъ, папенька? — спрашивала, съ трудомъ сдерживая раздраженіе, Полинька.

— Я думалъ, ты одна. Десятый часъ, добрые люди спать ложатся,—говорилъ онъ угрюмо, искоса поглядывая на юношу.

Григорій поспѣшно поднимался съ мѣста, отыскивалъ свою шляпу и съ смущеніемъ, неловко откланивался.

— Мое почтенье-съ, милостивый государь, Григорій... Александровичъ,—съ неизмѣнной запинкой передъ послѣднимъ словомъ и не спуская съ него насмѣшливаго взгляда, произносилъ старикъ.

Оставшись наединѣ съ отцомъ, Полинька иногда не выдерживала.

— За что вы его, папенька, обижаете? — спрашивала она со слезами въ голосѣ.

— А за то, чтобъ не зазнавался. Шарлатанъ эдакій, тихоня. Когда еще дѣло-то его кончится! Можетъ, и кости-то его успѣютъ въ гробу сгнить, прежде чѣмъ въ вельможи его произведутъ, а онъ зазнаваться ужъ сталъ,—брюзжалъ старикъ.

— Да чѣмъ же онъ зазнается?—заступалась за своего ученика Полинька.

— Всѣмъ. Супротивъ всѣхъ, что сюда ѣздятъ, онъ щеголеватѣе. Какъ принцъ какой, одѣтъ въ шелки, да въ бархаты. Одинъ плащъ больше ста рублей стоитъ.

— Чѣмъ же онъ виноватъ, что Ратморцевы на него ничего не жалѣютъ?

— Ну, матушка, ты ужъ лучше молчи, да родителя своего слушай.

И, продолжая ворчать себѣ подъ носъ, капитанъ напомнилъ ей, чтобы она отъ большаго ума не забыла свѣчей загасить, да пожару бы, Боже сохрани, не надѣлала, и уходилъ къ себѣ спать.

XXVI.

Тяжелое выпало время для Григорія. Всѣ охладѣли къ нему; всѣмъ онъ въ тягость былъ. Такъ ему казалось по крайней мѣрѣ.

Дѣло въ томъ, что, дѣйствительно, длящаяся безъ конца неопредѣленность его положенія производила на окружающихъ удручающее впечатлѣніе.

Никто не надѣялся на благополучный исходъ его дѣла. Отъ Бутягиныхъ являлись рѣдко. Алексѣй Петровичъ крадучись пробирался время отъ времени въ каморку стараго камердинера и ждалъ тамъ, притаившись, чтобы Захаръ Ипатычъ удосужился къ нему выйдти, и когда тотъ приходилъ, послѣ обычныхъ привѣтствій: «Здравствуйте, Захаръ Ипатычъ».—«Мое вамъ почтеніе, Алексѣй Петровичъ. Какъ поживаете? Здорова ли Анна Васильевна? Дѣтки?» — бесѣда между ними ограничивалась двумятремя фразами.

— Ничего не слыхать про дѣло молодаго барина? — спрашивалъ, таинственно понижая голосъ и оглядываясь по сторонамъ, молодой Бутягинъ.

— Ничего, Алексѣй Петровичъ, ровнехонько ничего.

И, глубоко вздохнувъ, оба смолкали на минуту. Затѣмъ Бутягинъ поднимался съ мѣста и, объявивъ, печально покачивая головой: «надо тятенькѣ отписать», съ пожеланіями всего лучшаго, уходилъ, не повидавшись съ Григоріемъ Александровичемъ.

Чего на него смотрѣть? Только понапрасну и себя разстроишь, да и ему безпокойство причинишь.

Въ Людмилѣ Николаевнѣ Григорій, съ болѣзненною чуткостью измученной души, тоже подмѣчалъ перемѣну. Она и раньше большой нѣжности къ нему не проявляла и постоянно себя насиловала, стараясь побѣдить недовѣріе и брезгливость, внушаемыя ей странностями этого пришлеца въ ихъ домъ, а за послѣднее время она стала еще подозрительнѣе къ нему относиться, и, чувствуя на себѣ ея пытливый взглядъ, замѣчая, какъ сдвигаются ея брови, когда онъ подходитъ къ ея дочерямъ, и съ какимъ стараніемъ изыскиваетъ она предлоги, чтобы отдалить ихъ отъ него, онъ самъ сталъ избѣгать попадаться имъ на глаза и такъ угрюмо отвѣчалъ на разспросы Сони съ Вѣрой, что онѣ въ недоумѣніи и со слезами спрашивали другъ у друга: за что онъ ихъ разлюбилъ?

И m-r Vaillant какъ будто прискучило имъ заниматься. Потому, можетъ быть, что Григорій сталъ теперь плохо учиться?

Одинъ только Сергѣй Владиміровичъ не мѣнялся къ нему, но онъ былъ такъ занятъ и проводилъ такъ мало времени въ семьѣ, что расположеніе его не могло служить большимъ утѣшеніемъ Григорію, тѣмъ болѣе, что послѣднее время, благодаря дурнымъ отзывамъ m-r Vailiant, расположеніе это выражалось выговорами, ласковыми, правда, но, тѣмъ не менѣе, они только усиливали душевное смятеніе юноши, который со дня на день все больше и больше падалъ духомъ.

— Уйдти бы отъ нихъ, скрыться куда нибудь,—говорилъ онъ Полинькѣ.—Ну, что я тамъ у всѣхъ, какъ бѣльмо на глазу.

— Если вы отъ нихъ уйдете, ваше дѣло еще дольше протянется,—замѣчала Полинька.

-- Да оно и такъ никогда не кончится,—возражалъ онъ.

И часто случалось, что бесѣда ихъ на этомъ обрывалась. У нея не находилось словъ, чтобы ободрить его и утѣшить.

Однажды, не задолго до масляницы, старикъ Ожогинъ такъ замучилъ дочь брюзжаніемъ и злыми намеками насчетъ подкидыша, какъ онъ продолжалъ называть злополучнаго претендента на имя и состояніе покойнаго Воротынцева, что она въ слезахъ легла спать.

До капитана, вѣроятно, дошли сплетни изъ людской, гдѣ кучеръ, привозившій Григорія, подъ вліяніемъ угощенія домашней брагой и пивомъ, выбалтывалъ Ожогинской дворнѣ толки, слышанные отъ Ратморцевской челяди про Григорія Александровича.

А можетъ быть, Николай Ивановичъ и самъ додумался до убѣжденія, что дружба его дочери съ Григоріемъ ничего, кромѣ вреда, принести имъ не можетъ, такъ или иначе, но онъ приказалъ Полинкѣ отвадить отъ ихъ дома подкидыша.

— Отвадь. Надоѣлъ. Дождется, что я самъ за него примусь, хуже будетъ тогда. Ты меня знаешь, я шутить не люблю,—повторялъ онъ сердито, постукивая кулакомъ по столу.—Въ своемъ домѣ отъ проходимцевъ спокойствія себѣ не могу имѣть, прошу покорно!

Онъ прерывалъ свою воркотню для того только, чтобъ прихлебывать чай съ ромомъ изъ большой чашки и попыхивать изъ трубки, исподлобья посматривая на дочь.

Полинька сидѣла передъ самоваромъ молча, съ потупленными глазами, терпѣливо выжидая конца мучительной сцены.

— Мнѣ за него платятъ,—рѣшилась она вымолвить наконецъ.

— Пусть ходитъ, какъ и прочіе ученики. Отучился, и маршъ домой, какъ и всѣ прочіе. Тебѣ деньги-то за то даютъ, чтобъ ты его пѣть учила, а не за разговоры. Онъ, поди чай, помотается, помотается въ ожиданіи наслѣдства-то, да въ пѣвчіе и опредѣлится,—злобно хихикнулъ старикъ, подливая себѣ рому въ чай.

И, помолчавъ, прибавилъ вполголоса:

— Туда ему и дорога, подкидышу.

Полинька наконецъ не выдержала. Она чувствовала, что разрыдается, если останется здѣсь дольше.

— Вы больше не будете чай кушать, папенька?—спросила она, блѣднѣя отъ усилій произносить слова съ обычною сдержанностью.

— А что тебѣ? Надоѣло сидѣть съ отцомъ?

— У меня голова болитъ, а завтра надо чуть свѣтъ ѣхать на урокъ къ Вишневскимъ: мнѣ хотѣлось бы лечь пораньше спать,—проговорила она, не подымая глазъ съ чашки, которую она перетирала.

Онъ съ минуту молча смотрѣлъ на нее, хотѣлъ что-то сказать, но только пожевалъ губами. И, протягивая ей руку для поцѣлуя, отрывисто выронилъ:

— Ступай.

Она поспѣшно удалилась. Ей хотѣлось быть одной, слезы душили ее.

Вѣдь отецъ нападаетъ на нее изъ-за Марты. Его бѣситъ, что есть человѣкъ, которому должно достаться ея имя и состояніе, и что въ человѣкѣ этомъ она, Полинька, принимаетъ живое участіе.

И не одинъ отецъ такъ судитъ. Надняхъ баронесса Медемъ спросила у нея съ презрительной гримаской:

— И Марта Воротынцева продолжаетъ васъ принимать? Она очень добра.

— Oh, Marthe est audessus de ces cancans! C'est un si noble coeur,—подхватила другая дама. И обѣ отвернулись отъ Полиньки.

И все это потому, что дѣло Григорія затягивается. Никто не вѣритъ, чтобъ оно кончилось благополучно для него. Сдѣлайся онъ вдругъ богатымъ, зовись Воротынцевымъ, и всѣ начнутъ ухаживать за нимъ и за его друзьями.

Долго металась она на постели въ тоскѣ, рыдая отъ досады, но уступить, покориться требованіямъ отца, ей и въ голову не приходило; она была изъ тѣхъ, которыхъ препятствія разжигаютъ и возбуждаютъ къ дѣятельности.

Не отстанетъ она отъ Григорія, хотя бы весь свѣтъ отъ него отвернулся: въ экзальтаціи своей она была убѣждена, что и Ратморцевы къ нему охладѣли. Чѣмъ онъ будетъ болѣе покинутъ, одинокъ и несчастенъ, тѣмъ больше она его будетъ любить, поддерживать и жалѣть. Кто знаетъ, имъ, можетъ быть, вдвоемъ и посчастливится. У нея все то, чего ему не достаетъ: она энергична, смѣла, знаетъ свѣтъ и людей...

Дерзкіе планы, одинъ другаго безумнѣе и опаснѣе, возникали въ ея мозгу, отуманивая разсудокъ, вызывая сверлящую боль въ вискахъ и лихорадочную дрожь во всемъ тѣлѣ. Каждую минуту перевертывала она подушку: такъ нестерпимо жарко нагрѣвалась она подъ ея пылающей щекой.

Наконецъ, въ третьемъ часу утра, потерявъ надежду уснуть, она сорвалась съ кровати, накинула на себя ватный капотъ, подбѣжала къ окну и, растворивъ форточку, высунулась изъ нея на улицу.

Морозный воздухъ вмигъ освѣжилъ ее; нервы успокоились.

Ночь была лунная и такъ тиха, что скрипъ полозьевъ по снѣгу, возгласы кучеровъ и форейторовъ, топотъ лошадиныхъ копытъ и веселый говоръ мчавшихся мимо въ открытыхъ саняхъ статскихъ и военныхъ, закутанныхъ въ богатыя шубы и шинели съ бобровыми воротниками, съ особенною отчетливостью долеталъ до ея ушей.

Сквозь поднятыя стекла каретъ и возковъ виднѣлись женскія головы, красиво разубранныя перьями и цвѣтами, бархатъ и дорогой мѣхъ салоповъ.

Это разъѣзжались съ вечеровъ и баловъ тѣ, которымъ не надо подниматься съ постели въ шесть часовъ утра, чтобъ торопиться на урокъ, и которымъ нѣтъ надобности раздумывать о томъ, чтобъ не истратить лишнихъ пяти рублей на перчатки. Вернувшись домой, они спокойно лягутъ спать, и къ грезамъ ихъ не будетъ примѣшиваться ничего горькаго и досадливаго, имъ будутъ сниться наслажденія, испытанныя на балѣ...

Никогда еще Полинька не была на настоящемъ, большомъ балѣ, съ оркестромъ. Ее приглашали только на маленькіе вечера, чтобъ въ случаѣ надобности она сыграла вальсъ или кадриль для молодежи, желающей запросто попрыгать, или для того, чтобъ акомпанировать дочкамъ такихъ маменекъ, которыя не упускаютъ случая похвастаться талантами своихъ дѣтей.

Не желая затмевать своихъ ученицъ, Полинька никогда не пѣла сама на такихъ вечерахъ, и ей были за это чрезвычайно благодарны. Вообще она держала себя съ большимъ тактомъ въ обществѣ, одѣвалась просто и такъ умѣла стушевываться, что про нее вспоминали тогда только, когда она была нужна.

Но чего ей стоилъ этотъ тактъ! Какъ часто, наблюдая изъ угла за дверью или изъ-за дерева за прохаживающимися по залѣ дѣвицами съ кавалерами, она съ горечью сравнивала себя съ ними! Одѣнься она только такъ, какъ онѣ, да будь у нея громкая фамилія, всѣхъ бы затмила она остроуміемъ, красотой, ловкостью, талантомъ. О, какъ она понимала муки Григорія! Какъ она ему сочувствовала! Ихъ положеніе въ свѣтѣ имѣло много общаго, оба считаютъ себя въ правѣ занимать въ немъ выдающееся мѣсто, и за обоими не хотятъ признавать этого права. Но его положеніе, всетаки, несравненно лучше, перемѣна въ его судьбѣ зависитъ отъ счастливой случайности...

Ей вспомнился разговоръ съ Людмилой Николаевной. Государь однимъ своимъ словомъ можетъ прекратить страданія Григорія, превратить несчастнаго подкидыша въ богатаго, знатнаго, блестящаго вельможу. Да, государь это можетъ сдѣлать... но для этого надо, чтобъ онъ все зналъ... а какъ это сдѣлать? Какъ до него дойти?

Иллюзій на этотъ счетъ у нея не могло быть, она знала, что это невозможно. Даже для такой знатной особы, какъ Марта, удостоиться аудіенціи у царя чрезвычайно трудно. Сколько разъ слышала она это и отъ самой Марты и отъ другихъ, знакомыхъ съ придворнымъ этикетомъ, людей.

Обыкновенно обращались для этого къ графу Бенкендорфу, и все, что этотъ послѣдній могъ обѣщать, даже и тогда, когда онъ принималъ участіе въ просителѣ, это воспользоваться благопріятной минутой, чтобъ доложить о просимой милости государю.

Если ужъ такая особа, какъ графъ Бенкендорфъ, не могъ себѣ

позволить заговаривать съ царемъ во всякое время, какъ же ей, Полинькѣ, дочери простаго армейскаго капитана, скромной учительницѣ, которую въ домахъ, гдѣ она даетъ уроки, оставляютъ обѣдать тогда только, когда нѣтъ гостей,—какъ же ей можно расчитывать на такое счастье, чтобъ государь ее выслушалъ, да еще безъ свидѣтелей?

Разумѣется, это немыслимо... немыслимо...

Но, повторяя это себѣ на тысячу ладовъ, она продолжала мечтать о томъ, что было бы, если-бъ вдругъ случилось чудо и невозможное сдѣлалось бы возможнымъ, какъ бы она тогда поступила, что сказала бы царю?

И ей казалось, что случись только такое чудо, она не оробѣла бы до потери сознанія и сумѣла бы высказать все, что у нея на душѣ, сумѣла бы такъ краснорѣчиво описать бѣдственное положеніе Григорія, что государь сжалился бы надъ нимъ и приказалъ бы кончить дѣло въ его пользу. И тогда непризнанный сынъ Александра Васильевича возстановленіемъ своихъ правъ обязанъ былъ бы ей, Полинькѣ. Она сдѣлала бы для него то, чего никто не можетъ сдѣлать. Какое торжество для нея!

Она такъ увлеклась мечтами, что не замѣчала, какъ летѣло время, и продолжала стоять передъ растворенной форточкой, не чувствуя ни холода, ни усталости.

Подъ утро луна какъ будто засвѣтила ярче. Такъ ей показалось по крайней мѣрѣ, потому ли, что это глаза постепенно привыкали къ темнотѣ, или потому, что внутренній подъемъ духа, овладѣвшій всѣмъ ея существомъ, обострилъ ея слухъ и зрѣніе, такъ или иначе, но она совсѣмъ ясно различила компанію замаскированныхъ дамъ въ каретѣ, запряженной четверкой, промчавшейся мимо окна, у котораго она стояла. За этой каретой прослѣдовало нѣсколько саней съ мужчинами, а за ними еще карета, и еще, и еще, съ чернѣвшими внутри женскими фигурами, укутанными въ кружева домино.

Полинька вспомнила про маскарадъ въ дворянскомъ собраніи. Это оттуда ѣдутъ...

И едва успѣла эта мысль мелькнуть въ ея умъ, какъ сверкнула другая.

Именно сверкнула. Какъ отъ искры, зажигающей фейерверкъ, загорѣлся въ ея мозгу неожиданный планъ дѣйствій, такой дерзскій и опасный, что ее въ жаръ бросило, а потомъ холодомъ обдало съ ногъ до головы. Зажмурившись, какъ отъ призрака, она захлопнула форточку, бросилась на постель, укуталась съ головой въ одѣяло и, замирая отъ волненія, сжимая руками бьющееся сердце, точно опасаясь, чтобъ оно не выдало ея тайны, стала обдумывать, какъ ей достать домино, какъ пробраться въ маскарадъ, какъ подойти къ царю и что ему сказать.

XXVII.

Когда впослѣдствіи Полинька припоминала ночь въ маскарадѣ, во время которой она говорила съ царемъ про Григорія, а также время, предшествовавшее этой достопамятной ночи, она никакъ не могла себя увѣрить, что все это происходило не во снѣ, а наяву.

Точно въ очарованный кругъ какой-то попала она съ той минуты, какъ задумала свой дерзкій планъ.

Кругъ этотъ, постепенно смыкаясь вокругъ нея все тѣснѣе и тѣснѣе, такъ отдалилъ ее отъ остальнаго міра, что она ни о чемъ больше не могла думать, ничѣмъ интересоваться, кромѣ какъ о средствахъ достичь намѣченной цѣли.

Изумительную находчивость проявляла она во всемъ, что касалось до этой цѣли.

Какъ будто невидимый геній какой-то подсказывалъ ей, какъ надо дѣйствовать, чтобъ никто не догадался объ ея намѣреніи.

Необходимо было прежде всего достать красивый и изящный костюмъ, чтобъ съ перваго взгляда произвести благопріятное впечатлѣніе на государя и быть принятой за особу изъ высшаго общества, а денегъ у Полиньки было всего только нѣсколько рублей.

Весь свой заработокъ она отдавала на храненіе отцу. Онъ этого требовалъ, и если-бъ она вздумала проявить самостоятельность и объявить, что желаетъ безконтрольно располагать своими деньгами, онъ запретилъ бы ей давать уроки.

Видъ денегъ, приносимыхъ ему дочерью, удовольствіе, время отъ времени, ихъ пересчитывать прежде, чѣмъ снова уложить въ потайной ящикъ стараго бюро, въ которомъ хранились сбереженія, дѣлаемыя имъ на приданое Полинькѣ, все это смягчало его и заставляло относиться снисходительнѣе къ частымъ отлучкамъ дочери изъ дому.

Потребовать у него эти деньги подъ какимъ бы то ни было предлогомъ было невозможно: онъ разозлится, станетъ допытываться, для чего онѣ ей нужны, это возбудитъ его подозрѣніе однимъ словомъ, а этого-то Полинька всего больше и боялась.

Надо было какъ нибудь иначе устроиться.

Она вспомнила про француженку, съ которой познакомилась въ прошломъ году у m-lle Lecage. Ее звали m-me Dorcy, и она жила въ качествѣ не то компаньонки, не то старшей горничной у одной изъ прелестнѣйшихъ петербургскихъ львицъ, молоденькой графини, извѣстной своимъ легкомысліемъ, жаждой сильныхъ ощущеній и близостью ко двору.

У такой особы долженъ былъ быть богатый ассортиментъ маскарадныхъ принадлежностей, которымъ, безъ сомнѣнія, завѣдуетъ ея старшая камеристка.

Полинька не ошиблась въ этомъ предположеніи; едва только заикнулась она о своемъ желаніи съѣздить въ маскарадъ, для того будто бы, чтобы поинтриговать молодаго человѣка, ухаживавшаго за одной изъ ея учениць, какъ m-me Dorcy поспѣшила предложить ей свои услуги.

— Я вамъ все это устрою, дамъ и домино, и маску, и все прочее. У насъ всего этого пропасть. У графини шкапы ломятся отъ платьевъ и всевозможныхъ костюмовъ. Она тратитъ бѣшеныя деньги на наряды,—распространялась француженка,—и надѣвши разъ, два, вещь, забываетъ про нее. Вамъ нужно домино,—продолжала она, оглядывая съ ногъ до головы взглядомъ знатока свою посѣтительницу,—j'ai justement votre affaire. Графиня на цѣлую голову ниже васъ, но у насъ есть въ гардеробной домино на всякій ростъ. Въ прошломъ году у графини была страсть ѣздить со своими пріятельницами по маскарадамъ, ни одного не пропускали. И чтобъ лучше мистифировать своихъ мужей и воздыхателей, всѣ эти дамы собирались одѣваться къ намъ и отсюда отправлялись въ дворянское собраніе. Преуморительные выходили quiproquo. Я почти всегда должна была ихъ сопровождать, тоже въ маскѣ, конечно. И знаете, для чего?—чтобъ мѣняться костюмомъ съ графиней, когда ей нужно было окончательно сбить съ толку увивающихся за нею кавалеровъ... Мы одного съ нею роста, понимаете, и насъ принимали одну за другую. Мы всѣхъ дурачили. О! какъ мы потомъ хохотали, разсказывая другъ другу наши проказы! Графиня ужасно неосторожна, и ей плохо бы иногда приходилось, если-бъ я не выручала ея. Разъ меня чуть было не похитили, флигель-адъютантъ одинъ, parole d'honneur! Онъ безъ ума былъ влюбленъ въ графиню...

— А вы навѣрное знаете, что она сама не поѣдетъ въ маскарадъ?—спросила Полинька.

M-me Dorcy энергично замотала своей маленькой головкой съ рыжеватыми локончиками и красными, какъ румяное яблоко, щечками.

— Нѣтъ, нѣтъ. Она теперь надолго лишена этого удовольствія. Недѣли три тому назадъ съ нею случилась большая непріятность въ маскарадѣ... да неужтожъ вы не слышали? весь городъ про это говорилъ. Она подошла къ государю и сказала ему что-то такое, quelque chose de très leste, онъ разсердился.. и что всего хуже, онъ ее узналъ и сдѣлалъ выговоръ графу за то, что онъ слишкомъ распустилъ свою супругу. Ну, послѣ этого, понимаете...

Полинька притворилась изумленной.

— Неужели въ маскарадѣ всякая маска можетъ подойти къ государю и заговорить съ нимъ?—спросила она.

— Разумѣется, можетъ. Подъ маской этикета не соблюдается. Понятно, что съ глупой маской государь разговаривать не станетъ, но если заинтересовать его...

— Ни за что не рѣшилась бы я на такую штуку!—прервала ее Полинька.—Тотъ молодой человѣкъ, котораго мнѣ хочется поинтриговать, простой офицеръ Измайловскаго полка, но я въ такомъ волненіи, въ такомъ страхѣ, что не знаю, хватитъ ли у меня духу къ нему подойти.

— О! вамъ это только такъ кажется: когда вы присмотритесь къ толпѣ и приглядитесь къ маскамъ, вашъ страхъ пройдетъ, и вы будете расхаживать по заламъ, какъ у себя дома. Пойдемте въ гардеробную, вы тамъ выберете то, что вамъ надо.

Очень ловко, съ обычнымъ своимъ тактомъ, устроила Полинька, чтобъ ей предложили именно то, что ей хотѣлось надѣть—домино изъ великолѣпнаго чернаго атласа, съ кружевами шантильи; очень дорогая, но не бросающаяся въ глаза вещь, съ тѣмъ отпечаткомъ изящества въ покроѣ и отдѣлкѣ, по которому можно тотчасъ же узнать предметъ, принадлежащій женщинѣ, съ дѣтства привыкшей хорошо одѣваться.

Француженка предлагала ей костюмъ изъ бархата съ чудесными венеціанскими кружевами, соблазняла ее и бѣлыми, и розовыми домино, но Полинька остановилась на своемъ первомъ выборѣ.

M-me Dorcy посовѣтывала ей нарядиться въ домино и маску не дома, гдѣ прислуга могла за нею подсмотрѣть, а у ея знакомой модистки, рядомъ съ дворянскимъ собраніемъ.

— Пріѣзжайте къ ней въ одиннадцать часовъ, я ее предупрежу, и васъ будутъ ждать. Костюмъ ужъ будетъ тамъ, и моя пріятельница сама васъ одѣнетъ. Она вамъ и карету достанетъ и кавалера. Вѣдь у васъ, вѣрно, нѣтъ кавалера?

— Зачѣмъ кавалеръ?—испугалась Полинька.

— Какъ зачѣмъ? Кто же васъ введетъ? Безъ кавалера васъ не впустятъ. О, не безпокойтесь, мы вамъ доставимъ очень почтеннаго кавалера, и надоѣдать онъ вамъ не станетъ, за это я вамъ ручаюсь.

— Онъ будетъ знать, кто я такая? Ему надо будетъ сказать мою фамилію?

— Зачѣмъ? Фамилію вашу даже и пріятельница моя не будетъ знать,—поспѣшила успокоить ее m-me Dorcy.

— И она не найдетъ этого страннымъ? Не удивится?

— Нисколько, ей не въ первый разъ оказывать молодымъ дамамъ подобныя услуги. Ахъ, да, я забыла вамъ сказать,—спохватилась француженка, провожая Полиньку,—не покупайте ни перчатокъ, ни вѣера, ни духовъ, ни банта изъ цвѣтныхъ лентъ, все это вы найдете у моей пріятельницы и заплатите за это не много дороже, чѣмъ въ магазинѣ, правда, но... ce sont ses petits profits à cette femme, il faut bien vivre, n'est ce pas? —прибавила она съ умильной улыбкой.

Полинька поспѣшила на все согласиться.

Прошло еще нѣсколько дней, и наконецъ ожидаемый съ трепетнымъ нетерпѣніемъ вечеръ насталъ.

Но тутъ случилось происшествіе, усилившее ея волненіе и страхъ за послѣдствія задуманной затѣи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшимость во что бы то ни стало дѣйствовать. Григорій ей разсказалъ, что у Ратморцевыхъ идетъ рѣчь о томъ, чтобъ отправить его въ Спасское съ m-r Vaillant, на первой недѣлѣ великаго поста.

— Вотъ видите, что я былъ правъ, увѣряя, что я имъ въ тягость,—повторялъ онъ съ отчаяньемъ. — Сами они, дяденька, тетенька и сестрицы, собираются ѣхать ранней весной въ то имѣніе, что у нихъ близь Воротыновки, тамъ, гдѣ моя мать родилась и похоронена, гдѣ умерла моя бабушка, а меня они съ собой не хотятъ брать.

Онъ былъ блѣденъ, глаза его были красны отъ слезъ, и губы дрожали. У Полиньки сердце разрывалось отъ жалости, но она казалась такъ холодна и сдержанна, что онъ не высказалъ ей и сотой доли того, что терзало ему душу.

Ратморцевы должны были прожить въ Гнѣздѣ все лѣто. Онъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ не увидитъ Сони, а, можетъ быть, и дольше; вернувшись въ Петербургъ, найдутъ удобнымъ оставить его въ Святскомъ, можетъ быть. И будутъ правы, онъ играетъ такую жалкую роль въ домѣ, съ тѣхъ поръ, какъ они стали жить открыто, принимать людей, относящихся съ презрительнымъ недовѣріемъ къ его правамъ. А главное—Соня!... Ихъ такъ старательно отдаляютъ другъ отъ друга, что имъ по цѣлымъ недѣлямъ не представляется случая перекинуться словомъ, но, всетаки, онъ ее хоть изрѣдка, хоть урывками да видитъ: за обѣдомъ, за чаемъ, въ сумеркахъ, передъ тѣмъ, какъ пріѣхать гостямъ. Случается иногда, что сестры забѣгаютъ въ его комнату, на минутку, правда, но, всетаки, онъ ихъ видитъ, а въ Святскомъ онъ будетъ и этого лишенъ. И мало-по-малу онѣ отъ него отвыкнутъ, и Соня его разлюбитъ. Что-жъ тогда, для чего же жить?—думалъ онъ.

Отчаянье придало ему смѣлости.

— Давно не видѣли вы Мареы Александровны?—спросилъ онъ у Полиньки, неожиданно прерывая арію, которую она заставляла его пѣть.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ прибавилъ торопливо и прерывающимся отъ волненія голосомъ:—Пожалуйста, съѣздите къ ней, узнайте тамъ, что случилось... Ея повѣренный сказалъ Бутягину, будто ей обѣщали выхлопотать, чтобъ ея братьевъ приняли въ пажескій корпусъ подъ именемъ Воротынцевыхъ. Если ей это удастся, мое дѣло можно считать погибшимъ, значитъ, самъ царь...

— Не сомнѣвайтесь въ справедливости царя, — съ рѣзкостью перебила его Полинька.

И, оглянувшись на дверь, за которой ей послышались шаги

отца, она приказала ему кончить арію. Когда же, краснѣя отъ смущенія, онъ запѣлъ, она сказала, понижая голосъ:

— Мы переговоримъ съ вами объ этомъ послѣзавтра.

Послѣзавтра!

Онъ надѣялся, что ему позволятъ, какъ прежде, провести здѣсь вечеръ. Домой не хотѣлось рано возвращаться. Сидѣть одному съ мрачными думами въ мезонинѣ, когда внизу Соня съ Вѣрой веселятся въ обществѣ, съ которымъ онъ не знакомъ,—какая мука!

— Отчего вы не хотите, чтобы я у васъ посидѣлъ послѣ урока, какъ бывало прежде?—спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, когда Полинька поднялась съ мѣста, давая ему этимъ понять, что онъ долженъ уѣхать домой.

— Да вѣдь сами же вы просили меня съѣздить къ Марѳѣ Александровнѣ,—отвѣчала она.

Совсѣмъ не то хотѣла она ему сказать, слова утѣшенія рвались у нея съ языка, хотѣлось, чтобъ онъ зналъ, что она объ немъ думаетъ постоянно, что у нея не будетъ ни минуты покоя, пока судьба его не устроится. Хотѣлось намекнуть ему, что она рѣшилась для него на то, чего ни для кого бы въ мірѣ не сдѣлала, но она не поддалась порыву откровенности и, прощаясь съ нимъ, посовѣтывала ему только не отчаиваться и не считать себя совсѣмъ одинокимъ на свѣтѣ.

— Да ты вѣрно въ первый разъ въ маскарадѣ?—говорилъ молодой человѣкъ, одѣтый по послѣдней модѣ, въ свѣтлый фракъ съ узкими почти до пятъ фалдами, высокомъ батистовомъ жабо, въ которомъ сверкалъ брилльянтъ булавки, со множествомъ дорогихъ брелоковъ, свѣшивающихся съ двухъ толстыхъ золотыхъ цѣпочекъ, на груди.

Беззаботная и слегка надменная улыбка красиво очерченнаго рта, открывая бѣлые зубы, отражалась въ прищуренныхъ, веселыхъ глазахъ его, пытливо устремленныхъ на женщину въ домино и маскѣ, опирающуюся на его руку.

— Отъ кого ты прячешься? Чего ты боишься?—продолжалъ онъ закидывать ее допросами, проходя съ нею за колоннами, мимо высокихъ оконъ, въ большой, залитой блескомъ зажженныхъ люстръ и канделябръ, бѣлой залѣ.

Но маска,—это была Полинька,—продолжая внимательно вглядываться въ толпу, расхаживавшую по залѣ, не отвѣчала ему.

— Да ты, кажется, и не слышишь, что я тебѣ говорю? Для чего же тогда выбрала ты меня своимъ кавалеромъ?—продолжалъ онъ шутливо обращаться къ ней.—Ну, будь же откровеннѣе, сознайся, что ты пріѣхала сюда не для маскарада... Какъ мнѣ ни прискорбно, но я помогу тебѣ найти того счастливца, изъ-за котораго такъ дрожитъ эта прелестная ручка...

— Мнѣ жарко, здѣсь такая духота,—проговорила она, не переставая тревожно оглядываться по сторонамъ.

— Хочешь мороженаго, лимонаду? Пройдемъ въ буфетъ...

— Нѣтъ, нѣтъ,—нетерпѣливо прервала она его, раздраженная ухаживаніемъ этого незнакомца, необходимостью выслушивать его любезности, выносить нѣжное пожатіе его руки и сверкающій взглядъ, которымъ онъ впивался въ ея глаза и въ нижнюю часть ея лица, бѣлѣвшуюся сквозь черное кружево полумаски. Никогда еще не была она такъ мало расположена кокетничать, какъ въ эту минуту.

Государь вошелъ въ залу съ полчаса тому назадъ, и Полинька уже раза три успѣла пройдти мимо него такъ близко, что стоило ей только произнести вполголоса вступительную фразу, которую она мысленно повторяла ужъ много дней сряду, чтобъ онъ ее услышалъ, но у нея не хватало рѣшимости это сдѣлать; а когда она въ третій разъ поровнялась съ нимъ, онъ какъ будто обратилъ на нее вниманіе, отвернулся отъ генерала, съ которымъ разговаривалъ, чтобъ посмотрѣть на нее, и глаза ихъ встрѣтились. Это длилось одно только мгновеніе, но она такъ оробѣла, что, схвативъ подъ руку перваго проходившаго мимо молодаго человѣка, увлекла его за колонны.

— Кто это говоритъ съ государемъ? — спросила она у своего кавалера, не вслушиваясь въ его любезности.

Онъ сталъ всматриваться туда, куда она смотрѣла и гдѣ толпа почтительно разступалась передъ царемъ, оставляя на очищенномъ пространствѣ только одну даму въ маскѣ и въ черномъ домино, очень похожемъ на то, что было на Полинькѣ. Дама эта, оживленно жестикулируя миніатюрными ручками, обтянутыми черными перчатками, говорила что-то царю, забавное, должно быть, потому что онъ улыбался, смотря на нее сверху внизъ тѣмъ пронизывающимъ насквозь взглядомъ, который многіе даже изъ его приближенныхъ не могли выдерживать.

— Кто это такая?—повторила Полинька.

Спутникъ ея засмѣялся.

— Да вѣдь она въ маскѣ, какъ же ты хочешь, чтобъ я зналъ, кто она такая? Мало ли ихъ здѣсь! Многія нарочно только для того и пріѣзжаютъ въ маскарадъ, чтобъ потомъ хвастаться тѣмъ, что онѣ интриговали государя. Эта отойдетъ, другая явится на ея мѣсто. Государя постоянно осаждаютъ маски,—распространялся онъ съ спокойною развязностью человѣка, близко знакомаго съ описываемой имъ средой.—Его величество это забавляетъ. Между ними есть остроумныя, и ему часто приходится слышать здѣсь то, чего онъ нигдѣ не услышитъ.

И вдругъ, обернувшись къ своей дамѣ, онъ съ усмѣшкой заглянулъ въ ея глаза, сверкавшіе сквозь щелки маски, и протянулъ съ оттѣнкомъ ироніи:

— Можетъ быть, и ты имѣешь желаніе побесѣдовать съ государемъ?

Она утвердительно кивнула.

— Такъ торопись. Царь сегодня здѣсь не долго останется. Подойди къ нему смѣлѣе, онъ смѣлыхъ любитъ. Ты высока ростомъ и стройна, ручка у тебя замѣчательно мала, ножка тоже,—продолжалъ онъ съ безцеремонностью, допускаемой при разговорѣ съ женщиной въ маскѣ. — Голосъ у тебя чудесный, ты, должно быть, хорошо поешь, да? И хотя, кромѣ наивностей, я отъ тебя ничего не слышалъ, но мнѣ почему-то кажется, что ты должна быть умна и даже остроумна, ты имѣешь полное право подойти къ царю и выразить ему твои вѣрноподданническія чувства...

И, мѣняя тонъ, онъ прибавилъ, сдвигая брови:

— Вѣдь ты, я надѣюсь, не просьбами же будешь его утруждать? Для этого у него есть министры и коммиссія прошеній, а сюда онъ пріѣзжаетъ, чтобъ развлечься отъ дѣлъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ!—поспѣшила она его успокоить.

— Ну, такъ иди же.

И съ этими словами, не давая ей опомниться, онъ потащилъ ее впередъ.

Не переставая внимательно слѣдить глазами за высокой фигурой императора и не выпуская ея руки изъ-подъ своей, онъ выступилъ съ Полинькой на средину залы и, ловко лавируя среди толпы, пробрался къ дверямъ, раствореннымъ въ сосѣднюю комнату, у которыхъ государь, разговаривая съ маской, замедлилъ шагъ.

Сознавая, что роковая минута близка, Полинька чувствовала то, что долженъ чувствовать человѣкъ, кидающійся въ пропасть. У нея не было силъ ни думать, ни говорить, а то она, можетъ быть, стала бы умолять о пощадѣ. Ноги подъ нею подкашивались, и вся она дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Мыслей въ головѣ не было ни одной, было только сознаніе, что вотъ сейчасъ, сію минуту, она должна просить царя за Григорія. Но что она скажетъ, какими словами, въ какихъ выраженіяхъ изложитъ она свою просьбу, ничего этого она не могла сообразить.

Среди движущагося моря черныхъ фигуръ, окутанныхъ въ домино, мелькали у нея передъ глазами концы разноцвѣтныхъ лентъ, сверкали золотые аксельбанты, густые эполеты, широкія груди, увѣшанныя орденами, бѣлыя жабо, подпиравшія гладко выбритые подбородки, старыя и молодыя лица съ усами и безъ усовъ, высоко взбитые хохлы напомаженныхъ, черныхъ, бѣлокурыхъ и сѣдыхъ волосъ.

Все это сливалось передъ Полинькой въ хаотическую фантасмагорію, подъ звуки оркестра, гремѣвшаго съ хоръ, подъ пискъ масокъ, говоръ и смѣхъ толпы, до боли раздирая ей уши и зату-

манивая умъ. Вѣки сами собою смыкались, она была близка къ обмороку.

И вдругъ, въ ту самую минуту, когда всего менѣе можно было этого ожидать, она очутилась передъ государемъ.

— Courage,—прошепталъ ей на ухо чей-то голосъ, ея спутника, вѣроятно.

— Ваше величество...

Слова эти были произнесены очень тихо, но государь ихъ услышалъ и остановился.

Тогда произошло нѣчто такое, что она послѣ, даже и тогда, когда вполнѣ овладѣла собой, никакъ не могла себѣ объяснить: точно по мановенію волшебнаго жезла, все, что было вокругъ нея, куда-то исчезло, и ей представилось, что она съ царемъ одна во всей залѣ.

Онъ пристально и повелительно смотрѣлъ на нее. Отступленіе было невозможно; что бы ни случилось, надо было дѣйствовать, и она съ отчаянною рѣшимостью высказала все, что она знала про Григорія. Слова являлись сами собою, фразы складывались безъ участія разума и воли, вполнѣ безсознательно.

Сколько времени она говорила и что именно, этого она не знала. Она только слышала звукъ собственнаго голоса, да и то невнятно, точно издалека.

Ея не прерывали.

При имени Воротынцева государь слегка сдвинулъ брови, точно припоминая что-то, а затѣмъ, приказавъ ей знакомъ слѣдовать за собой, прошелъ черезъ комнату, смежную съ залой, и остановился у окна. Кругомъ было пусто, а шумъ толпы и оркестра достигалъ сюда издалека, напоминая глухой гулъ бушующаго моря.

Царь отрывисто спросилъ:

— Онъ здѣсь?

— Въ Петербургѣ, ваше величество. У дяди своего, сенатора Ратморцева.

— Давно ли ему извѣстно, что онъ сынъ Воротынцева?

— Съ мая мѣсяца 1838 года, ваше величество.

— Сколько ему лѣтъ?

— Двадцать два года, ваше величество.

— Сними маску,—приказалъ царь.

А когда Полинька повиновалась, онъ спросилъ ея фамилію и чья она дочь.

— Капитана Ожогина.

И по какому-то наитію она прибавила:

— Въ отставкѣ съ 1826 года, раненъ при...

Лице царя сдѣлалось строже.

— Ты дѣвушка?

И не дожидаясь отвѣта:

— Съ вѣдома родителей просишь за Воротынцева?

— У меня нѣтъ матери, — вымолвила она дрогнувшимъ голосомъ, чувствуя полнѣйшую невозможность лгать въ эту минуту, даже для спасенія жизни.

— По какой причинѣ принимаешь ты такое участіе въ судьбѣ этого молодаго человѣка?—продолжалъ свой допросъ царь, не спуская пытливаго взгляда съ ея поблѣднѣвшаго лица.

Она молча опустила голову. Прошло нѣсколько мгновеній молчанія. Мгновенія эти показались ей вѣчностью.

— Ты его невѣста?—спросилъ царь.

Всего менѣе ждала она этого слова. Оно такъ изумило ее и испугало, что горло у нея сдавило спазмой, слова не выговаривались. Безсознательно опустила она голову еще ниже.

Движеніе это было принято за утвердительный отвѣтъ.

— Поѣзжай домой и скажи отцу, что дѣло твоего жениха будетъ рѣшено,—сказалъ царь.

А, можетъ быть, онъ еще что нибудь къ этому прибавилъ, но, что случилось дальше, Полинька ужъ не помнила.

Хорошо, что молодой человѣкъ, который довелъ ее до царя, стоялъ неподалеку и тотчасъ же подошелъ къ ней, когда она осталась одна, безъ него Богъ знаетъ сколько времени простояла бы она неподвижно, съ маской въ рукѣ, не замѣчая любопытныхъ глазъ, устремленныхъ на нее со всѣхъ сторонъ.

Молодой человѣкъ взялъ ее подъ руку и повелъ къ выходу.

— Съ кѣмъ вы сюда пріѣхали? Какъ найдти вашего кавалера?— спрашивалъ онъ у нея на пути.

— Не знаю, не знаю, — растерянно повторяла Полинька, продолжая держать въ лѣвой рукѣ, вмѣстѣ съ вѣеромъ, снятую, по приказанію царя, маску.

— Позвольте, господа, позвольте,—повторялъ онъ, ускоряя шагъ, торопясь ее увести дальше отъ зѣвакъ, останавливающихся передъ нею, чтобъ любоваться ея взволнованнымъ, блѣднымъ лицомъ, съ горѣвшими лихорадочнымъ блескомъ глазами.

— Это та, съ которой государь такъ долго разговаривалъ...

— Какая красавица!...

— Преинтересная...

— Она за отца просила...

— Нѣтъ, за мужа...

— За отца, я вамъ говорю, мнѣ адъютантъ графа сказалъ.

— А мнѣ Трубецкая...

— Развѣ Трубецкая здѣсь?

— Здѣсь, бархатное домино съ желтымъ бантомъ,—болтали въ толпѣ.

А покровитель Полиньки увлекалъ ее все дальше и дальше.

— Вы въ своей каретѣ? Нѣтъ? Въ такомъ случаѣ я прикажу довезти васъ въ своей, если позволите.

Отъ толпы лакеевъ, окружавшихъ вѣшалки съ шубами, отдѣлился высокій малый въ ливреѣ, которому онъ приказалъ отыскать салопъ своей спутницы, самъ помогъ ей надѣть его и свелъ ее съ лѣстницы.

Лакей же его со всѣхъ ногъ бросился звать карету.

— Васъ можно поздравить... Государь такъ милостиво васъ слушалъ... вы должны быть довольны, ваша просьба будетъ, безъ сомнѣнія, исполнена,— отрывистымъ шепотомъ говорилъ Полинькѣ ея кавалеръ, помогая ей подниматься по ступенькамъ подножки и сѣсть въ карету.

А затѣмъ онъ приказалъ отвезти барышню, куда она прикажетъ, и, низко поклонившись ей, вернулся въ собраніе.

Полинька сказала, гдѣ она живетъ, дверца захлопнулась, лакей вскочилъ на запятки, и лошади помчались.

~~XVIII.~~ XXVII

У Ратморцевыхъ все шло постарому.

Дѣвочки вели жизнь разсѣянную. Даже Сергѣй Владиміровичъ надивиться не могъ непонятному пристрастію жены къ изыскиванію развлеченій для дочерей, а онъ ли не привыкъ относиться съ полнѣйшимъ довѣріемъ къ ея методѣ воспитанія, объ одномъ только моля Бога, чтобъ Соня съ Вѣрой походили во всемъ на мать.

— Не слишкомъ ли ты ихъ тормошишь, Милуша? — спрашивалъ онъ время отъ времени, видя ихъ постоянно то ѣдущими, то возвращающимися откуда нибудь и слыша въ домѣ толки про вечера, театры и концерты.

— Вы теперь ни одного вечера дома не посидите.

— Онѣ у насъ такія дикарки, Сережа, надо изъ нихъ свѣтскихъ дѣвушекъ сдѣлать,—возражала на это Людмила Николаевна.

Давно ли была она другаго мнѣнія, давно ли радовалась, что дочери ея не знаютъ свѣта и скучаютъ въ немъ. Но мужъ не настаивалъ, ей лучше знать, что для дѣвочекъ нужно.

Дня не проходило, чтобъ она не возила ихъ въ Эрмитажъ или въ кунсткамеру, или осматривать дворецъ, публичную библіотеку, чью нибудь картинную галлерею, а вечеромъ, если у нихъ не было гостей, Людмила Николаевна ѣхала съ дочерьми въ оперу, въ концертъ или къ знакомымъ и роднымъ.

Когда погода была такъ дурна, что даже въ каретѣ нельзя было выѣхать и никого нельзя было къ себѣ ждать, она проявляла раздражительность и безпокойство, ежеминутно и подъ разными предлогами отрывала дочерей отъ фортепьянъ, чтобъ заставлять ихъ читать вслухъ или разсказывать что нибудь. И при этомъ она

не столько слушала ихъ, сколько вглядывалась въ ихъ лица, съ мучительною пытливостью доискиваясь чего-то.

Иногда срывались у нея съ устъ такіе вопросы: «ты правду говоришь, Соня?». Или запальчивое восклицаніе: «не лги!» — за которымъ тотчасъ же слѣдовалъ нѣжный поцѣлуй и поспѣшное заявленіе, что она ей вѣритъ.

Придиралась она къ одной только Сонѣ, но дѣвочки были всегда вмѣстѣ, и Вѣра такъ обожала сестру, что страдала за нее отъ нападокъ матери больше, чѣмъ если-бъ нападки эти были направлены на нее.

За что ихъ мучили, онѣ не понимали. Никакой вины Соня за собой не знала и, если-бъ ей сказали, что мать ея терзается тѣмъ, что она нѣжно смотритъ на Григорія, краснѣетъ отъ радости, когда имъ удается сѣсть рядомъ за столомъ, и расцвѣтаетъ, какъ цвѣтокъ на солнцѣ, при его появленіи, если-бъ ей кто нибудь сказалъ, что именно это-то и мучитъ невыносимо ея мать, она не повѣрила бы: такъ чисто, наивно и безсознательно было чувство, влекующее ее къ юношѣ, котораго онѣ звали братомъ.

Каждый вечеръ бесѣдовала она со своимъ ангеломъ хранителемъ про это чувство, просила его на колѣняхъ сдѣлать такъ, чтобъ Гришино дѣло скорѣе кончилось и чтобъ онъ былъ совсѣмъ, совсѣмъ счастливъ. Для себя она ничего не просила. Если онъ будетъ счастливъ, то и она тоже, это само собою разумѣется, и ея ангелъ-хранитель долженъ былъ это знать лучше всѣхъ.

А Вѣра, та молилась, чтобъ Господь научилъ сестру угождать маменькѣ, и чтобъ маменька была попрежнему весела и спокойна, и чтобъ Гриша лучше учился и не огорчалъ m-r Vaillant, и чтобъ скорѣе выздоровѣла m-lle Pauline.

Мать ихъ сдѣлалась особенно раздражительна съ тѣхъ поръ, какъ Полинька написала, что она нездорова, бывать у нихъ не можетъ и курсы пѣнія у себя на дому прекратила.

Благодаря этому обстоятельству, Григорію некуда было ходить по вечерамъ, и дѣти опять проводили бы время вмѣстѣ, если-бъ Людмила Николаевна не увозила дочерей изъ дому.

Прошло такимъ образомъ недѣли двѣ, какъ вдругъ, какъ-то передъ вечеромъ, Сергѣй Владиміровичъ вошелъ къ женѣ съ письмомъ въ рукахъ и очень взволнованный.

— Меня проситъ къ себѣ графъ, — сказалъ онъ. — Вѣрно про Григорія что нибудь. Боюсь, не надурилъ ли старикъ Бутягинъ... Говорилъ я ему, чтобъ имѣлъ терпѣніе и не напоминалъ бы про Гришу ни письменно, ни словесно, но развѣ такихъ упрямцевъ можно чѣмъ нибудь вразумить! Медвѣжью услугу оказали они ему, если вздумали просить за него теперь.

— Чего же ты боишься? — спросила Людмила Николаевна.

— Мало ли чего! Его могутъ выслать изъ Петербурга подъ

тѣмъ предлогомъ, что у него нѣтъ правильнаго вида на жительство.

— А ты скажи графу, что мы хотимъ отправить его въ деревню.

— Скажу, разумѣется, и всѣ усилія употреблю, чтобъ этимъ удовлетворились. Чѣмъ онъ виноватъ, несчастный, что у его противниковъ сильныя связи и много денегъ,— продолжалъ съ негодованіемъ Ратморцевъ, большими шагами расхаживая по комнатѣ.—Это возмутительно, такое лицепріятіе!

— Когда же ты ѣдешь къ графу?

— Сейчасъ. Приказалъ заложить карету и вотъ зашелъ къ тебѣ... Вы собираетесь куда нибудь?— продолжалъ онъ недовольнымъ тономъ, оглядываясь на бархатное платье, висѣвшее на ширмѣ, и на выдвинутые ящики шифоньерки съ кружевами.

— Мы можемъ остаться,— поспѣшила она объявить.

— Пожалуйста, останьтесь. Я скоро вернусь, и нужно будетъ о многомъ перетолковать. Очень можетъ быть, что намъ придется отправить его въ Святское раньше, чѣмъ мы думали.

Людмила Николаевна ничего не возражала. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ она была замужемъ, приходилось ей скрывать отъ мужа чувства, волновавшія ей душу, и въ первый разъ мучила ее совѣсть за эти чувства. Не могла она не сознавать, что радость, охватившая ее при мысли, что сама судьба ей благопріятствуетъ, что радость эта грѣшна и основана на чужомъ несчастьѣ, но ей такъ надоѣло себя насиловать, ей было такъ тяжело вести жизнь, противную всѣмъ ея вкусамъ и привычкамъ, ей было такъ мучительно стѣснять дочерей и отравлять имъ существованіе подозрительностью, что она не могла не радоваться при мысли, что съ отъѣздомъ Григорія изъ ихъ дома этой пыткѣ наступитъ конецъ.

Пославъ сказать дочерямъ, что онѣ сегодня никуда не поѣдутъ, она стала прохаживаться взадъ и впередъ по комнатамъ, поджидая возвращенія мужа. Отъ нетерпѣнія она ничѣмъ не могла заняться.

Наконецъ, часа черезъ полтора, Сергѣй Владиміровичъ вернулся и, обнявъ жену, торопливо увлекъ ее въ кабинетъ.

— Ну, Милуша, ни за что не отгадать тебѣ, для чего за мной присылалъ графъ,— началъ онъ, опускаясь рядомъ съ нею на широкій диванъ и устремляя на нее сверкавшій радостью взглядъ.— Дѣло Гриши, по приказанію государя, разсматривалось въ сенатѣ и рѣшено въ его пользу.

— По приказанію государя?—повторила она съ удивленіемъ.— Но кто же за него просилъ?

— Ты представить себѣ не можешь. Я ушамъ своимъ не вѣрилъ, когда мнѣ сказалъ графъ... за него просила наша учительница музыки.

— Полинька?

— Да, Полинька. Она отправилась въ маскарадъ, подошла къ царю и такъ краснорѣчиво расписала печальную судьбу Гриши и какъ ему тяжело жить въ неопредѣленномъ положенiи, благодаря проволочкамъ суда, продолжающимся болѣе двухъ лѣтъ, что царь былъ тронутъ и обѣщалъ ей приказать пересмотрѣть дѣло. Но это еще не все,—продолжалъ Ратморцевъ,—она сказала государю, что Гриша ея женихъ. Понимаешь ты тутъ что нибудь?

— Что же тутъ удивительнаго?—торопливо возразила Людмила Николаевна дрожащимъ отъ радостнаго волненiя голосомъ.—Онъ бывалъ у нея почти каждый день; она красива и всегда выказывала ему много участiя,—что-жъ мудренаго, что они влюбились другъ въ друга?

Но мужъ не хотѣлъ съ нею соглашаться.

— Нѣтъ, нѣтъ, тутъ что-то не такъ. Онъ такой еще мальчикъ, не могла ему понравиться такая особа, какъ m-lle Pauline, да и вообще... онъ былъ послѣднее время такъ угрюмъ и печаленъ, такiе ли бываютъ влюбленные...

— Неужто-жъ ты думаешь, что она солгала царю?—съ досадой возразила Ратморцева.

И поспѣшно прибавила:

— А графъ что на это говоритъ?

— Да они тамъ даже и мысли не допускаютъ, чтобъ Григорiй могъ на ней не жениться. Вѣдь государь убѣжденъ, что за него просила невѣста.

Наступило молчанiе. Людмила Николаевна, опустивъ голову на плечо мужа, размышляла о случившемся.

— Я очень рада, что онъ будетъ, наконецъ, имѣть имя и состоянiе,—проговорила она въ вполголоса, точно про себя.

— О, и я этому безконечно радъ!—подхватилъ ея мужъ.—Но... Что если онъ ея не любитъ, если...

Ему не дали договорить.

— Онъ **долженъ** ее любить, **долженъ**! Изъ благодарности. Она прекрасная, энергичная дѣвушка и сдѣлала для него то, чего никто бы не сдѣлалъ!—съ одушевленiемъ, почти запальчиво, вскричала Людмила Николаевна.—Ему надо это объяснить...

— Тѣмъ болѣе, что положенiе безвыходное,—согласился Сергѣй Владимiровичъ.—Я тебѣ еще не успѣлъ всего сказать: государь желаетъ его видѣть. Графъ мнѣ объявилъ, что завтра, въ десять часовъ, я долженъ быть съ Григорiемъ во дворцѣ.

Григорiй Александровичъ Воротынцевъ обвѣнчался съ дѣвицей Ожогиной въ первое воскресенье послѣ Пасхи.

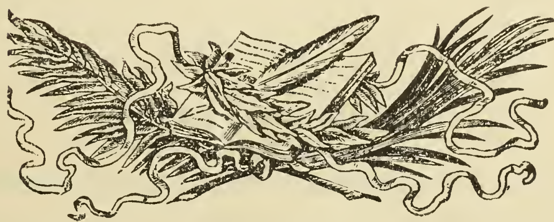
Свадьба была скромная, и въ тотъ же день молодые уѣхали въ ихъ родовое имѣнiе, Воротыновку.

Людмила Николаевна съ дочерьми на свадьбѣ не присутствовала. Намѣреніе свое провести лѣто въ Гнѣздѣ она отложила и, не дождавшись оттепели, еще зимнимъ путемъ, уѣхала съ дочерьми за границу.

Сергѣй Александровичъ долженъ былъ пріѣхать за семьей лѣтомъ, вмѣстѣ съ m-r Vaillant, котораго г-жа Ратморцева безъ труда уговорила остаться съ мужемъ, чтобъ ему не было слишкомъ скучно въ опустѣвшемъ домѣ.

Н. Мердеръ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).



ДО И ПОСЛѢ [1].

(Изъ бурсацкихъ воспоминаній).

XXI.

«Грыцько̀ мудрый».

АНИКУЛЫ, длившіяся полтора мѣсяца, пролетѣли, какъ одна недѣля. Мы упивались свободой, не оглядываясь назадъ и не заглядывая впередъ; мы не считали дней, но они шли себѣ своей чередой. Все это время мы провели въ деревнѣ. Въ прежніе годы, до поступленія въ школу, для меня было величайшимъ наслажденіемъ быть взятымъ въ городъ, когда ѣздили туда отецъ или мать. Я плакалъ, я чувствовалъ себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ, когда меня оставляли дома. Городъ нравился мнѣ своимъ оживленіемъ, шумомъ, многолюдствомъ, несравненно съ тѣмъ, что было у насъ въ деревнѣ. Широкія улицы, высокіе дома, разнообразные магазины, пароходы на рѣкѣ, — при видѣ всего этого у меня захватывало духъ, какое-то неясное предчувствіе болѣе широкой жизни, чѣмъ то тихое мирное прозябаніе, которое мы вели въ нашемъ скромномъ уголкѣ, охватывали меня, и я всякій разъ, когда кто нибудь ѣхалъ въ городъ, жадно стремился вновь испытать это жгучее ощущеніе.

Теперь мы не только не стремились въ городъ, а напротивъ, всякій разъ, когда насъ звали туда, чтобы купить сапоги по мѣркѣ

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIX, стр. 33.

или просто проѣздиться, мы всячески отказывались и убѣгали изъ дому. Мы соглашались лучше ходить босикомъ, оборванцами, только бы не видѣть лишній разъ этого ненавистнаго города. Впродолженіе одного только года онъ успѣлъ внушить мнѣ отвращеніе и страхъ, и до того глубоко запали въ душу мою эти чувства, что даже теперь, если мнѣ приходится въ пять лѣтъ разъ, по пути на родину, проѣзжать черезъ этотъ городъ, я какъ-то инстинктивно тороплюсь, какъ бы не задержаться и поскорѣе вырваться на свѣжій воздухъ. Я задыхаюсь въ немъ и теперь, задыхаюсь не его пылью и плохимъ воздухомъ, потому что онъ городъ какъ городъ, нисколько не хуже другихъ уѣздныхъ городовъ,—я задыхаюсь моими воспоминаніями о первомъ годѣ, проведенномъ въ бурсѣ, когда мнѣ, восьмилѣтнему ребенку, первые начатки науки были представлены въ видѣ грубаго битья со всѣхъ сторонъ и всѣми способами, дранья розгами, голода, нищеты, страшнаго невѣжества, цинизма, дѣтскаго цинизма, самаго худшаго изъ всѣхъ родовъ его, дикаго презрѣнія къ человѣческой личности... И я спѣшу стрѣлой промчаться черезъ городъ, я закрываю глаза и уши, пока не выѣду въ поле, на широкую степную дорогу, которая и теперь осталась точь въ точь такой, какой была тогда, когда Пичужко, ѣдучи по ней, подпрыгивалъ на мѣстѣ отъ неистовой радости. Я спѣшу, какъ будто за мной гонятся волки и моей жизни грозитъ опасность. И если находятся какія нибудь дѣла, задерживающія меня въ немъ, то это омрачаетъ мое путешествіе.

А городъ самъ недуренъ. Въ немъ есть мѣста, которыя могли бы оставить пріятныя воспоминанія. Онъ окруженъ прекрасными садами, внутри его много зелени, живописныхъ уголковъ, гдѣ любятъ дышать свѣжимъ воздухомъ обыватели. Онъ расположенъ на берегу широкой судоходной рѣки. Среди обитателей его есть люди, съ которыми мнѣ пріятно встрѣтиться, но я предпочитаю встрѣчаться съ ними гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ...

Когда я представлялъ себѣ, что меня опять свезли въ бурсу, въ моемъ воображеніи непремѣнно проносилась картина дранья, щипковъ, грубыхъ криковъ, безпричинныхъ обидъ и главное—безтолковаго ученья, изъ котораго я никакъ не могъ ничего взять въ толкъ. Это бурсацкое ученье для меня походило на то, какъ если бы меня привязали канатомъ къ вѣковой гранитной скалѣ и сказали бы: «тащи». Скала стоитъ на мѣстѣ, я дѣлаю безплодныя усилія, обливаюсь потомъ, изнемогаю, меня понукаютъ, бьютъ, а скала все стоитъ на мѣстѣ, и всѣ знаютъ, что она тамъ и должна стоять, что иначе и быть не можетъ...

И насталъ день, когда мы должны были собираться въ бурсу. Пичужко уже за нѣсколько дней передъ этимъ какъ бы потерялъ всякій интересъ къ играмъ и ходилъ вялый, блѣдный, разстроен-

ный. Вѣдь мы такъ хорошо привыкли здѣсь къ свободѣ, къ человѣчному обращенію...

— Нѣтъ, знаешь что?... я... я, кажется, не поѣду... я просто не могу... не могу!—говорилъ онъ мнѣ дрожащимъ голосомъ и самъ какъ-то боязливо вздрагивалъ. — Ты попроси своего отца, чтобы онъ оставилъ меня... я буду работать по хозяйству. Буду телятъ пасти, свиней, гусей... Ей-Богу же, это куда лучше, чѣмъ жить тамъ... Еще и то! я знаю, что меня изъ хора скоро выгонятъ и посадятъ въ самую бурсу... Я тамъ не выдержу... Нѣтъ, я взаправду говорю: попроси отца,—я телятникомъ буду или свинопасомъ...

И онъ смотрѣлъ на меня такимъ серьезно-просящимъ взглядомъ, что нельзя было сомнѣваться въ серьезности его просьбы. Въ послѣдніе дни онъ ходилъ задумчивый, и, очевидно, голова его работала надъ этимъ вопросомъ. И онъ пришелъ къ опредѣленному рѣшенію.

Я просто не зналъ, какъ передать своимъ роднымъ его странную просьбу, но, наконецъ, рѣшился.

— Пичужко проситъ, чтобы его оставили...—сказалъ я.

— Какъ оставили? гдѣ оставили?—въ одинъ голосъ спросили отецъ и мать.

— Здѣсь... чтобы не везти въ городъ... онъ говоритъ, что будетъ пасти свиней, телятъ, все, что угодно!...

Мои родные приняли это за шутку, смѣялись и подшучивали надъ Пичужкой. Отецъ все спрашивалъ его, какъ онъ будетъ съ свиньями разговаривать, и цитировалъ при этомъ шутливую пѣсню, сочиненную какимъ-то юмористомъ, очевидно, скептически относившимся къ бурсацкой латыни. Въ пѣснѣ разсказывалось про нѣкоего «мудраго Грыцька», который «добре учился на филозопіи», написалъ домой пятнадцать писемъ и все полатыни, а изъ шестнадцатаго письма явствовало, что онъ уже знаетъ всю псалтырь вдоль и поперегъ. Когда онъ явился домой и сталъ пасти свиней, то желая показать всю свою латинскую мудрость, обратился къ нимъ полатыни съ какой-то невѣроятной рѣчью: «Алянте, свиняньте, граденте травенте noster ѣсть нашъ». Свиньи пришли въ ужасъ отъ Грыцьковой мудрости и всѣ разбѣжались въ разныя стороны. Тогда отецъ отодралъ Грыцька «за чуприну» и внушительно велѣлъ ему «учить Отче-Нашъ».

Пичужко слушалъ, слушалъ, а потомъ ударился въ слезы. Онъ плакалъ о томъ, что его не понимаютъ, воображаютъ, что онъ боится учиться, тогда какъ дѣйствительныя причины лежали въ глубокихъ тайникахъ его души. Это были накопившіяся обиды круглаго сироты, котораго на каждомъ шагу оскорбляли упреками въ бѣдности, въ дармоѣдствѣ, понукали, заставляли нести тяжелую непосильную работу, не обращая вниманія на то, что у него было крайне слабое здоровье. Обиды эти накоплялись и таились долго,

а теперь подъ вліяніемъ деревенской свободы и порядочнаго обращенія онѣ заговорили, громко протестуя.

Пичужкины слезы встревожили отца. Онъ никакъ не расчитывалъ на такой результатъ и съ этой минуты взглянулъ на его горе серьезно. У нихъ завязался дружескій разговоръ, въ которомъ Пичужко откровенно объяснилъ всѣ свои чувства. Отецъ началъ уговаривать его. Сперва онъ стоялъ на христіанской точкѣ зрѣнія и рекомендовалъ Пичужкѣ просто терпѣть обиду. Но это для моего друга не было убѣдительно. Тогда отецъ сталъ на практическую точку и началъ выяснять ему, какова будетъ его судьба, если онъ оставитъ ученье. Судьба оказывалась самой печальной. Всю жизнь онъ долженъ будетъ пресмыкаться на самыхъ низшихъ служебныхъ должностяхъ и всю жизнь имъ будутъ помыкать. Если ему тяжело перенесть это теперь, когда онъ еще мальчикъ, то каково же это придется взрослому человѣку?

Не знаю, подѣйствовали на Пичужку эти разумные доводы, или ему просто надоѣло слушать, но онъ пересталъ плакать и болѣе не просилъ, чтобы его оставили въ деревнѣ.

Послѣ обычнаго прощанья съ осѣненіемъ крестомъ, съ маленькой напутственной рѣчью, мы отправились въ городъ.

Пичужко выѣхалъ съ опущенной головой, молчаливый, разстроенный. Но когда до города осталось уже очень немного, на него напало какое-то неистовство.

— Нѣтъ, я, всетаки, не останусь въ бурсѣ! Чортъ съ нею! Что бы тамъ ни было, а я не останусь. Я устрою какую нибудь такую штуку, чтобы меня выгнали.

— Какую штуку?—озабоченно спросилъ я, зная очень хорошо, что Пичужко былъ большой мастеръ выдумывать невѣроятныя штуки.

— Я и самъ не знаю, какую... Но только устрою! — говорилъ онъ. и при этомъ лице его было крайне возбуждено и глаза горѣли.—Я устрою такую штуку, что меня будутъ помнить... я... я.. я подожгу бурсу...

— Что ты? съ ума сошелъ!

— Нѣтъ, не съ ума сошелъ! Я подожгу бурсу и стану на улицѣ и буду кричать: вотъ это вамъ за все, за все! И всѣмъ разскажу, какъ насъ обижали!.. Что-жъ въ самомъ дѣлѣ? Ей-Богу, нигдѣ хуже не будетъ! Я думаю, что арестантамъ и тѣмъ лучше. За всякую малость и всякій тебя лупитъ, а ты терпи... Еще въ хорѣ кое-какъ можно жить, а изъ хора выгонятъ, тогда хоть бѣги вонъ. Бывшихъ пѣвчихъ о. инспекторъ терпѣть не можетъ, и ужъ онъ тогда будетъ меня сѣчь каждый день, какъ Остапова сѣчетъ. А ученье? Ты думаешь, я не хочу учиться? Нѣтъ, я очень хочу учиться, чтобъ умнымъ человѣкомъ быть. Ты не думай... Я вовсе не оселъ... Да какъ учиться, когда ничего не понимаешь? Я сто разъ

брался за книгу. Ну, думаю, буду учиться, буду учиться! Читаешь, читаешь, и ни одного слова не понять!... Какое тутъ ученье? Тотъ тебя въ зубы бьетъ, тотъ въ ухо, этотъ въ носъ щелчки даетъ, тотъ розгами сѣчетъ!... А къ тому еще живи въ проголодь и ходи ободранцемъ, такъ что весь городъ надъ тобой смѣется... Нѣтъ, я таки устрою штуку!...

Я со страхомъ смотрѣлъ на его пылающіе глаза и слушалъ его рѣзкій голосъ. Вотъ уже и городъ былъ близко. Построенный на возвышенномъ мѣстѣ, онъ вдругъ вырисовывался передъ нами весь, какъ на ладони, съ своими церквами и постройками, издали казался красивымъ и заманчивымъ, но Пичужко проклиналъ его.

— Не люблю я этого города! Противенъ онъ мнѣ, ненавистенъ! Что бы тамъ ни было, а я, если выросту, не помру раньше, буду жить въ деревнѣ...

Мнѣ пришелъ въ голову вопросъ, почему Пичужко думаетъ, что онъ можетъ не вырости, а умереть мальчикомъ. Можетъ быть, онъ и самъ не сознавалъ причины, которая заставляла его такъ думать. Но послѣ я, къ моему глубокому горю, узналъ, что причина была слишкомъ близка...

Когда мы пріѣхали въ архіерейскій домъ, то застали тамъ нѣсколькихъ мальчиковъ, уже вернувшихся съ каникулъ. Мы еще ничего не успѣли разспросить, но по выраженію лицъ, по говору, по всему замѣтили, что наши товарищи какъ-то странно настроены, чѣмъ-то удивлены, поражены, напуганы. Это не было радостное оживленіе, оно скорѣе походило на недоумѣніе. Словомъ, было ясно, что произошло нѣчто неожиданное, небывалое, невозможное. Когда же мы начали разспрашивать, въ чемъ дѣло, намъ насказали такую кучу новостей, и всѣ эти новости были до такой степени удивительны, что мы не хотѣли вѣрить.

Но пришлось повѣрить, потому что все это было неоспоримый фактъ.

XXII.

Новые порядки.

Если какому нибудь заклятому скептику нужно доказательство того, что на свѣтѣ бываютъ внезапныя, ничѣмъ необъяснимыя перемѣны, въ которыя не повѣришь, если самъ не видѣлъ ихъ воочію, то ему надо вообразить себя въ нашемъ положеніи въ тотъ періодъ нашей жизни, до котораго мы теперь дошли.

Когда мы собрались въ учебномъ помѣщеніи, то прежде всего мы подумали, что попали не въ то мѣсто: мы, ученики «низшаго отдѣленія», никакъ не могли найти этого самаго отдѣленія. Прежде все это было такъ ясно, было три надписи: «низшее отдѣленіе»,

«среднее отдѣленіе» и «высшее отдѣленіе», и каждый зналъ, куда ему идти. Притомъ всякому было извѣстно, что въ какое бы отдѣленіе онъ ни завернулъ, все равно его въ одинаковой степени прибьютъ и все равно ничему не научатъ. Теперь никакихъ отдѣленій не было, а стояли на дверяхъ надписи: «1-й классъ», 2-й, 3-й и 4-й. Какіе такіе классы? У насъ никогда никакихъ классовъ не было, и такъ какъ никто изъ насъ не считалъ себя ученикомъ какого бы то ни было класса, то мы не рѣшались войти, а толпились всѣ въ стеклянномъ корридорѣ.

Насъ была огромная толпа; здѣсь были всѣ прежніе бурсаки отъ самыхъ маленькихъ до великовозрастныхъ, а, кромѣ того, явилась добрая сотня вновь поступившихъ. Но не было ни дикаго шума, ни грубыхъ игръ, ни драки, всѣ были въ состояніи какого-то мучительнаго ожиданія. Въ особенности такія крупныя личности, какъ мой бывшій покровитель—Остаповъ, и другіе одного съ нимъ возроста, большею частью записанные въ рангъ «ословъ», вели себя необыкновенно смирно.

Мы стояли словно передъ дверьми великаго судилища, въ которомъ каждый ожидалъ услышать рѣшеніе своей судьбы. Всѣ видѣли уже, что произошла важная перемѣна, но въ чемъ она состояла, этого рѣшительно никто не понималъ еще. Остаповъ былъ печаленъ и стоялъ съ поникшей головой. Онъ тоскливо смотрѣлъ черезъ грязное стекло на улицу и, казалось, готовъ былъ заплакать.

Я подошелъ къ нему.

— Что это такое будетъ?—спросилъ я.

— А чортъ его знаетъ, что будетъ... Только ничего хорошаго не жду!—отвѣтилъ онъ очень серьезно.

— Отчего же это?

— Оттого, братъ, что новые порядки пойдутъ... Развѣ не знаешь?

— Нѣтъ, не знаю!—сказалъ я, заинтересованный новыми порядками.

— Новаго инспектора назначили... Видѣлъ?

— Нѣтъ, не видѣлъ...

— Ну, вотъ увидишь!.. Фертикъ такой!.. Вертлявый, молоденькій, съ бородкой... Рябой... И ничего нельзя разобрать, что онъ говоритъ... Косноязычный какой-то, а еще академикъ!..

Уже по этимъ словамъ было видно, что Остаповъ многое имѣетъ противъ новаго инспектора.

— А старый о. инспекторъ куда дѣнется?—спросилъ я.

— Старый? о-го-го, братъ! Фью-фью-у! стараго по-боку!..

— Какъ по-боку?

— Очень просто! Старый инспекторъ уже больше не инспекторъ!.. И сѣчь больше не будутъ... Драться воспрещено!..

— Что-о? Сѣчь не будутъ?—спросилъ я съ безконечнымъ недовѣріемъ къ словамъ Остапова.

— Говорю тебѣ: не будутъ! Теперь совсѣмъ новые порядки... Бурсы уже нѣтъ...

— Какъ нѣтъ? А что же это?—мое любопытство съ каждымъ его словомъ разгоралось. Все это были какія-то откровенія.

— А это теперь будетъ духовное училище... Слышалъ я, что и содержать лучше будутъ и кормить почеловѣчески... Будто бы казна больше денегъ отпускать будетъ... И Працовскаго, кажется, похерятъ, а купятъ домъ его въ казну... Совсѣмъ новые порядки пойдутъ...

— Да что же это значитъ?

— Дурень! Что значитъ? Одумались, вотъ и все! Ты развѣ не знаешь: теперь во всемъ новые порядки. Крѣпостныхъ уже нѣтъ, ну, а бурсакъ былъ развѣ не хуже крѣпостнаго?..

— Такъ это хорошо! Это, слава Богу! — радостно воскликнулъ я.

Остаповъ мрачно посмотрѣлъ на меня.

— Тебѣ, можетъ, и хорошо, а мнѣ... неизвѣстно!..—какъ-то загадочно отвѣтилъ онъ, отвернулся и сталъ опять глядѣть въ окно.

Но я рѣшительно не понималъ, почему Остапову не нравится, что бить больше не будутъ и станутъ хорошо кормить и одѣвать. Почему онъ недоволенъ новымъ инспекторомъ и какъ будто жалѣетъ о томъ, что прежній—уже болѣе не инспекторъ и не будетъ сѣчь его каждый день? Разговоръ мой съ нимъ слышали другіе, также какъ и я, недоумѣвавшіе, и по корридору пошли тихіе разговоры о нововведеніяхъ. Однако-жъ, надо сказать, что этимъ свѣдѣніямъ, которыя Богъ знаетъ откуда добылъ Остаповъ, никто не хотѣлъ вѣрить. Бурсаки даже боялись вѣрить имъ. Они были всѣмъ своимъ прошлымъ напуганы и привыкли думать, что каждый новый шагъ ведетъ къ худшему, и опасались, какъ бы и тутъ не было хуже.

— Что же это за классы такіе? — спрашивали мы другъ у друга. — Положимъ, что вмѣсто «отдѣленій» будутъ классы... Но отдѣленій было три, а тутъ цѣлыхъ четыре класса... И если не будутъ бить, то какъ же учить будутъ?—Намъ казалось, что двѣ эти вещи тѣсно связаны между собой и ихъ никакъ нельзя разлучить. Очень насъ безпокоила также судьба о. инспектора. Что съ нимъ будетъ? Куда онъ дѣнется и какъ онъ будетъ существовать на свѣтѣ, если не будетъ каждый день никого сѣчь? Это тоже представлялось невозможнымъ.

Но вотъ внизу раздался звонокъ. Мы поняли это такъ, что насъ призываютъ къ порядку, и еще больше присмирѣли. Наконецъ, кто-то сказалъ: «Въ первый классъ! Въ первомъ классѣ собираться!». И мы всѣ двинулись въ первый классъ, попрежнему въ «низшее отдѣленіе», которое было самое обширное, и заняли мѣста за партами, а кто стоя, гдѣ попало.

Ощущеніе было у всѣхъ насъ трепетное, какъ будто мы собра-

лись сюда добровольно затѣмъ, чтобы получить какую-то неизбѣжную казнь.

— Тс!..—раздалось по всему классу. Дверь отворилась и вошли: ректоръ, старый инспекторъ и новое лице, съ портфелемъ въ рукѣ, какъ мы сейчасъ же догадались,—новый инспекторъ.

О ректорѣ, магистрѣ академіи, протоіереѣ Михаилѣ Назаретовѣ, мнѣ до сихъ поръ не пришлось упомянуть ни разу. Это произошло оттого, что онъ совсѣмъ не вмѣшивался въ нашу судьбу, ибо былъ человѣкъ другаго міра, рѣшительно ничѣмъ не походившій на все, его окружавшее. Мы его видѣли, когда онъ служилъ въ соборѣ, гдѣ онъ занималъ мѣсто настоятеля, видѣли, когда онъ проходилъ соборной оградой, высокій, худой, блѣдный, съ длинной русой бородкой, всегда задумчивый, всегда сосредоточенный на своихъ мысляхъ. Онъ предсѣдательствовалъ на экзаменахъ, но ни о чемъ не спрашивалъ, а сидѣлъ ровно и молча, иногда заходилъ къ намъ во время урока, стоялъ минуты двѣ съ опущенными глазами и уходилъ, будто ничего не слышалъ и не видѣлъ. И, кажется, это такъ и было. Люди, знавшіе его близко, имѣвшіе возможность бывать у него въ кабинетѣ и бесѣдовать съ нимъ, отзывались о немъ съ восторгомъ. Они говорили, что онъ необыкновенно-умный, высокообразованный и замѣчательно благородный человѣкъ. Мы же имѣли о немъ самое смутное понятіе. Въ дѣла бурсы онъ совсѣмъ не вмѣшивался и, кажется, не зналъ, что̀ въ ней дѣлается. Все вѣдалъ о. инспекторъ, а его всѣ оставили въ покоѣ, ибо давно поняли, что онъ человѣкъ другаго міра. Когда его останавливали на улицѣ знакомые или приходили къ нему по какому нибудь дѣлу, онъ какъ бы просыпался отъ сладкаго сна своихъ мыслей и мучительно переходилъ къ дѣйствительности и долго ничего не понималъ. Говорили, что вся его жизнь была насиліемъ, что онъ въ противность своимъ вкусамъ и взглядамъ сдѣлался духовнымъ, настоятелемъ и ректоромъ, что его умъ постоянно виталъ въ области отвлеченныхъ вопросовъ, что даже онъ вѣчно сидѣлъ надъ книгами и совсѣмъ не духовнаго содержанія. Но для насъ все это было туманно. Ясно только было для всякаго, что жизнь въ несвойственной сферѣ была тяжела ему: это было видно по его страдальчески блѣдному, изможденному лицу. Онъ прожилъ недолго и умеръ раньше сорока лѣтъ, и мнѣ же пришлось быть на его похоронахъ. Помню, какъ архіерей въ этотъ печальный день плакалъ самыми искренними, горькими слезами и на могилѣ его сказалъ, что мы потеряли самаго благороднаго человѣка, какой только былъ среди насъ, и это было сказано до такой степени трогательно, что всѣ мы плакали.

Мы въ первый разъ жизни слышали, какъ онъ говоритъ. Онъ остановился у учительскаго столика и сказалъ слабымъ голосомъ, задумчиво глядя на насъ:

— По распоряженію высшаго начальства у насъ произошли перемѣны. Прежнее дѣленіе на «отдѣленія» уничтожено, и будетъ четыре класса, каждый съ годичнымъ курсомъ. Вслѣдствіе этого и распредѣленіе учениковъ будетъ новое. Кромѣ того, вамъ нужно знать, что прежній о. инспекторъ сложилъ съ себя это званіе, и потому на его мѣсто назначено другое лице: Андрей Сергѣевичъ Локотниковъ...

Вотъ и все, что сказалъ намъ ректоръ. Это было очень немного и, по всей вѣроятности, ему самому такъ и казалось, что вся перемѣна состоитъ въ переименованіи «отдѣленій» въ «классы» и въ замѣнѣ стараго инспектора новымъ. По крайней мѣрѣ, такъ приходится думать. Приходится думать, что ректоръ, о высокомъ развитіи котораго, глубокомъ умѣ и благородствѣ рѣшительно всѣ свидѣтельствовали да свидѣтельствуютъ и теперь (и это люди, заслуживающіе полнаго довѣрія), просто не видѣлъ, что вокругъ него дѣлалось, не замѣчалъ жалкаго вида бурсаковъ, не слышалъ ихъ криковъ и не вникалъ въ ихъ жизнь. Въ противномъ случаѣ, онъ другимъ голосомъ и въ другихъ выраженіяхъ сообщилъ бы намъ о происшедшей перемѣнѣ. Нашъ старый инспекторъ тоже былъ умный человѣкъ, и въ частной жизни своей отличался щепетильной честностью; но онъ былъ человѣкъ своего времени, жестокаго времени, не понимавшаго другой школы, кромѣ школы розогъ и линейки; были неглупые люди и наши наставники, бившіе насъ по щекамъ и дававшіе щелчки въ носъ, и никого изъ нихъ никто не могъ бы обвинить въ какомъ нибудь неблаговидномъ дѣяніи; но они были люди простые, только-что сами вставшіе изъ-подъ розогъ; они сдѣлались наставниками, не успѣвъ еще хорошенько опомниться отъ обидъ и колотушекъ, которыя въ той же школѣ имъ наносили, и слѣпо слѣдовали по разъ установленному пути. Магистръ же академіи Назаретовъ стоялъ неизмѣримо выше этого круга, и, конечно, его безучастіе можно объяснить только тѣмъ, что съ высоты своего положенія онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ...

Но для насъ уже въ этихъ немногихъ словахъ ректора заключалось очень многое. Старый инспекторъ «сложилъ съ себя званіе», значитъ, не будутъ насъ ежедневно сѣчь. Каковъ будетъ этотъ Андрей Сергѣевичъ Локотниковъ? Лице его ничего особенно-пріятнаго намъ не обѣщало. Оно было какого-то сѣраго цвѣта, съ рябинами, сухое, деревянное. А когда онъ развернулъ портфель, вынулъ оттуда бумагу и началъ читать, мы долго были въ неудомѣніи, на какомъ языкѣ онъ читаетъ. Свѣдѣніе Остапова о его косноязычіи оправдалось вполнѣ. Изъ его первыхъ словъ мы ничего не могли разобрать. Но такъ какъ намъ во что бы то ни стало нужно было разслышать то, что онъ читалъ, то мы очень скоро ознакомились съ недостатками его рѣчи и стали понимать.

То, что мы узнали, было странно, удивительно, но для иныхъ и ужасно. Если бы какой нибудь посторонній наблюдатель слѣдилъ за выраженіемъ лицъ многочисленныхъ бурсаковъ, наполнявшихъ въ это время классъ, онъ увидалъ бы такіе оттѣнки изумленія, радости, скорби, отчаянія, которые разсказали бы ему многое. Въ большой комнатѣ стояла тишина, среди которой торжественно раздавался нѣсколько глуховатый, вибрирующій голосъ новаго инспектора.

Вотъ что мы узнали.

Совѣтъ училища, при дѣятельномъ участіи новаго инспектора, усердно изучалъ состояніе заведенія и въ виду того, что изъ трехъ отдѣленій сдѣлано четыре класса, разсортировалъ всю бурсу по классамъ, сообразно успѣхамъ каждаго. Тутъ шло длинное перечисленіе того, кто въ какой классъ попалъ, и иные изъ бурсаковъ услышали неожиданныя вещи. Вдругъ какое нибудь почтенное имя, которое, по долговременности пребыванія его владѣльца въ бурсѣ, должно бы было стоять по крайней мѣрѣ въ третьемъ классѣ, упоминалось въ первомъ, и такихъ именъ было не мало, а при иныхъ еще стояло примѣчаніе: «до усмотрѣнія», т. е. въ случаѣ необнаруженія успѣховъ таковые господа заранѣе предназначались къ изгнанію. Пичужко попалъ во второй классъ, и это доставило ему великое удовольствіе, я—въ первый, что было вполнѣ справедливо, такъ какъ за годъ пребыванія въ бурсѣ я ровно ничему не научился.

Но вотъ глубокая тишина, стоявшая въ классѣ, дошла до той стадіи, когда она становится мертвой, гробовой, и посреди нея раздались страшныя слова:

«За неоказаніемъ никакихъ успѣховъ втеченіе многихъ лѣтъ и вслѣдствіе великовозрастія, достигающаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершеннолѣтія, слѣдующіе воспитанники увольняются: Остаповъ»...

И вслѣдъ за Остаповымъ были перечислены имена всѣхъ «ословъ» бурсы, которымъ такимъ образомъ былъ произнесенъ приговоръ—идти на всѣ четыре стороны. Это была жестокость, безъ которой, однако-жъ, обойтись было никакъ нельзя. При новыхъ порядкахъ съ этими почтенными мужами школѣ рѣшительно нечего было дѣлать, тѣмъ болѣе, что они носили въ своихъ сердцахъ всѣ традиціи старой, несчастной, лѣнивой, голодной, униженной, всесторонне битой бурсы,—традиціи, которыя теперь не могли принести никакой пользы.

Чтеніе кончилось. Мы вышли изъ класса взволнованные, сразу узнавшіе слишкомъ много новаго, неожиданнаго и не успѣвшіе еще все усвоить.

Къ моему удивленію, уволенные «ослы» не злобствовали, не бранились, не бушевали, а шли, опустивъ головы, съ видомъ покор-

ности судьбѣ, съ сознаніемъ неизбѣжности совершившагося факта. На другой день они получили увольнительныя свидѣтельства и всѣ подали просьбы, чтобъ ихъ приняли въ пономари. Это была ихъ карьера...

XXIII.

Судьба Пичужки.

Первые мѣсяцы послѣ введенія новыхъ порядковъ мы находились точно въ состояніи какого-то очарованія. Мы не вѣрили своимъ глазамъ и своимъ ушамъ. Повидимому, все было то же, что и прежде, но въ то же время все было иное. Въ учительскомъ персоналѣ произошло только двѣ перемѣны: новый инспекторъ Локотниковъ и новый учитель греческаго языка, молоденькій студентъ семинаріи Урчановъ, только что кончившій курсъ. Всѣ другіе остались прежніе, но словно они прошли сквозь какое-то очистительное горнило: они не были похожи сами на себя. Новый духъ, перестроивавшій тогда все, перестроившій и нашу бурсу, пахнулъ на нихъ и своимъ дуновеніемъ снесъ съ нихъ старую закваску жестокихъ временъ, и люди вдругъ оказались людьми настоящими, которымъ ничто человѣческое не чуждо. Тѣ самые наставники, которые прежде считали своимъ священнымъ долгомъ ежеминутно давать намъ пощечины, щелчки, толкать, сѣчь, теперь сами вздохнули съ облегченіемъ, какъ бы почувствовавъ, что съ нихъ спала тяжкая обязанность. То была дань времени, но время круто перемѣнило свой цвѣтъ, и все прежде мрачное, угрюмое, покрытое туманомъ, окрасилось въ этотъ яркій, радостный цвѣтъ восходящаго новаго дня.

Это радостное утро уже давно свѣтилось по всей Руси, надъ которой взошло солнце, но бѣдная бурса ютилась въ тѣни, она была забыта, но вотъ и для нея насталъ праздникъ.

Въ классахъ шло ученье толковое, разумное; не раздавались пощечины, никто не плакалъ, насъ старались вразумить, мы старались понять. Тѣ самые наставники, которые прежде умѣли только спрашивать уроки, ставить нули, «задавать» назавтра по книжкѣ, чинить судъ и расправу, вдругъ научились объяснять свой предметъ, такъ что мы начали понимать, въ чемъ дѣло.

И это было вовсе не потому, что начальство внушило имъ быть такими, а не иными. Никакое начальственное внушеніе не способно такъ радикально передѣлать людей. Лучъ свѣта упалъ на нашу бурсу, озарилъ и согрѣлъ ее, и она зацвѣла новой жизнью. Всѣ почувствовали новое призваніе, человѣческія сердца, бившіяся до того вяло и угрюмо, забились радостно и горячо.

Старый о. инспекторъ не покинулъ школьнаго дѣла. Онъ остался преподавателемъ латинскаго языка. Когда онъ впервые явился къ

намъ въ классъ, мы сидѣли робко, съ потупленными очами, не зная, что будетъ. У иныхъ мелькала мысль: а что, какъ онъ возьметъ, да перепоретъ весь классъ? Вѣдь намъ никто же не объявлялъ: теперь, молъ, васъ бить не будутъ!

Онъ пришелъ, перекрестился на образъ во время молитвы, сѣлъ, откашлялся, посмотрѣлъ на насъ съ усмѣшкой и сказалъ:

— Ну, займемся латынью!

И сказалъ это безъ всякой ядовитости, просто—займемся латынью, и только. И пошелъ онъ намъ разсказывать о томъ, что такое латынь, да кто такіе были римляне, какіе у нихъ были порядки, какъ они жили, и почему это латинскій языкъ, столь древній и не смотря на то, что на немъ никто не говоритъ, надо всякому образованному человѣку изучать и знать. Говорилъ онъ просто, занимательно и весело, пересыпая свою рѣчь доступными намъ шутками и остротами, вспоминалъ, какъ въ его время учили латынь, когда всѣ между собой говорили полатыни, когда цѣлыя сочиненія писались на этомъ языкѣ.

Мы слушали и дивились: онъ ли это? Не другой ли это человѣкъ? Не переродился ли онъ? Онъ говоритъ съ нами, какъ съ людьми, обращается просто, почеловѣчески; мы не замѣтили, какъ прошелъ урокъ, и сразу получили большую охоту изучать латинскій языкъ,—охоту, которая, впрочемъ, съ теченіемъ времени прошла, когда мы убѣдились, что изучать латинскую грамматику не такъ интересно, какъ слушать занимательные разсказы о жизни древнихъ римлянъ...

Проходимъ урокъ за урокомъ; старый о. инспекторъ все больше и больше дѣлался нашимъ любимымъ учителемъ. Онъ, какъ-то будто сразу, созналъ или почувствовалъ, что жестокое время, котораго онъ былъ невольнымъ, но вѣрнымъ жрецомъ, кануло въ вѣчность, и открылся намъ такимъ простымъ, мягкимъ и любезнымъ человѣкомъ, какимъ былъ въ дѣйствительности. Тутъ мы поняли, что въ немъ никогда не было злобы и желчи, какъ не было ея и у другихъ нашихъ наставниковъ, колотившихъ насъ, а былъ только суровый принципъ, который деспотически руководилъ имъ. Новый духъ времени коснулся его сердца, и оно откликнулось своей простотой и человѣчностью.

Онъ обращалъ все вниманіе только на сущность предмета. Онъ никогда не придирался къ пустякамъ, старался, чтобъ мы поняли духъ языка, и съ отвращеніемъ, когда уже была крайняя необходимость, ставилъ въ журналѣ плохой баллъ.

Скоро появились новые наставники, которые ядовито говорили намъ «вы» и съ наслажденіемъ сбивали учениковъ съ толку, стараясь блеснуть своими скудными познаніями, и украшали классные журналы нулями и единицами. Скоро новый духъ проложилъ протоpенные пути и пошелъ дальше вершить свое дѣло, а по про-

торенным путямъ задвигались мертвые формалисты, какъ это было и, должно быть, будетъ во всякомъ дѣлѣ... У меня и моихъ сверстниковъ лучшія школьныя воспоминанія—это о тѣхъ самыхъ людяхъ, при одномъ взглядѣ которыхъ мы прежде дрожали...

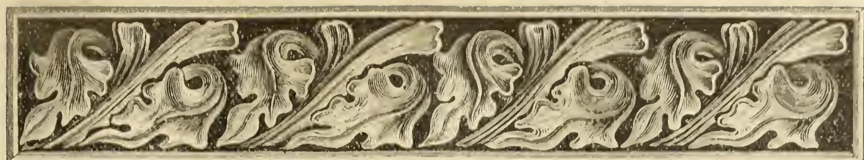
Мнѣ остается разсказать еще печальную судьбу моего друга Пичужки. Когда въ бурсѣ была объявлена перемѣна, онъ какъ-то живѣе всѣхъ почувствовалъ какую-то непонятную радость. Его дѣйствительно, какъ онъ это и предчувствовалъ, скоро удалили изъ хора, и онъ поступилъ на казенное содержаніе. Воспитанниковъ содержали не Богъ знаетъ какъ важно, но кормили сытно и одѣвали прилично. Пичужко ощутилъ въ своей груди страстное стремленіе къ наукѣ и съ величайшимъ рвеніемъ сталъ учиться. Онъ не разставался съ книгой и достигъ того, что въ половинѣ года его считали первымъ въ классѣ. Дружба наша не ослабѣвала. Мы часто видѣлись, и онъ постоянно убѣждалъ меня побольше учиться, но я еще не умѣлъ тогда хорошо слѣдовать его совѣту и учился довольно лѣниво. Это его возмущало и бѣсило. У него была какая-то особенная гордость по отношенію ко мнѣ, и ему казалось, что моя лѣность близко его касается и оскорбляетъ его.

Но къ концу года сбылось и другое предчувствіе Пичужки. Слабый отъ природы, страшно впечатлительный, натерпѣвшійся и настрадавшійся при прежнихъ порядкахъ, онъ не выдержалъ усиленныхъ занятій и слегъ въ больницу.

Пичужко и тутъ не покидалъ книгъ, стараясь идти наряду съ классомъ и боясь потерять свое первенство. Онъ мечталъ о томъ, какъ бы выздоровѣть къ экзамену, чтобъ съ торжествомъ перейти въ третій классъ. Но мечты его были напрасны. Онъ таялъ съ каждымъ днемъ, и мнѣ пришлось присутствовать при его послѣднемъ вздохѣ. Я не могу забыть того страшнаго момента, когда мой бѣдный Пичуга, до того времени все еще мечтавшій объ экзаменахъ, говорившій съ блаженной улыбкой о томъ, какъ онъ кончитъ семинарію, пойдетъ въ академію и будетъ ученымъ человѣкомъ, вдругъ понялъ, что ничему этому осуществиться не суждено, понялъ, что всему конецъ, что онъ умираетъ... Его исхудалое лице выражало безсильное отчаянье, онъ вытянулся, откинулъ голову, и страшная мука изобразилась въ его глазахъ... Я не выдержалъ, закрылъ лице руками и зарыдалъ...

Мы похоронили Пичужку на Ѳоминой недѣлѣ. Въ эту Пасху я не ѣздилъ въ деревню, а всю просидѣлъ у постели моего друга...

И. Потапенко.



ЗАПИСКИ А. И. МИХАЙЛОВСКАГО-ДАНИЛЕВСКАГО[1].

1823 годъ.

III.

Увольненіе министра финансовъ графа Гурьева.— Характеристика его тринадцатилѣтняго управленія финансами Россіи.— Выдержка изъ отчета, поданнаго имъ государю.— Назначеніе министромъ Канкрина.— Необыкновенный сенаторъ.— Нарушеніе дворянской грамоты.— Одинъ изъ дней императора Александра.— Великодушіе государя относительно графа Ростопчина и адмирала Чичагова.— Поѣздка императора на югъ.— Мой разговоръ съ нимъ.— Моя поѣздка въ Арзамасъ и Нижній Новгородъ.

Въ МАѢ мѣсяцѣ уволили министра финансовъ графа Гурьева отъ должности его, которую онъ занималъ тринадцать лѣтъ. Общій голосъ публики былъ противъ него; я же буду всегда вспоминать съ благодарностью о ласкахъ, оказанныхъ имъ мнѣ въ моей молодости, и въ оправданіе его противъ дѣлаемыхъ ему обвиненій скажу только, что нельзя ему было не изыскивать средствъ къ возвышенію налоговъ, къ займамъ и къ кредитнымъ оборотамъ, когда въ его министерство въ 1812 году разорена знатная часть Россіи непріятелемъ, когда въ 1813, 1814 и 1815 годахъ нѣсколько сотъ тысячъ нашей арміи находилось за границей, которыя надлежало содержать наличными деньгами, а съ 1815 года Россія имѣла подъ ружьемъ до милліона войскъ, и когда онъ, не взирая на стеченіе столь неблагопріятныхъ обстоятельствъ, еще уменьшилъ ассигнаціи на нѣсколько сотъ милліоновъ.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1892 г., іюль, стр. 47.

Гурьевъ раздѣлялъ жребій падшихъ министровъ въ томъ, что и на него вышло послѣ отставки его нѣсколько карикатуръ и пасквилей; напримѣръ, дурную водку, смѣшанную съ водою, называли Гурьевкою. Графъ Милорадовичъ сказывалъ мнѣ, что онъ первый началъ нападать на Гурьева въ комитетѣ министровъ года за четыре. Ему отсовѣтовали сіе подъ тѣмъ предлогомъ, что императоръ поддерживалъ министра финансовъ. Милорадовичъ пересказалъ это государю, и его величество отвѣчалъ ему: «продолжайте поступать, какъ вы начали, я не поддерживаю никого». Сильнѣйшіе удары Гурьеву нанесъ адмиралъ Мордвиновъ постояннымъ и нѣсколько лѣтъ продолжавшимся опроверженіемъ его предположеній и строгимъ разборомъ его дѣяній. Я самъ весьма удаленъ отъ того, чтобы защищать послѣдній поступокъ министра финансовъ, состоявшій въ слѣдующемъ. Извѣстный столько же остроуміемъ своимъ, сколько и расточительностью, Александръ Львовичъ Нарышкинъ просилъ купить въ казну за семьсотъ тысячъ рублей дачу его, лежащую на Петергофской дорогѣ. Не взирая на истощеніе государственнаго казначейства, Гурьевъ согласился на сію покупку въ угодность Нарышкину; но, когда на другой день предложили въ комитетѣ министровъ раздать милліонъ двѣсти тысячъ рублей умиравшимъ съ голода бѣлорусскимъ крестьянамъ, то министръ финансовъ воспротивился сей мѣрѣ, утверждая, что это значитъ потворствовать лѣни крестьянъ, и что сей суммы, при разстройствѣ финансовъ, выдать нельзя. Ему возразили, во-первыхъ, что мнѣніе его не заключаетъ въ себѣ сожалѣнія къ страждущему человѣчеству, и, во-вторыхъ, напомнили ему о согласіи его выдать Нарышкину семьсотъ тысячъ рублей за дачу, вовсе ненужную казнѣ.

Я посѣтилъ графа Гурьева съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы изъяснить ему мое участіе въ его положеніи, и посѣщеніе мое было ему столь пріятно, что онъ меня нѣсколько разъ обнялъ. Онъ сказалъ мнѣ, что, бывши тринадцать лѣтъ министромъ, онъ проводилъ десять и болѣе часовъ за своимъ письменнымъ столомъ, что дѣла, его обременявшія, и лежавшая на немъ отвѣтственность были столь велики, что прерывали нерѣдко сонъ его и разстроили его здоровье, что посему онъ еще въ прошломъ году просилъ увольненія, но государь удержалъ его; что онъ потомъ возобновилъ просьбу свою и получилъ желанную отставку. «Въ доказательство довѣрія моего къ вамъ и уваженія,— сказалъ онъ мнѣ,— я вамъ прочитаю вкратцѣ отчетъ моего управленія, который извѣстенъ только одному императору». При сихъ словахъ онъ вынулъ бумагу и сообщилъ мнѣ нѣкоторыя главнѣйшія статьи изъ оной, которыя я здѣсь помѣщаю:

«При вступленіи его въ министерство было 157 милліоновъ недостатка въ расходахъ, много долговъ и до 800 милліоновъ асси-

гнацій, упадавшихъ безпрестанно въ своемъ достоинствѣ. Новый планъ финансовъ, основанный на уничтоженіи ассигнацій и погашеніи долговъ, воспріялъ свое начало съ 1-го сентября 1817 года, съ котораго времени изъято изъ обращенія до трехсотъ милліоновъ ассигнацій (которыхъ къ 1823 году оставалось до пятисотъ милліоновъ), опредѣлена, какъ сіе водится во всѣхъ государствахъ, гдѣ финансы учреждены на истинныхъ правилахъ, ежегодно постоянная сумма для уплаты долговъ, изъ коихъ погашена значительная часть, и доходы возвышены до четырехсотъ десяти милліоновъ. Сей финансовый планъ не приведенъ еще весь къ окончанію, но, ежели будутъ слѣдовать оному постоянно, то считая съ 1-го января 1823 года, въ двѣнадцать лѣтъ, то-есть до 1835 года, всѣ долги внутренніе и иностранные будутъ уплачены; и ассигнаціи уменьшены до ста семидесяти пяти милліоновъ, сумма, которая, какъ извѣстно по опытамъ, достаточна для внутренняго обращенія и не потеряетъ своего достоинства противъ серебра; тогда, то-есть въ 1835 году, доходы и расходы государственные будутъ основаны на серебрѣ. Послѣдній заемъ у Ротшильда былъ сдѣланъ на случай предполагаемой войны на югѣ». Къ сожалѣнію, чтеніе сей бумаги было прервано посѣщеніями.

Мѣсто графа Гурьева занялъ нѣкто Канкринъ, родомъ изъ Гессенъ-Касселя. Назначеніе его въ министры финансовъ послужило новымъ доказательствомъ, что въ Россіи не готовятъ людей долговременнымъ служеніемъ по одной части занять нѣкогда главное мѣсто въ оной, но полагаютъ умнаго человѣка способнымъ ко всему. Канкринъ лѣтъ за пятнадцать былъ выписанъ изъ Германіи въ помощь отцу своему, находившемуся при старо-русскихъ солеварняхъ, а потомъ былъ начальникомъ колонистовъ, живущихъ около Петербурга. Занимая сію должность, онъ написалъ проектъ о продовольствіи войскъ, который понравился бывшему тогда военному министру Барклаю-де-Толли, пригласившему Канкрина служить по провіантской части. Въ 1812 году его назначили генералъ-интендантомъ первой арміи, а въ послѣдующихъ онъ сохранилъ сіе званіе во всѣхъ арміяхъ. Благоразумныя распоряженія его и особенный отчетъ, представленный имъ о его управленіи по окончаніи войны, обратили на него вниманіе государя.

Я упомянулъ, что за нѣсколько времени до удаленія графа Гурьева отъ министерства финансовъ было разсужденіе въ комитетѣ министровъ о свирѣпствовавшемъ въ Бѣлоруссіи голодѣ. Туда былъ посланъ сенаторъ Барановъ для доставленія пособія жителямъ, и по возвращеніи его послѣдовалъ на имя его высочайшій рескриптъ, коимъ государь благодарилъ его за сдѣланныя имъ распоряженія. Вскорѣ, однако же, узнали, что голодъ и нищета вновь усились въ Могилевской и Витебской губерніяхъ; симъ предметомъ занялись въ комитетѣ министровъ и открыли, что

дѣйствія Баранова были предосудительны. Спрашивается, какъ осмѣлились поднести для подписанія императору благодарственный рескриптъ, въ то время какъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, поступки сего же самаго Баранова осуждаются. Это напоминаетъ мнѣ, что за три года пожаловали за успѣшное производство работъ по строящемуся изъ Петербурга въ Москву шоссе генералъ-маіору Вельяшеву орденъ святой Анны первой степени, а черезъ годъ его же предали суду за сіе самое шоссе.

Говоря о Барановѣ, я не могу пройти молчаніемъ, что на одномъ обѣдѣ, гдѣ между прочимъ присутствовали я и этотъ сенаторъ, рѣчь зашла о просвѣщеніи, котораго Барановъ долженъ быть врагомъ, потому что онъ не устыдился сказать при всѣхъ, что книгопечатаніе есть зло для человѣчества. Я едва повѣрилъ ушамъ своимъ, слыша подобный отзывъ изъ устъ сенатора въ XIX столѣтіи и въ царствованіе Александра. Я думаю, что французскіе либералы пожаловали бы первой степени орденъ de l'eteignoir.

По случаю бывшей тогда войны французовъ противъ испанцевъ, всѣ придворные, разумѣется, военные, потому что статскіе являлись во дворецъ только очень рѣдко, радовались успѣхамъ французскаго оружія. Это и не могло быть иначе, потому что французы дѣйствовали по повелѣнію нашего государя. Въ Испанію отправленъ былъ извѣстный военный нашъ писатель, товарищъ мой, флигель-адъютантъ Бутурлинъ, которому велѣно было находиться при главной квартирѣ герцога Ангулемскаго. Поздравляя его съ симъ назначеніемъ, я сказалъ ему, что онъ начинаетъ свое военное поприще подобно тому, какъ генералъ Римскій-Корсаковъ, который въ 1792 году былъ посланъ императрицею Екатериною въ Нидерланды къ принцу Кобургскому, но не желаю, чтобы онъ кончилъ подобно Корсакову сраженіемъ подъ Цюрихомъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ послѣдовалъ указъ, коимъ велѣно, чтобы въ Бѣлоруссіи капитаны-исправники, выбираемые на основаніи дворянской грамоты отъ дворянства, назначаемы были впредь губернаторами. Такимъ образомъ симъ указомъ нарушена въ двухъ губерніяхъ одна изъ важныхъ статей дворянской грамоты, сего кореннаго закона, могущаго нѣкоторымъ образомъ назваться палладіумомъ нашей гражданской свободы. Вообще дворяне не знаютъ еще цѣны сего закона; напримѣръ, я недавно говорилъ о немъ съ однимъ богатымъ помѣщикомъ Нижегородской губерніи, который, приводя примѣръ злоупотребленій, вкравшихся при дворянскихъ выборахъ, сказалъ, что выгоднѣе было бы отмѣнить оные совершенно. Таковое невѣжество меня изумило тѣмъ болѣе, что помѣщикъ сей принадлежитъ къ числу образованнѣйшихъ того края; каковы же должны быть другіе,—подумалъ я.

Около сего времени мнѣ случилось быть дежурнымъ при государѣ. Разсматривая, какимъ образомъ императоръ провелъ это утро,

я удивлялся, какъ можно въ одной головѣ помѣстить столько разнообразныхъ занятій. Въ восемь часовъ утра былъ у его величества со множествомъ бумагъ исправлявшій должность начальника штаба генералъ Дибичъ; въ девять часовъ вошли въ кабинетъ петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ, комендантъ Башуцкій и оберъ-полицеймейстеръ Гладковъ; потомъ его величество принималъ генералъ-адъютантовъ и вѣстовыхъ разныхъ гвардейскихъ полковъ, въ каковое время и я, какъ дежурный, вошелъ для отданія пароля и, оглядывая кабинетъ, въ которомъ находилось пять или шесть столовъ, покрытыхъ бумагами, увидѣлъ, что тамъ было также фортепіано. Послѣ сего представлялись государю военные, не имѣвшіе входа въ кабинетъ, то-есть бригадные генералы, арміи штабъ и гвардіи штабъ и оберъ-офицеры: почти съ каждымъ изъ нихъ государь сказалъ нѣсколько словъ; это были или пріѣзжіе въ Петербургъ изъ арміи, или отъѣзжавшіе, или благодарившіе за чины. Послѣ сего, была обѣдня, по окончаніи которой представлялись дамы и статскіе чиновники, на половинѣ императрицы Елисаветы Алексѣевны. Государь возвратился оттуда въ свой кабинетъ, въ который призваны были по одиночкѣ слѣдующія особы, проводившія въономъ довольно долгое время, а именно: графъ Аракчеевъ, назначенный въ Новороссійскій край генералъ-губернаторомъ и уполномоченнымъ намѣстникомъ въ Бессарабію графъ Воронцовъ, министръ финансовъ Канкринъ, опредѣленный военнымъ губернаторомъ въ Архангельскъ Миницкій, начальникъ десятой пѣхотной дивизіи Свѣчинъ, опредѣленный въ Тулу гражданскимъ губернаторомъ Кривцовъ, а взаключеніе командиръ гвардейскаго корпуса Уваровъ вмѣстѣ съ генераломъ Дибичемъ. Разумѣется, что съ каждымъ изъ сихъ чиновниковъ надобно было говорить о довольно важныхъ предметахъ, свойственныхъ должности каждаго изъ нихъ. Сіе кончилось въ два часа; въ половинѣ третьяго императоръ уѣхалъ кушать къ вдовствующей императрицѣ на Елагинъ островъ и возвратился въ Зимній дворецъ въ восемь часовъ вечера.

Проведя весь тотъ день во дворцѣ, я услышалъ, что нѣкоторые изъ русскихъ, жившихъ въ Парижѣ, говорили явно противъ нашего правительства; въ семъ числѣ были прежній московскій главнокомандующій графъ Ростопчинъ и адмиралъ Чичаговъ. Они оба выдали дочерей своихъ за французовъ, и Чичаговъ, продавши все имѣніе свое въ Россіи, поселился навсегда въ Парижѣ. Зачѣмъ,—подумалъ я,—не принялъ онъ сего намѣренія прежде Отечественной войны; тогда, вѣроятно, Наполеонъ не перешелъ бы чрезъ Березину. Всякій другой монархъ велѣлъ бы имъ выѣхать изъ Франціи, возвратиться въ Россію и, можетъ быть, наказалъ бы за ихъ дерзость; но Александръ, которому извѣстны ихъ неблагоразумные отзывы насчетъ Россіи, оставляетъ ихъ въ покоѣ и являетъ тѣмъ новый примѣръ своего великодушія.

16-го августа назначенъ былъ отъѣздъ государя изъ Петербурга, потому что его величество обыкновенно осенью осматривалъ разныя губерніи Россіи. Вотъ маршрутъ высочайшаго путешествія: изъ Петербурга въ Тихвинъ для богомолья и поклоненія чудотворной иконѣ, изъ Тихвина въ Москву, гдѣ императоръ намѣревался пробыть отъ 24-го августа до 30-го того же мѣсяца, оттуда въ Орелъ для смотра гренадерскаго корпуса, потомъ въ Брестъ-Литовскъ, гдѣ назначено было собраться всей польской арміи, послѣ въ Тульчинъ на смотръ и маневры второй арміи, имѣвшіе продолжаться шесть дней, а взаключеніе въ Вознесенскъ, на поселеніе уланскихъ дивизій. Обратный путь опредѣленъ былъ черезъ Каменецъ-Подольскъ, и возвращеніе въ Петербургъ назначено было къ 14-му октября, то-есть ко дню рожденія вдовствующей императрицы, къ каковому числу его величество старался оканчивать свои путешествія. Графъ Аракчеевъ и генералъ-адъютанты Дибичъ и Чернышевъ сопутствовали его величеству; это было въ первый разъ, что князь Волконскій не находился въ высочайшемъ вояжѣ, и Дибичъ заступилъ его мѣсто, то-есть сидѣлъ въ одной коляскѣ съ государемъ.

Я услышалъ о семъ путешествіи въ іюнѣ мѣсяцѣ, а потому, чтобы не жить праздно въ Петербургѣ, вздумалъ ѣхать въ свои деревни въ Нижегородскую губернію со всѣмъ семействомъ; я спросилъ на сіе позволенія у государя чрезъ генерала Дибича, который, объявя мнѣ высочайшее на оное соизволеніе, сказалъ, что государь желаетъ меня видѣть передъ отъѣздомъ и назначилъ отпускную мнѣ аудіенцію 10-го іюля въ 9 часовъ утра на Каменномъ островѣ. Когда я пріѣхалъ, то меня позвали въ кабинетъ, гдѣ императоръ былъ одинъ и вступилъ немедленно со мною въ разговоръ о сельскомъ хозяйствѣ, о пашнѣ, объ оброкѣ, о количествѣ десятинъ, нужныхъ для продовольствія крестьянъ, и, между прочимъ, спросилъ, не купилъ ли я на свое имя какого имѣнія.

— У меня нѣтъ ни аршина собственной земли,—отвѣчалъ я.

— Ни аршина, — повторилъ императоръ съ выразительною улыбкою.

Открывъ ему мое положеніе, я былъ увѣренъ, что въ случаѣ нужды Александръ подалъ бы мнѣ руку помощи. Послѣ сего разговоръ зашелъ о прививаніи коровьей оспы, и когда я сказалъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, а именно въ Пензенской и Нижегородской, смертность отъ оной заразы бываетъ отмѣнно велика, и что даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и самое имя изобрѣтенія Дженнера неизвѣстно, то его величество крайне сему удивился, ибо онъ сказалъ, «что велѣно прививать коровью оспу по губерніямъ не только врачамъ, но даже священникамъ, уговаривать прихожанъ не бояться оной и предписано обучать прививанію

семинаристовъ въ духовныхъ училищахъ». Я отвѣчалъ, что сіи распоряженія, конечно, благодѣтельны, но что исполненіе не соотвѣтствуетъ имъ. Государь сказалъ:

— Сіе, къ несчастію, великая истина, и бываютъ примѣры тому очень часто; но меня удивляетъ, что въ Пензенской губерніи смертность отъ оспы велика, потому что прежде тамъ былъ Сперанскій, а теперь Лубяновскій, оба отличные губернаторы.

Взаключеніе государь приказалъ мнѣ заѣхать на Нижегородскую ярмарку и осмотрѣть ее.

Я въ этотъ же день выѣхалъ изъ Петербурга по прекрасному шоссе, оконченному тогда почти до Новгорода, но не встрѣтилъ на семъ пространствѣ ни одного человѣка, который бы починялъ дорогу. Ямщики и станціонные смотрители говорили единодушно, что въ послѣднія десять лѣтъ произошла великая перемѣна въ обращеніи съ ними проѣзжающихъ. Ласковыя слова заступили мѣсто прежней грубости, плетей и палокъ, и что буяны стали рѣдки. Я полагаю, что къ сей счастливой перемѣнѣ способствовало преимущественно личное обхожденіе императора, исполненное благосклонности и небывалой до того вѣжливости, просвѣщеніе, распространенное въ царствованіе его на всѣ сословія, и заграничные походы, которые подѣйствовали сильнѣе, чѣмъ наставительныя нравоученія.

Мнѣ пріятно было встрѣчать дилижансы, напомнившіе мнѣ Европу; они учреждены были за два года и возили ежегодно до трехъ тысячъ особъ изъ Москвы въ Петербургъ и обратно. Ужасныя дороги между сихъ столицъ служатъ укоромъ нашимъ инженерамъ; къ стыду ихъ, Валдайскія горы не были срыты, въ то время, какъ черезъ Альпы проложены прекраснѣйшія дороги. Невѣроятно, до какой степени земля дурно обработана отъ Петербурга до Москвы и даже до Владиміра; почти нигдѣ не видно было боковыхъ или проселочныхъ дорогъ. Проѣхавши Оку, я замѣтилъ, что почва земли становится плодороднѣе, а близь Арзамаса нашелъ столь тучныя поля, что сей край можно сравнить съ Саксоніею. Въ деревняхъ множество дѣтей обоего пола лѣтъ до тринадцати находятся въ совершенной праздности, нигдѣ не обращено вниманіе на учрежденіе школъ.

Я прожилъ шесть недѣль въ селѣ Гаряхъ недалеко отъ Арзамаса и былъ пораженъ нерадѣніемъ помѣщиковъ къ улучшенію сельскаго хозяйства. Со времени Петра Великаго все приняло въ Россіи другой видъ: армія, флоты, законодательство, торговля, художества, науки, образъ мыслей, общежитіе, самое одѣяніе наше, лишь одно хлѣбопашество осталось на той низкой степени, въ которой оно было въ варварскіе вѣка. Открытія, сдѣланныя въ просвѣщенныхъ земляхъ въ семъ полезнѣйшемъ и благороднѣйшемъ искусствѣ, остались чужды для Россіи; у насъ чрезвычайно

мало помѣщиковъ, слѣдящихъ за успѣхами сельскаго хозяйства; книги, изданныя по сей части, не совсѣмъ удовлетворительны, немногіе ихъ читаютъ, и рѣдкое сочиненіе о семъ предметѣ не заключается наставленіемъ, какъ дѣлать настойки и наливки.

Въ началѣ августа я поѣхалъ въ Нижній Новгородъ; строенія на ярмаркѣ меня удивили: это самое огромное зданіе, какое я видѣлъ въ Европѣ; римляне не производили ничего подобнаго въ отношеніи къ обширности; это достойный памятникъ царствованія Александра. Генералъ Бетанкуръ, подъ надзоромъ коего производились работы, самъ показывалъ мнѣ ярмарку; онъ родился на Канарскихъ островахъ и былъ отмѣнно свѣдущъ по своей части; онъ сказалъ мнѣ о государѣ: «c'est le seul russe qui aime son pays» (это единственный русскій, который любитъ Россію), «ибо всѣ прочіе чиновники,— продолжалъ онъ,— съ которыми я имѣлъ дѣла, управляя водяными и сухопутными сообщеніями въ Россіи, имѣютъ въ виду не пользу государства, а собственныя свои выгоды».

IV.

Пріѣздъ императора Александра въ Москву.—Восторженная встрѣча его.—Рѣчь митрополита Филарета. — Представленіе дворянства и купечества. — Мой разговоръ съ государемъ.—Смотръ пятаго корпуса.—Визиты государя. — Разсказъ Балашева о его свиданіи съ Наполеономъ въ Вильнѣ.—Маневры близь Всесвятскаго.—Аудіенція моя у графа Аракчеева.—Панихида по убіеннымъ. — Обѣдъ у московскаго генералъ-губернатора.—Мнѣніе Александра о Карамзинѣ.—Пренебреженіе графа Аракчеева къ общественному мнѣнію.—Особенное вниманіе ко мнѣ государя.—Неожиданное объясненіе съ генераломъ Дибичемъ.—Отъѣздъ государя изъ Москвы.

Проживя съ недѣлю въ Нижнемъ-Новгородѣ, я отправился въ Москву; на первой станціи отъ Нижняго опрокинули мою карету и такъ оную повредили, что я долженъ былъ ожидать два дня, пока ее вычинятъ у извѣстнаго агронома помѣщика Ребиндера, близь деревни коего меня опрокинули. Я пріѣхалъ въ Москву 24-го августа, въ самый тотъ день, когда ожидали туда высочайшаго прибытія, и я составилъ ежедневную записку о томъ, что происходило въ древней столицѣ втеченіе пяти дней, которые государь провелъ въ оной.

Императоръ пріѣхалъ въ Москву 25-го августа въ три часа по полуночи; за нѣсколько верстъ передъ городомъ, въ селѣ Преображенскомъ, его величество останавливался въ третьемъ часу утра, чтобы переодѣваться; государь въѣхалъ въ Москву въ одной коляскѣ съ графомъ Аракчеевымъ, съ которымъ ѣхалъ вмѣстѣ отъ Тихвина, а отъ Петербурга до Тихвина сидѣлъ въ одномъ экипажѣ съ генераломъ Дибичемъ. Не взирая на глубокую ночь, на-

родъ встрѣтилъ своего царя громкими восклицаніями, а въ Кремлѣ ожидали высочайшаго прибытія слѣдующія особы: московскій военный генералъ-губернаторъ князь Голицынъ, начальникъ дворцовыхъ строеній князь Юсуповъ, главнокомандующій первою арміею графъ Сакенъ и командиръ пятаго пѣхотнаго корпуса, который былъ тогда расположенъ въ Москвѣ, графъ Толстой. Поговоря съ ними нѣсколько минутъ, императоръ легъ почивать, а поутру, въ восьмомъ часу, позвалъ къ себѣ сперва графа Аракчеева, послѣ генерала Дибича, а потомъ военнаго губернатора вмѣстѣ съ комендантомъ Веревкинымъ и оберъ-полицеймейстеромъ Шульгинымъ. За симъ былъ большой выходъ прямо въ Успенскій соборъ, и едва императоръ явился на Красномъ Крыльцѣ, какъ громкое «ура!» раздалось повсюду; государь сходилъ медленно по лѣстницѣ и, останавливаясь ступени черезъ три, кланялся на всѣ стороны. Надобно видѣть нашего царя на Красномъ Крыльцѣ Кремля, сего россійскаго Капитолія, чтобы постигнуть, какая разница существуетъ между нимъ и прочими монархами Европы; я видѣлъ нарядные выѣзды австрійскаго императора въ Вѣнѣ и Людовика XVIII и Наполеона въ Парижѣ: сіи и въ самые торжественные дни являются, какъ первые чиновники своего государства, между тѣмъ какъ наши самодержцы представляются здѣсь въ необыкновенномъ величіи, которое потрясаетъ чувства сердца нашего. Передъ дверьми Успенскаго собора архіепископъ Филаретъ привѣтствовалъ государя слѣдующею рѣчью, произнесенною твердымъ голосомъ, во время которой царствовало глубочайшее молчаніе, а Филаретъ смотрѣлъ прямо въ глаза императору.

«Передъ Богомъ срѣтаемъ тебя, благословеннѣйшій государь, и благодаримъ Его, что утѣшаетъ насъ тобою, и молимъ Его, да утѣшитъ тебя нами.

«Воззри еще на сей царелюбивый народъ и утѣшься его любовью, которая и сокрываемому въ глубокой нощи пришествію твоему не допустила утаить ее и восприяла тебя гласомъ восторга.

«Воззри еще на сей многовѣковый царственный градъ, который дано тебѣ въ краткое время изъ развалинъ и пепла возродить, и утѣшься симъ, какъ знаменіемъ того, что Богъ, посѣтившій неправды наши, сохранилъ здѣсь еще благословеніе правыхъ, ибо въ благословеніи праведныхъ возвысится градъ,—говоритъ слово правды.

«Богъ благословеній да споспѣшествуетъ тебѣ въ важнѣйшемъ царственномъ зиждительствѣ твоемъ, въ зиждительствѣ и возвышеніи нравственнаго и духовнаго порядка, въ утвержденіи вѣры и правды, которыми и цари велики, и царства не поколебимы.

«Господи, спаси царя и сохрани восхожденіе его и исхожденіе его къ спасенію царства».

Послѣ обѣдни представлялись императору губернскіе и уѣзд-

ные московскіе предводители, а послѣ нихъ купечество. Потомъ позваны были въ кабинетъ его величества генералъ-адъютанты баронъ Розенъ и Потемкинъ, которые въ 1820 году командовали гвардейскими дивизіями и по поводу происшествія, случившагося въ Семеновскомъ полку, были удалены въ армію, и съ тѣхъ поръ не видали государя. Каждый изъ нихъ, пробывъ въ кабинетѣ около получаса, выходилъ оттуда съ растроганнымъ лицемъ. За симъ камердинеръ позвалъ меня; я нашелъ государя, стоявшаго посреди комнаты, и онъ меня спросилъ съ веселымъ видомъ:

— Давно ли ты пріѣхалъ въ Москву и какъ провелъ лѣто?

Послѣ сего начался цѣлый рядъ вопросовъ о сельскомъ хозяйствѣ и объ урожаѣ.

— Въ низовыхъ губерніяхъ дурнаго урожая почти не знаютъ,— сказалъ я между прочимъ.

— Слава Богу,—отвѣчалъ императоръ,—нынѣшнимъ годомъ мы должны быть довольны; напримѣръ, овощи въ Петербургѣ продаются отмѣнно дешево: тысяча огурцовъ стоитъ одинъ рубль; намъ вообще на продовольствіе жаловаться нельзя.

— Особенно при нашемъ народѣ,—присовокупилъ я,—одаренномъ прекраснѣйшими свойствами...

— Да, что касается до русскаго народа,—прервалъ государь,— то мы предъ всѣми пощеголяемъ: онъ трудолюбивъ, уменъ, смѣтливъ и нравственъ.

— Позвольте прибавить, — сказалъ я,—и преданъ совершенно престолу вашему и особѣ вашей, и отмѣнно набоженъ.

— Конечно,—отвѣчалъ государь,—набожность его не есть самая просвѣщенная, но она у него покоится глубоко въ сердцѣ и предохраняетъ его отъ многихъ пороковъ.

Тутъ я разсказалъ нѣсколько примѣровъ добродушія нашихъ крестьянъ, что̀, кажется, весьма понравилось государю.

— Впрочемъ намъ остается еще дѣлать много,—сказалъ императоръ:—надобно идти своею дорогою и не смотрѣть ни на какіе крики, возраженія и препятствія.

— Мы имѣемъ для сего примѣръ Петра Великаго,—отвѣчалъ я:—если бы онъ обращалъ вниманіе на противорѣчія своихъ современниковъ, то что бы мы теперь были?

— Былъ ли ты на ярмаркѣ и что тамъ замѣтилъ?—спросилъ государь.

Едва я началъ говорить, какъ государь, прервавъ меня, сказалъ, «что онъ слышалъ не оффиціально, а постороннимъ образомъ, что жалуются на дороговизну лавокъ».

— Такъ точно,—отвѣчалъ я и при семъ изложилъ всѣ тѣ замѣчанія, которыя я письменно сдѣлалъ о ярмаркѣ, и которыя императоръ слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ. Послѣ сего я

упомянулъ о многихъ пожарахъ, бывшихъ лѣтомъ въ Нижегородской губерніи.

— Какая тому причина?—спросилъ императоръ.

— Дурной образъ строенія крестьянскихъ избъ,—отвѣчалъ я:—недостатокъ въ переулкахъ и въ пожарныхъ трубахъ,—и присовокупилъ, что я удивляюсь, какъ отъ сихъ причинъ не сгорятъ всѣ деревни.

Государь раза два спрашивалъ меня, «не были ли поджигательства весною причиною сихъ пожаровъ». Я отвѣчалъ, что сіе не доходило до моего свѣдѣнія.

За симъ его величество спросилъ меня, «не видалъ ли я въ Нижнемъ графа Кочубея и получила ли дочь его облегченіе».

— Я знаю только,—отвѣчалъ я:—что онъ выписывалъ для совѣщанія о болѣзни своей дочери изъ Арзамаса монаха Антонія, славящагося глубокими свѣдѣніями въ врачебной наукѣ.

— Я не слыхалъ никогда о семъ монахѣ,—отвѣчалъ государь:—это вѣрно было желаніе графини Кочубей, потому что мужъ ея слишкомъ просвѣщенъ.

Тутъ произошло нѣкоторое молчаніе, послѣ котораго государь, взявъ меня за руку, подвелъ къ окну и, показывая на Москву, сказалъ, «что это прекраснѣйшая картина, которую онъ видалъ въ своей жизни, и что онъ каждое утро любуется оною нѣсколько минутъ».

— Я знаю,—отвѣчалъ я,—видъ, который не уступаетъ сему: вспомните ту минуту, когда мы стояли на высотахъ Бельвиля и видѣли лежавшій у ногъ нашихъ Парижъ.

— Тогда,—прервалъ императоръ, пожавъ меня крѣпко за руку,—сердца наши были исполнены другихъ чувствъ, и посему-то мнѣ всегда пріятно разговаривать съ тѣми, которые тамъ со мною были.

Императоръ мнѣ поклонился, и я вышелъ изъ комнаты.

Послѣ сего императоръ ѣздилъ гулять по городу и сказалъ мнѣ, возвратясь: «если бы самъ не видалъ Москвы, то не повѣрилъ бы, что она такъ хорошо выстроена послѣ пожара». За симъ былъ обѣдъ, на который приглашены были чиновники первыхъ трехъ классовъ, за исключеніемъ генералъ-лейтенантовъ, состоявшихъ по арміи, которыхъ не звали на обѣдъ.

26-го августа, въ восьмомъ часу утра государь былъ у обѣдни въ придворной церкви Спаса за Золотою Рѣшеткою, а потомъ мы отправились на смотръ пятаго пѣхотнаго корпуса, состоявшаго изъ пѣхотныхъ дивизій, 13-ой генерала Турчанинова, 14-ой Кайсарова и 15-ой барона Розена, третьей уланской дивизіи князя Лопухина и артиллеріи генерала Говена; корпусъ былъ выстроенъ на равнинѣ близъ Петровскаго дворца. Императоръ былъ очень доволенъ войсками, которыя дѣйствительно доведены до совершенства; во время смотра шелъ нѣсколько разъ столь сильный дождь, что лошади наши

не могли стоять на мѣстѣ и начали ворочаться, всѣ дрожали отъ холода, будучи насквозь вымочены; одинъ государь не подавалъ ни малѣйшаго вида, чтобы сей дождь имѣлъ на него вліяніе: хотя, однако же, примѣтно было, что и у него посинѣли губы. Графъ Сакенъ, подъѣхавъ къ императору, сказалъ, что онъ не удивляется, что графъ Толстой любитъ свой корпусъ, потому что сынъ его служитъ подпрапорщикомъ въ 26-мъ Егерскомъ полку, который въ сію минуту проходилъ церемоніальнымъ маршемъ. По утру заказанъ былъ обѣдъ для одного государя, но послѣ пригласили на оный графа Аракчеева, и они обѣдали вдвоемъ. Въ шесть часовъ императоръ ѣздилъ съ посѣщеніями къ графинѣ Орловой-Чесменской и къ супругѣ московскаго генералъ-губернатора и возвратился въ девять часовъ.

27-го августа государь смотрѣлъ стрѣльбу въ цѣль унтеръ-офицеровъ пятаго корпуса и произвелъ въ прапорщики сына графа Толстого, о которомъ графъ Сакенъ наканунѣ говорилъ; послѣ осматривалъ фурштадтскій баталіонъ, а въ заключеніе была пробная стрѣльба артиллеріи сперва картечью, а потомъ ядрами весьма удачно. Императоръ обѣдалъ одинъ, а вечеромъ былъ у графини Толстой, супруги корпуснаго командира.

Я имѣлъ въ этотъ день случай разговаривать съ бывшимъ министромъ полиціи Балашевымъ, который былъ отправленъ къ Наполеону съ различными объясненіями при первомъ извѣстіи о переходѣ его черезъ Нѣманъ. Маршалъ Даву, на аванпосты коего онъ прибылъ, не отпускалъ его нѣсколько дней изъ своей главной квартиры, подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы ему не извѣстно было мѣстопребываніе Наполеона; наконецъ, черезъ нѣсколько дней увѣдомясь, что онъ вступилъ въ Вильну, Балашевъ туда поѣхалъ. Полагаютъ, что Наполеонъ долго продержалъ его у маршала Даву по той причинѣ, что желалъ принять русскаго посланника въ той самой комнатѣ, изъ которой онъ къ нему былъ отправленъ государемъ, что̀ дѣйствительно и случилось. Балашевъ сказалъ, что Наполеонъ встрѣтилъ его въ кабинетѣ императора Александра, въ которомъ не произошло никакой другой перемѣны, кромѣ того, что полъ въ ономъ былъ сдѣланъ новый, вѣроятно, потому, что французы опасались, не положено ли было подъ оный пороха. Разговоръ ихъ продолжался четыре часа, въ которые они ходили взадъ и впередъ по горницѣ. Наполеонъ привѣтствовалъ его слѣдующими словами:

— Je ne vous connois pas personellement, mais je sais que l'empereur Alexandre a beaucoup de confiance en vous et que vous êtes du nombre de ses amis; je vais vous donc parler comme à un tel et je vous charge de rapporter à l'empereur notre conversation mot à mot. (Лично васъ я не знаю, но мнѣ извѣстно, что вы пользуетесь у императора Александра большимъ довѣріемъ и принадлежите къ

числу его друзей. И, имѣя это въ виду, я буду бесѣдовать съ вами, причемъ обязываю васъ передать его величеству нашъ разговоръ дословно).

Во время разговора форточка у окна растворилась и начала стучать отъ вѣтра. Наполеонъ, подойдя къ ней, захлопнулъ ее въ сердцахъ: черезъ нѣсколько минутъ она вновь открылась, и Наполеонъ съ большею досадою, нежели прежде, подойдя вновь къ окну, сорвалъ ее съ петель, на которыхъ она висѣла, и выбросилъ ее на улицу.

Когда Балашевъ объявилъ ему требованія нашего двора, то императоръ французовъ сказалъ ему: «Je suis ici et je ne bouge pas». (Я нахожусь здѣсь и не отступлю).

За обѣдомъ находились Наполеонъ, Балашевъ, Бертье, Коленкуръ, Бессіеръ и Дюрокъ. Вотъ нѣкоторыя изъ словъ тогдашняго завоевателя:

«Votre empereur»,—обращаясь къ нашему посланному, сказалъ Наполеонъ,— «est mal conseillé; pourquoi a-t-il des conseillers? moi je n'en ai pas. Berthier par exemple ne fait qu'executer mes ordres. Pourquoi votre empereur est-il à l'armée? ce n'est pas sa place: il doit régner; pour moi, c'est autre chose: je suis soldat, et la guerre est pour moi une partie de chasse. Vous avez été lieutenant de police à Moscou. N'est ce pas, Caulincourt, il y a beaucoup d'églises à Moscou? pour quoi cela? On n'est plus dévot dans notre siècle. (Вашъ императоръ слѣдуетъ плохимъ совѣтамъ. Къ чему у него совѣтники? У меня ихъ нѣтъ. Бертье, напримѣръ, заботится только объ исполненіи моихъ приказаній. Зачѣмъ вашъ императоръ находится при арміи? Тамъ не мѣсто ему: его дѣло царствовать. Что касается меня, то это другое дѣло: я солдатъ, и война мое ремесло. Вы были начальникомъ полиціи въ Москвѣ. Не правда ли, Коленкуръ, въ Москвѣ много церквей? Къ чему онѣ? Въ наше время уже нѣтъ вѣрующихъ).

— Pardonnez moi, sire,—отвѣчалъ Балашевъ,—on l'est encore en Russie et en Espagne. (Прошу извиненія у вашего величества: они еще есть въ Россіи и Испаніи).

28-го августа, по утру, въ восемь часовъ мы поѣхали на маневры, происходившіе близь Всесвятскаго села; они продолжались четыре часа, государь былъ ими очень доволенъ, благодарилъ всѣхъ генераловъ, подъѣзжая къ каждому изъ нихъ, и сказалъ графу Толстому, что исправность и точность доведены до высшей степени и что всѣ знаютъ свое дѣло. На сіе замѣтилъ генералъ Толль:

— Прибавьте, ваше величество, къ симъ похваламъ и необыкновенное рвеніе въ войскахъ.

— Это-то меня и утѣшаетъ,— отвѣчалъ государь,—потому что я служу самъ и служу не изъ чиновъ, крестовъ и арендъ.

Послѣ сего государь сказалъ по нѣкоторомъ молчаніи:

— Теперь у насъ, кажется, все хорошо устроено; надобно только уменьшить число командныхъ словъ.

На маневрахъ графъ Аракчеевъ сказалъ мнѣ, чтобы я пріѣхалъ къ нему въ четыре часа, ибо онъ имѣетъ переговорить со мною по порученію его величества.

Въ назначенное время я пріѣхалъ къ графу Аракчееву, который былъ тогда такъ силенъ, что я дорогою приготовлялся на всѣ вопросы, которые онъ могъ, по моему мнѣнію, мнѣ предложить, съ большимъ вниманіемъ, нежели бы я ѣхалъ на аудіенцію къ государю. Адъютантъ ввелъ меня немедленно къ нему. Онъ просилъ меня сѣсть и самымъ ласковымъ образомъ началъ говорить сперва объ обыкновенныхъ предметахъ, а наконецъ о Нижегородской ярмаркѣ, сказавъ, что государь велѣлъ ему узнать мои мысли по сему предмету. Когда я ему началъ объяснять сказанное мною императору, онъ дѣлалъ мнѣ различныя возраженія. По окончаніи онъ упомянулъ о пожарахъ, бывшихъ въ Нижегородской губерніи, и домогался узнать, не было ли поджигательствъ. Наконецъ, графъ сказалъ мнѣ, что всѣ слова мои передастъ его величеству. Я пробылъ у графа Аракчеева часа съ два, въ которые онъ былъ отмѣнно учтивъ и нѣсколько разъ начиналъ даже шутить, но кто вспомнитъ, какъ ужасенъ былъ этотъ человѣкъ при Александрѣ, тотъ легко догадается, что мнѣ было не до шутокъ, сидя съ нимъ съ глазу на глазъ.

Въ сей день государь ѣздилъ послѣ маневровъ осматривать двѣ больницы, учрежденныя при съѣзжихъ дворахъ, которыя нашелъ въ большой исправности, и по этому поводу сказалъ:

— Я жалѣю, что не боленъ, чтобы въ нихъ лѣчиться.

Послѣ осматривалъ пожарную команду, обѣдалъ одинъ и потомъ былъ въ домѣ, назначенномъ для переводимаго изъ Костромы кадетскаго корпуса, и въ угодность вдовствующей императрицѣ посѣтилъ институтъ дѣвицъ ордена св. Екатерины.

29-го августа. Государь слушалъ обѣдню въ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ, по обыкновенію нашей церкви, служили панихиду по убіеннымъ. Присутствіе императора посреди гробовъ его предковъ являло торжественный видъ; я стоялъ напротивъ его величества, часто на него смотрѣлъ, и онъ втеченіе двухъ часовъ, какъ продолжалась служба, былъ погруженъ въ глубочайшія размышленія; казалось, что онъ былъ пораженъ ничтожествомъ всего земнаго. Кто могъ тогда вообразить, видя его въ цвѣтѣ лѣтъ и во всей силѣ и красотѣ мужества, что чрезъ два года хладный прахъ его будетъ привезенъ въ сей самый храмъ? Послѣ обѣдни государь ѣздилъ съ генералъ-губернаторомъ въ военную больницу, осматривалъ модель новаго театра и суконную фабрику Кожевникова, а по возвращеніи въ Кремль принималъ старшинъ дворянскаго собранія, которые приглашали императора на балъ, имѣвшій быть на другой день, а государь съ свойственною ему вѣжливостью просилъ ихъ назначить

часъ, когда начнется балъ и когда ему пріѣхать. Разумѣется, старшины предоставили это на произволъ его величеству, на что императоръ отвѣчалъ, что будетъ въ восьмомъ часу.

Послѣ сего государь поѣхалъ на большой обѣдъ къ военному генералъ-губернатору, за которымъ находилось до пятидесяти особъ, въ томъ числѣ и я. Изъ дамъ были только четыре: супруга и дочь хозяина, князя Голицына, и супруги генераловъ графа Толстого и Васильчикова. За симъ столомъ можно было видѣть, такъ сказать, представителей разныхъ царствъ; напримѣръ, тутъ были: восьмидесятилѣтній графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, мужъ вѣка Екатерины и въ мундирѣ ея времени: это — родной братъ тѣхъ Орловыхъ, которые способствовали возведенію ея на престолъ; Обольяниновъ, вѣка императора Павла, въ царствованіе коего онъ былъ генералъ-прокуроромъ, и, наконецъ, Сакенъ, Аракчеевъ, Дибичъ, Толстой, Дмитріевъ, Уваровъ, Чернышевъ, баронъ Розенъ, люди вѣка Александрова. Передъ обѣдомъ и послѣ онаго императоръ особенно занимался разговорами съ графомъ Сакеномъ, какъ бы желая дать почувствовать присутствовавшимъ всю важность мѣста, занимаемаго симъ главнокомандующимъ. Между прочимъ, онъ подошелъ къ Дмитріеву, возлѣ котораго я стоялъ, и сказалъ ему:

— Давно ли вы получали извѣстія отъ Карамзина? Я не могу довольно васъ возблагодарить, что вы меня съ нимъ познакомили; кромѣ учености его, я нашелъ въ немъ человѣка благороднѣйшихъ правилъ.

Послѣ обѣда государь посѣтилъ генерала Васильчикова, который былъ нездоровъ, а возвратясь въ Кремль, занимался дѣлами до поздняго вечера.

30-го августа. Въ день тезоименитства государева съ ранняго утра множество народа собралось въ Кремль, и дворецъ наполнился особами, имѣвшими пріѣздъ въ оный. Всѣ поздравляли другъ друга съ высокимъ именинникомъ. Здѣсь мы узнали изъ высочайшаго приказа, отданнаго по арміи въ сей день, что полковникъ Шварцъ, командовавшій въ 1820 году Семеновскимъ полкомъ, принятъ вновь на службу и опредѣленъ въ военныя поселенія. Онъ былъ судимъ долгое время и отставленъ отъ службы за то, что не явился передъ полкомъ, когда сей былъ собранъ. Участь офицеровъ и солдатъ сего полка довольно извѣстна; нѣкоторые изъ первыхъ находились еще подъ судомъ въ 1823 году, но голосъ публики обвинялъ Шварца. Не взирая на сіе, графъ Аракчеевъ принялъ его подъ свое начальство, какъ и въ прошломъ году онъ опредѣлилъ къ себѣ полковника Криднера, противъ котораго семеновскіе офицеры взволновались за нѣсколько дней до Бородинскаго сраженія. Таковые примѣры презрѣнія къ общему мнѣнію доказываютъ, что оно у насъ или еще не существуетъ, или что графъ Аракчеевъ до того онаго не уважаетъ, что ставитъ себя выше его.

Въ девять часовъ государь позвалъ въ кабинетъ графа Аракчеева, потомъ генералъ-губернатора съ комендантомъ и оберъ-полицеймейстеромъ, послѣ нихъ принималъ генералъ-адъютантовъ всѣхъ вмѣстѣ, а въ заключеніе графа Сакена и князя Юсупова, каждаго порознь. Я стоялъ съ прочими генералъ-адъютантами въ пріемной комнатѣ, и когда князь Юсуповъ вышелъ изъ кабинета, то камердинеръ, подойдя ко мнѣ, сказалъ, что государь меня зоветъ. Приближась къ его величеству, который стоялъ одинъ въ комнатѣ, я поздравилъ его съ днемъ его ангела, на что государь отвѣчалъ мнѣ, обнявъ меня: «и я позвалъ тебя затѣмъ, чтобы поздравить тебя съ твоими именинами». Признаюсь, что для меня чрезвычайно было лестно, что государь удостоилъ вспомнить обо мнѣ и объ имени моемъ въ такую минуту, когда дворецъ его наполненъ былъ почетнѣйшими особами, жаждавшими его взора, и когда Кремлевскія площади усѣяны были народомъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшимъ появленія своего царя.

Едва я откланялся и вышелъ въ пріемную комнату, какъ генералъ Дибичъ пригласилъ меня пойдти съ нимъ въ другую комнату, гдѣ никого не было, и сказалъ мнѣ: «служба терпитъ, что офицеръ съ вашими способностями не употребленъ».

Сіе привѣтствіе меня удивило, потому что, не бывши никогда съ нимъ въ связяхъ, я полагалъ, что онъ меня мало знаетъ; я отвѣчалъ ему, что я принимаю слова его за комплиментъ.

— Я не съ тѣмъ намѣреніемъ вамъ это говорю,—сказалъ онъ,—но повторяю, что служба терпитъ отъ вашего бездѣйствія.

— Я не желаю ничего лучше, какъ заняться дѣломъ,—отвѣчалъ я,—и прошу васъ употребить меня, куда угодно, я постараюсь оправдать ваше довѣріе.

— Прежніе начальники ваши были вами всегда довольны,—продолжалъ онъ.

— Князь Кутузовъ, Коновницынъ, князь Волконскій, Толь, наконецъ, самъ государь, имѣли ко мнѣ великую довѣренность, которая всѣмъ извѣстна,—сказалъ я.

— Объясните мнѣ,—продолжалъ онъ,—по какой причинѣ разстались вы съ княземъ Волконскимъ; это меня очень удивило, потому что я видѣлъ въ разныхъ случаяхъ на войнѣ и во время путешествій государя, какъ вы были близки къ нему; развяжите мнѣ сію загадку.

— Я не знаю другой причины,—отвѣчалъ я,—кромѣ зависти и клеветы нѣкоторыхъ людей, опасавшихся, чтобы я не занялъ ихъ мѣста.

— Вамъ тѣмъ болѣе надобно думать,—сказалъ Дибичъ,—скоро оставить придворную службу, что вы изъ старшихъ полковниковъ и при первомъ производствѣ будете генераломъ.

При сихъ словахъ его позвали къ государю, и онъ торопясь

успѣлъ мнѣ только сказать, «что по возвращеніи нашемъ въ Петербургъ мы будемъ продолжать начатый разговоръ».

Немедленно послѣ сего государь вышелъ изъ своего кабинета и отправился въ Успенскій соборъ; мы, адъютанты, слѣдовали за нимъ по всему дворцу и между прочимъ проходили тронную, гдѣ въ 1812 году былъ кабинетъ Наполеоновъ; я взглянулъ на окно и увидѣлъ необозримыя толпы народа, наполнявшія Кремлевскія площади. Въ три часа былъ обѣдъ на сто особъ, за которымъ императоръ показалъ нѣкоторое неудовольствіе за то, что пили за его здоровье, чего онъ не пожелалъ. Въ восемь часовъ государь отправился на балъ, на которомъ, однако же, было мало гостей, и, увидя сидѣвшую въ сторонѣ жену мою, императоръ ей очень учтиво поклонился и, окончивъ польскій, прошелъ къ ней чрезъ половину залы и пригласилъ ее танцовать съ собою. Ровно въ десять часовъ его величество уѣхалъ съ бала, занимаясь до ночи отправленіемъ фельдъегеря въ Петербургъ, а на другое утро, то-есть 31-го августа, въ 7 часовъ отправился въ Тулу. При отъѣздѣ государя не было никого во дворцѣ, потому что сказано было наканунѣ, что отъѣздъ послѣдуетъ не въ семь часовъ, а въ девять. Во время пребыванія своего въ Москвѣ государь не былъ празденъ ни одной минуты, дѣятельность его заставляла меня удивляться; отъ безпрерывныхъ трудовъ онъ началъ старѣться и за этотъ годъ примѣтно похудѣлъ. Въ Москвѣ его величество ѣздилъ въ одномъ экипажѣ попеременно то съ графомъ Аракчеевымъ, то съ генераломъ Дибичемъ.

V.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ.—Его разсказы.—Его записки.—Князь Юсуповъ.—Его картинная галлерея.—Сергѣй Николаевичъ Глинка.—Его патріотизмъ.—Его письма ко мнѣ.—Партизанъ Денисъ Давыдовъ.—Мое возвращеніе въ Петербургъ.—Великая княгиня Елена Павловна.—Ея воспитаніе и замѣчательныя способности.—Анекдоты о ней.—Придворный кружокъ.—Объясненіе мое съ Дибичемъ.—Производство меня въ генералъ-маіоры и назначеніе командиромъ бригады.

Я прожилъ въ Москвѣ еще съ недѣлю, видаясь почти ежедневно съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ. Я неоднократно упоминалъ о немъ въ моихъ запискахъ, и здѣсь распространюсь нѣсколько о семъ знаменитомъ мужѣ, котораго вся жизнь посвящена была служенію музъ. Онъ являлъ рѣдкій примѣръ въ Россіи государственнаго человѣка, который, удалясь отъ министерства, остался въ милости у двора, во всеобщемъ уваженіи публики и главою нашихъ литераторовъ, ибо министровъ, лишающихся у насъ мѣстъ, можно уподобить турецкимъ визирямъ, впадшимъ въ неми-

лость у султана; ихъ бѣгаютъ, какъ людей, зараженныхъ чумою, а они съ своей стороны злословятъ свѣтъ. Почти каждый вечеръ собирались къ нему писатели разныхъ состояній и возростовъ; для меня бесѣда его была очаровательна, особенно когда онъ разсказывалъ анекдоты о нашей словесности и различныя событія, случившіяся въ оной и съ питомцами музъ отечественныхъ втеченіе послѣдняго полустолѣтія. Всѣ отличные наши писатели были или пріятелями его, или друзьями. Онъ былъ домашнимъ человѣкомъ у Хераскова и у Державина, дружба его съ Карамзинымъ была самая тѣсная, Жуковскій и Батюшковъ выросли въ его глазахъ, и онъ первый обратилъ вниманіе императрицы Елизаветы Алексѣевны на Пушкина, когда сей воспитывался еще въ Царскосельскомъ лицеѣ.

— Природа, — говорилъ онъ мнѣ, — назначила мнѣ быть не поэтомъ, а живописцемъ, и я жалѣю, что не послѣдовалъ голосу ея. Часто я смотрю на облака, плавающія по небу, и помышляю, какъ бы я ихъ изобразилъ на холстѣ.

Всѣ слова его исполнены были, не взирая на преклонныя его лѣта, живописнаго воображенія. Онъ сказывалъ мнѣ, что недавно гулялъ въ Марьиной рощѣ, и описывалъ столь разительно и съ такими подробностями различныхъ людей, которыхъ онъ тамъ видѣлъ, физіогноміи ихъ, положенія, въ которыхъ иные изъ нихъ сидѣли, а другіе ходили, и самое платье ихъ, что мнѣ казалось, будто я вижу передъ собою картину Теньера.

Что онъ мечтатель, доказываетъ слѣдующее происшествіе, мною отъ него слышанное. Въ царствованіе Павла, по одному доносу, неосновательность коего въ скоромъ времени была доказана, потребовали его къ тогдашнему петербургскому военному губернатору графу Палену и посадили подъ караулъ во дворцѣ на какія-то антресоли, откуда открывался видъ на Неву. «Не зная, — говорилъ онъ, — причины, за что меня взяли, и имѣя въ виду множество примѣровъ, что въ то время отсылали въ Сибирь безъ допроса и не выслушавъ оправданія, я думалъ, что, можетъ быть, и меня туда же отправятъ. Въ такомъ положеніи, когда не всякій человѣкъ сохранилъ бы равнодушіе, я предался мечтамъ, любовался волновавшеюся Невою, блиставшимъ во мракѣ ночи шпицомъ крѣпости, повсемѣстною тишиною и размышлялъ, какъ я устрою жизнь свою въ Сибири и чѣмъ буду тамъ заниматься. Товарищъ, съ которымъ я былъ взятъ и содержался, храпѣлъ и, просыпаясь, неоднократно говорилъ мнѣ каждый разъ, зачѣмъ я не сплю; но мнѣ было не до того, ибо воображеніе мое воспламенилось будущимъ образомъ моей жизни въ неизмѣримыхъ степяхъ сибирскихъ. Когда на другой день моя невинность обнаружилась и мнѣ возвратили свободу, то повѣрите ли, что жаль было разставаться съ моими мечтами о сибирской жизни».

«Какое-то предчувствіе», — говорилъ онъ, и я привожу собственныя его слова,—«твердило мнѣ въ послѣднее время царствованія императора Павла, что оно не продлится долго. Въ одинъ зимній бурный день я ѣхалъ мимо дворца, народъ проходилъ по изданному тогда повелѣнію съ обнаженною главою, и вѣтеръ, который подымалъ и развѣвалъ волоса и бороды проходящихъ, составлялъ единственную картину, которая поселила во мнѣ какой-то ужасъ. Въ то же время я пріѣхалъ въ одно утро праздничнаго дня въ Михайловскій дворецъ; пустота, найденная мною въ огромныхъ залахъ, мрачныя лица бывшихъ тутъ особъ, словомъ все противоположное тому, что я привыкъ видѣть въ вѣкъ Екатерины, утвердило во мнѣ мысль, что таковой порядокъ вещей долго существовать не могъ; предчувствіе мое въ скорости сбылось».

Дмитріевъ составлялъ свое собственное жизнеописаніе, которое, по моему мнѣнію, будетъ образцовымъ сочиненіемъ на нашемъ языкѣ, потому что ему въ 1823 году было болѣе шестидесяти лѣтъ, и онъ сохранилъ память и свѣжесть воображенія молодости; сверхъ того, переходя разнаго рода службы, онъ занималъ важныя государственныя мѣста, былъ при дворѣ, въ связяхъ со всѣми отличными людьми своего времени, и слѣдовательно мы найдемъ въ жизни его картину отечества нашего втеченіе пятидесяти лѣтъ. Онъ не дѣлалъ тайны изъ сихъ записокъ и безъ всякаго вызова съ моей стороны предложилъ мнѣ прочесть нѣкоторые отрывки; любопытнѣйшимъ было описаніе казни Пугачева, которой онъ былъ свидѣтелемъ и которую представилъ въ самомъ живомъ видѣ, описавъ оную прекраснымъ слогомъ. Онъ раздѣлилъ жизнеописаніе свое на главы; двѣ первыя, заключающія его дѣтство и юношество, были окончены, онъ началъ уже повѣствованіе о своемъ литературномъ поприщѣ и намѣренъ продолжать записки до конца своей жизни. Императоръ Александръ читалъ его записки, и онѣ ему столько понравились, что по желанію его величества императрица Елизавета Алексѣевна дѣлала для него разныя изъ нихъ выписки.

Я засталъ его однажды за исправленіемъ его сочиненій, коимъ онъ приготовлялъ новое изданіе—сокращенное; до сихъ поръ вновь выходившія изданія бывали обыкновенно пріумноженныя.

Однажды я сказалъ Дмитріеву, что въ грустномъ расположеніи духа нельзя сочинять, съ чѣмъ онъ не согласился, и возразилъ, что онъ писывалъ даже во время болѣзни стихи, которые и понынѣ сохранили нѣкоторое достоинство. Я отвѣчалъ, что при собственномъ недугѣ можно писать, но при видѣ страданій лицъ, близкихъ нашему сердцу, воображеніе не въ силахъ заниматься чѣмъ либо другимъ, кромѣ болѣзненнаго состоянія намъ любезныхъ предметовъ. «Въ такомъ случаѣ,—возразилъ онъ,—я поступаю иначе; если кто изъ моихъ друзей или родныхъ бываетъ боленъ, то я, не будучи лекаремъ, знаю, что не могу помочь ему, и уѣзжаю, ибо

не принесу моимъ присутствіемъ страдающему никакой пользы, но могу себѣ повредить. У меня была сестра, которую я очень любилъ; она впала въ жестокую болѣзнь, родители мои были въ отчаяніи, я долженъ былъ вставать нѣсколько разъ по ночамъ, чтобы утѣшать ихъ, отъ чего произошло во мнѣ сильное волненіе въ крови, и я почувствовалъ, что я самъ началъ разнемогаться. Видя, что состояніе сестры моей не улучшалось и что мое собственное положеніе становилось часъ отъ часу хуже, я рѣшился оставить родителей, братьевъ и сестру и уѣхать въ Москву изъ Симбирска. Отецъ мой и мать согласились на мое желаніе, и я отправился въ путь, но едва я отъѣхалъ нѣсколько верстъ, какъ мнѣ представились упреки моихъ родныхъ, которыми они меня, вѣроятно, осыпали, жестокость моего поступка, что я ихъ оставилъ въ горестное для нихъ время, и я едва не возвратился; но, подумавъ, что я обязанъ сохранять свое здоровье, продолжалъ путь и, подъѣзжая къ Москвѣ, болѣе и болѣе разсѣивался, а по прибытіи въ столицу совершенно успокоился и выздоровѣлъ».

Всякій согласится, что это есть величайшій эгоизмъ, который мнѣ показался въ Дмитріевѣ, и потому только извинителенъ, что онъ не имѣлъ дѣтей, которыхъ бы страстно любилъ, хотя чувство родительской нѣжности и прекрасно выражено имъ въ семъ стихѣ:

«О боги! и дѣтей ужасно намъ желать»...

Одинъ изъ занимательныхъ людей въ Москвѣ былъ князь Юсуповъ, конечно, въ свое время величайшій любитель и знатокъ изящныхъ художествъ въ Россіи. Картинная галлерея его въ селѣ Архангельскомъ есть лучшее тому доказательство. Онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Екатерины и Павла, и я былъ неоднократно свидѣтелемъ, какъ Александръ обращался съ нимъ на дружеской ногѣ и оказывалъ ему такое уваженіе, какъ ни одному изъ высшихъ придворныхъ чиновниковъ. Онъ находился восемь лѣтъ посланникомъ въ Италіи, гдѣ ему было поручено покупать картины для Эрмитажа. Онъ сказалъ мнѣ, что есть частные люди въ Европѣ, коихъ галлереи превосходнѣе его галлереи, «но я одинъ,—продолжалъ онъ,—заставлялъ всѣхъ художниковъ, жившихъ въ мое время, трудиться для меня; я заказывалъ такимъ образомъ картины Вестамъ, сыну и отцу; всей фамиліи Вернетовъ, то-есть, дѣду, писавшему морскіе виды, сыну его и внуку Горацію; Менгсу, Прюдому, Герену и самому Давиду, коего только одна картина находится въ Россіи, а именно принадлежащая мнѣ. Въ семъ отношеніи одинъ только графъ Соммарива впослѣдствіи мнѣ подражалъ». Къ счастію, во время нашествія непріятельскаго, князь Юсуповъ успѣлъ вывезти свои картины. Его упрекаютъ въ скупости, но кто, подобно ему, покровительствуетъ художникамъ, тому легко извинить, что за обѣдами его гастрономы не находятъ вполнѣ удовлетворенія своимъ прихотямъ.

Я видался часто также въ Москвѣ съ Сергѣемъ Глинкою, извѣстнымъ нашимъ неутомимымъ писателемъ. Я еще не находилъ подобнаго пламеннаго энтузіаста въ любви къ отечеству и всему русскому; произведенія его плодовитаго пера суть тому очевидныя доказательства, а я, который съ нимъ коротко знакомъ, присовокуплю, что честность его равняется его патріотизму. Онъ краснорѣчивъ на словахъ и на бумагѣ, но, обремененъ будучи многочисленнымъ семействомъ и лишенный всякаго состоянія, пишетъ для снисканія пропитанія и не имѣетъ достаточно времени, чтобы исправлять слогъ свой и сочиненія свои. Не взирая на неопрятность его, наружность его выразительна; онъ обо всѣхъ предметахъ объясняется съ жаромъ, чистымъ прекраснымъ русскимъ языкомъ, который лучше его письменнаго слога. Дмитріевъ сравниваетъ его съ народнымъ римскимъ трибуномъ. Глинка мнѣ разсказывалъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, что когда 14-го іюля 1812 года государь находился въ Москвѣ, то войдя въ дворянское собраніе, произнесъ только слѣдующія слова: «Я никогда не сомнѣвался въ усердіи дворянства; теперь время всего дороже». На другой день графъ Ростопчинъ, призвавъ Глинку, котораго онъ очень любилъ, сказалъ ему: «именемъ государя развязываю вамъ языкъ и руки, дѣйствуйте въ народѣ письмомъ и словомъ; у насъ есть триста тысячъ рублей экономической суммы, располагайте ими». Глинка, получившій въ сіе же время Владимірскій крестъ за любовь къ отечеству, ѣздилъ по деревнямъ и воспламенялъ крестьянъ, а изъ экономической суммы употребилъ только пятнадцать рублей на покупку рукавицъ и шляпы крестьянину, отпустившему сына своего въ ополченіе, но зато онъ пожертвовалъ жемчугомъ, брилліантами и всѣми золотыми вещами жены своей. Ожесточеніе его противъ французовъ было столь велико, что онъ передъ отъѣздомъ въ 1812 году изъ Москвы сжегъ всѣ свои французскія книги и даже творенія Бюффона за то только, что они писаны были на французскомъ языкѣ. Помѣщаю здѣсь нѣсколько писемъ его изъ многихъ полученныхъ мною въ разные годы. Будучи писаны безъ приготовленія, они покажутъ въ настоящемъ видѣ сего оригинальнаго человѣка.

Отъ 27-го іюня 1823 года.

«Благодарная душа любитъ благодарить. По сему побужденію вы сами вызвались вспомоществовать бѣдному моему семейству раздачею билетовъ на мое дѣтское сочиненіе. Вы сами отецъ семейства: васъ наградитъ небесное Провидѣніе.

«Беркене, издатель «Друга Дѣтей», получилъ отъ французской академіи первый призъ. По убѣжденію совѣсти могу сказать, что мой трудъ не хуже его труда. Но болѣе всего онъ украшается вашимъ благодѣяніемъ.

«Прочитали ль письмо къ моему сопитомцу? Какъ показались вамъ мои правила о воспитаніи? Удостоили ли вниманія мой «Театръ свѣта»? Вотъ сколько предлагаю вопросовъ. За эту докучливость жалуйтесь на себя. Ваша ласка очаровала мое сердце, а сердце мое всегда отверзто предъ тѣми, кто приласкаетъ его.

«Дай Богъ, чтобъ незаходящее счастіе всегда блистало въ глазахъ вашихъ, а если же вамъ когда сгрустнется, то вы несомнѣнное ощутите удовольствіе, вспомня о добрѣ, оказанномъ моему семейству.

«Душа живетъ воспоминаніями. Вы будете вспоминать, что тою же самою рукою, которою пожинали лавры, вы раздавали и пальмы благотворенія. Это подвигъ Суворовскій».

От 23-го августа 1823 года.

«Уже мало-по-малу содѣйствіе ваше совершается. Я и мое горестное семейство, мы отъ избытка благодарныхъ душъ можемъ повторить: дорога милость въ скудости!

«Что дѣлать? Не всѣмъ блаженствовать на прахѣ земномъ:

«Но тотъ блаженъ, кто помогаетъ,
«Кто скорби ближняго внимаетъ;
«Кто въ шумѣ битвъ героемъ былъ,
«А въ мирѣ души покорилъ».

«Это вы. Да наградитъ Богъ ваше семейство за участіе въ треволненіи моего семейства. Оно плыветъ на скучной лодкѣ чрезъ бурный и безбрежный океанъ нищеты: гдѣ же будетъ пристанище, да будетъ воля небеснаго Провидѣнія.

«Дастъ Богъ, я возобновляю «Русскій Вѣстникъ». Будьте оживотворителемъ онаго! Приготовьте ваши очаровательныя статьи, и тѣмъ самымъ умножите благодѣянія ваши моему семейству».

Отъ 8-го сентября 1823 года.

«Вмѣсто хлѣба-соли въ отъѣздъ петербургскій, препровождаю вамъ книжку о музыкѣ добраго благодѣтеля моего семейства, венгерскаго уроженца Фишера. Изъ мыслей его увидите его чувства. Сорокъ лѣтъ онъ живетъ въ Россіи, и сіи сорокъ лѣтъ протекли въ безмятежныхъ наслажденіяхъ музыки и словесности. Ничто бурное не смущало ясной и кроткой его души. Послѣ пріятнѣйшаго вашего посѣщенія я былъ у него, и онъ, обремененный годами и болѣзнію, также еще ясенъ, какъ прекрасный лѣтній вечеръ.

«Я разсказывалъ вамъ, какъ и чѣмъ одолжено ему семейство мое. Провидѣніе, само Провидѣніе внушило ему желаніе отвлечь бѣдное мое семейство отъ лютой пропасти.

«Не оставляйте и вы насъ. Украшайте, обогащайте мой «Русскій Вѣстникъ», уже столь много вамъ одолженный. Если дастъ Богъ, въ январѣ будущаго года онъ возобновится, то сообщайте статьи ваши заблаговременно. Сердце мое ихъ приметъ, и въ сердцѣ моемъ запечатлѣется къ вамъ искренняя благодарность.

«Былъ бы я у васъ самъ, но за болѣзнію глаза и щеки опасаюсь вечерняго воздуха.

«Да сопутствуетъ вамъ и семейству вашему повсемѣстно благодѣтельный ангелъ!

«Обнимите за меня брата. Я все тотъ же труженикъ и неугомонный мечтатель объ отечествѣ и любитель людей».

Отъ 11-го октября 1823 года.

«Дружеское, ласковое и благосклонное ваше письмо доставило мнѣ сердечное удовольствіе.

«Благодарю васъ за извѣстіе о братѣ Ѳедорѣ. Пора разцвѣсть снова душею. Да и о чемъ намъ, скоротечнымъ странникамъ, кручиниться на прахѣ земномъ?

«Не удивлюсь чернильнымъ распрямъ. Это пища праздности и ребяческаго самолюбія.

«Не удивлюсь, что Balzac вамъ понравился: вы имѣете умъ здравый и основательный; il n'y a rien de nouveau sur la terre (нѣтъ ничего новаго на землѣ). Наши неугомонные шалуны европейскіе повторяютъ старинныя шалости. На землѣ нѣтъ совершенства. Оно съ Богомъ, а намъ дай Богъ кое-какъ жить да быть.

«Одолжайте, оживляйте и украшайте «Русскій Вѣстникъ». Уступаю вамъ и пожаръ московскій. Первая книжка, если дастъ Богъ, выйдетъ въ январѣ.

«По вашему желанію, препровождаю къ вамъ «Исторію» (русскую) и билетъ и увѣдомленіе объ оной. Обратите вниманіе на содержаніе предварительное 4-й части.

«Спѣшу на почту. Я только что отшкольничалъ съ своими дѣтьми». Впредь буду писать пространнѣе. Мысленно васъ обнимаю».

Отъ 29-го октября 1823 года.

«Послѣднее ваше письмо наполнило къ вамъ сердце мое новыми чувствованіями благодарности. Вы правы, не перомъ, а душею писалъ я «Русскую Исторію». Ваше вниманіе къ моей безпокровной исторіи считаю наградой и это говорю не лестно. Вамъ Провидѣніе дало основательный умъ; а даровъ Провидѣнія никто не можетъ отнять. Третьяго дня изъ рукъ католическаго священника церкви Петра и Павла принялъ я ломбардный шеститысячный билетъ, завѣщанный мнѣ благодѣтельнымъ иностранцемъ Альбертомъ Фишеромъ. Принимая сей билетъ, я сказалъ католи-

ческому священнику: иностранцы почитають и говорять, что будто бы я врагъ иностранцевъ. Вы служитель алтарей Господнихъ, вы иностранецъ, и вы отъ имени умершаго иностранца подаете билетъ ко спасенію многочисленнаго разореннаго моего семейства, всѣми оставленнаго и забытаго въ той самой Россіи, которую я славлю и величаю 30 лѣтъ. Если бы кто изъ русскихъ вызвался мнѣ помочь, то-есть избавить отъ голодной смерти мою жену и шестерыхъ дѣтей, то я не принялъ бы помощи отъ иностранца. Но вопли мои, вопли бѣднаго разореннаго отца семейства, тщетно доносились къ вельможамъ государственнымъ. Никто не внималъ. Лютая бездна готовилась поглотить мое семейство, и вдругъ Провидѣніе избираетъ иностранца къ спасенію жены и бѣдныхъ моихъ шестерыхъ дѣтей! Не самъ ли Богъ возвѣщаетъ, что сердце издателя «Русскаго Вѣстника» никогда не питало и искры нелюбви и ненависти ни къ одному смертному, живущему на лицѣ земли. Да и что мнѣ любить въ Россіи? Развѣ ту сажень земли, которая успокоитъ меня отъ непрестанныхъ бурь труженической жизни?

«Такъ говорилъ я и потомъ прибавилъ: «но я истинно люблю и царя, и отечество, и соотечественниковъ. Они ближе ко мнѣ другихъ людей, имъ болѣе и добра желаю. Богъ, самъ Богъ создалъ любовь къ отечеству; сею первородною любовію крѣпитъ онъ союзъ любви сердецъ нашихъ къ человѣчеству. Но любовь искушается скорбію, злополучіемъ, несказанными бѣдствіями жизни. Любовь моя къ отечеству проходила и проходитъ еще сіе бурное поприще. Вотъ моя исповѣдь. Теперь уже ни иностранцы, ни мои неласковые ко мнѣ соотечественники не могутъ разглашать, что я будто бы подкупленъ въ любви къ отечеству. Вы, служитель алтарей Господнихъ, вы—свидѣтелемъ, что издатель «Русскаго Вѣстника» и сочинитель русской исторіи есть бѣднѣйшій отецъ семейства въ Россіи. А безъ того онъ не принялъ бы пособія, которое вы мнѣ вручаете».

«Больно, очень больно это сносить, но кто осмѣлится въ цѣлой Россіи сказать милосердому царю о состояніи того семейства, котораго мать въ 1812 году отдала и золотыя и брилліантовыя вещи, чтобы содѣйствовать къ обмундированію бѣдныхъ чиновниковъ, поступавшихъ въ ополченіе! Кто о сей жертвѣ доложитъ тому ангелу императору, который душевныя жертвы принимаетъ съ ангельскимъ чувствіемъ».

Отъ 17-го іюня 1824 года.

«Герою и генералу.

«Герой и генералъ!
«Кого люблю душею.
«За что я позабытъ тобою?
«Но я тебя не забывалъ.

«Твои я помню одолженья;
«Люблю твои произведенья;
«Люблю порывъ душевный твой,
«Порывъ къ добру и просвѣщенью,
«Порывъ къ сердечну украшенью;
«Итакъ, еще скажу, за что забыть тобой?

«Я хвораю: утѣшьте меня строкою о себѣ. Когда же получу что нибудь? Будьте счастливы со всѣмъ вашимъ семействомъ».

Отъ 22-го іюля 1824 года.

«Послѣ писемъ незабвеннаго моего друга, генерала Александра Алексѣевича Тучкова, павшаго на полѣ Бородинскомъ, ваше письмо было самымъ отраднымъ письмомъ для моего сердца. Итакъ, есть еще люди, заботящіеся о моемъ жребіи.

«Къ тому же, кто внушаетъ вамъ сладостное предчувствіе въ отношеніи къ перемѣнѣ моихъ обстоятельствъ, къ тому я писалъ еще въ маѣ мѣсяцѣ. Доселѣ безмолвіе. Торопитесь дѣлать добро! — говорилъ Суворовъ; будемъ поспѣшны въ добрѣ.

«Когда я былъ одинъ, я все отдалъ, и меня не страшили никакіе недостатки; тогда я повторялъ слова героя Кульнева, воспитавшагося въ томъ же корпусѣ, гдѣ и я: «je ne crains pas de mourir dans la grandeur de la pauvreté romaine» (я не боюсь умереть въ бѣдности, въ какой величественно умирали нѣкоторые доблестные римляне).

«Но теперь у меня семь человѣкъ дѣтей; слѣдственно, хоть невольно, да вздохнешь.

«Не чета мнѣ былъ великій Боссюетъ, но и тотъ говорилъ, что нужда отняла бы у него половину ума.

«А мое положеніе вотъ какое: если бы жизнь моя прервалась въ тотъ мигъ, когда къ вамъ пишу, то черезъ нѣсколько недѣль жена и дѣти мои пошли бы съ сумою по тѣмъ самымъ московскимъ улицамъ, гдѣ въ 1812 году и мой усердный голосъ громко возносился во имя Бога, вѣры и царя. Въ этотъ годъ, повинуясь моимъ мечтамъ и порывамъ любви къ отечеству, жена моя пожертвовала и жемчугомъ, и брилліантами, и серебромъ, словомъ всѣмъ, чтобы вспомоществовать недостаточнымъ чиновникамъ ополченія снаряжаться на царскую службу. Я писалъ объ этомъ: втунѣ осталось. Ужели ангелу государю, ужели отцу Россіи никто не можетъ доложить о такой жертвѣ матери семейства? Сегодня день ея ангела, я не лгу ни передъ ея ангеломъ, ни передъ истиной. И она иногда стенящимъ голосомъ говоритъ дѣтямъ о любви къ отечеству.

«Повторяю еще: если-бъ я былъ одинъ, я радовался бы, что ничего не имѣю. Я привыкъ къ трудамъ. Но что будутъ писать иностранцы, если семейство издателя «Русскаго Вѣстника», на-

гражденнаго за любовь къ отечеству, доказанную дѣяніями и сочиненіями, если бѣдныя его дѣти останутся безъ куска хлѣба?

«Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашей статьи. Не отважусь перемѣнить ни слова. Слогъ вашъ созрѣлъ. Порусски труднѣе писать прозою, нежели стихами. Вы преодолѣли сію трудность.

«Къ 12-ти частямъ «Исторіи» моей прибавляю еще двѣ части. Тринадцатая начнется переходомъ русскихъ за границу и кончится вторичнымъ вступленіемъ въ столицу Франціи. Какое величественное зрѣлище! Александръ I ведетъ побѣдоносное войско и въ предѣлы Европы вводитъ съ собою радостную надежду спасенія царствъ и народовъ.

«14-я часть состоять будетъ изъ дополненій на исторію новѣйшихъ временъ и изъ сличенія военныхъ французскихъ и русскихъ извѣстій».

Отъ . . . . 1825 года.

«И въ горѣ, и въ радостяхъ вы не измѣняетесь въ чувствіяхъ дружбы вашей ко мнѣ. Это навсегда останется въ благодарномъ сердцѣ моемъ.

«Свыше всего дорожу вниманіемъ ангела России и великодушнымъ предстательствомъ министра просвѣщенія. Вотъ все что теперь могу сказать.

«Русскій Вѣстникъ» продолжается и нетерпѣливо ожидаетъ вашей присылки. Предварительное условіе вполнѣ останется [1]). Вы, неизмѣнны сердцемъ, какое же перо отважится измѣнять вашъ слогъ? Мысленно васъ обнимаю».

Говоря о московскихъ литераторахъ, нельзя умолчать о Денисѣ Давыдовѣ, извѣстномъ партизанѣ, военномъ писателѣ, а болѣе еще прославившемся своими оригинальными стихотвореніями. Я съ нимъ нѣсколько разъ видался въ Москвѣ и всегда съ новымъ удовольствіемъ, потому что онъ столь же остроуменъ въ рѣчахъ, какъ и на бумагѣ. Однажды, общій нашъ знакомый Зыбинъ пригласилъ насъ на обѣдъ. Лишь только Давыдовъ увидѣлъ графины съ водою, то закричалъ: «прочь воду, она безобразитъ дружескую бесѣду». Обѣдъ сей онъ украсилъ чтеніемъ вдохновенныхъ своихъ стиховъ; надобно было видѣть его, имѣющаго какую-то особенную физіогномію, декламирующаго слѣдующіе стихи:

«Возьмите мечъ: онъ не достоинъ брани;
«Сорвите лавръ съ чела: онъ страстью помраченъ», и проч.

Жаль, что Давыдовъ, снѣдаемый честолюбіемъ, не доволенъ титломъ храбраго офицера и геніальнаго поэта, и слишкомъ много

[1]) Онъ просилъ меня прислать для напечатанія статьи въ «Русскій Вѣстникъ»; я на сіе согласился съ условіемъ, чтобы не перемѣнялъ въ нихъ моего слога, какъ сіе водится у нашихъ журналистовъ. Авт.

и часто въ прозѣ и въ стихахъ говоритъ о себѣ и подвигахъ своихъ и печатаетъ въ разныхъ видахъ свою біографію. Онъ обижается также, что публика мало обращаетъ вниманія на дѣйствія партизановъ въ войнѣ 1812 года, и безпрестанно твердитъ о партизанскихъ своихъ похожденіяхъ.

Я получалъ отъ него многократно письма; вотъ отрывокъ изъ одного:

«Надняхъ явится къ тебѣ мой «Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія». Онъ выходитъ изъ печати. Карай его, пожалуй, безъ пощады, этимъ меня обяжешь, ибо, пользуясь совѣтами, я намѣренъ во второмъ ѳисненіи перемѣнить погрѣшности. Я теперь въ деревнѣ, покоенъ и счастливъ. Какъ часто повторяю стихъ:

«Heureux qui dans le sein de ses dieux domestique,
«Se derobe aux fracas des tumultes publiques,
«Et dans un doux abri, fuyant tous les regards,
«Cultive ses jardins, les vertus et les arts».

«Мимо меня, то-есть въ нѣсколькихъ верстахъ отъ меня, проѣхали Розенъ и Потемкинъ [1]); я въ это время копался въ огородѣ.

«Не забудь объ обѣщаніи твоемъ стараться помѣстить мою рожу въ собраніе портретовъ. А я, если на то согласятся, ручаюсь прислать самый сходный мой портретъ, только напиши, и онъ на первой почтѣ будетъ у тебя».

Либеральныя идеи болѣе и болѣе распространялись въ Москвѣ; это и неудивительно, ибо тамъ жило множество молодыхъ людей, не занятыхъ ни службою и никакимъ дѣломъ, которые, имѣя состояніе и происходя отъ старинныхъ дворянскихъ родовъ, порицали правленіе Александра, обращавшаго вниманіе на заслуги, а не на породу. Мнѣ кажется, что мѣстничество, столь гибельное въ средніе вѣка для Россіи, хотя уже давно уничтоженное, все еще существуетъ въ духѣ нашего дворянства. Сверхъ того, воспитаніе московскаго такъ называемаго благороднаго юношества было весьма пренебрежено; нравственность онаго была до такой степени испорчена, что одинъ искусный врачъ Пикулинъ сказывалъ мнѣ, что въ высшемъ классѣ университетскаго пансіона изъ сорока воспитанниковъ было заражено венерическою болѣзнію двадцать шесть.

Я возвратился въ Петербургъ 24-го сентября; въ сіе время прибыла изъ Штутгардта невѣста великаго князя Михаила Павловича, виртембергская принцесса Шарлотта, нареченная впослѣдствіи Еленою Павловною. Она, какъ феноменъ, обратила на себя единодушное вниманіе всѣхъ и болѣе мѣсяца составляла предметъ общихъ разговоровъ; я не видалъ ни одного человѣка изъ представленныхъ

[1]) Генералы, командовавшіе гвардейскими дивизіями и сосланные изъ Петербурга вслѣдствіе происшествія, бывшаго въ Семеновскомъ полку. Авт.

ей, который бы не отзывался съ восхищеніемъ объ умѣ ея, о свѣдѣніяхъ ея и о любезности. Не знаю, какова будетъ впослѣдствіи судьба ея въ Россіи, но во время пріѣзда ея въ наше отечество зависть и злословіе, избравшія предпочтительно пребываніе свое при дворахъ, умолкли. До возвращенія государева принцесса жила въ Гатчинѣ, куда вдовствующая императрица приглашала нѣсколько дней по очереди всѣхъ особъ, представленныхъ ко двору, дабы ознакомить съ оными будущую невѣстку свою. Она съ представленными ей особами разговаривала о предметахъ или пріятныхъ для нихъ, или составлявшихъ ихъ занятія; такимъ образомъ съ Карамзинымъ говорила о русской исторіи, съ Шишковымъ о славянскомъ языкѣ, съ генералами о сраженіяхъ и походахъ, въ которыхъ они находились или наиболѣе отличились; князю Щербатову упоминала объ осадѣ Данцига и графу Милорадовичу сказала: «on n'a pas besoin de vous connaître personnellememt pour être votre admirateur» (нѣтъ нужды лично знать васъ, чтобы восторгаться вами). Видно было, что она приготовлялась къ тому, что всякому изъ нихъ говорить приличнѣе, но и самое сіе приготовленіе доказываетъ ея благоразуміе, что она старалась въ новомъ отечествѣ своемъ снискать съ перваго шага повсемѣстную любовь. Смотря на нее, я воображалъ, что Екатерина II, вѣроятно, поступала такимъ же образомъ, когда привезена была ко двору Елисаветы Петровны.

Она, какъ извѣстно, дочь принца Павла, человѣка не уживчиваго характера, который былъ даже выключенъ изъ россійской службы и находился въ ссорѣ со всѣмъ королевскимъ домомъ. Принцъ отдалъ сію дочь въ одинъ изъ парижскихъ пансіоновъ, который содержала извѣстная писательница госпожа Кампанъ, и гдѣ она воспитывалась около четырехъ лѣтъ, слѣдовательно, имѣла счастіе, чрезвычайно рѣдкое для молодыхъ людей, происходящихъ отъ царской крови, получить образованіе свое не при дворѣ, а въ кругу частныхъ людей. Сіи обстоятельства подѣйствовали весьма удачно на развитіе умственныхъ и душевныхъ ея способностей. Она никакъ не полагала, чтобы ее избрали въ супруги россійскому великому князю, и когда она узнала о семъ, то начала съ необыкновеннымъ прилежаніемъ учиться русскому языку, что̀ ей было отмѣнно трудно, по неимѣнію въ Штутгартѣ русскаго учителя. Получивши русскій словарь и грамматику, она занималась ими нѣсколько мѣсяцевъ одна и вскорѣ понимала уже исторію Карамзина, которую знала весьма основательно.

Сообщаю нѣсколько анекдотовъ о ней, слышанныхъ мною отъ нашего посланника при виртембергскомъ королѣ Бенкендорфа. Когда онъ вручилъ ей при всемъ дворѣ письмо отъ государя, въ коемъ его величество просилъ руки ея для великаго князя, а ей было тогда только четырнадцать лѣтъ съ половиною, то она от-

вѣчала посланнику: «Remerciez sa Majesté Impériale de ce qu'elle a daigné écrire à une enfant» (благодарите его императорское величество, что онъ удостоилъ ребенка письмомъ).

Мысль перемѣнить свой законъ на грекороссійскій долго ее озабочивала; извѣстясь, что сіе есть необходимое условіе ея брака, она горько плакала, но, пришедъ въ себя, сказала съ твердостью: «Я рѣшаюсь на перемѣну религіи, потому что сіе же самое сдѣлала одна принцесса моего дома, которую можно почесть примѣромъ христіанскихъ добродѣтелей». Она разумѣла подъ симъ императрицу Марію Ѳеодоровну.

Король виртембергскій ожидалъ наслѣдника, но супруга его родила дочь, чѣмъ король былъ очень опечаленъ; однако же невѣстѣ Михаила Павловича совѣтовали идти поздравить короля съ новорожденною. «Какими глазами, — отвѣчала она, — приметъ король отъ меня поздравленіе; ему нельзя будетъ не вспомнить, что я дочь принца Павла». Для вразумленія сего надобно знать, что за неимѣніемъ у короля дѣтей мужскаго пола наслѣдникомъ престола долженъ быть отецъ ея, принцъ Павелъ.

Меня также пригласили въ Гатчину на 12-е октября, и когда великій князь Михаилъ Павловичъ представилъ меня своей невѣстѣ, то она сказала мнѣ, «что ей извѣстно, что я долгое время нахожусь при государѣ, что я бывалъ съ нимъ въ Штутгартѣ», и тому подобное, доказывающее, что она и мнѣ приготовила привѣтствіе. Послѣ представленія былъ обѣдъ и вечерній балъ, и такъ какъ съ нѣкотораго времени императрица и великіе князья смотрѣли на меня не такими глазами, какъ прежде, то я болѣе занимался съ иностранцами, бывшими въ Гатчинѣ, которые обходились со мною съ тѣмъ же уваженіемъ, которое мнѣ показывали въ тѣ годы, когда дворъ обращалъ на меня нѣкоторое вниманіе. Между иностранцами находились сынъ короля прусскаго Фридриха и нѣсколько прусскихъ и виртембергскихъ чиновниковъ.

Въ исходѣ октября государь возвратился изъ путешествія въ Петербургъ, и для меня началась обыкновенная придворная жизнь, то-есть, что мнѣ надобно было пріѣзжать ежедневно по утру во дворецъ и проводить тамъ нѣсколько часовъ въ такъ называемой секретарской комнатѣ. Насъ рѣдко бывало менѣе двадцати или тридцати человѣкъ, иногда, а особенно въ праздничные дни, собиралось и до шестидесяти. Это было самое отборное общество въ Россіи, потому что въ числѣ обыкновенныхъ посѣтителей находились именитые генералы, генералъ-губернаторы, пріѣзжавшіе въ Петербургъ, и наконецъ адъютанты императора. Тѣ, которые пожалованы были въ сіе званіе во время войны или вскорѣ послѣ оной, пріобрѣли вензеля государя, носимые ими на эполетахъ, какимъ либо отличіемъ, а другіе, которые пожалованы были въ послѣдніе годы, обязаны были за то или знатности породы, или за-

слугамъ своихъ родственниковъ, или какому либо другому счастливому для нихъ случаю. Воспоминаніе о семъ кругѣ будетъ для меня тѣмъ пріятнѣе, что я, проводя въ ономъ восемь лѣтъ почти ежедневно каждое утро нѣсколько часовъ, пользовался отъ многихъ знаменитыхъ или отличныхъ людей нашего времени пріязнію и добрымъ расположеніемъ, и положилъ основаніе прочнымъ связямъ, которыя надѣюсь сохранить на всю жизнь. Естественно было, что въ первые годы назначенія моего во флигель-адъютанты многіе меня ласкали и старались пріобрѣсти мое знакомство, ибо тогда я во всѣхъ путешествіяхъ сопровождалъ государя, который ко мнѣ былъ особенно милостивъ, но впослѣдствіи, когда фортуна при дворѣ отъ меня отворотилась, то хотя нѣкоторые изъ царедворцевъ тоже перемѣнили со мною обращеніе, но зато меня вознаградило обращеніе, исполненное дружбы, многихъ достойныхъ особъ, которыя любили меня и уважали единственно для меня, а не для другихъ какихъ либо видовъ.

Со времени возвращенія моего въ Петербургъ я былъ въ какомъ-то безпокойномъ ожиданіи, потому что слова, сказанныя мнѣ генераломъ Дибичемъ въ Москвѣ, приводили мнѣ часто на мысль, что положеніе мое должно было скоро перемѣниться. Предчувствіе мое сбылось въ непродолжительномъ времени. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ генералъ Дибичъ, который игралъ тогда первую роль при дворѣ, увидя меня во дворцѣ, отвелъ меня въ сторону и началъ мнѣ говорить слѣдующее: «что государь особенно жалуетъ фронтовую службу, что его величеству пріятно будетъ, если я буду служить въ арміи, что мнѣ надобно быть военнымъ генераломъ, а не чернильнымъ» (это собственныя его выраженія), «и провести нѣкоторое время въ полѣ. Если вы возвратитесь впослѣдствіи въ Петербургъ къ какому бы то ни было мѣсту, то вы принесете съ собою совсѣмъ другое имя, нежели бы никогда не выѣзжали изъ столицы, и повѣрьте, что это будетъ пріятно государю. Что же касается до меня лично,—присовокупилъ онъ,—то я, уважая васъ и желая вамъ добра, совѣтую вамъ и прошу васъ послужить нѣкоторое время въ арміи». Поблагодаривъ его за участіе его, я ему отвѣчалъ, что я старался образовать себя такимъ образомъ, чтобы быть полезнымъ и въ полѣ, и въ кабинетѣ, и что не мое дѣло избирать родъ службы. Въ заключеніе я его просилъ мнѣ сказать, отъ своего ли имени онъ мнѣ говорилъ, или отъ лица государева. «Это моя тайна,—отвѣчалъ онъ,—я радъ, что вы соглашаетесь служить въ арміи, впрочемъ вы намъ и здѣсь скоро будете нужны». Сей разговоръ ясно мнѣ доказалъ, что императоръ назначалъ меня для полевой службы, которую я всегда любилъ и въ которой давно желалъ находиться. Слѣдуя правилу, что должно покорствовать судьбѣ, которая во всю мою жизнь мнѣ благодѣтельствовала, я съ покойнымъ духомъ ожидалъ своего новаго назначенія.

Наступило 12-е декабря, день рожденія императора, въ который обыкновенно бывали производства. Я пріѣхалъ рано по утру во дворецъ, гдѣ меня всѣ поздравляли съ генеральскимъ чиномъ, но я, не имѣя оффиціальнаго извѣщенія, не принималъ сихъ поздравленій. Мы пошли къ разводу, впродолженіе коего я, какъ старшій флигель-адъютантъ, стоялъ подлѣ государя и, догадываясь о моемъ производствѣ, былъ погруженъ въ задумчивость, помышляя, что я въ послѣдній разъ нахожусь столь близко къ Александру. По отданіи пароля, графъ Дибичъ, обнявъ меня, объявилъ о пожалованіи меня генералъ-маіоромъ съ назначеніемъ командиромъ третьей бригады седьмой пѣхотной дивизіи. Первое чувство, возродившееся въ ту минуту въ душѣ моей, было чувство признательности къ покойному отцу моему, совѣтамъ и попеченіямъ коего я былъ обязанъ всѣмъ на свѣтѣ, и что еще въ цвѣтущія лѣта пріобрѣлъ званіе, уважаемое во всѣхъ государствахъ.

Вечеромъ того же дня я поѣхалъ на придворный блестящій балъ, гдѣ, какъ водится, всѣ меня обнимали. Государь два раза подходилъ ко мнѣ съ поздравленіями и присовокупилъ, «что мнѣ должно послужить въ арміи и что, назначая меня командиромъ двухъ отличныхъ полковъ, особенно же 13-го егерскаго, онъ надѣется, что подъ моимъ начальствомъ они дойдутъ еще до большаго совершенства». Передъ окончаніемъ бала его величество подошелъ ко мнѣ въ третій разъ и съ свойственною ему одному улыбкою и неподражаемымъ взглядомъ спросилъ: «доволенъ ли ты чиномъ?»

Первые дни послѣ производства прошли очень весело; ко мнѣ пріѣзжало множество посѣтителей, изъ коихъ большая часть соболѣзновала, что мнѣ надобно будетъ оставить столицу; я вѣрилъ словамъ ихъ, потому что мой домъ былъ довольно пріятенъ, ежедневно нѣсколько особъ у насъ обѣдали и проводили вечера, но я напротивъ радовался, что оставлялъ Петербургъ, потому что мнѣ наскучило единообразіе придворной подлости, которой я былъ столь долгое время свидѣтель. Одно только обстоятельство мнѣ было непріятно, что надлежало проститься со многими отличнѣйшими людьми нашего времени, которые были ко мнѣ расположены истинно подружески.

Такимъ образомъ заключился для меня 1823 годъ и съ нимъ вмѣстѣ моя придворная жизнь.

А. Михайловскій-Данилевскій.

ВОЕННАЯ ГРОЗА [1].

ПОВѢСТЬ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

Великая армія скоро оставила Вильну, направившись въ глубь Россіи, къ Москвѣ. Шумная, оживленная внесеннымъ войсками движеніемъ, Вильна вновь опустѣла и затихла. Обыватели, окончательно успокоившись за свою судьбу, принялись за обычныя занятія. Не только открылись прежнія лавки, но и возникло много другихъ. Изъ отдаленныхъ уѣздовъ Литвы согнали сюда скотъ для продовольствія войска и расположили его на пригородныхъ мызахъ.

Хлѣбъ и всякіе припасы прибывали въ транспортахъ, приходившихъ другъ за другомъ изъ-за границы. Временное правительство наблюдало за повышеніемъ цѣнъ. Французская полиція смѣнила мѣстную и оказалась гораздо болѣе энергичною и опытною въ своемъ дѣлѣ. Высшее общество сгруппировалось около членовъ дипломатическаго корпуса, лучшимъ представителемъ котораго былъ герцогъ Бассано. Имѣя постоянную переписку съ Наполеономъ и съ Па-

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIX, стр. 75.

рижемъ, герцогъ явился центромъ всѣхъ извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ и весьма любезно сообщалъ о побѣдахъ французовъ польскимъ дамамъ.

Для развлеченія ихъ подъ покровительствомъ герцога устроился кружокъ любителей сценическаго искусства. На домашнемъ театрѣ ставили комедіи «Les femmes des Desmoustiers», «La Beranche», «Les Ricochets». Чтенія, репетиціи давали возможность сановнымъ участникамъ разсѣять скуку и тревогу отъ неизвѣстности.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Наполеона, Бассано получилъ присланный императору портретъ его сына, римскаго короля. Портретъ былъ писанъ Жераромъ и отличался большимъ сходствомъ. Римскій король былъ изображенъ въ полулежачей позѣ, на зеленой бархатной подушкѣ, въ одной прозрачной батистовой рубашечкѣ, спущенной съ плечъ. Дитя забавлялось, держа въ одной ручкѣ скипетръ изъ слоновой кости и облокотившись другой на земной шаръ, возлѣ котораго виднѣлся орденъ почетнаго легіона первой степени.

Бассано показалъ этотъ портретъ польскимъ дамамъ, и онѣ восхищались имъ, украдкой перешептываясь объ игрушкахъ римскаго короля, которымъ пришлось остаться для него только лишь игрушками.

Въ другой разъ герцогъ подъ большимъ секретомъ показалъ дамамъ каррикатуру на Наполеона. Это была раскрашенная гравюра въ восьмую долю листа. Императоръ былъ изображенъ на ней въ профиль, въ своей треугольной шляпѣ. Рисунокъ заключалъ только лишь его бюстъ.

Шляпу императора представлялъ свернувшійся въ клубъ черный орелъ. Выпущенные когти его изображали волосы, какъ бы выбившіеся изъ-подъ шляпы. Глазъ представляла французская кокарда. Лице завоевателя состояло изъ труповъ, брошенныхъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ. Красная лента ордена почетнаго легіона, окружавшая шею императора, представляла море крови съ тонущими въ ней кораблями. И, наконецъ, часть плаща, изображеннаго на рисункѣ, была представлена въ видѣ географической карты съ изображеніемъ мѣстъ, гдѣ Наполеонъ давалъ наиболѣе кровопролитныя сраженія.

II.

Пользуясь свободой нравовъ, установленной французами, де-Гріе находилъ возможность часто видѣться съ княжной Казиміроой. Князь Сигизмундъ, узнавъ, что виконтъ принадлежитъ къ богатой дворянской фамиліи, не препятствовалъ сближенію, начавшемуся между молодыми людьми. Ловкій, любезный, элегантный де-Гріе нравился княжнѣ, которая, какъ всѣ польки, особенно цѣнила въ мужчинахъ щеголеватость и предупредительность. Де-Гріе былъ средняго роста, худощавъ. Лице его острое и блѣдное, съ веселыми сѣрыми глазами,

поставленными другъ къ другу нѣсколько ближе, чѣмъ обыкновенно, въ тѣ минуты, когда виконтъ былъ оживленъ, отличалось привлекательностью. Въ другое же время оно поражало сонливостью и брезгливой скукой. Но такимъ княжнѣ Казимірѣ никогда не приходилось его видѣть. Маленькіе каштановые усы виконтъ закручивалъ, какъ истый шляхтичъ, и въ Вильнѣ выучился такъ же лихо, такъ шляхтичъ, носить на бекрень фуражку и побрякивать шпорами.

Явившись однажды къ княжнѣ, онъ предложилъ ей принять участіе въ предполагавшейся прогулкѣ верхомъ. Княжна согласилась. Въ назначенный часъ виконтъ заѣхалъ за ней, и они присоединились къ пышной кавалькадѣ, отправившейся въ Закретъ. Она состояла изъ знатныхъ дамъ и французскихъ офицеровъ. Шталмейстеръ короля саксонскаго, князь Александръ Потоцкій, снабдилъ дамъ лошадьми и ѣхалъ во главѣ кавалькады.

Стоялъ тихій лѣтній вечеръ. Солнце садилось. Красноватые лучи его дробились въ Виліи и, падая на городъ, придавали ему нѣжный колоритъ. Старый закретскій сосновый лѣсъ зеленѣлъ вдали. Скоро миновали предмѣстье и пустились вскачь по дорогѣ.

Прибывъ въ Закретъ, общество нашло здѣсь лишь развалины. Померанцевыя деревья были опрокинуты и поломаны. Съ утонченнымъ вкусомъ меблированныя постройки были совершенно опустошены. Обширныя, наполненныя тропическими растеніями оранжереи были разрушены. Солдаты, мародеры и городскіе обыватели расхитили и растащили все. Тамъ, гдѣ красовались розы, благоухали спѣлые ананасы, теперь виднѣлись репейникъ и крапива. Высохшій каскадъ безмолвствовалъ и унылая тишина царствовала кругомъ...

Дамы въѣхали верхомъ на помостъ, на которомъ многія изъ нихъ танцовали на послѣднемъ балу. Кавалеры предложили имъ спѣшиться и пройтись по опустошеннымъ комнатамъ. Пробѣгая по длиннымъ корридорамъ и переходамъ стариннаго зданія, молодежь наткнулась на бюстъ Бенигсена, валявшійся на полу безъ головы. И все въ залахъ было перебито и уничтожено.

Когда выѣхали изъ Закрета, де-Гріе и княжна Казиміра отстали. Дорога шла лѣсомъ. Старыя высокія сосны покоились въ тишинѣ. Ихъ молчаніе навѣвало грезы. И кругомъ все было такъ безмятежно. Все дышало глубокимъ миромъ, успокоительно дѣйствовавшимъ на душу.

Княжна Казиміра задумалась. Де-Гріе ласково и нѣжно спросилъ ее:

— О чемъ мечтаете вы? Какъ будто вамъ грустно.

— Нѣтъ, я такъ. Мнѣ давно хотѣлось поговорить съ вами... Тамъ, дома, всегда мѣшаютъ... Какой чудесный лѣсъ. Мы, кажется, очень отстали.

— Ничего. Мы легко можемъ ихъ догнать.

— Виконтъ, у меня есть женихъ,—вдругъ проговорила княжна.

— Въ самомъ дѣлѣ?—мѣняясь въ лицѣ, пробормоталъ де-Гріе. Досада и огорченіе послышались въ его голосѣ. Казиміра ему очень нравилась.

— Онъ уѣхалъ въ армію и теперь сражается подъ Москвой,—продолжала она.

— Вы обручены, дали ему слово?

— Нѣтъ, я не давала слова.

Лице виконта просвѣтлѣло.

— Такъ почему же вы называете его женихомъ?

— Папа хочетъ этого брака.

Наступило молчаніе. Виконтъ задумчиво расправлялъ рукой гриву своего золотистаго коня, сдерживая его и заставляя идти рядомъ съ бѣлымъ иноходцемъ княжны.

— Война еще не кончена,—какъ бы про себя уронилъ онъ.

— Виконтъ!—съ упрекомъ сказала Казиміра.

Онъ понялъ, что его замѣчаніе слишкомъ эгоистично и грубо, и вспыхнулъ. Но ему захотѣлось оправдаться, и онъ отвѣтилъ:

— Это можетъ относиться какъ къ нему, такъ и ко всякому другому, находящемуся на императорской службѣ.

Эту маленькую размолвку прервало появленіе длинной крестьянской фуры, запряженной парой мохнатыхъ, толстоногихъ лошадей. Небольшой тучный еврей, державшій возжи, со страхомъ смотрѣлъ на всадниковъ. Рядомъ съ нимъ виднѣлась закутанная женская фигура. Фура ѣхала по проселочному пути, пересѣкавшему здѣсь въ лѣсу большую дорогу.

— Коленда,—проговорилъ де-Гріе, узнавъ еврея, у котораго ему пришлось раза два размѣнять крупную сумму: — куда это ты собрался?

И, говоря это, онъ съ любопытствомъ поглядѣлъ на его закутанную спутницу.

— Времена нынче, ваше сіятельство, тяжелыя,—произнесъ неохотно, но нѣсколько ободрившись, жидъ:—въ городѣ много военныхъ людей. Они привыкли обижать мирныхъ гражданъ.

— Вотъ какъ. Тебя что-ль ограбили?

— Ай, нѣтъ, только зачѣмъ же оставаться, если нельзя торговать.

— Кто это съ тобой?—продолжалъ де-Гріе и, замѣтивъ нетерпѣніе, отразившееся на лицѣ княжны, тронулъ лошадь.

— Это дочь моя, Эстеръ,—пробормоталъ еврей:—мы ѣдемъ къ роднымъ въ деревню.

Но виконтъ, не дослушавъ, поскакалъ за Казимірой, помчавшейся за скрывшейся за поворотомъ кавалькадой.

Еврей вздохнулъ, опасливо оглядѣлся по сторонамъ и стегнулъ своихъ клячъ.

III.

Лѣто скоро промелькнуло. Въ сентябрѣ разнеслась въ Вильнѣ вѣсть о «битвѣ подъ Можайскомъ». Побѣда Наполеона была пышно отпразднована. Вскорѣ послѣ того Бассано получилъ извѣстіе о взятіи Москвы. Затѣмъ пришли письма о пожарѣ, уничтожившемъ эту столицу. Слухи и толки о дальнѣйшихъ успѣхахъ Наполеона принимали сказочные размѣры. Вся Вильна съ тревогой и недоумѣніемъ ждала, что будетъ дальше. Но затѣмъ наступило затишье. Всѣ вѣсти, доходившія изъ главной квартиры, тщательно скрывались. День шелъ за днемъ, и обыватели стали вновь успокоиваться.

Между тѣмъ погода круто измѣнилась. Тихая прекрасная осень особенно долго стояла въ этомъ году. Но вотъ подулъ сѣверовосточный вѣтеръ, начались морозы, повалилъ снѣгъ, и сразу стала зима.

Наконецъ, всякое сообщеніе съ главной арміей было прервано. Во многихъ мѣстахъ, въ тылу ея, появились казачьи отряды. Тревожные, смутные слухи вновь проникли въ городъ.

Супруга маршала Удино, герцогиня де-Реджіо, пріѣхала въ Вильну, чтобы ухаживать за привезеннымъ туда своимъ раненнымъ мужемъ. Одной изъ польскихъ дамъ, у которой братья были въ великой арміи, она сказала:

— Ваше горе еще впереди. Мы разбиты.

Изъ знатныхъ поляковъ первымъ, прибывшимъ изъ дѣйствующей арміи, былъ графъ Михайло Бжостовскій. Онъ оставилъ Наполеона въ Смоленскѣ и не могъ проѣхать черезъ Минскъ, который былъ уже занятъ русскими. Онъ разсказывалъ неслыханныя вещи о великой арміи, обратившейся, по его словамъ, въ безпорядочную толпу лагернаго сброда.

— Это что-то невыразимое, въ родѣ карнавала въ Венеціи. Отъ арміи не осталось и слѣда,—говорилъ онъ.

Герцогъ Бассано попросилъ его сократить эти разсказы. Но это не помогло, потому что мало-по-малу офицеры и шляхтичи стали прибывать въ Вильну. Ихъ жалкій видъ, рваная одежда, изможденныя лица возбуждали состраданіе и невольную тревогу объ участи города. Но полиція принимала всѣ мѣры, чтобы скрыть печальную истину. Раненыхъ помѣщали въ Закретѣ, гдѣ устроили временный госпиталь. Всѣ частныя письма и сообщенія изъ арміи задерживались.

Однако наиболѣе предусмотрительные изъ передавшихся французамъ литовскихъ и польскихъ магнатовъ начали мало-по-малу уѣзжать изъ города. Большая часть направлялась въ Варшаву и Краковъ. Прощаясь, они спрашивали другъ друга: «гдѣ и какъ мы увидимся?»

Участь Польши снова стала казаться имъ сомнительной. Сколько крови они безплодно пролили, и сколько предстояло, быть можетъ, еще пролить.

Старый графъ Тизенгаузъ пріютилъ у себя нѣсколько французскихъ офицеровъ. Между ними находился генералъ Жюмильякъ, зять герцога Ришелье. Несчастья и лишенья разстроили старика.

Садясь обѣдать, онъ часто спрашивалъ:

— Неужели вы не ощущаете счастья сидѣть и ѣсть за столомъ?

Показывая свои руки, онъ говорилъ:

— Онѣ у меня чисты, но только почернѣли отъ бивачнаго огня.

И въ самомъ дѣлѣ онѣ были черны, какъ у трубочиста.

Императоръ Александръ впослѣдствіи говорилъ, что это происходило отъ неумѣнія французовъ грѣться у огня.

— Мои солдаты также сидѣли у костровъ, однако они не чернили себѣ рукъ, какъ французы,—объяснялъ онъ.

Вновь сгущались тучи, и надвигалась военная гроза. Но только наверху было движеніе и безпокойство. Внизу жизнь пока шла своимъ чередомъ, и мало кто думалъ о томъ, что предстоитъ впереди.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Сводя однажды вечеромъ счеты по книгамъ, Засыпкинъ былъ удивленъ появленіемъ незнакомаго ему еврея. Тотъ остановился посреди комнаты. Волненіе виднѣлось въ его лицѣ. Онъ торопливо сорвалъ съ себя подвязанную бороду, скинулъ долгополый жидовскій кафтанъ и воскликнулъ:

— Ваня, иль не узнаешь меня?

Засыпкинъ вскочилъ съ мѣста. Передъ нимъ находился Колесниковъ. Они отъ души обняли другъ друга и разцѣловались. Засыпкинъ приказалъ подать самоваръ, и когда товарищъ его нѣсколько отдохнулъ и оправился, то сталъ разспрашивать его, какъ онъ попалъ сюда изъ Вязьмы.

— Погоди, другъ,—отвѣтилъ Колесниковъ:—все разскажу, а вотъ, покамѣстъ, на тебѣ письмо отъ хозяина.

Съ этими словами онъ досталъ изъ-за пазухи платокъ, развернулъ его и вынулъ сложенную бумагу. Засыпкинъ бережно принялъ ее, перекрестился на икону, поцѣловалъ письмо и принялся за чтеніе.

«Дорогой другъ Ваня, пишу къ тебѣ это письмо, не зная, дойдетъ ли оно благополучно, хотя Григорій взялся его доставить жи-

вымъ или мертвымъ. Доношу тебѣ, что проклятые варвары догнали меня и въ Вязьмѣ, откуда я по постигшей меня болѣзни не могъ двинуться дальше, въ Калугу, какъ предполагалъ. Слава Богу, нашъ Кутузовъ гонитъ ихъ обратно изъ Москвы. Весь народъ поднялся, теперь не сдобровать супостатамъ. Крѣпись только, другъ Ваня, а Богъ дастъ—скоро увидимся. Объ имуществѣ моемъ не безпокойся. Если и разграбили его злодѣи, лишь бы ты былъ живъ и здоровъ, а то все дѣло наживное. Если Гриша прибудетъ, задержи его до моего пріѣзда, а пока не падай духомъ и вѣрь въ благость Божью и въ силу его помазанника, нашего батюшки царя.

«Цѣлую тебя сердечно. Твой преданный Тихонъ Зайцевъ».

— Ну, слава Богу, живъ и здоровъ, а я не зналъ здѣсь, что и думать,—сказалъ Засыпкинъ, складывая письмо и отирая навернувшіяся слезы.—Теперь о себѣ повѣдай, другъ Гриша. Чай, не легко было тебѣ въ дорогѣ? Всего, пожалуй, натерпѣлся: и голоду, и холоду?

— Что голодъ,—отвѣтилъ Колесниковъ, махнувъ рукой:—не знаю, какъ голова на плечахъ уцѣлѣла. Да Господь, вишь, по грѣхамъ терпитъ. Изволь, разскажу все, какъ было.

Онъ на минуту задумался и началъ:

— Получивъ письмо отъ хозяина, я переодѣлся евреемъ, чтобы безопаснѣе было идти мимо французовъ, и чуть стало свѣтать, пустился въ путь. Пошелъ я на Смоленскъ, Оршу, Витебскъ и другіе города, которыхъ и не помню. Сначала нѣсколько дней путешествіе мое было благополучно. На постоялыхъ дворахъ принимали меня за еврея и не обращали на меня вниманія. Приходилось мнѣ встрѣчать и отряды французовъ, но они меня не трогали. Такъ ушелъ я далеко.

Однажды иду себѣ, покуривая трубку и посматривая по сторонамъ. Вдругъ изъ кустовъ выскакиваютъ человѣкъ десять мародеровъ и хватаютъ меня. Вздохнулъ я къ Богу. Думаю, вотъ сейчасъ мнѣ и конецъ, но мародеры выпустили меня и насторожились. Послышался конскій топотъ. Изъ лѣсу выѣхало нѣсколько казаковъ. Увидѣвъ мародеровъ, казаки устремились на нихъ и, не давая пардону, положили всѣхъ на мѣстѣ. А я стоялъ на дорогѣ ни живъ, ни мертвъ.

— Ты откуда, жидъ?—спросилъ меня урядникъ и схватилъ за бороду.

Она осталась у него въ рукахъ.

— А, вотъ что! Ты шпіонъ! Ребята, на сукъ его!

— Православные христіане, что вы дѣлаете, побойтесь Бога!—прохрипѣлъ я на силу отъ душившей меня петли и распахнулъ одежду на груди:—смотрите, видите на мнѣ святой крестъ! Могу ли я быть жидомъ!

Казаки стали втупикъ и съ удивленіемъ поглядывали на меня. Урядникъ развелъ руками.

— Такъ кто же ты: дьяволъ или переодѣтый французъ?

— Ни то, ни другое, а просто настоящій русскій человѣкъ. Иду изъ Вязьмы, по приказу хозяина,— отвѣтилъ я и ободрился. Но дѣло опять приняло худой оборотъ.

— Нѣтъ, братъ, не проведешь. Мало ли васъ всякаго сброду шляется теперь по дорогамъ. Отвести его къ полковнику. Онъ разберетъ,— рѣшилъ урядникъ и, отрядивъ двухъ дюжихъ казаковъ, отправилъ меня съ ними.

На покрытой мягкимъ пушистымъ снѣгомъ полянѣ, неподалеку, въ густомъ бору, стоялъ на привалѣ партизанскій отрядъ полковника Давыдова. Гусары его, Ахтырскаго полка, сидѣли у котловъ, отъ которыхъ валилъ паръ.

Поодоль отъ нихъ находился полковникъ. Закутавшись въ длинную черкесскую бурку, онъ сидѣлъ на маленькомъ казацкомъ конѣ и очищалъ пальцами отъ изморози свои густые усы.

Любуясь этой лѣсной картиной, я совсѣмъ позабылъ про свое собачье положеніе, съ веревкой на шеѣ, и только суровый голосъ полковника напомнилъ мнѣ, гдѣ я.

— Ты кто такой?—спросилъ онъ, зорко всматриваясь мнѣ въ лице.

— Русскій, вяземскій мѣщанинъ,— отвѣтилъ я, смущаясь отъ его взора.

— Измѣнникъ, шпіонъ?

— Никакъ, нѣтъ. Хозяинъ меня послалъ,— сказалъ я оробѣвъ и подалъ данное мнѣ письмо.

Полковникъ пробѣжалъ его глазами и улыбнулся. Затѣмъ тоже съ улыбкой онъ бросилъ взглядъ на мою еврейскую одежду и на фальшивую бороду, которую одинъ изъ сопровождавшихъ меня казаковъ прицѣпилъ къ лукѣ сѣдла.

— Иди съ Богомъ,— промолвилъ онъ, отдавая мнѣ назадъ письмо:—скажи товарищу своему въ Вильнѣ, что все, написанное въ этомъ письмѣ про нашихъ враговъ, сущая правда. Эй, дайте ему бутылку вина,—прибавилъ милостиво полковникъ, обращаясь къ своимъ людямъ:—ему пригодится въ дорогѣ.

Поблагодаривъ отъ души полковника, я подвязалъ опять бороду и пустился въ дальнѣйшій путь. Только теперь я больше шелъ по ночамъ, избѣгая опасныхъ встрѣчъ. Черезъ нѣсколько дней я, какъ видишь, благополучно добраться до Вильны. Отрапортовавъ тебѣ о своемъ путешествіи, скажу, другъ Ваня, что хочу уснуть. Сильно я истомился въ дорогѣ и теперь едва сижу.

Постель Колесникову была уже приготовлена. Онъ простился съ Засыпкинымъ и завалился спать.

Разставшись къ Колесниковымъ, Засыпкинъ сидѣлъ, предавшись думамъ. Онъ вспоминалъ о Зайцевѣ, о Вязьмѣ и своихъ родныхъ. Было уже за полночь.

Въ дверь къ нему тихо постучали.

— Кто тутъ?—спросилъ удивленный Засыпкинъ. Вошелъ виконтъ де-Гріе. Въ лицѣ его и движеніяхъ видно было замѣшательство.

— Извините меня, господинъ Засыпкинъ, — произнесъ онъ:— что я въ такую позднюю пору вздумалъ утруждать васъ: завтра, чуть свѣтъ, надо мнѣ ѣхать по важному дѣлу за городъ. Морозъ все усиливается. Не можете ли вы достать мнѣ гдѣ нибудь теплую шубу: моя слишкомъ легка.

— Постараюсь, но за успѣхъ не отвѣчаю. Дѣло въ томъ, что всѣ шубы, какъ и прочая теплая одежда, отобраны у жителей для вашего же гарнизона.

— Знаю, но всетаки...

— Какъ же быть? Ахъ, я и забылъ. Вотъ, если не побрезгаете, моя шуба къ вашимъ услугамъ. Не взыщите, что отдаетъ немножко русскимъ духомъ, то-есть, медвѣдемъ,— сказалъ шутя Засыпкинъ.

Съ этими словами онъ всталъ и снялъ съ гвоздя отличную пушистую медвѣжью шубу, оставленную ему Зайцевымъ.

Виконтъ, покраснѣвъ, взялъ ее, поблагодарилъ Засыпкина и, пожавъ ему руку, ушелъ къ себѣ.

Еще не свѣтало, какъ скрипъ полозьевъ на дворѣ разбудилъ чутко спавшаго Засыпкина. Выглянувъ изъ окна, онъ увидѣлъ своего квартиранта. Закутавшись до головы въ медвѣжью шубу, онъ усаживался въ сани, запряженныя парой турецкихъ лошадей, когда-то рѣзвыхъ и горячихъ, а теперь исхудалыхъ и вялыхъ. И виконтъ уѣхалъ, не сказавъ никому, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ.

II.

Наполеонъ, увидѣвъ, что у него нѣтъ арміи, рѣшился отправиться въ Парижъ. Прибывъ 23-го ноября въ Сморгоны, онъ призвалъ Мюрата, вице-короля, Бертье и всѣхъ маршаловъ. Онъ объявилъ имъ, что уѣзжаетъ изъ арміи, и поручилъ начальство надъ ней Мюрату.

— Оставляю васъ,—сказалъ онъ:—чтобы привести триста тысячъ солдатъ. Надо собрать средства для второй кампаніи, потому что въ первый разъ война не кончилась одной кампаніей.

Затѣмъ, излагая ходъ военныхъ дѣйствій, Наполеонъ доказывалъ, что причинами неудачи похода были пожаръ Москвы, чрезвычайная стужа, происки, ошибки и, быть можетъ, измѣна.

Въ тотъ же день Наполеонъ далъ Мюрату инструкцію, въ которой предписывалъ ему собрать армію въ Вильнѣ, а въ случаѣ невозможности оставаться тамъ отступить за Нѣманъ, а правому крылу прикрыть Варшаву. Дипломатическому корпусу приказано было переѣхать изъ Вильны въ Варшаву, куда велѣно было отправить и военную казну. Объ отъѣздѣ же императора въ Парижъ было предписано объявить не прежде, какъ черезъ пять, шесть дней.

Наполеонъ отправился изъ Сморгонъ въ полночь 23-го ноября, при двадцатиградусномъ морозѣ. Онъ ѣхалъ въ каретѣ, поставленной на полозья. Съ нимъ сидѣлъ Коленкуръ. На козлахъ помѣстились капитанъ гвардейскихъ уланъ Вонсовичъ и извѣстный мамелюкъ Рустанъ. Въ саняхъ за каретой ѣхалъ оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ и генералъ-адъютантъ Мутонъ. Конвой состоялъ изъ небольшихъ кавалерійскихъ отрядовъ, смѣнявшихся на каждой станціи.

На пути въ Ошмяны, занятыя дивизіей Луазона, только что прибывшей изъ Вильны, Наполеонъ проѣхалъ близъ биваковъ партизана Сеславина, а по прибытіи въ Ошмяны подвергался опасности отъ войскъ Луазона, состоявшихъ изъ итальянцевъ и нѣмцевъ. Дивизія его, выступивъ изъ Вильны въ числѣ десяти тысячъ, потеряла дорогой отъ морозовъ и лишеній семь тысячъ. Озлобленные солдаты и офицеры тосканскаго полка сговорились арестовать Наполеона и передаться русскимъ. Но поспѣшный отъѣздъ императора помѣшалъ осуществленію ихъ замысла.

Въ Мѣдникахъ встрѣтилъ Наполеона французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Марè. Наполеонъ, посадивъ его въ свою карету, бесѣдовалъ съ нимъ о положеніи дѣлъ и приписывалъ неудачу похода нерадѣнію интендантства. Тогда Маре въ отвѣтъ на этотъ упрекъ представилъ вѣдомость о состояніи продовольственныхъ магазиновъ въ Вильнѣ, которые содержали сорокодневный запасъ провіанта на сто тысячъ человѣкъ, кромѣ хлѣба, ожидаемаго изъ Жмуди. Маре сказалъ, что, сверхъ того, въ городѣ и въ окрестностяхъ его собраны большія стада рогатаго скота и значительные запасы оружія, одежды и обуви. Наполеонъ, очень обрадованный этими свѣдѣніями, поручилъ министру передать Мюрату, чтобы онъ держался въ Вильнѣ по крайней мѣрѣ недѣлю.

Утромъ 24-го ноября, подъѣзжая къ Вильнѣ, Наполеонъ приказалъ миновать городъ предмѣстьями и остановился близъ Ковенской заставы, лишь для того, чтобы перемѣнить лошадей. Изъ Вильны выѣхали встрѣтить его герцогъ Бассано, графъ Гогендорнъ, графъ Дарю и нѣсколько адъютантовъ, въ числѣ которыхъ былъ де-Гріе.

Когда они выѣхали на Погулянку, то увидѣли нѣсколькихъ всадниковъ, сани и карету около пустаго дома. Кучера поспѣшно впрягали свѣжихъ лошадей.

Путешественники, съ ногъ до головы закутанные въ лисьи шубы, съ мѣховыми, глубоко надвинутыми на голову, шапками, не покидая своихъ мѣстъ, хранили молчаніе. Ихъ серьезныя лица имѣли озабоченное выраженіе.

По измученнымъ, наполовину загнаннымъ почтовымъ лошадямъ, которыя шатались отъ усталости, и той поспѣшности, съ какой солдаты помогали конюхамъ, можно было судить, что путешественники весьма торопились.

Это былъ Наполеонъ и его свита.

Закрывшись бобровымъ воротникомъ, чтобы не быть узнаннымъ, императоръ равнодушно глядѣлъ на покрытую снѣгомъ улицу. Блѣдно-желтое лице его напоминало мраморное изваяніе.

Увидѣвъ герцога Бассано и его спутниковъ, императоръ сдѣлалъ ему знакъ приблизиться и вступилъ съ нимъ въ непродолжительный разговоръ.

— Ну, до свиданья, герцогъ,—заключилъ императоръ.

Мамелюкъ его вскочилъ на козлы, и карета помчалась по дорогѣ къ Ковно. Тамъ Наполеонъ переѣхалъ, на разсвѣтѣ 26-го ноября, русскую границу, а черезъ два дня прибылъ въ Варшаву.

Остановившись въ Англійской гостинницѣ, онъ пригласилъ къ себѣ резидента своего Прадта и нѣсколькихъ сановниковъ.

— Вы удивляетесь,—сказалъ онъ имъ:—видя меня здѣсь. Но я былъ не въ силахъ воевать со стихіями. Я потерялъ всю кавалерію, почти всю артиллерію и всѣ обозы. Въ двѣ ночи пало три тысячи лошадей. Я убѣдился, что французы еще могутъ воевать при морозѣ въ семь градусовъ, но нѣмцы не переносятъ болѣе пяти. Меня будетъ судить потомство. Я сдѣлалъ промахъ, оставшись двѣ лишнихъ недѣли въ Москвѣ. Меня провели, увѣряя, что бояре примутъ мою сторону, и что крестьяне передадутся мнѣ, чтобы выйти изъ рабства. Все это вздоръ! Я нашелъ поселянъ вѣрными государю, а дворянство всецѣло преданнымъ правительству. Русскіе—это дикій суевѣрный народъ, изъ котораго ничего нельзя дѣлать. А въ казакахъ сидитъ самъ чортъ... Я поручилъ армію королю неаполитанскому и теперь ѣду въ Парижъ, чтобы приготовиться къ другой кампаніи.

Отдохнувъ нѣсколько часовъ, императоръ продолжалъ свой путь на Дрезденъ и Майнцъ и прибылъ въ Парижъ 7-го декабря.

III.

Между тѣмъ, бѣгущіе остатки французскихъ войскъ добрались до Вильны. Исхудалыя, изможденныя голодомъ, съ отмороженными руками и ногами, покрытыя рубищами, лохмотьями, женскими юбками, окутанныя тряпками, бродили по улицамъ странныя че-

ловѣческія фигуры, залѣзая въ дома и сваливаясь подъ заборы. Проклятія и стоны наполняли воздухъ, мѣшаясь съ воемъ жирныхъ алчныхъ собакъ, пожиравшихъ трупы. Похожія на скелеты лошади медленно влачили обледенѣлые зеленые фургоны, облѣпленные человѣческими существами въ пестрыхъ грязныхъ лоскутахъ.

Засыпкинъ не открывалъ ни воротъ дома, ни дверей магазина въ это страшное время. Однажды, сидя у окна, онъ замѣтилъ женщину, судорожно уцѣпившуюся за край фургона. Падая отъ изнеможенія, она умоляла спасти ея ребенка, прильнувшаго къ ея обнаженной груди. Но нѣмецкіе солдаты оторвали ее отъ фургона. Она упала съ болѣзненнымъ воплемъ.

Тронутый Засыпкинъ позвалъ Колесникова, и оба они перенесли несчастную въ теплую комнату, успокоили и накормили ее.

Француженка сказала имъ, что она жена офицера по фамиліи Леслинъ. При переправѣ черезъ Березину онъ пропалъ, и съ тѣхъ поръ она больше не видала его.

— Боже мой!—восклицала она, обливаясь слезами: — живъ ли онъ?

И она проклинала Наполеона, навлекшаго на всѣхъ столько несчастій.

Засыпкинъ и Колесниковъ, какъ могли, утѣшали ее.

— Не убивайтесь, сударыня. Господь милостивъ. Будетъ Его воля, вашъ супругъ вернется къ вамъ.

Француженка не знала, какъ благодарить ихъ. Особенно она была имъ признательна за попеченія о ея сынѣ. Черноглазый, красивый мальчуганъ съ перваго взгляда полюбился приказчикамъ, и они забавляли его.

Между тѣмъ, Засыпкинъ отправился къ виконту де-Гріе, который собрался уѣзжать. Войдя въ его помѣщеніе, Засыпкинъ увидѣлъ, что все уже тамъ уложено и упаковано. Виконтъ дружески обратился къ нему:

— Вы, конечно, уже знаете про наши неудачи. Я сегодня уѣзжаю за границу. Не можете ли вы оказать мнѣ небольшую услугу. Уступите мнѣ вашу шубу за цѣну, какую назначите.

— Берите, господинъ виконтъ, но денегъ я съ васъ не возьму. Вы спасли мнѣ жизнь, покровительствовали все время. Пусть моя шуба напомнитъ вамъ когда нибудь обо мнѣ.

Виконтъ былъ тронутъ.

— Позвольте вамъ оставить хоть этотъ перстень,—сказалъ онъ и подалъ Засыпкину кольцо съ брилліантами.

Тотъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ принялъ неожиданный подарокъ, отъ котораго не могъ изъ учтивости отказаться. Виконтъ крѣпко пожалъ ему руку. Вещи вынесли, и де-Гріе уѣхалъ.

Вернувшись на свою половину, Засыпкинъ вновь предался заботамъ о спасенной женщинѣ и ея ребенкѣ.

— Не горюйте, сударыня,—говорилъ онъ ей:—скоро принесутъ вамъ новую одежду, вы поправитесь, а тамъ, можетъ быть, и супругъ вашъ найдется. Я послалъ уже двухъ евреевъ разыскивать его по больницамъ.

Поручивъ ее Григорію, Засыпкинъ вечеромъ отправился въ Святодуховъ монастырь. Здѣсь онъ разсказалъ настоятелю объ отъѣздѣ своего постояльца, о спасеніи француженки съ ребенкомъ и, наконецъ, вынувъ драгоцѣнный перстень, произнесъ:

— А теперь, батюшка, позвольте отдать вамъ этотъ вражескій подарокъ. Все время онъ мучилъ меня и не давалъ покою. Я жертвую его на церковь. Отслужите лишь панихиду по всѣмъ убіеннымъ.

IV.

Виконтъ де-Гріе, подъѣхавъ къ дому князя Сигизмунда, торопливо вышелъ изъ саней. Войдя въ комнаты, онъ замѣтилъ тамъ чрезвычайный безпорядокъ: картонки, ящики валялись на полу. Дорожные сундуки, увязанные веревками, узлы, раскиданная одежда—все краснорѣчиво свидѣтельствовало о поспѣшныхъ сборахъ въ дорогу.

Княжна Казиміра вышла въ изящномъ дорожномъ костюмѣ. Она покраснѣла при видѣ де-Гріе и протянула ему обѣ руки.

— Вотъ вы уже готовы, а мы не совсѣмъ,—сказала она.

— Ну, какъ не совсѣмъ,—проговорилъ князь Сигизмундъ, появляясь изъ сосѣдней комнаты.—Эй, люди, берите вещи, и чтобъ лошади живо были поданы!

Но вещи уже таскали на дворъ и нагружали ими сани. Выѣздной гайдукъ неподвижно держалъ въ прихожей соболій кафтанъ и чернаго медвѣдя шубу князя, готовясь по первому знаку подать ихъ.

Въ это время дверь распахнулась, и на порогѣ показался изможденный человѣкъ. Разорванный синій французскій мундиръ съ офицерскими погонами, бѣлыя запятненныя лосины, заправленныя въ истрескавшіеся ботфорты, сабля съ помятыми ножнами, волочившаяся по полу, придавали ему не воинственный, а маскарадный видъ.

— Вамъ что угодно?—сухо спросилъ князь Сигизмундъ, которому уже успѣла надоѣсть всякая благотворительность.—Панъ Бугъ, да никакъ это графъ Гюнтеръ!—воскликнулъ князь съ живостью.

Княжна Казиміра поблѣднѣла, но тотчасъ оправилась.

— Да, это дѣйствительно я,—проговорилъ, силясь улыбнуться, графъ Гюнтеръ:—кажется, обстоятельства перемѣнились. Но какъ

я радъ, князь, что вижу васъ и княжну въ полномъ здравіи. Послѣ этой ужасной Березины я пришелъ совсѣмъ въ отчаянье и думалъ, что насталъ конецъ всему свѣту. Мой полкъ истребленъ. Не знаю самъ, какъ я спасся. Но что это? Вы собираетесь уѣзжать?

— Да, графъ, — дѣловымъ тономъ проговорилъ князь Сигизмундъ, давая отчасти почувствовать, что всякія иныя отношенія теперь излишни.

Графъ Гюнтеръ понялъ это. Онъ съ мольбой взглянулъ на княжну и проговорилъ въ тоскѣ:

— И я какъ бы хотѣлъ уѣхать.

Никто не отвѣтилъ. Никто не предложилъ ему сѣсть. Онъ стоялъ какъ чужой предъ своей невѣстой. Лишенія и неудачи сломили его духъ. Онъ казался жалкимъ и робкимъ.

Князь Сигизмундъ взглянулъ на княжну, и она удалилась въ сопровожденіи виконта.

— Два слова, графъ Гюнтеръ,—сказалъ онъ:—это правда, мы сейчасъ ѣдемъ. Въ городѣ оставаться небезопасно. Но прежде чѣмъ уѣхать, я хочу кончить съ вами объ одномъ дѣлѣ. Помните, мы когда-то имѣли въ виду извѣстный планъ. Никто не предвидѣлъ того, что случилось. Надежды на Наполеона рушились. Несчастная наша Польша долго еще не будетъ возстановлена. Слишкомъ горько оставаться въ ней всякому истинному патріоту. Поэтому я уѣзжаю въ Парижъ. Графъ, я радъ былъ породниться съ вами. Но что дѣлать: судьба, видно, противъ насъ.

Гюнтеръ стоялъ какъ убитый. Онъ, какъ вошелъ сюда, уже понялъ, чего надо ждать ему. Но онъ захотѣлъ сдѣлать еще послѣднюю попытку.

— Но вѣдь я также могу уѣхать.

— Можете?—быстро перебилъ князь Сигизмундъ:—это мѣняетъ дѣло.

Лице графа Гюнтера озарилось надеждой.

— Конечно, я уѣду. Мнѣ тоже тутъ нечего дѣлать. Я имѣю чинъ полковника кавалеріи. Мои заслуги помнятъ. Меня не забудутъ въ Парижѣ.

— А ваши помѣстья, графъ?

— О, что за дѣло до нихъ! Они опустошены и, конечно, будутъ конфискованы [1]). Но я проживу и такъ. Мнѣ дадутъ жалованье...

— Жалованье, — проговорилъ ледянымъ тономъ князь Сигизмундъ:—но развѣ на это можно жить?

Гюнтеръ выпрямился.

— Но вѣдь ваши имѣнья, князь, развѣ они тоже не будутъ отобраны?

---

[1]) Помѣстья были возвращены всѣмъ полякамъ безъ различія императоромъ Александромъ по изгнаніи французовъ. Авт.

Сигизмундъ медленно улыбнулся.

— У меня нѣтъ имѣній. Я давно реализировалъ ихъ, и деньги перевелъ за границу. Признаюсь, я думалъ, что и вы это сдѣлаете, но, какъ видно, вы черезчуръ увлеклись военной славой и упустили изъ виду домашнія дѣла.

Графъ Гюнтеръ зашатался. Теперь онъ понялъ все. Бѣглецъ, нищій—развѣ онъ пара дочери гордаго магната. Передъ его глазами мелькнулъ пожаръ Москвы, грабежи, золото въ ручьяхъ крови...

— Но у меня опять будутъ деньги!—хриплымъ голосомъ воскликнулъ онъ въ безумной надеждѣ.

— Я тороплюсь, графъ, — отвѣтилъ князь Сигизмундъ и, вѣжливо поклонившись, ушелъ во внутренніе покои.

Графъ Гюнтеръ нетвердыми шагами направился къ выходу. Увидѣвъ знакомое лицо выѣзднаго гайдука, онъ машинально спросилъ:

— Гдѣ теперь панъ Бжостовскій?

— Въ прошломъ мѣсяцѣ еще изволили выбыть за границу,— почтительно отвѣтилъ служитель.

Гюнтеръ съ трудомъ влѣзъ на сѣдло и уѣхалъ.

Появленіе его привело князя Сигизмунда въ самое дурное расположеніе духа. Гнѣвно крича на слугъ, онъ приказалъ ускорить сборы въ путь. Княжна тоже была недовольна. По ея мнѣнію, графъ Гюнтеръ сдѣлалъ то, что въ свѣтѣ называется безтактностью.

Уже стемнѣло, когда они выѣхали по направленію къ Ковно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

I.

За недѣлю до прибытія русскихъ войскъ Вильна торжествовала побѣду, будто бы одержанную Наполеономъ надъ Чичаговымъ при Березинѣ, побѣду надъ графомъ Витгенштейномъ и взятіе крѣпости Риги. Радость была общая. Городъ былъ разцвѣченъ флагами, и вечеромъ зажжена была иллюминація. Строгая французская полиція не допускала никакихъ другихъ извѣстій, кромѣ тѣхъ, которыя были выгодны для правительства.

Наполеонъ, предупредивъ всѣ толки, проѣхалъ прежде, чѣмъ заговорили о немъ. Внезапное появленіе и исчезновеніе его такъ поразило всѣхъ, что въ городѣ не хотѣли вѣрить, что онъ дѣйствительно проѣхалъ.

Въ двадцатыхъ числахъ ноября, черезъ нѣсколько дней послѣ переправы черезъ Березину, начались морозы, доходившіе до трид-

цати градусовъ. Оружіе сдѣлалось тяжкимъ бременемъ для изнуренныхъ голодомъ, полузамерзшихъ солдатъ. Всѣ части войскъ смѣшались въ безпорядочную толпу, въ которой нельзя было отличить солдатъ отъ офицеровъ. Вереницы нищихъ съ отмороженными лицами и руками, окутанныя грязными рубищами, едва тащили ноги, обмотанныя одѣялами, мѣхами и чѣмъ попало. Золото и серебро потеряли всякую цѣну въ глазахъ несчастныхъ. Воины испытанной храбрости сдѣлались малодушными. Никто не думалъ о сопротивленіи. Всѣ искали спасенія въ бѣгствѣ и не могли бѣжать отъ истощенія силъ. Въ этихъ людяхъ, обреченныхъ на гибель, исчезло все человѣческое. Каждый изъ нихъ готовъ былъ убить одинъ другаго за кусокъ хлѣба. Многіе зажигали дома только для того, чтобы погрѣться.

Появленіе въ Вильнѣ жалкихъ остатковъ войскъ Наполеона, въ числѣ которыхъ было не болѣе четырехъ тысячъ способныхъ сражаться, поразило удивленіемъ жителей города, которые не знали ничего положительнаго о неудачахъ Наполеона. Благодаря французскимъ бюллетенямъ, они считали отступленіе великой арміи только маневромъ. Предполагалось, что войска станутъ на зимнія квартиры, а весною двинутся къ Петербургу.

Въ Вильнѣ попрежнему оставались огромные магазины со всякими запасами, военная казна, около одиннадцати милліоновъ франковъ золотомъ. Никто не помышлялъ о вывозѣ ихъ.

Таково было положеніе дѣлъ, когда городъ внезапно наполнился безпорядочными толпами безоружныхъ оборванныхъ людей въ лоскутахъ и тряпкахъ. Жители встрѣтили ихъ насмѣшками и, опасаясь грабежа, поспѣшили запереться въ домахъ и лавкахъ.

Голодные солдаты бросились къ продовольственнымъ магазинамъ, и тутъ началась яростная свалка. Не смотря на изобиліе запасовъ, многимъ не удалось ничего получить отъ безпорядка въ раздачѣ. Тѣ, кто былъ въ силахъ, оставили городъ и пустились къ Ковно, уходя отъ казаковъ.

Около двухъ часовъ по полудни, 27-го ноября, въ Вильнѣ была уже слышна канонада подступавшихъ къ городу русскихъ войскъ. Наскоро составили отрядъ, подъ начальслвомъ Нея, изъ остатковъ дивизіи Луазона и баварскаго корпуса Вреде. Первымъ ворвался въ Вильну партизанъ Сеславинъ. Но онъ былъ скоро тяжело раненъ и, не имѣя пѣхоты, былъ оттѣсненъ въ поле. Между тѣмъ подошли другіе русскіе отряды и къ вечеру обложили Вильну.

При первой тревогѣ Мюратъ ушелъ со всѣмъ штабомъ въ кофейный домъ на Погулянкѣ. Остатки гвардіи, числомъ до полуторы тысячи человѣкъ, расположились около Ковенской заставы. Вечеромъ Мюратъ извѣстилъ Нея и нѣкоторыхъ польскихъ сановниковъ, остававшихся въ Вильнѣ, что онъ на слѣдующій день очиститъ городъ. Тогда же было предписано прикрыть отступленіе изъ

Вильны одиночныхъ людей и обозовъ, отправить артиллерію и казну, взорвать всѣ зарядныя фуры, которыхъ нельзя было увезти, и изломать ружья. Графъ Дарю получилъ приказаніе выслать казну и все, что можно, въ Ковно. Ночью, безъ всякихъ формальностей, отрядамъ раздавали провіантъ, одежду, обувь. Всякій бралъ, что хотѣлъ, и сколько могъ унести. Солдаты развели огонь на улицахъ и грѣлись у костровъ. Площадь городской ратуши, загроможденная фурами, грудами негодныхъ вещей, казалась адомъ. Среди пламени и искръ, летѣвшихъ въ мрачное небо, виднѣлись на мерзлой, затоптанной, обугленной землѣ тысячи разлегшихся заново обмундированныхъ солдатъ, около которыхъ корчились жалкіе полунагіе оборванцы съ изможденными лицами. Это были ослабѣвшіе больные и раненные ихъ товарищи, о которыхъ не стоило болѣе заботиться.

Кровавый отблескъ пламени падалъ на ратушу, съ ея пышной колоннадой, увѣшанной еще съ прошлыхъ дней флагами и гирляндами. Сквозь облака дыма, восходившаго къ небу, побѣдный вензель Наполеона казался задернутымъ траурнымъ крепомъ.

Впродолженіе всей ночи на дворѣ университета жгли императорскіе экипажи, мебель и всякіе громоздкіе предметы.

На другой день разнеслась вѣсть, что русскіе уже въ городѣ. Въ одиннадцать часовъ утра раздался крикъ «ура», и по высокимъ шапкамъ и длиннымъ острымъ пикамъ жители узнали казаковъ, мчавшихся по улицамъ.

II.

Графъ Гюнтеръ, снѣдаемый тоской, скитался до глубокой ночи по городу. Потрясающія картины представлялись ему на каждомъ шагу. Прислонясь къ заборамъ, сидѣли застывшіе трупы съ бѣлыми какъ снѣгъ лицами. Ихъ неподвижность наводила страхъ. Передъ домами жгли навозныя кучи для того, чтобы очистить зловонный воздухъ. Оборванные мужчины, женщины и дѣти тѣснились вокругъ нихъ, протягивая къ огню исхудалыя черныя отъ дыма руки. Въ ихъ землянаго цвѣта лицахъ рѣзко выдѣлялись огромные вращающіеся бѣлки. Иные, потушивъ пламя, разрывали окоченѣвшими пальцами навозъ и, выбирая отвратительные остатки, утоляли свой неистовый голодъ. Несчастіе этихъ страдальцевъ подавило въ нихъ сознаніе самаго ихъ существованія. На берегу Виліи отсталые развели на бревнахъ огонь. Въ непреодолимой апатіи они сѣли вокругъ костра и такъ сгорѣли.

Обыватели города сторонились отъ французовъ, но особенною жестокостью отличились жиды. Они безжалостно выбрасывали изъ своихъ домовъ раненыхъ, добивали слабыхъ, издѣвались надъ женщинами и дѣтьми.

Гюнтеръ не замѣчалъ происходившихъ ужасныхъ сценъ. Все въ душѣ его было разбито и опрокинуто. Онъ жалѣлъ, что уцѣлѣлъ отъ пуль и ядеръ. Вильна представлялась ему безотрадной пустыней.

Одинъ изъ знакомыхъ офицеровъ, Мелье, окликнулъ его. Гюнтеръ молча остановился передъ нимъ. Тотъ сообщилъ, что завтра начнется отступленіе, и, замѣтивъ удрученный видъ товарища, увелъ его къ себѣ.

На другой день до разсвѣта они поѣхали къ Ковенской заставѣ.

Вереницы конныхъ и пѣшихъ солдатъ въ безпорядкѣ тянулись по улицамъ. Изможденныя лошади, шатаясь, тащили фуры и телѣги. Сзади тянулись толпы безоружныхъ.

Человѣкъ въ коричневомъ сюртукѣ, обросшій огромной мохнатой бородой, верхомъ на сѣрой лошади, гнѣвно крича на солдатъ, приказывалъ палками гнать изъ города отсталыхъ. Но всѣ усилія его были тщетны. Мародеры разбѣгались и прятались. Схваченные упирались и отказывались идти.

Проѣзжая мимо него, офицеры отдали ему честь. Это былъ Ней, начальникъ арріергарда, послѣдній изъ маршаловъ, оставлявшій Русскую землю, храбрѣйшій изъ храбрыхъ, какъ называли его.

Обогнавъ растянувшіяся на ходу колонны, графъ Гюнтеръ и Мелье догнали карету, окруженную всадниками. Тамъ сидѣли Мюратъ и Бертье. Вице-король Іеронимъ, Даву, Лефевръ, Мортье и Бесьеръ сопровождали ихъ верхомъ. Остатки гвардіи составляли ихъ конвой.

Начинало свѣтать. Поля, засыпанныя снѣгомъ, имѣли мрачный видъ. Покрытое свинцовыми тучами небо зловѣще хмурилось. Черныя деревья по сторонамъ, походившія въ полумракѣ на призраки, были усѣяны сидѣвшими въ глубокомъ молчаніи воронами, слѣдившими зоркими, блестящими глазами за людьми.

Вдали показались холмы. Дорога стала круче. Изморенныя лошади, которыхъ французы не умѣли ковать на острые шипы, скользили и падали на каждомъ шагу. Наконецъ, карета Мюрата остановилась. Повозки и люди столпившись совершенно загородили дорогу. Далѣе путь шелъ вверхъ по крутому склону.

Это была Понарская гора. Здѣсь, полгода назадъ, въ тихое прекрасное лѣтнее утро, подъ яркимъ солнцемъ и сіяющимъ глубокой синевой небомъ, среди зелени и цвѣтовъ, пышная депутація отъ города Вильны подносила Наполеону городскіе ключи. При громѣ трубъ и литавръ онъ благосклонно принялъ ихъ.

Но теперь какъ все измѣнилось. Подъ ледянымъ дыханіемъ зимы поля и рощи покрылись бѣлымъ саваномъ. Солнце скрылось въ тучахъ—слава завоевателя померкла.

И какой рѣзкій контрастъ представляли эти изможденные, робкіе люди съ тѣми веселыми, нарядными, щегольски-воинствен-

ными войсками, которыя такъ смѣло и свободно вступали въ варварскую землю!

Голова походной колонны остановилась. Сзади подошли другія части и сбились въ кучу. Вдругъ пронесся полный отчаянія крикъ: «казаки, казаки!»

Въ толпѣ произошло движеніе. Передніе полѣзли на гору. Сзади послышались выстрѣлы.

Гюнтеръ увидалъ маленькихъ черныхъ всадниковъ, скакавшихъ по бѣлому полю, и которыхъ едва можно было различить при неясномъ свѣтѣ утра.

При первомъ крикѣ Мюратъ вышелъ изъ кареты и сѣлъ на лошадь. Бросивъ экипажи, маршалы стали пробираться черезъ примыкавшій къ горѣ лѣсъ. Ней поставилъ всѣхъ имѣвшихъ оружіе въ небольшихъ колоннахъ у подножья Понарской горы. На дорогѣ, среди обоза показался дымъ, и вспыхнуло пламя. То обозная прислуга, получивъ приказаніе жечь повозки, стала зажигать ихъ и вьючить на выпряженныхъ лошадей казну и цѣнныя вещи.

Число маленькихъ черныхъ всадниковъ увеличилось. Они остановились. Изъ кучи ихъ блеснули огни, и загремѣли пушечные выстрѣлы. Снаряды свистя пролетѣли надъ головой французовъ. Безпорядокъ усилился. Мюратъ со всей свитой, взобравшись на на гору, умчался по Ковенской дорогѣ. Ней собралъ свой отрядъ и поспѣшно отступилъ. При обозѣ осталось не болѣе сотни французовъ.

Мародеры и фурлейты, въ безумномъ ослѣпленіи, забывъ объ опасности, бросились на фуры и разбили боченки съ золотомъ. Хватая пригоршнями золотыя и серебряныя монеты, одни набивали ими сумки, насыпали карманы и шапки и бѣжали въ лѣсъ; другіе, распоровъ чемоданы, вытаскивали оттуда шитые золотомъ маршальскіе мундиры и богатые мѣха; третьи, найдя съѣстные припасы, набрасывались на нихъ съ животной яростью и, упавъ въ борьбѣ, продолжали, лежа на землѣ, пожирать схваченную пищу.

Внѣ себя отъ негодованія смотрѣлъ Гюнтеръ на этотъ разбой. Съ повелительнымъ крикомъ, размахивая саблей, онъ выѣхалъ впередъ. Двѣ переднія фуры были уже разгружены, и боченки съ казной навьючены на лошадей. Гюнтеръ подскакалъ сюда. Небольшой отрядъ, оставшійся при обозѣ, окружалъ вьюки. Въ это время въ разныхъ мѣстахъ раздалось гиканье, и казаки бросились съ пиками на перевѣсъ въ атаку. Переколовъ половину обозной прислуги, они устремились было на конвой, но, замѣтивъ въ фурахъ брошенное золото, кинулись къ нему. Спѣшившись, они ссыпали въ мѣшки золото, увязывали въ торока дорогія одежды и вещи.

Началась неописанная суматоха. Пользуясь этимъ, конвой съ вьюками взобрался на гору. Тутъ другой казачій отрядъ ударилъ на него.

Гюнтеръ увидѣлъ бородатыя лица надъ гривами лошадей, рядъ блестящихъ, острыхъ наконечниковъ на пикахъ.

Французскій уланъ тяжело повалился на него, взмахнувъ безсильно руками. Въ то же мгновеніе онъ почувствовалъ въ груди жгучую боль. Чье-то красное незнакомое, сурово нахмуренное лицо, со стиснутыми зубами, мелькнуло передъ нимъ. Все закружилось и завертѣлось у него въ глазахъ. Онъ потерялъ сознаніе и повалился. Онъ былъ пораженъ пикой въ самое сердце.

Изъ офицеровъ въ живыхъ оставался одинъ Мелье. Собравъ храбрѣйшихъ, онъ отразилъ казаковъ и поспѣшно присоединился къ отряду Нея.

Такъ кончился кровавый эпизодъ на Понарскихъ горахъ, гдѣ изъ всей казны, простиравшейся до одиннадцати милліоновъ, было расхищено семь милліоновъ. Кромѣ того, донцы Платова захватили два знамени и больше тысячи человѣкъ плѣнныхъ.

III.

Въ ясную лунную ночь по дорогѣ изъ Свенцянъ въ Вильну ѣхала повозка на полозьяхъ, запряженная въ шесть лошадей. Онѣ были такъ худы и слабы, что едва тащили ее, хотя въ ней не было тяжелой клади, и сидѣли только двое мужчинъ, кромѣ почтаря-кучера. Оба путника были закутаны въ теплыя мѣховыя одежды. Лицо того, который былъ старше, заплывшее и багрово-румяное съ рыжеватыми пейсами и бородой, обличало въ немъ еврейское происхожденіе. Другой, стройный и худощавый, съ орлинымъ носомъ и живыми темными глазами, походилъ на иностранца-южанина. Въ противоположность своему товарищу онъ былъ блѣденъ. Во взорахъ его изображалось волненіе, которое возростало по мѣрѣ того, какъ повозка приближалась къ Вильнѣ.

Незнакомый съ дорогой не могъ бы сбиться съ нея. Широкой черной затоптанной полосой тянулась она, пересѣкая поля, покрытыя глубокимъ снѣгомъ. Павшія лошади устилали ее. Между ними попадались и трупы людей. Но чаще всего мертвецы были сняты съ дороги и приставлены къ деревьямъ. Окоченѣлые и неподвижные, съ распростертыми руками, казалось, они сторожили путь, и въ ихъ застекленѣвшихъ глазахъ, оживленныхъ сильнымъ блескомъ луны, виднѣлось выраженіе нѣмой угрозы...

Деревни и селенія были разорены по всему протяженію дороги. Печальный видъ представляли разбитые, раскрытые и полусожженные дома безъ людей и животныхъ. На улицахъ трупы лежали, какъ падаль, неприбранные и непокрытые. При въѣздѣ въ одну изъ такихъ деревень повозка едва не опрокинулась: лошади захрапѣли и, вставши на дыбы, шарахнулись въ сторону.

Ихъ испугали не трупы, но яркія точки, мелькавшія по сторонамъ—огненные глаза жирныхъ волковъ, хозяйничавшихъ въ опустѣломъ селеніи.

На другой день съ утра стали попадаться отдѣльныя толпы плѣнныхъ, которыхъ гнали назадъ, на востокъ. Оборванные, обмерзлые и посинѣвшіе, они почти не походили на людей.

— Какой ужасъ, Коленда,— сказалъ порусски молодой иностранецъ, проводивъ глазами одну изъ такихъ партій.

Еврей отвѣтилъ неопредѣленнымъ звукомъ и еще глубже надвинулъ ушастую мѣховую шапку.

— То ли еще будетъ, панъ капитанъ, — помолчавъ, прибавилъ онъ.

На слѣдующей почтовой станціи путники не нашли лошадей. Всѣ онѣ были въ разгонѣ. Около станціонной избы стояла вереница крестьянскихъ саней. Въ нихъ одинъ на другомъ лежали больные французскіе солдаты, покрытые соломой. Конвойные, присѣвъ на облучекъ, курили трубки. Одинъ изъ нихъ нагнулся и пошарилъ въ саняхъ руками. Къ нему подошелъ унтеръ-офицеръ. Обмѣнявшись нѣсколькими словами, они сложили одного изъ больныхъ на дорогу, послѣ чего тронулись въ дальнѣйшій путь.

Капитанъ, ѣхавшій съ Колендой, поспѣшилъ къ оставленному и увидѣлъ, что онъ представлялъ давно застывшій трупъ.

— Огюстъ, бѣдный Огюстъ, о, какая встрѣча,—пофранцузски шепталъ онъ, скрестивъ руки на груди и глядя съ тоской на умершаго.

— Мы поѣдемъ дальше на этихъ лошадяхъ, господинъ Бальменъ,— сказалъ Коленда, подойдя къ капитану. Тотъ не слыхалъ его словъ. Еврей прикоснулся къ его плечу.

— А, ѣхать дальше. Хорошо. Вотъ, Коленда, храбрый капралъ моей роты,—произнесъ Бальменъ и, отвернувшись, пошелъ къ повозкѣ.

Къ вечеру Коленда и капитанъ въѣзжали въ Вильну. Тяжелый запахъ обдалъ ихъ. Улицы были наполнены смраднымъ дымомъ, такъ какъ почти передъ каждымъ домомъ горѣли костры изъ досокъ, рухляди, а чаще всего просто навозныя кучи.

— Какая ужасная иллюминація, — проговорилъ про себя при этомъ зрѣлищѣ Бальменъ.

Коленда привезъ его къ своему дому. Ставни въ немъ были забиты, ворота заперты. Еврей постучалъ въ калитку, но никто не отозвался на его стукъ. Въ безпокойствѣ онъ хотѣлъ уже отойти отъ воротъ, какъ сквозь круглое отверстіе въ заборѣ, пробитое пулей, замѣтилъ на дворѣ выглядывавшаго изъ-за угла человѣка.

— Отопри, Гершке: это я!—крикнулъ онъ.

Съ визгливымъ радостнымъ возгласомъ прятавшійся еврей кинулся къ калиткѣ встрѣчать хозяина.

После плотнаго ужина капитанъ заснулъ, какъ убитый, измученный тяжелымъ долгимъ путешествіемъ. Наступила ночь, но Коленда все не ложился. Онъ обошелъ домъ, осмотрѣлъ, что уцѣлѣло, разспросилъ Гершке о родныхъ и сосѣдяхъ и сообщилъ кратко ему, что привезъ французскаго капитана, котораго хотѣлъ отблагодарить за услугу. Онъ не сказалъ, въ чемъ заключалась эта услуга, и во сколько обошлись капитану дорожныя издержки. Онъ не любилъ непріятныхъ воспоминаній, а къ числу ихъ относилось приключеніе въ Пруцанахъ, гдѣ онъ получилъ избавленіе лишь при помощи Бальмена, а также и тѣ триста червонцевъ, которые замерзавшій капитанъ, встрѣченный имъ подъ Минскомъ, предложилъ ему за провозъ до границы.

На другой день Коленда, собравъ справки, объявилъ капитану, что надо пробыть нѣсколько дней въ Вильнѣ. Капитанъ не возражалъ. Наскучивъ сидѣть дома, онъ пошелъ пройтись по городу.

На улицахъ валялись французскія кокарды, испачканные плюмажи, разорванныя шляпы, раздавленные кивера, клочья сумокъ, поясовъ, обломки оружія. Отрепанные евреи пугливо рылись въ брошенномъ хламѣ, кидаясь въ сторону, завидѣвъ солдата. Бальменъ вышелъ изъ городскихъ воротъ и впродолженіе двухъ или трехъ часовъ бродилъ по Вилькомирскому и Ковенскому предмѣстьямъ. Слѣды разрушенія, замѣченные имъ въ городѣ, здѣсь виднѣлись на каждомъ шагу. Повсюду валялись ободранные дохлые волы, лошади и собаки. Опустѣлые дома стояли безъ половъ, съ выбитыми окнами и дверями. Отъ другихъ остались только пожарища. Между развалинами бродили, какъ тѣни, плѣнные. Кой-гдѣ брошенная сгорбленная и озябшая лошадь подбирала клочья сѣна.

Возвращаясь въ городъ, Бальменъ встрѣтилъ больше пятидесяти саней, наполненныхъ трупами. Ихъ везли, какъ дрова. Онъ содрогнулся, увидѣвъ на кожѣ несчастныхъ круглые и овальные узоры, выѣденные вшами.

На слѣдующій день яркое солнце выманило Бальмена на прогулку. Онъ вышелъ въ другія ворота и направился вдоль Виліи. Тутъ валялось множество разбитыхъ французскихъ повозокъ и лафетовъ. Трупы солдатъ и лошадей покрывали дорогу. Шляпы, кокарды пестрѣли въ снѣгу.

Вниманіе Бальмена привлекъ раненный плѣнный, согнутый и страдающій. Онъ хромая шелъ впереди. Остановившись передъ однимъ изъ труповъ, онъ тупо его разсматривалъ и потрогалъ палкой окоченѣвшую руку.

Пока французъ стоялъ у тѣла товарища, и пораженный его безучастіемъ Бальменъ смотрѣлъ на него, съ горы раздалось пѣніе, и показался гробъ, со священникомъ впереди и провожающими людьми. Они прошли, и за ними внизу, по рѣкѣ, потяну-

лись сани съ нагими трупами, головы и ноги которыхъ свѣшивались, какъ попало.

Послѣ того капитанъ забрелъ на дворъ большаго дома. Службы, высокія комнаты съ остатками дорогихъ обой, изящныхъ печей указывали, что здѣсь помѣщались богатые люди. Все внутри было поломано и перебито. Черные выжженные слѣды на полахъ свидѣтельствовали, что на нихъ прямо были разведены костры. Повсюду валялись черепки, кости, остатки амуниціи. Въ отдаленной комнатѣ у камина лежалъ обгорѣлый трупъ. Солдатъ ползъ къ огню и въ предсмертномъ забытьѣ заживо сжегъ себя. Ужасъ охватилъ Бальмена, точно онъ среди бѣла дня увидѣлъ призракъ, и онъ поспѣшилъ уйти изъ этихъ опустѣлыхъ залъ.

Но наиболѣе поразившее капитана зрѣлище представилось ему вечеромъ въ тотъ же день. Онъ вышелъ изъ дому для того, чтобы посмотрѣть на проходившихъ по городу русскихъ ополченцевъ, а также польскихъ крестьянъ и евреевъ. Услыхавъ пѣніе отъ Минскихъ воротъ, гдѣ совершалось торжественное молебствіе, онъ направился туда и, избѣгая толпы, забрелъ на кладбище, недалеко отъ воротъ. Тутъ онъ увидѣлъ церковь, съ выбитыми верхними окнами. Ниже шла какая-то странная ограда. Подойдя ближе, капитанъ убѣдился, что она состояла изъ сложенныхъ одинъ на другой замерзшихъ труповъ. Ихъ было свыше двухъ тысячъ. Глубокая тишина царила вокругъ. На кладбищѣ не было ни одной живой души. Только нѣсколько воронъ молча кружились въ воздухѣ.

Черезъ два дня поздно вечеромъ Бальменъ выѣхалъ съ Колендой въ Минскія ворота по дорогѣ къ Гродно. И здѣсь луна озаряла поле, покрытое трупами. На протяженіи версты лежали убитые и замерзшіе кучами, въ сорокъ, пятьдесятъ человѣкъ. Начавшіеся лѣса закрыли эту печальную картину.

Черезъ три дня безъ всякихъ приключеній путники достигли прусскаго городка Лыка, и здѣсь Коленда, поручивъ капитана знакомому жиду, вернулся въ Вильно. Тутъ онъ нашелъ Эстеръ, которая съ дядей и теткой поспѣшила домой при первомъ извѣстіи о минувшей опасности.

IV.

Наканунѣ выступленія французовъ, Засыпкинъ, возвращаясь домой, шелъ вечеромъ мимо Пятницкой, или, какъ говорили въ народѣ, Пятенской церкви. Она находилась неподалеку отъ его дома, на углу Большой и Андреевской улицъ. Это было одноэтажное каменное зданіе, крытое черепицей, съ усѣченными концами крыши надъ слуховыми окнами, какъ то водится въ Западномъ краю. Стѣны ея, когда-то выкрашенныя въ розовую краску,

облупились и частью разрушились. На одномъ концѣ крыши надъ трубой виднѣлся небольшой крестъ, на другомъ—развалины малой каменной надстройки. По внѣшнему виду зданіе ничѣмъ не напоминало церкви. Оно находилось въ пустырѣ, обнесенномъ полуразвалившейся каменной оградой. Дома и различныя сосѣднія постройки тѣснились вокругъ него. Печать пренебреженія и запустѣнія лежала на этихъ заброшенныхъ развалинахъ.

Когда-то эта церковь была предметомъ заботъ и попеченій. Въ ней Петръ крестилъ Аннибала, дѣда Пушкина. Но уніаты, овладѣвъ краемъ, обратили ее въ кабакъ и публичный домъ. Не поддерживаемая никѣмъ, она все болѣе и болѣе приходила въ упадокъ и, наконецъ, была обращена въ мѣсто для свалки нечистотъ [1]).

Церковный дворъ, представлявшій унылый пустырь, былъ загроможденъ теперь сломанными фурами, телѣгами, пустыми зарядными ящиками. Трупы лошадей и солдатъ, сложенные у стѣны, замерзли и обратились подъ снѣгомъ во вторую стѣну. Другіе еще свѣжіе трупы были раскиданы въ разныхъ мѣстахъ: въ фурахъ, подъ фурами, на ступенькахъ входа въ церковь, ярко освѣщенную изнутри. Огромный рыжій нѣмецкій солдатъ лежалъ на спинѣ поперекъ невысокой церковной ограды. Тѣло его, изогнувшееся въ видѣ коромысла, такъ и окоченѣло. Голова его перевѣсилась на улицу, руки были распростерты, какъ будто онъ собирался ловить прохожихъ.

Засыпкинъ, содрогнувшись, невольно остановился. Безкровное лице трупа, обращенное къ нему съ оледенѣвшими глазами, по странной прихоти случая, сохранило ироническую усмѣшку, придававшую ему какую-то ужасную жизненность.

«Господи, какъ бросили»,—прошепталъ Засыпкинъ, остановившись около лежавшаго на оградѣ солдата.

Съ этими словами онъ поднялъ трупъ и спустилъ его за ограду, на дворъ.

Необычайное освѣщеніе церкви поразило его. Онъ приблизился къ узкому стрѣльчатому окну. Внутри, на полу, пылали костры. Вокругъ сидѣли безобразно закутанные люди. Слышалось пѣнье и хохотъ. Многіе были пьяны. Черныя тѣни мелькали на красномъ фонѣ стѣнъ. Удушливый дымъ тянулся изъ дверей.

Тяжело вздохнувъ, Засыпкинъ отошелъ отъ окна. Выйдя со двора на Большую улицу, онъ встрѣтилъ двухъ солдатъ въ лохмотьяхъ, едва двигавшихся по снѣгу. Одинъ изъ нихъ, полный, высокій, среднихъ лѣтъ человѣкъ, опирался на толстую палку съ серебряными кистями, а другой, маленькаго роста, смуглый худой человѣкъ имѣлъ на плечахъ обрывки офицерскихъ погонъ. Они

---

[1]) Въ такомъ видѣ церковь находилась до 1863 г. Нынѣ она возстановлена съ подобающимъ благолѣпіемъ. Авт.

шли, понуривъ головы, въ глубокомъ унынiи. Заглянувъ черезъ ограду, они увидѣли въ церкви свѣтъ и остановились, не имѣя силъ идти прочь. Засыпкинъ приблизился къ нимъ. Быть можетъ, въ другое время онъ прошелъ бы мимо, но теперь, когда онъ былъ потрясенъ тѣмъ, что видѣлъ въ церкви, ему захотѣлось помочь этимъ людямъ. Увидѣвъ, что они почти окоченѣли отъ холода, онъ еще болѣе былъ тронутъ жалостью и заговорилъ съ ними. Отъ слабости они не могли уже говорить, и только горѣвшiе внутреннимъ огнемъ глаза свидѣтельствовали объ ихъ страданiяхъ.

Тогда Засыпкинъ взялъ ихъ подъ руки и повелъ на свою квартиру.

— Гриша, смотри, вотъ еще заполонилъ двухъ французовъ,— сказалъ онъ:—надо, братъ, помочь имъ. Богъ съ ними. Хоть они и наши враги, а все же не пропадать имъ, какъ собакѣ. Вотъ кстати у тебя и самоваръ на столѣ. Принеси-ка изъ подвала бутылочку коньяку. Мы ихъ живо обогрѣемъ.

И онъ сталъ снимать со своихъ оробѣвшихъ гостей рваныя свитки, бараньи шкуры и обрывки ковровъ, составлявшiе ихъ убогую одежду.

Затѣмъ приказчики напоили ихъ горячимъ пуншемъ и уложили спать.

— А знаешь ли, Гриша,—сказалъ Засыпкинъ, разсматривая сброшенныя французами лохмотья:—кажется, наши гости не изъ простыхъ солдатъ. Вотъ у одного офицерскiй погонъ, а у другаго какая-то булава.

— Вѣрно тамбуръ-мажоръ, знаешь, что идетъ передъ музыкантами со своей булавой. Въ нашихъ полкахъ тоже есть,—проговорилъ Колесниковъ, посматривая на храпѣвшихъ французовъ.— Однако не мѣшаетъ допросить, кто они такiе.

— Завтра успѣемъ. А кстати, что наша красавица?

— Ничего себѣ. Переодѣлась, повеселѣла, ребенка обмыла. Онъ тоже словно ожилъ.

— Еще бы. Шутка сказать, все на морозѣ да на морозѣ.

И съ этими словами Засыпкинъ отправился въ комнаты, которыя занималъ де-Грiе, и расположился тамъ спать.

На другой день рано утромъ онъ пошелъ навѣстить своихъ новыхъ знакомцевъ и, къ удивленiю своему, увидѣлъ, что они сидятъ передъ растопленнымъ каминомъ.

— Ну, что, господа, какъ поживаете?—обратился онъ ласково къ нимъ, вглядываясь въ ихъ лица.—Кажется, вы дешево отдѣлались. Съ нашимъ морозомъ шутки плохи.

— Да, да, мсьё, — заговорили французы, выражая жестами свою благодарность. — Пусть наградитъ васъ Богъ за вашу доброту.

— Скажите мнѣ,—продолжалъ Засыпкинъ:—кто вы такiе?

— Моя фамилія лейтенантъ Леслинъ, а это мой товарищъ тамбуръ-мажоръ Ларивьеръ,—съ живой любезностью отвѣтилъ маленькій смуглый французъ и насилу поднялся съ кресла, дружески протягивая Засыпкину руку.

— Леслинъ? Быть не можетъ! Ужъ не вы ли мужъ той дамы съ ребенкомъ, которая послѣ переправы черезъ Березину осталась совсѣмъ одна среди нѣмецкихъ солдатъ.

Французъ поблѣднѣлъ.

— Ради Бога! откуда вы знаете эти подробности?

— Отъ нея самой....

— Отъ моей жены! Но, нѣтъ, вы столь жестоко шутите надъ человѣкомъ, потерявшимъ больше, чѣмъ стоитъ самая его жизнь. О, Marie! О, мой маленькій Пьеръ! Зачѣмъ мнѣ не суждено было погибнуть съ вами!

— Постойте, не убивайтесь!—воскликнулъ встревоженный Засыпкинъ:—ваша жена и ребенокъ живы и здоровы. Они тамъ въ той комнатѣ.

И онъ повелъ его къ француженкѣ.

Трудно описать радость супруговъ. Они плакали отъ избытка чувствъ и благословляли варвара.

Они не пожелали больше вернуться во Францію. Зачисленные въ разрядъ военноплѣнныхъ, Ларивьеръ и Леслинъ приняли русское подданство. Они поселились въ Вильнѣ и были преподавателями французскаго языка въ виленской гимназіи.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

I.

Кутузовъ, 29-го ноября, въѣхалъ въ Вильну, гдѣ былъ уже два раза военнымъ генералъ-губернаторомъ. Жители встрѣтили его съ ликованіемъ. Польскія дамы махали ему платками. Городъ разцвѣтился русскими флагами.

Генералы и офицеры ожидали фельдмаршала у замка, гдѣ тотъ долженъ былъ остановиться. Чичаговъ въ флотскомъ вицмундирѣ, съ кортикомъ, держа подъ мышкой фуражку, подалъ ему рапортъ и ключи отъ города. Оба они встрѣтились съ холодной вѣжливостью, которой прикрывалась обоюдная враждебность.

Кутузовъ не пользовался расположеніемъ штабныхъ и военной молодежи, называвшей его выжившимъ изъ ума старикомъ, и осуждалъ бездѣйствіе Чичагова, благодаря чему, тотъ упустилъ Наполеона при Березинѣ. Чичаговъ зналъ это и въ свою очередь по-

рицалъ Кутузова за нерѣшительныя дѣйствія противъ турокъ, Наполеона и всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло, что̀ тоже было извѣстно Кутузову.

Разговаривая съ Чичаговымъ, Кутузовъ сказалъ, что отбитыя у него въ Борисовѣ французами повозки съ посудой и столовымъ серебромъ цѣлы и будутъ возвращены ему. Тотъ обидѣлся.

— Вы хотите сказать, что мнѣ не на чемъ ѣсть. Напротивъ, я могу вамъ служить всѣмъ, даже если бы вы захотѣли давать пиры,—вспыхнувъ сказалъ Чичаговъ.

Кутузовъ улыбнулся и прекратилъ разговоръ.

Въ Вильнѣ онъ остановилъ большую часть войскъ противъ воли государя, такъ какъ считалъ, что война окончена.

Въ тотъ же день, между прочимъ, призвавъ директора театра, Матвѣя Кажинскаго, фельдмаршалъ сказалъ ему:

— Знаю, что ты ярый поклонникъ Наполеона и вѣнчалъ его бюстъ на сценѣ лавровымъ вѣнкомъ при чтеніи похвальныхъ одъ, блескѣ бенгальскихъ огней и пѣніи торжественныхъ кантатъ. Но теперь, братъ, обстоятельства перемѣнились, и я надняхъ побываю у тебя въ театрѣ.

5-го декабря, въ два часа по полудни вступила наконецъ въ Вильну и гвардія подъ предводительствомъ государя цесаревича. Войска эти вошли въ городъ съ музыкой и проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо Кутузова. «Ура» раздавалось всюду.

Стеченіе народа было чрезвычайное. На всѣхъ лицахъ блистала искренняя радость и душевное удовольствіе. Военноплѣнныхъ выставили тутъ же, нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Вечеромъ въ театрѣ былъ данъ спектакль, на которомъ была представлена опера «Добрый панъ». Послѣ спектакля, на которомъ присутствовалъ Кутузовъ, выставлена была на сценѣ прозрачная картина съ изображеніемъ побѣдоноснаго фельдмаршала и съ надписью: «избавителю отечества». Надъ изображеніемъ былъ представленъ парящій орелъ, который держалъ вензель государя Александра. Пѣтые при сей великолѣпной сценѣ стихи приняты были публикой съ живѣйшимъ восторгомъ и рукоплесканіями. Привѣтственная ода эта была сочинена профессоромъ Словацкимъ.

На слѣдующій день появились въ продажѣ бюсты государя, Кутузова и великихъ князей, вновь выпущенные оборотливымъ итальянцемъ Андріоли.

Польскіе магнаты одинъ за другимъ, наперерывъ, стали давать Кутузову балы. Развлекаясь этими празднествами, онъ, однако, принималъ мѣры, чтобы очистить городъ отъ труповъ и возстановить должный порядокъ.

По всѣмъ больницамъ и занятымъ подъ лазареты домамъ кучами лежали разлагающіяся тѣла умершихъ. Кутузовъ учредилъ

госпитальную коммиссію и назначилъ особыхъ коммисаровъ для усиленія санитарнаго надзора.

Вотъ что передавали очевидцы объ этихъ страшныхъ дняхъ гибели послѣднихъ остатковъ великой арміи.

На Атокольскомъ предмѣстьѣ было зарыто пять тысячъ жертвъ холода и лишеній. Болѣе тысячи труповъ было собрано изъ госпиталей и сожжено на кострахъ. Изъ погребовъ и подваловъ частныхъ домовъ десятками вытаскивали мерзлыя тѣла и сваливали ихъ за заставы. Повсюду на предмѣстьяхъ лежали груды умершихъ. Едва успѣвали убирать ихъ. Стаи разъяренныхъ собакъ кидались на могильщиковъ, нарушавшихъ ихъ отвратительное пиршество.

Трупы засыпали въ снѣгъ, спускали въ проруби въ Вилію, свозили въ овраги. Число ихъ превышало двадцать тысячъ.

Но самыя потрясающія сцены происходили въ госпиталяхъ среди томившихся въ агоніи раненыхъ и трудно-больныхъ. Кромѣ разсказовъ очевидцевъ, упоминанія объ этихъ ужасахъ встрѣчаются въ запискахъ современниковъ.

Въ 1804 году Петръ Франкъ устроилъ въ Вильнѣ первый «патологическій кабинетъ» въ зданіи клиники. Въ 1812 году тутъ было уже собрано множество препаратовъ, относившихся къ анатоміи. Шкапы были заставлены стеклянными банками, въ которыхъ въ спирту хранились части человѣческаго тѣла, утробные младенцы, въ различныхъ фазахъ развитія и т. д. Когда французы вступили въ Вильну, зданіе клиники было занято подъ госпиталь, и французскіе врачи хранили въ цѣлости «патологическій кабинетъ». Но во время отступленія французовъ, въ виду огромнаго наплыва больныхъ и раненыхъ, кабинетъ заставили койками.

Впродолженіе трехъ дней, во время переполоха въ городѣ, когда началось безпорядочное бѣгство французовъ, и въ первые дни занятія города русскими войсками некому было заботиться о клиникѣ. Забытые больные лежали по двое на койкахъ, устилали полы въ залахъ и корридорахъ.

Терзаемые голодомъ, томимые палящей жаждой, усиленной болѣзненнымъ жаромъ, раненые метались на постеляхъ, ползли къ дверямъ и окнамъ. Помраченные отчаяньемъ, они разбили банки, съѣли анатомическіе препараты и младенцевъ и выпили весь спиртъ. Воспламененные алкоголемъ, они въ неистовствѣ кидались другъ на друга и въ корчахъ оканчивали свою жизнь. Другіе съ дикимъ ревомъ выбрасывались въ окна, ища утоленія отъ сжигавшаго ихъ внутренняго огня. Худые, съ изувѣченными руками и ногами, окровавленными разбитыми головами, они метались въ предсмертной агоніи по всей клиникѣ и падали тамъ, гдѣ настигала ихъ смерть. Нѣкоторые вцѣплялись въ лежавшихъ въ безчувственномъ состояніи товарищей и рвали зубами ихъ лица и руки. Другіе подползали къ покойникамъ и глодали ихъ.

II.

Государь выѣхалъ изъ Петербурга 7-го декабря со своей свитой: графомъ Толстымъ, княземъ Волконскимъ, Аракчеевымъ, лейбъ-медикомъ Виллье и другими. Черезъ пять дней онъ прибылъ въ Вильну и въ дорожныхъ саняхъ въ пятомъ часу дня прямо подъѣхалъ къ замку. Тутъ, не смотря на сильный морозъ, собралось больше ста офицеровъ и генераловъ въ полной парадной формѣ. Почетный караулъ былъ выставленъ отъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.

Курьеръ, скакавшій впереди, прокричалъ: «государь идетъ!».

Кутузовъ толстый, большой, съ шарфомъ на грузномъ брюхѣ, со всѣми орденами на груди, вышелъ на крыльцо. Желтое, пухлое лице его имѣло озабоченный видъ. Всѣ черты его были крупны и неправильны: большой мясистый носъ, широкій ротъ, плоскія жирныя уши. Онъ былъ кривъ на одинъ глазъ, но другой зорко блестѣлъ подъ клочковатой сѣдой бровью.

Государь подъѣхалъ и вышелъ изъ саней. Кутузовъ, вытянувшись, подалъ рапортъ и сталъ говорить тихимъ голосомъ.

Государь быстрымъ взглядомъ окинулъ Кутузова, на мгновеніе нахмурился, но тотчасъ подошелъ и обнялъ стараго фельдмаршала. На лицѣ Кутузова показались слезы. Государь поздоровался съ офицерами, почетнымъ карауломъ, пожалъ еще разъ руку Кутузову и пошелъ съ нимъ въ замокъ.

Войдя въ кабинетъ, государь высказалъ фельдмаршалу неудовольствіе за медленность преслѣдованія, за ошибки въ Красномъ и на Березинѣ и сообщилъ свои соображенія о походѣ за границу. Кутузовъ не дѣлалъ ни замѣчаній, ни возраженій, съ равнодушнымъ усталымъ видомъ внимая государю.

Когда онъ вышелъ изъ кабинета, графъ Толстой поднесъ ему отъ имени государя Георгіевскій крестъ первой степени за оконченную кампанію.

Въ тотъ же день, 11-го декабря, императоръ сдѣлалъ распоряженіе о переходѣ русскихъ войскъ за границу.

На другой день у фельдмаршала былъ обѣдъ и балъ, на которомъ присутствовалъ государь. Кутузову оказывались всевозможныя почести, но всякій зналъ, что его отставка рѣшена. Когда Кутузовъ, по старому обычаю Екатериненскихъ временъ, при входѣ въ бальную залу, велѣлъ повергнуть къ его ногамъ взятыя знамена, государь поморщился и проговорилъ, какъ показалось окружающимъ:

— Старый комедіантъ.

На слѣдующій день государь сказалъ собравшимся у него генераламъ:

— Вы спасли не одну Россію: вы спасли Европу.

И всякій понялъ, что война далеко еще не кончена. Но Кутузовъ не хотѣлъ понимать этого и открыто говорилъ, что новая война тяжело отзовется на государствѣ. Онъ старался доказать всю трудность новаго набора, указывалъ на истощеніе средствъ, говоря, что къ тому же новый походъ въ лучшемъ исходѣ принесетъ лишь нѣкоторую славу русскому оружію, которую не стоитъ покупать столь дорогой цѣной. При такомъ положеніи вещей, онъ представлялся препятствіемъ, которое слѣдовало удалить. Но онъ вскорѣ умеръ.

По очищеніи Вильны непріятель бѣжалъ въ Ковно. Для обороны города, снабженнаго обширными складами, оставленъ былъ 1-го декабря, арріергардъ Нея, состоявшій изъ нѣсколькихъ сотъ только что набранныхъ нѣмецкихъ солдатъ. 2-го декабря подошли къ Ковно казаки Платова и послѣ двухъ, трехъ выстрѣловъ изъ пушекъ принудили новобранцевъ Нея бѣжать.

Изъ 380.000 главной массы французской арміи, перешедшей въ Ковно русскую границу 12-го іюня, возвратилось черезъ нее въ началѣ декабря лишь четыреста человѣкъ старой гвардіи и шестьсотъ человѣкъ гвардейской кавалеріи съ 9 орудіями и около двадцати тысячъ безоружныхъ.

Въ половинѣ декабря ни одного вооруженнаго непріятельскаго солдата не оставалось болѣе въ Россіи. Великое рѣшеніе царя и народа исполнилось.

III.

Въ Святодуховомъ монастырѣ радостный звонъ колоколовъ возвѣстилъ окончаніе торжественной обѣдни съ молебномъ за спасеніе Россіи отъ нашествія Наполеона. Народъ толпою повалилъ изъ монастырской ограды. Искренняя радость и умиленіе выражались на всѣхъ лицахъ.

Въ числѣ другихъ вышли на улицу Засыпкинъ и Колесниковъ.

— А что, Гриша,—сказалъ Засыпкинъ:—зашелъ бы ты къ нашимъ французскимъ знакомцамъ. Какъ-то они устроились на своей новой квартирѣ?

— Ну, хорошо,—отвѣтилъ Колесниковъ и свернулъ въ переулокъ.

Приближаясь къ своему дому, Засыпкинъ замѣтилъ стоявшій у воротъ тарантасъ. Сердце въ немъ дрогнуло и сильно забилось. Мысль о Зайцевѣ мелькнула въ его головѣ, и онъ бѣгомъ пустился впередъ.

Предчувствіе необмануло его. На крыльцѣ показался пожилой, привѣтливой наружности, человѣкъ, въ кафтанѣ, съ гладко зачесанными темнорусыми волосами, полнымъ добродушнымъ лицомъ съ окладистой, подернутой просѣдью, бородой. Это былъ Зайцевъ, возвратившійся съ семьей изъ Вязьмы.

— Здравствуй, мой дорогой Ваня,—съ волненіемъ проговорилъ Зайцевъ, обнимая растроганнаго до слезъ Засыпкина: — перестань плакать. Слава Богу, мы всѣ живы и здоровы.

— Ахъ, батюшка, Тихонъ Фроловичъ, не отъ горя плачу, а отъ радости, что пришлось опять увидѣться съ вами,—проговорилъ Засыпкинъ, входя въ домъ и цѣлуя руку сестры Зайцева.

— А гдѣ же Григорій?—съ тревогой спросилъ тотъ:—доставилъ ли онъ тебѣ мое письмо?

— Письмо я получилъ. Душевно за него благодарю васъ. Что же касается до Григорія, то я послалъ его навѣстить знакомыхъ французовъ.

И Засыпкинъ передалъ все случившееся съ нимъ, не умолчалъ и о разбитомъ бюстѣ.

— Молодецъ Ванюша!—съ чувствомъ проговорилъ Зайцевъ:— дай же еще разъ расцѣловать тебя. Ну, вижу, домъ цѣлъ, хотя, конечно, варвары расхитили кой-что изъ товару. Но что дѣлать: лѣсъ рубятъ—щепки летятъ.

— Нѣтъ, Тихонъ Фроловичъ. Не только все сохранилось въ цѣлости, но еще пріумножилось, — отвѣтилъ Засыпкинъ и, отвязавъ поясъ, туго набитый червонцами, подалъ его хозяину. Тотъ былъ ошеломленъ проявленіемъ такого безкорыстія и привязанности со стороны своего приказчика.

— Чѣмъ отплачу тебѣ, Ваня, за твою любовь? — сказалъ онъ, растроганный до глубины души.

— Ничѣмъ, Тихонъ Фроловичъ. Довольно мнѣ того, что вижу васъ цѣлымъ и невредимымъ.

Они вновь обнялись и прослезились.

Появленіе пришедшаго Колесникова еще болѣе расположило ихъ къ душевнымъ изліяніямъ. Они бесѣдовали о пережитыхъ тяжелыхъ временахъ, утѣшаясь мыслью, что рука Всевышняго вновь соединила ихъ.

Прошло много лѣтъ. Одно поколѣніе смѣняло другое. Вильна расширилась и обстроилась. Однѣ улицы въ ней исчезли, другія явились вновь. Только Замковая гора попрежнему покойно высится надъ городомъ, со своими молчаливыми, полными древнихъ преданій, развалинами.

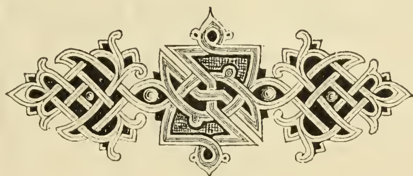
На старомъ православномъ кладбищѣ, возлѣ тракта на городъ Лиду, блеститъ золотымъ крестомъ церковь, во имя святой Евфросиніи. Кладбище обнесено прочной каменной оградой. Внутри его у паперти стоитъ скромный фамильный склепъ. Тамъ первымъ легъ строитель церкви.

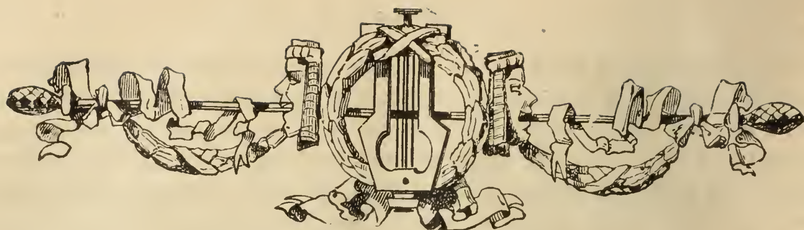
На воротахъ кладбища до сихъ поръ цѣла надпись: «сооружено все сіе иждивеніемъ Тихона Фроловича Зайцева».

Но гдѣ нашли успокоеніе его вѣрные приказчики, какъ они прошли свой жизненный путь, то осталось сокрытымъ отъ повѣствователя.

Все забывается скоро. И если удастся остановить теченіе времени, запечатлѣвъ въ правдивой картинѣ страницу минувшаго, то и этимъ уже много сдѣлано, потому что какъ бы ни мала была истина, но она всегда значительнѣе, чѣмъ кажется. Подобно каплѣ воды, отражающей міръ, она хранитъ въ себѣ незамѣтныя черты, заключающія жизнь. Но стоитъ лишь вглядѣться въ нихъ, онѣ выступятъ ярко и живо, и исчезнувшее прошлое, всегда полное глубокаго поучительнаго смысла, вновь явится передъ зрителемъ.

Анатолій Леманъ.





ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТА ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ А. А. АЛЕКСѢЕВА [1].

XII.

Театральное начальство. — Гедеоновъ. — Неваховичъ. — Его разсѣянность. — Куликовъ. — Яблочкинъ.— Мина Ивановна.—Мартыновъ въ драматической роли.— «Свадьба Кречинскаго».—100-лѣтній юбилей русскаго театра.—Гастроли П. М. Садовскаго въ Петербургѣ. — Два соперника: Садовскій и Мартыновъ.

РИ ВТОРИЧНОМЪ поступленіи на казенную службу, въ корпораціи, какъ шутя въ то время говорили, театральнаго начальства я нашелъ нѣкоторую перемѣну, не большую численностью, но важную по обстоятельствамъ. Директорствовать еще продолжалъ присно-памятный А. М. Гедеоновъ, неохотно тянувшій свою начальническую лямку до двадцатипятилѣтняго юбилея, но его секретарь Александръ Львовичъ Неваховичъ, братъ извѣстнаго карикатуриста М. Л. Неваховича, замѣненъ былъ Борщовымъ, а всесильный режиссеръ Куликовъ—Яблочкинымъ.

Въ послѣдніе годы своей службы Александръ Михайловичъ сталъ мало обращать вниманія на театры, всѣ свои обязанности онъ возложилъ на своихъ помощниковъ: П. М. Борщова и П. С. Ѳедорова, которые въ концѣ концовъ стали полновластными хозяевами всѣхъ столичныхъ театровъ. Гедеоновъ такъ положился на ихъ способности въ дѣлѣ управленія, что всѣ

---

[1]) Продолжаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIX, стр. 94.

подаваемыя ими бумаги, смѣты, предположенія подписывалъ, не читая и даже не освѣдомляясь, что именно они предпринимаютъ. Эта халатность не проходила для театровъ безслѣдно, и всюду можно было наткнуться на упущенія, на безобразныя послабленія или на превышенія власти. У семи нянекъ всегда дитя безъ глаза: каждый дѣйствовалъ такъ, какъ ему угодно или, вѣрнѣе, выгодно. Пошли интриги, сплетни, непріятности, образовалась какая-то сутолока, которую разбирать пришлось десятками лѣтъ...

Бывшій начальникъ репертуарной части, Неваховичъ, былъ слишкомъ бездѣльнымъ, новый—Борщовъ, наоборотъ, слишкомъ дѣловитымъ. При Неваховичѣ начальника репертуара не было совсѣмъ замѣтно, его правами неограниченно пользовался Куликовъ, умѣвшій вообще прибрать къ рукамъ все то, изъ чего онъ могъ выгадать пользу. Александръ Львовичъ былъ идеалъ доброты, любезности, обходительности, но такъ разсѣянъ и безпеченъ, что положительно ни во что не входилъ, все довѣрялъ своимъ помощникамъ и главнымъ образомъ режиссеру, который даже злоупотреблялъ его невзыскательностью и довѣрчивостью. Ко всему этому если прибавить еще то, что Неваховичъ не долюбливалъ русскаго драматическаго театра и никогда почти въ него не заглядывалъ, то получится очень интересный типъ начальника русской драмы. Впрочемъ, онъ не былъ исключеніемъ: большинство изъ начальства было именно таковыми, ни хуже, ни лучше.

Объ его легендарной разсѣянности ходитъ много анекдотовъ, живописующихъ Александра Львовича какъ нельзя вѣрнѣе. Вотъ одинъ изъ нихъ.

Разъ является къ нему канцелярскій чиновникъ, у котораго наканунѣ умеръ пятилѣтній сынъ, и проситъ (Неваховичъ, кромѣ репертуарной части, еще былъ секретаремъ директора) дать билетъ (удостовѣреніе) отъ дирекціи о смерти его сына, такъ какъ безъ этого не принимаютъ покойника на кладбище.

— Занятъ я, — говоритъ торопливо Неваховичъ, — видишь! А пришелъ... Некогда теперь, приди вечеромъ.

Чиновникъ идетъ вечеромъ на квартиру Неваховича. Тамъ ему объявляютъ, что Александръ Львовичъ въ театрѣ.

Чиновникъ отправляется въ театръ. Входитъ въ директорскую ложу.

Неваховичъ оборачивается и спрашиваетъ:

— Что тебѣ?

— Вы утромъ приказали придти за билетомъ...

— Ахъ, да, да, да... вспомнилъ... — проговорилъ Александръ Львовичъ и приказалъ капельдинеру дать ему ложу третьяго яруса.

Николай Ивановичъ Куликовъ, главный режиссеръ русской драматической сцены, въ 1851 году вышелъ въ отставку. Для Александринскаго театра это было крупнымъ событіемъ, такъ какъ

Куликовъ заключалъ въ себѣ всю силу театральной администраціи. Онъ былъ все—и директоръ, и начальникъ репертуара, и управляющій конторою и театромъ и, наконецъ, режиссеромъ. Ни до, ни послѣ него, ни одинъ режиссеръ не пользовался такою неограниченною, нераздѣльною властью. Николай Ивановичъ умѣлъ такъ оріентироваться на александринскихъ подмосткахъ, что все зависѣло отъ него, а онъ ни отъ кого. Вслѣдствіе этого авторы, актеры, весь театральный штатъ преклонялся передъ его могуществомъ и трепеталъ его резолюціи. Пьесы для театра онъ выбиралъ самъ по своему вкусу, роли распредѣлялъ по своему усмотрѣнію, бенефисы назначалъ по желанію,—все это заставляло и авторовъ, и актеровъ, и бенефиціантовъ, ходить къ нему на поклонъ и вымаливать его милостей. Впрочемъ, такіе первачи, какъ Каратыгинъ или Сосницкій, на Куликова почти не обращали вниманія, и съ ними ничего нельзя было подѣлать по причинѣ ихъ заслуженности и расположенія къ нимъ императора Николая Павловича, остальные же не могли удержать за собою самостоятельности и находились все время въ подчиненіи могущественнаго режиссера.

На смѣну Куликова явился мой однокашникъ Александръ Александровичъ Яблочкинъ, объѣзжавшій предварительно Европу спеціально для изученія режиссерскихъ обязанностей. Первою пробною пьесою его постановки была комедія П. П. Сухонина «Русская свадьба», выдержавшая безчисленное множество представленій чуть не подрядъ. Проба оказалась на столько удачною, что Яблочкинъ назначенъ былъ главнымъ режиссеромъ и занималъ эту должность до 1873 года. Моя вторичная служба началась при немъ и окончилась при Ѳедоровѣ-Юрковскомъ.

Наше многочисленное начальство не ограничивалось однѣми оффиціальными личностями мужскаго элемента, тяготѣла надъ нами еще и неоффиціальная начальница въ лицѣ извѣстной всѣмъ театраламъ пятидесятыхъ годовъ Мины Ивановны, фаворитки одного очень вліятельнаго въ театральной сферѣ лица. Ея власть надъ столичными театрами была велика и пагубна: долгое время отъ нея зависѣло все—и ангажементы артистовъ, и раздача подрядовъ, и награда бенефисами, и даже репертуаръ. Всесильный Куликовъ и тотъ предъ ней пасовалъ. Она каждый день бывала въ какомъ нибудь театрѣ, и для нея спеціально ставились ея излюбленныя пьесы. Актеры, авторы, ходили къ ней на поклонъ и наперебой старались заслужить ея вниманіе; наше начальство было съ ней предупредительно и тоже не безъ заискиванія ея расположенія; различные подрядчики и вообще лица, желавшія чѣмъ либо поживиться отъ театральной дирекціи, дѣйствовали исключительно черезъ нее, хотя это имъ и не обходилось дешево, но зато было вѣрно и прочно.

Теперь мнѣ самому кажется страннымъ, какъ могло это быть, но тогда, когда все это происходило, казалось порядкомъ вещей.

Такъ мы не были избалованы удачнымъ назначеніемъ начальства, что всякую помпадуршу, всякую безграмотную чухонку, величали представительницею русскаго театра и подобострастно прилаживались подъ ея невѣжественный вкусъ. Больно и стыдно за то прожитое время! Стыдно и за себя, и за товарищей, и за начальство, и даже за того, кто вручилъ ей судьбы роднаго искусства. И добро бы ея сила выказывалась келейно, безшумно, не выходила бы изъ предѣловъ сцены, но нѣтъ—это было нѣчто гласное, оффиціальное, что каждому постороннему бросалось въ глаза.

Эта Мина Ивановна личность достопримѣчательная, благодаря той значительной административной роли, которую привелось ей играть впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ за кулисами казенныхъ театровъ. Происхожденіе ея очень скромное: она была уроженкой петербургской чухляндіи, то-есть той ближайшей къ столицѣ мѣстности, которая расположена по Финляндской желѣзной дорогѣ и знакома обывателямъ подъ разными національными названіями, вродѣ Парголово, Токсово, Райволово, Перекіярви и т. п. Ея судьба, по разсказамъ старожиловъ того приснопамятнаго времени, такова: будучи молодой и красивой, она приглянулась одному очень незначительному чиновнику, проживавшему лѣто въ избѣ ея родителей, которые по своей простотѣ душевной величали своего временнаго постояльца дачникомъ. Въ то далекое время каждая подгородная лачуга въ лѣтніе мѣсяцы называлась дачей, а наивный горожанинъ, поселившійся въ ней, —дачникомъ. Сердце этого незначительнаго чиновника, не избалованное вниманіемъ столичныхъ дамъ, не удовлетворяющихся одними внутренними достоинствами мужчины, но требующими отъ него кое-чего посущественнѣе, вдругъ взыгралось на лонѣ чухонской природы и потребовало матеріализаціи. За отсутствіемъ болѣе подходящей партіи, Б. (съ такой буквы начиналась его фамилія) сдѣлалъ предложеніе «хозяйской дочери» и вступилъ съ нею въ бракъ. Послѣ медоваго мѣсяца, какъ и слѣдовало ожидать, онъ занялся ея воспитаніемъ и образованіемъ. Она оказалась, къ величайшему удовольствію супруга, очень воспріимчивой и быстро усвоила воспитательные уроки. Черезъ годъ она была уже терпима въ обществѣ, а черезъ три года превратилась въ такую свѣтскую даму, что никто бы не посмѣлъ заподозрѣть ее въ подгородномъ происхожденіи. Къ этому времени относится ея знакомство съ главнымъ начальникомъ мужа, который, обративъ на нее свое благосклонное вниманіе, сталъ въ широкихъ размѣрахъ протежировать Б., оказавшемуся чувствительнымъ къ благодѣяніямъ и въ благодарность уступившему свои законныя права на обладаніе Миной Ивановной. Супруги дружелюбно разошлись. Мужъ быстро пошелъ взбираться по ступенямъ служебной лѣстницы, а жена прикомандировалась надзирательницею театровъ (она, изволите ли видѣть, очень обожала сценическое искусство, а такъ какъ благодѣ-

тель ея супруга и въ театральномъ управленіи былъ многозначащимъ, то, очень естественно, прихоть ея исполнилась безъ всякаго затрудненія). Она скоро вошла въ колею закулисной жизни, быстро оріентировалась въ новой для нея сферѣ и съ такимъ достоинствомъ сумѣла занять мѣсто фальсифицированной меценатки, что никому и въ голову не пришло выказать хоть для приличія какой нибудь самый незначительный протестъ. Всѣ сразу признали ее властью. Всѣ ходили къ ней на поклоненіе, и наиболѣе унижавшихся она наиболѣе одаривала милостями, выражавшимися въ различныхъ льготахъ и прибавкахъ. По ея желанію затирались и выдвигались; произволъ былъ возмутительный. Во всѣхъ театрахъ у Мины Ивановны была своя ложа (крайняя съ правой стороны во второмъ ярусѣ). Она величаво возсѣдала на золоченомъ креслѣ и милостиво принимала во время антрактовъ всѣхъ, желавшихъ лично засвидѣтельствовать ей свое почтеніе. Такая признательность артистокъ и артистовъ возбуждала удивленіе любопытной публики, не спускавшей биноклей съ ложи театральной помпадурши, около которой постоянно толпились служители свободнаго искусства.

Б. дослужился до статскаго совѣтника и вдругъ внезапно умеръ. На Мину Ивановну внезапная кончина статскаго совѣтника произвела удручающее впечатлѣніе: она въ недалекомъ будущемъ считала себя «превосходительною» и вдругъ... Охъ, ужъ это вдругъ! Ну, чтобы протянуть ему еще хоть одинъ годъ!... Впрочемъ, удрученную вдову утѣшили—похороненнаго Б. заднимъ числомъ произвели въ дѣйствительные, и Мина Ивановна сдѣлалась генеральшею...

О дальнѣйшей судьбѣ Мины Ивановны мнѣ ничего неизвѣстно. Какъ мгновенно она появилась на театральномъ горизонтѣ, такъ мгновенно и скрылась. Да, по правдѣ сказать, не многіе ея изчезновеніемъ и интересовались. Первое время, дѣйствительно, какъ будто чего-то въ театрѣ не хватало; по привычкѣ взглянешь на крайнюю втораго яруса ложу—и вмѣсто одобрительной улыбки, которая почти никогда не сходила съ физіономіи г-жи Б., видишь чью-то постороннюю фигуру, видимо удивляющуюся особенному вниманію актеровъ, по старой привычкѣ безпрестанно заглядывавшихъ въ роковую ложу.

Отъ начальства естественный переходъ къ товарищамъ и закулиснымъ событіямъ.

Прежде всего упоминаю о Мартыновѣ, величайшемъ комикѣ, который въ 1855 году, вскорѣ по поступленіи моемъ въ составъ казенной труппы, выказалъ себя замѣчательнымъ драматическимъ актеромъ. Первая роль новаго амплуа была роль Михайлы въ драмѣ А. А. Потѣхина «Чужое добро въ прокъ нейдетъ». Передъ первымъ представленіемъ и публика и товарищи соболѣзновали о любимцѣ, выступающемъ, въ разцвѣтѣ своего могучаго комическаго

таланта, въ совершенно непосильной роли. Театралы искренно возмущались на дирекцію, разрѣшившую Александру Евстаѳьевичу выступить въ роли не его жанра, и даже подозрѣвали въ этомъ интригу со стороны начальства. На самомъ же дѣлѣ роль Михайлы Мартыновъ игралъ по собственному желанію и на всѣ дружескія отсовѣтыванія онъ категорически отвѣчалъ, что эта роль безусловно его, что она ему по душѣ, и онъ ея никоимъ образомъ не испортитъ. Всѣ въ этомъ сомнѣвались, но каково же было ихъ удивленіе, когда нашъ комикъ вышелъ побѣдителемъ драматической роли, и какимъ еще побѣдитемъ! Успѣхъ былъ колоссальный! Знатоки не знали, кому отдать предпочтеніе: комику ли Мартынову, или драматическому герою Мартынову? Александръ Евстаѳьевичъ выказалъ другую сторону своего могучаго таланта и заслужилъ такое удивленіе знатоковъ, что съ тѣхъ поръ къ нему примѣнили наименованіе генія, и его имя стало безсмертнымъ, — безсмертнымъ на столько, на сколько позволяетъ неблагодарный актерскій трудъ, не оставляющій послѣ себя вещественныхъ доказательствъ, а повѣряемый на слово современниковъ и переходящій изъ поколѣнія въ поколѣніе въ видѣ легенды. Вотъ чѣмъ обидно и тяжело актерство. Писатель, художникъ, скульпторъ, музыкантъ, изобрѣтатель—всѣ послѣ себя оставятъ произведенія, по которымъ ихъ будутъ цѣнить и знать потомки, относящіеся вообще недовѣрчиво къ восторгамъ и похваламъ своихъ предковъ, но что можетъ оставить послѣ себя актеръ? Ни къ кому такъ не примѣнимы Пушкинскія слова «слава—дымъ», какъ къ нашему брату, закулисному труженику...

Въ 1856 году, въ бенефисъ Бурдина дана была «Свадьба Кречинскаго», до представленія надѣлавшая шумъ за кулисами, а послѣ представленія — въ публикѣ. Дѣло въ томъ, что Максимовъ и Мартыновъ, которымъ предназначались самимъ авторомъ Сухово-Кобылинымъ главныя роли—Кречинскаго и Расплюева, наотрѣзъ отказались принять какое либо участіе въ этой комедіи. Свой отказъ они мотивировали «несимпатичной обрисовкой героевъ», изъ которыхъ одинъ шулеръ, другой—мошенникъ. Этой пьесѣ симпатизировалъ директоръ Гедеоновъ и лично упрашивалъ Алексѣя Михайловича и Александра Евстаѳьевича взять на себя намѣченныя авторомъ роли, но ни тотъ, ни другой, всетаки, не согласились, предвѣщая этой комедіи провалъ. Дѣлать было нечего, пришлось отдать роль Кречинскаго Самойлову, а Бурдину — Расплюева. И хотя автору это было не по душѣ, тѣмъ не менѣе комедія прошла именно съ такимъ составомъ и имѣла колоссальный успѣхъ, почти равный (по числу представленій) «Горю отъ ума».

Впослѣдствіи Мартыновъ и Максимовъ жалѣли, что во имя какого-то предубѣжденія отказались отъ этой замѣчательной пьесы, принятой публикой какъ нельзя лучше.

Личность Кречинскаго, мастерски обрисованная Сухово-Кобылинымъ, была знакома всѣмъ петербуржцамъ, которые въ сороковыхъ годахъ встрѣчали въ лучшихъ столичныхъ салонахъ ловкаго авантюриста поляка Крысинскаго, оскандалившагося именно мошеннической продѣлкой съ булавкой. Публика была крайне заинтересована этой комедіей, и мѣста въ театрѣ брались буквально съ боя.

Самойлову Кречинскій удался, про Бурдина этого сказать нельзя. Впрочемъ и Мартыновъ изъ Расплюева ничего не сдѣлалъ. Не были ли правы Максимовъ и Мартыновъ, отказываясь предварительно отъ «Свадьбы Кречинскаго»? Почемъ знать, можетъ быть, съ ихъ участіемъ комедія и не имѣла бы успѣха? Разумѣется, они бы не нарочно ее провалили,—они бы старались изъ всѣхъ силъ поддержать ее, но не дали бы той особенности, той подстрочности, какою щегольнулъ Василій Васильевичъ. Самойловъ въ этой роли былъ неподражаемъ. Послѣ него выступали въ Кречинскомъ на тѣхъ же подмосткахъ Александринскаго театра—Шумскій, Милославскій, Киселевскій, но никто изъ нихъ не могъ произвести того впечатлѣнія, какое оставилъ по себѣ талантливый Самойловъ. Это былъ чрезвычайно воспитанный, свѣтскій Кречинскій, съ изящными манерами, способный очаровать всѣхъ и каждаго своимъ мягкимъ обращеніемъ, безконечною любезностью и искусно-поддѣланной чистосердечностью. И сквозь все это проглядывала шулерская наглость, хищническія ухватки, дерзкое нахальство, замѣтное исключительно для однихъ зрителей. Игра была тонкая, построенная на деталяхъ и эффектахъ, неуловимыхъ и не передаваемыхъ. Какъ на особенную деталь, которую никто не могъ усвоить, но которая вызывала фуроръ, слѣдуетъ указать—это привислянскій акцентъ и плутовская расчитанная вспыльчивость, являющаяся продуктомъ обидчивости.

Въ декабрѣ 1856 года торжественно праздновали столѣтній юбилей русскаго театра. Для этого знаменательнаго дня были сочинены двѣ пьесы, изъ которыхъ одна принадлежала В. Р. Зотову, а другая графу В. А. Соллогубу. Представлены онѣ были на сценѣ Большаго театра при громадномъ стеченіи публики. Содержанія первой пьесы не помню, а во второй самъ принималъ участіе, и потому она еще сохранилась въ памяти. Изображены были дѣятели театра Волковъ, Третьяковскій, Дмитревскій, Сумароковъ и проч. Сосницкій—явился Пушкинымъ, Мартыновъ замѣчательно загримировался Третьяковскимъ, Максимовъ былъ представительнымъ Волковымъ, Самойловъ далъ вѣрное изображеніе Сумарокова. Публика съ наслажденіемъ просмотрѣла эту картину возрожденія россійскаго театра, мѣтко схваченную и исторически вѣрно переданную авторомъ и актерами. На этотъ юбилей закулисные труженики возлагали большія надежды. Носились слухи, что для начала

втораго столѣтія даны будутъ актерамъ преимущества и льготы, что юбилейный день ознаменуется какимъ-то особенно памятнымъ эпизодомъ для драматической сцены и ея представителей, — ожидали чего-то до послѣдняго паденія занавѣса, но, увы! все прошло благополучно! По окончаніи спектакля артисты посмотрѣли другъ на друга вопросительно, посмѣялись въ душѣ надъ своею наивностью и спокойно разошлись. Одинъ только неунывающій П. А. Каратыгинъ попробовалъ пошутить.

— Мнѣ понятно,—сказалъ онъ,—почему насъ ничѣмъ не облагодѣтельствовали...

— Почему?—спросилъ его кто-то.

— Да потому, что если бы каждое столѣтіе дѣлать намъ подарки, то дирекція просто разорилась бы. Возьмите для примѣра хоть одну тысячу лѣтъ—десять подарковъ, вѣдь это цѣлое состояніе. Кромѣ того, мы не чиновныя особы... тѣхъ нельзя обойти, между ними встрѣчаются генералы, а у насъ если и найдется какой нибудь генералъ-басъ, то онъ, во-первыхъ, фальшивый, а во-вторыхъ—мѣщанинъ...

Послѣ этого юбилея Мартынову было предписано докторами отправиться за границу для излеченія начинавшейся чахотки. Неумѣренная жизнь, погоня за разовыми, постоянные недостатки, надломили здоровье Александра Евстаѳьевича, и онъ сталъ замѣтно ослабѣвать силами. Не предпринявъ мѣръ своевременно, онъ запустилъ свою болѣзнь, и на поправленіе его была слабая надежда. Доктора прямо заявили, что объ окончательномъ выздоровленіи его не можетъ быть и рѣчи, что поддержать его кое-какъ можно, но для этого нужна со стороны Мартынова строгая діэта, умѣренность и рѣдкое появленіе на сценѣ, которая на него все время будетъ дѣйствовать разрушительно. Въ виду того дирекція распорядилась выпиской изъ Москвы П. М. Садовскаго на гастроли, долженствовавшія продлиться во все время заграничнаго путешествія Мартынова.

Это была первая поѣздка Садовскаго въ Петербургъ. Публика приняла его радушно, не смотря на то, что онъ пріѣхалъ на замѣну любимца. Выбранная имъ для перваго выхода «Бѣдность не порокъ», въ которой онъ былъ неподражаемый исполнитель Любима Торцова, прошла съ необычайнымъ успѣхомъ. Это былъ такой Любимъ, котораго и не предполагали петербургскіе театралы. Въ этой характерной роли пробовали свои силы Самойловъ и Бурдинъ, но ни у того, ни у другаго, ничего похожаго на настоящій типъ, показанный намъ Садовскимъ, не выходило. Зрители сразу поняли, какого большаго артиста они предъ собою видятъ. Его успѣхъ съ перваго же выхода былъ гарантированъ, впрочемъ и во всѣхъ остальныхъ роляхъ онъ былъ такъ недосягаемъ, что въ самое непродолжительное время завоевалъ любовь петербуржцевъ, которые охотно наполняли зало Александринскаго театра во время

его гастролей. Это обстоятельство заставляло дирекцію нѣсколько разъ и впослѣдствіи приглашать Прова Михайловича погостить въ Петербургѣ.

Между прочими ролями, Садовскій сыгралъ Расплюева. Это былъ замѣчательный Расплюевъ: мелкій шуллеръ и плутъ, у котораго природная добродушность и безобидная наивность прорывалась въ каждомъ словѣ и жестѣ. Это былъ первый и послѣдній Расплюевъ на петербургской сценѣ. Можно себѣ вообразить, что это было за концертное исполненіе, когда Самойловъ выступалъ вмѣстѣ съ Садовскимъ. На своемъ вѣку я видѣлъ много разъ «Свадьбу Кречинскаго» съ разными актерами, но такого дуэта, такой дружной игры—никогда.

М. Максимовъ въ свой бенефисъ вздумалъ поставить водевиль «Что имѣемъ, не хранимъ, потерявши—плачемъ». Роль Морковкина въ немъ онъ упросилъ сыграть Мартынова, уже давно вслѣдствіе болѣзни не появлявшагося на сценѣ и собиравшагося уѣзжать, а роль Пѣтухова передалъ Садовскому, отмѣтившему въ своихъ гастрольныхъ пьесахъ и этотъ забавный водевиль. Александръ Евстаѳьевичъ и самъ былъ не прочь помѣряться съ своимъ московскимъ соперникомъ. Онъ вышелъ на сцену совершенно больнымъ; публика, замѣтившая сразу, что ея любимецъ играетъ черезъ силу, сдѣлала ему большой пріемъ. Оба артиста разыграли этотъ водевиль такъ, что во все время дѣйствія въ публикѣ не умолкалъ хохотъ. Оба они были такъ хороши, что театралы не знали, кому отдать предпочтеніе. Овація огромная устроена была соперникамъ; они безконечное число разъ выходили раскланиваться съ публикой, на которую производили впечатлѣніе ихъ дружескія отношенія между собой. Они выходили на сцену, крѣпко держа другъ друга за руку, а за сценой, говорятъ, переполнявшія ихъ чувства выразились въ братскомъ поцѣлуѣ.

Бенефиціантъ достигъ своего — театръ былъ переполненъ, посмотрѣть на соперниковъ сошлись съ особенной охотой всѣ завсегдатаи Александринскаго театра.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого спектакля больной Мартыновъ уѣхалъ за границу лечиться.

XIII.

Возвращеніе Мартынова.—Обѣдъ въ честь Мартынова, данный литераторами.—Мартыновъ въ драмѣ «Отецъ семейства». — Послѣдній выходъ Мартынова. — Извѣстіе о его смерти. — Похороны. — Анекдоты про Мартынова.

Поѣздка и отдыхъ не подѣйствовали облегчающимъ образомъ на Александра Евстаѳьевича: возвратился онъ въ Петербургъ такимъ же хворымъ и слабымъ, какимъ и покинулъ его. Та же тяжелая

одышка, тотъ же зловѣщій кашель, та же усталость. Хотя онъ сталъ какъ будто серьезнѣе лечиться, но докторскимъ совѣтамъ и настояніямъ внималъ мало. Ему было запрещено частое появленіе на сценѣ вообще и въ сильныхъ роляхъ въ особенности, но неотложныя нужды принуждали его играть и много, и все безъ разбора. «Разовая» система для него была гибелью; погоня за лишними рублями разрушала его здоровье не по днямъ, а по минутамъ.

Вскорѣ послѣ возвращенія Мартыновъ сыгралъ новую роль—Миши Бальзаминова въ новой пьесѣ Островскаго «Праздничный сонъ до обѣда», которая представлена была въ бенефисъ талантливѣйшей комической старухи Линской, неподражаемо игравшей свахъ. Мартыновъ былъ замѣчательнымъ Бальзаминовымъ. Пьеса эта выдержала массу рядовыхъ представленій при хорошихъ сборахъ, но Александръ Евстаѳьевичъ утомлялся въ ней болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ пьесахъ. Вслѣдъ за «Праздничнымъ сномъ» появились двѣ комедіи Чернышева: «Женихъ изъ долговаго отдѣленія» и «Не въ деньгахъ счастье». Въ обѣихъ пьесахъ игралъ Мартыновъ главныя роли—Ладыжкина и Боярышникова. Исполненіе было безукоризненное. Мартыновъ далъ такіе новые типы, выполненные имъ съ мельчайшими психологическими деталями, что обѣ пьесы сдѣлались репертуарными и даются какъ на казенныхъ, такъ и на частныхъ сценахъ до сихъ поръ. Своимъ выдающимся успѣхомъ онѣ обязаны исключительно одному Мартынову, буквально превзошедшему себя и игравшему такъ, что публика рыдала, смотря на несчастнаго Ладыжкина, поставленнаго въ положеніе комическое, но переживающаго глубоко-драматическіе моменты. Зрители видѣли, какъ подъ смѣшной оболочкой жениха изъ долговаго отдѣленія, выставленнаго въ ореолѣ глупости и трусливой неловкости, проявлялась мучительная душевная борьба. На представленія той и другой пьесы публика ломилась въ Александринскій театръ; очень многіе ходили смотрѣть Мартынова въ этихъ роляхъ по нѣскольку разъ: такое неизгладимое впечатлѣніе оставлялъ онъ своей потрясающей игрой.

Послѣ этихъ успѣховъ петербургскіе писатели, во главѣ съ Тургеневымъ и Гончаровымъ, задумали дать въ честь Мартынова обѣдъ. Этимъ обѣдомъ предполагалось устроить сближеніе литераторовъ съ артистами, которое, однако, къ глубочайшему сожалѣнію, не осуществилось, а ограничилось только этимъ товарищескимъ обѣдомъ. Контингентъ чествовавшихъ роднаго комика былъ почти исключительно литературный, а представителемъ сцены былъ, кажется, только одинъ виновникъ торжества. Обѣдъ состоялся по подпискѣ; подписавшихся было очень много, что̀ способствовало оживленію и веселости празднества. Было произнесено безъ счету рѣчей, тостовъ и спичей, адресованныхъ Александру Евстаѳьевичу. Онъ сконфуженно откланивался и отъ полноты чувствъ не находилъ словъ

для выраженія благодарности. Очевидцы говорили, что во все время обѣда Мартыновъ, благодаря своей природной скромности, чувствовалъ себя такъ неловко, что, казалось, глядя на него, онъ не можетъ дождаться окончанія всѣхъ этихъ овацій, чтобы удрать поскорѣе домой.

Александръ Евстаѳьевичъ возвратился домой крайне растроганнымъ и нѣсколько охмелѣвшимъ. Собравъ въ кружокъ жену и дѣтей, онъ со слезами на глазахъ сталъ разсказывать имъ, какъ чествовали его знаменитые литераторы.

— Очень хорошо тамъ у нихъ, все время за мое здоровье пили,— произнесъ Мартыновъ въ заключеніе,—желали со мной въ дружбѣ быть, говорили мнѣ похвалы, но я, всетаки, сбѣжалъ отъ нихъ къ вамъ, мои дѣтки, хотѣлось скорѣе придти и повѣдать, какъ любятъ вашего отца...

И впослѣдствіи всегда вспоминалъ Мартыновъ объ этомъ обѣдѣ съ благоговѣніемъ и особою гордостью.

Авторъ удачныхъ пьесъ «Женихъ изъ долговаго отдѣленія» и «Не въ деньгахъ счастье», Иванъ Егоровичъ Чернышевъ, даровитый драматургъ и очень посредственный актеръ, написалъ новую драму «Отецъ семейства», которую взялся поставить въ свой бенефисъ Мартыновъ. Роль себѣ взялъ бенефиціантъ, не соотвѣтствующую своему амплуа, а именно Турбина, не заключавшую въ себѣ ни одного комическаго штриха, а проявлявшую въ каждомъ словѣ и жестѣ черствость, грубость, деспотизмъ. Однако, онъ ее сыгралъ такъ, что всѣ безусловно признали его большимъ драматическимъ актеромъ. При представленіи этой драмы публика забывала величайшаго комика Мартынова, — предъ нею стоялъ несимпатичный домашній тиранъ Турбинъ, мучащій всѣхъ и вся и доведшій до могилы своего сына. Самые нечувствительные зрители не могли удержаться отъ слезъ, и весь театръ рыдалъ, какъ одинъ человѣкъ, созерцая высоко-талантливую прочувствованную игру Александра Евстаѳьевича.

Это первый примѣръ въ лѣтописяхъ русскаго театра, — впрочемъ не только русскаго, но и европейскаго, — чтобы одинъ человѣкъ былъ такъ богато одаренъ талантами, противоположными другъ другу. Комикъ и трагикъ—это нѣчто несовмѣстимое, между тѣмъ Мартыновъ совмѣщалъ въ себѣ эти двѣ крайности и былъ одинаково превосходенъ какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ.

Послѣднею ролью Александра Евстаѳьевича была роль Тихона въ драмѣ Островскаго «Гроза». Послѣднимъ его выходомъ былъ первый бенефисъ Фанни Александровны Снѣтковой 3-й, состоявшійся на Ѳоминой недѣлѣ 1860 года. Въ ея бенефисъ повторялась въ одиннадцатый разъ «Гроза», надѣлавшая много шуму при своемъ появленіи на сценѣ. Бенефисъ Снѣтковой, очень талантливой актрисы и всеобщей любимицы публики, былъ удостоенъ посѣще-

ніемъ государя и почти всей царской фамиліи. Мартыновъ игралъ въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ своимъ на югъ: его здоровье внушало серьезныя опасенія, и доктора торопили его покинуть какъ можно скорѣе гнилую петербургскую весну и перебраться на свѣжій воздухъ. Мартыновъ превзошелъ себя въ этомъ спектаклѣ и заслужилъ шумное одобреніе зрителей. Артистъ взялъ верхъ надъ человѣкомъ: онъ пересилилъ себя, забылъ на мгновеніе свою боль, заглушилъ немощные стоны разбитаго организма сознаніемъ своего артистическаго величія и... распростился навсегда съ публикой, дорогой публикой, видѣвшей его первые шаги, зорко слѣдившей за развитіемъ его генія, оцѣнившей и любившей его. Ни самъ онъ, ни зрители не думали, что торжественный бенефисъ Снѣтковой въ одно и то же время прощальный спектакль Мартынова. Никому и въ голову не могла придти такая безобразная мысль, что онъ видитъ эту признанную красу театра въ послѣдній разъ. А если бы у кого и мелькнуло это подозрѣніе, то онъ постарался бы разогнать его, какъ нѣчто для себя крайне непріятное...

Имѣя цѣлью своего путешествія южный берегъ Крыма, Мартыновъ отправился туда по собственно начертанному маршруту, по которому предстояло околесить массу какъ бы попутныхъ городовъ. Въ этихъ, якобы, попутныхъ городахъ онъ игралъ для того, по его словамъ, чтобы окупить расходы по путешествію. И вотъ вмѣсто поправленія здоровья онъ больше его разстроиваетъ и, наконецъ, совершенно лишается силъ. Объ его артистическомъ турнэ намъ, оставшимся въ Петербургѣ, ничего не было извѣстно, и мы спокойно поджидали его возвращенія къ открытію зимняго сезона, традиціонно состоявшемуся 16-го августа. Въ этотъ самый день вдругъ приходитъ телеграмма изъ Харькова съ извѣстіемъ, что Александра Евстаѳьевича не стало. Это произвело сильное впечатлѣніе на весь Петербургъ, по которому тотчасъ же разлетѣлась печальная вѣсть, и всѣ были поражены неожиданностью. Театральный мірокъ тоже проникся искреннею скорбью. Всѣ его нелицемѣрно сожалѣли и вопреки закулиснымъ нравамъ, не находили ему преемника. Александръ Евстаѳьевичъ былъ счастливѣйшимъ человѣкомъ—онъ не имѣлъ враговъ, со всѣми былъ одинаково хорошъ, и всѣ одинаково его любили и даже обожали. Въ нашемъ кругу это такая рѣдкость, которая заслуживаетъ особеннаго вниманія и требуетъ упоминанія въ театральныхъ лѣтописяхъ. Не даромъ сложилась поговорка, что актеръ безъ интригъ—это тоже, что адвокатъ безъ портфеля...

Мартынову лечиться лѣтомъ не удалось совершенно; погоня за деньгами, въ которыхъ онъ крайне нуждался для содержанія своего большаго семейства, принудила его безъ отдыха переѣзжать изъ города въ городъ на гастроли и сбирать цѣлковые. Казенное содержаніе было крайне недостаточно и не обезпечивало его, а гастрольный гонораръ былъ существенною подмогой. Поэтому необходимый

отдыхъ онъ предпочелъ приватному заработку и поплатился жизнью. Глубоко правы были тѣ, которые обвиняли дирекцію, а главнымъ образомъ всемогущаго П. С. Ѳедорова, за скаредную экономію, слѣдствіемъ которой была потеря Мартынова. Когда объ этомъ кто-то сообщилъ Ѳедорову, онъ, съ поползновеніемъ на логику, отвѣтилъ:

— А почему онъ не просилъ прибавки? Попросилъ бы хорошенько, можетъ быть, и прибавили бы...

— Да вѣдь онъ просилъ...

— Просилъ, но какъ? Нужно убѣдительно и хорошенько... Мало ли мы по просьбамъ, настоящимъ просьбамъ, прибавляемъ...

— Ахъ, Павелъ Степановичъ, это вы говорите про любимцевъ... Имъ-то, разумѣется, идутъ прибавки...

— А развѣ Мартыновъ не былъ любимцемъ? Его мы тоже любили...

— А почему же не жаловали?

— Просить не умѣлъ!

Мартыновъ занемогъ еще въ Одессѣ. Почувствовавъ себя крайне худо, онъ поспѣшилъ отправиться въ Петербургъ, но, доѣхавъ до Харькова, слегъ въ постель и умеръ 16-го августа 1860 года на рукахъ А. Н. Островскаго, случайно въ то время находившагося въ Харьковѣ.

Почти черезъ мѣсяцъ, т. е. въ срединѣ сентября, гробъ съ прахомъ Мартынова былъ привезенъ въ Петербургъ и поставленъ на сутки въ Знаменской церкви, что̀ на Невскомъ проспектѣ у вокзала Николаевской желѣзной дороги. Въ приходѣ этой церкви покойный проживалъ послѣдніе годы своей жизни.

На другой день его хоронили. Похороны были невиданные, стеченіе публики необычайное. Весь Петербургъ пожелалъ принять участіе въ погребальной процессіи, всѣ спѣшили отдать послѣдній долгъ своему незамѣнимому любимцу. На отпѣваніи были всѣ петербургскіе литераторы, въ полномъ составѣ русскіе и иностранные артисты, сановники и вельможи. Весь Невскій, вплоть отъ Знаменской церкви до Адмиралтейства, былъ такъ переполненъ народомъ, что движеніе экипажей было пріостановлено. Печальный кортежъ съ трудомъ пробивалъ себѣ дорогу, ручки отъ гроба доставались положительно съ бою. Въ шествіи приняли участіе артисты, литераторы, но главнымъ образомъ учащаяся молодежь, глубоко уважавшая и любившая покойнаго комика. Передъ гробомъ несли много вѣнковъ, — это, кажется, было впервые: до похоронъ Мартынова шествій съ вѣнками не бывало.

У Александринскаго театра процессія остановилась и настоятельно просила священника отслужить литію.

— Какъ? У театра-то?—испуганно замѣтилъ священникъ.

— Нѣтъ, у зданія, гдѣ Мартыновъ двадцать пять лѣтъ прожилъ душой и чувствами,—крикнулъ въ отвѣтъ кто-то изъ толпы.

— Я не могу,—сказалъ священникъ, — вблизи нѣтъ никакой церкви... У Казанскаго собора отслужимъ...

Поднялся крикъ: «Здѣсь! Здѣсь!»

Священникъ, знавшій лично покойнаго и относившійся съ уваженіемъ къ своему духовному сыну, былъ тронутъ общимъ единодушнымъ возгласомъ. Онъ рискнулъ строгою отвѣтственностью и отслужилъ литію.

Когда процессія двинулась далѣе, по направленію къ кладбищу, кто-то изъ драматической труппы — теперь не помню — подошелъ къ священнику и сообщилъ:

— Батюшка, вы служили литію на законномъ основаніи.

— Какъ такъ?—удивился священникъ.

— Вы служили передъ церковью театральнаго училища, гдѣ покойный воспитывался.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ, — обрадовался священникъ неожиданному открытію.

Впослѣдствіи, когда пришлось этому священнику отвѣчать передъ начальствомъ за несвоемѣстную службу, то онъ очень успѣшно воспользовался важнымъ указаніемъ артиста и оградилъ себя отъ непріятностей.

При опусканіи тѣла въ могилу. говорились надгробныя рѣчи, проливались слезы, раздавались истеричныя рыданія... Горе казалось глубокимъ, неукротимымъ, но, увы! прошелъ годъ-другой, и Мартыновъ оказался въ забвеніи. На его могилу въ годовщину смерти явились только вдова и дѣти... Вотъ она слава актера! Имя Мартынова теперь пустой звукъ, а вѣдь было время, когда оно произносилось съ благоговѣніемъ, чтилось наравнѣ съ знаменитыми писателями, художниками и ваятлелями земли Русской, и даже больше, потому что геній Мартынова былъ удобопонятенъ для всякаго, онъ былъ проще и доступнѣе, былъ больше на виду и болѣе возможенъ для провѣрки. Провѣрить актера не трудно— его правда сама сказывается; путемъ самыхъ незначительныхъ анализовъ, часто незамѣтныхъ самому наблюдателю, познается степень дарованія актера... Слава, даже бы жалкая слава, хотя бы въ видѣ традицій, оставшихся послѣ покойнаго и долженствовавшихъ бы переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе, — и той нѣтъ, и та по прошествіи какого нибудь десятка лѣтъ утратилась окончательно. Что же остается послѣ актера, даже геніальнаго актера?

Посвящая эту главу Мартынову, припомню кстати о немъ два анекдота, изъ тѣхъ немногихъ о немъ анекдотовъ, которые ходили за кулисами.

Александръ Евстаѳьевичъ изрѣдка позволялъ себѣ послѣ спектакля отправиться съ пріятелями въ ближайшій ресторанъ и въ веселой бесѣдѣ провести тамъ нѣсколько часовъ. Однажды послѣ

представленія популярнаго водевиля Куликова «Ворона въ павлиньихъ перьяхъ», въ которомъ Мартыновъ замѣчательно хорошо игралъ маркера Антона Шарова, выигрывшаго въ польскую лоттерею 900 тысячъ злотыхъ,—собралась въ трактирѣ обычная группа пріятелей во главѣ съ Александромъ Евстаѳьевичемъ. Живительная влага дѣлала свое дѣло: развязала имъ языки и превращала ихъ первоначально-серьезный разговоръ болѣе и болѣе въ непринужденно-игривый и чрезвычайно шуточный. Пріятели острили, каламбурили и покрывали все это беззаботнымъ смѣхомъ.

Въ это время входитъ въ трактиръ провинціалъ, впервые попавшій въ столицу изъ далекаго захолустья и только что бывшій въ Александринскомъ театрѣ и до упаду хохотавшій надъ забавнымъ водевилемъ.

Увидя группу бритыхъ и весело разговаривавшихъ между собой людей, онъ освѣдомился у лакея:

— Ужъ не актеры ли это?

— Актеры-съ.

— И Мартыновъ тутъ?

— Тутъ-съ.

— Ну? — обрадовался провинціалъ. — Который же Мартыновъ?

— А вонъ тотъ!—ткнулъ рукой въ пространство лакей и позванный кѣмъ-то изъ посѣтителей отбѣжалъ отъ провинціала, которому показалось, что тотъ указалъ ему на одиноко сидящаго солиднаго господина, умѣстившагося за отдѣльнымъ столомъ неподалеку отъ актеровъ.

Провинціалъ почтительно подошелъ къ нему и съ блаженной улыбкой сталъ всматриваться въ недоумѣвающаго господина.

— Вамъ что?—наконецъ спросилъ его солидный господинъ.

— Я такъ-съ,—наивно отвѣтилъ провинціалъ, едва сдерживаясь отъ смѣха.—А какъ же Параша-то?

— Что? Какая Параша?

— Ха-ха-ха! Вотъ шутъ-то гороховый!..—неудержимо расхохотался провинціалъ. — Ахъ, чтобъ тебя!.. Ха-ха-ха!.. Много ли денегъ отъ выигрыша осталось? Все спустилъ? Ха-ха-ха!..

— Что это значитъ? Вы забываетесь! — обидѣлся господинъ и всталъ, чтобы прекратить неумѣстную сцену.

— Да, ну, тебя къ чорту! Не ерепенься! — закричалъ на него простодушный провинціалъ и насильно усадилъ его на прежнее мѣсто. — Сиди! Чѣмъ хочешь, угощу!.. Ха-ха-ха! Вотъ умора-то!

— Милостивый государь, я прикажу позвать полицію...

— Не смѣши, ей-Богу, умру!.. Ха-ха-ха!.. Вотъ чудакъ-то!.. Ишь ты какой, — сразу и не узнать тебя... Ну, и потѣшилъ же ты! Вотъ такъ маркеръ! Настоящій половой! Ха-ха-ха!

— Да вы сумасшедшій!—воскликнулъ господинъ.

— Ха-ха-ха! И сердиться-то какъ смѣшно!.. Ой, батюшки! Вотъ смѣхота-то!.. Ой, умру! Ей-Богу, умру!.. Мартыновъ, голубчикъ, не смѣши... Лопну, честное слово, лопну... Перестань!

Тутъ только господинъ понялъ ошибку провинціала и самъ такъ расхохотался, что ихъ обоихъ пришлось отпаивать водой. Актеры, свидѣтели этого недоразумѣнія, тоже примкнули къ хохотавшимъ, и стѣны трактира наполнились такимъ небывалымъ смѣхомъ, что всѣ бывшіе въ трактирѣ, не исключая и буфетчика съ лакеями, прибѣжали въ общее зало, съ цѣлью разъяснить происшествіе, но заразительный смѣхъ актеровъ, провинціала и солиднаго господина, оказавшагося извѣстнымъ петербургскимъ домовладѣльцемъ, подѣйствовалъ и на нихъ. Они тоже пришли въ веселое состояніе и, не понимая, въ чемъ дѣло, хохотали до тѣхъ поръ, пока не явился свирѣпый трактиросодержатель и не разогналъ ихъ по мѣстамъ.

Успокоившись, компанія соединилась воедино, и кутежъ продолжался до поздняго утра.

Другой анекдотъ — это острота Мартынова, къ слову сказать, чуть ли не единственная. Онъ вообще не отличался находчивостью, а тѣмъ болѣе остроуміемъ...

Подходитъ къ нему гдѣ-то въ обществѣ незнакомый невѣжа-аристократъ и говоритъ:

— Я слышалъ, что вы удачно копируете всѣхъ и каждаго. Прелюбопытно бы взглянуть, какъ бы вы меня представили?

— О, это очень нетрудно!

— Будто бы?

— Стоитъ только выглядѣть осломъ...

Аристократъ ретировался и на всѣхъ перекресткахъ разносилъ Мартынова бездарностью.

XIV.

Директоръ Сабуровъ.—Графъ Борхъ.—П. В. Васильевъ.—А. М. Максимовъ.—Случаи изъ его жизни.—Брошель.—В. А. Лядова.—Легенда о зубахъ Лядовой.—«Смерть Іоанна Грознаго».

Въ 1858 году А. М. Гедеоновъ, послѣ отпразднованнаго двадцатипятилѣтняго юбилея, покинулъ свой директорскій постъ и уѣхалъ отдыхать въ Парижъ. Директорскія треволненія, очевидно, были велики, ибо Александру Михайловичу потребовался отдыхъ въ чужихъ краяхъ продолжительный. Въ Парижѣ онъ прожилъ безвыѣздно до самой смерти, случившейся въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Послѣ Гедеонова директоромъ петербургскихъ театровъ былъ Андрей Ивановичъ Сабуровъ, до этого занимавшій должность

управляющаго дворцомъ великаго князя Константина Николаевича и никогда ничего общаго съ театромъ не имѣвшій. Свое непониманіе театральнаго дѣла онъ блестяще доказалъ четырехъ-лѣтнимъ (во все время директорства) безпрерывнымъ дефицитомъ, сформировавшимся въ довольно круглую цифру. Онъ сдѣлалъ массу довольно непроизводительныхъ расходовъ, благодаря своей страсти къ перестройкамъ и ремонтамъ, а также и благодаря желанію казаться много знающимъ, при ангажементѣ артистовъ, въ особенности иностранныхъ, которымъ онъ назначалъ громадныя жалованья и которые, какъ нарочно, оказывались никуда негодными. Все это, вмѣстѣ взятое, сдѣлало то, что дирекція прибѣгла къ экстренному займу четырехъ-сотъ тысячъ изъ удѣльныхъ суммъ. Главнымъ образомъ этотъ солидный капиталъ пошелъ на совершенно безполезную перестройку Михайловскаго театра и на неудачную постройку Маріинскаго, воздвигнутаго на пепелищѣ сгорѣвшаго цирка, остатки котораго пошли въ основаніе театра, черезъ что и получилась неудовлетворительность въ архитектурномъ отношеніи.

Сабурову почему-то показалось, что Михайловскій театръ слишкомъ малъ, и онъ надумалъ его увеличить. Между тѣмъ для иностранныхъ (съ искони вѣка предназначенныхъ для него французскихъ и нѣмецкихъ) спектаклей онъ былъ совершенно достаточенъ. Прославленныя его удобства и замѣчательная акустика при перестройкѣ пропали: внутренній видъ театра получился неуклюжій, объ акустикѣ не осталось помину, такъ что только изъ первыхъ рядовъ креселъ стало слышно актеровъ, тогда какъ до перестройки самыя послѣднія, въ галереѣ, мѣста были хорошо приспособлены къ тому, чтобы съ нихъ все можно было превосходно слышать и видѣть. Надежды директора на увеличеніе сборовъ, которые, по его мнѣнію, долженствовали идти на уплату долга, оказались только надеждами. Перестроенный театръ сталъ посѣщаться публикой съ меньшей охотой, что̀ ужасно озадачило Сабурова.

Сабуровъ не былъ скупымъ: казенныхъ денегъ онъ не жалѣлъ для иностранныхъ артистовъ и, во время своихъ заграничныхъ поѣздокъ, самолично приглашалъ такихъ изъ ряда вонъ выходящихъ, по своей непригодности, исполнителей, что стыдно было выпустить ихъ на сцену. Во время своего недолговременнаго правленія Сабуровъ отбилъ охоту у публики бывать въ театрахъ. На драматическую сцену онъ не обращалъ совершенно никакого вниманія, а излюбленную итальянскую оперу своимъ усердіемъ привелъ въ такое положеніе, что въ концѣ-концовъ онъ чуть ли не единственнымъ зрителемъ остался.

Со всѣми нами, актерами, онъ былъ грубъ и надмененъ. Исключенія не было ни для кого. Его олимпійское величіе и неприступность, которою онъ окружилъ себя съ первыхъ же дней директорства, крайне не расположили къ нему всѣхъ, причастныхъ

къ театру. Съ видомъ знатока и авторитетно онъ дѣлалъ различныя нелѣпыя распоряженія. Званіе директора театровъ ему очень нравилось, и онъ съ излишкомъ злоупотреблялъ имъ. При немъ всѣмъ намъ жилось плохо, одному только Павлу Степановичу Ѳедорову было попрежнему хорошо. Онъ забралъ Александринскій театръ окончательно въ свои руки и былъ его полновластнымъ хозяиномъ. Это начальство, конечно, тоже не обходилось безъ злоупотребленій, о которыхъ, впрочемъ, и вспоминать-то не стоитъ по той причинѣ, что всѣмъ извѣстны эти злоупотребленія и всѣ крѣпко помнятъ Ѳедорова.

После Сабурова директорское мѣсто досталось графу Борху, который всего на всего прослужилъ два года и ничѣмъ не улучшилъ положенія петербургскихъ театровъ. На первыхъ порахъ онъ принялся было дѣятельно устранять безобразныя и явныя злоупотребленія, но, встрѣтивъ сильнѣйшій отпоръ со стороны много забравшихъ себѣ власти и обросшихъ театральною тиною подчиненныхъ, уступилъ и подпалъ подъ вліяніе Ѳедорова и другихъ. Съ отставкою графа В. Ѳ. Адлерберга покинулъ свой постъ и графъ Борхъ, а на его мѣсто явился Степанъ Александровичъ Гедеоновъ, сынъ прежняго директора Александра Михайловича. Надеждъ на него возлагалось много, но онѣ не оправдались. Степанъ Александровичъ былъ очень дѣятельнымъ и даже понимающимъ дѣло, но у него не хватило силъ побороть всѣ тѣ безпорядки, безобразія и злоупотребленія, которыя получили уже права гражданства за кулисами и для искорененія которыхъ потребовались бы терпѣливые года, а не дни, полные горячности, увѣренности и быстроты натиска. Все это обростало и накапливалось десятками лѣтъ, имѣло несомнѣнную устойчивость и находило въ окружающемъ дѣятельную подпору; нужно было подходить ко всему этому исподволь, съ дипломатическимъ тактомъ и стратегическимъ расчетомъ, а не прямо и открыто. Такія отважныя предпріятія никогда не могутъ увѣнчаться успѣхомъ. Хотя и существуетъ энергичная поговорка: «смѣлость города беретъ», но она всего болѣе примѣнима, какъ на самомъ дѣлѣ и есть, къ воякамъ, а для канцелярскихъ дѣятелей, въ особенности же театрально-канцелярскихъ, она не годна. Шансы не равны будутъ: солдатъ обыкновенно дерется съ солдатомъ, дипломатъ обманываетъ дипломата, но если солдатъ пойдетъ противъ дипломата, или дипломатъ устроитъ нападеніе на солдата, результаты получатся одинаково плачевные для солдата. Такъ разсуждали наблюдатели, слѣдившіе за лихорадочною дѣятельностью новаго директора, и они были совершенно правы: Павелъ Степановичъ и другіе были дипломаты, и побѣдить ихъ могла только дипломатія же...

При Сабуровѣ умеръ Мартыновъ и поступилъ П. В. Васильевъ. Еще Александра Евстаѳьевича не успѣли похоронить (14-го сен-

тября), какъ на его мѣсто уже заявился Васильевъ, дебютировавшій въ самомъ началѣ сентября. Будучи лѣтомъ въ Одессѣ, Мартыновъ игралъ вмѣстѣ съ Васильевымъ, который такъ понравился ему, что онъ пообѣщалъ Павлу Васильевичу свое содѣйствіе пристроить на петербургскую сцену. И дѣйствительно онъ быстро выхлопоталъ ему дебютъ, свидѣтелемъ котораго Мартынову уже не суждено было быть. Обстоятельства сложились такъ, какъ будто Александръ Евстаѳьевичъ самъ лично нашелъ себѣ преемника и передалъ ему свое положеніе, амплуа.

Васильевъ дебютировалъ въ заигранной покойнымъ комикомъ пьесѣ «Андрей Степанычъ Бука» и поэтому большаго успѣха не имѣлъ, но публика, всетаки, оцѣнила его дарованіе, которое не было, разумѣется, равнымъ или даже подходящимъ къ таланту Мартынова, но, тѣмъ не менѣе, большое и выдающееся.

Павелъ Васильевичъ не былъ положительнымъ новичкомъ для театральнаго начальства. Онъ когда-то учился въ Петербургскомъ театральномъ училищѣ и былъ исключенъ оттуда за неспособность къ драматическому искусству! Выгнанный изъ школы юношей, онъ отправился въ провинцію и въ небольшой періодъ времени выработался въ большаго актера.

Послѣ перваго дебюта входитъ къ нему въ уборную одинъ изъ бывшихъ его преподавателей, узнавшій стараго своего ученика, и говоритъ:

— Поздравляю! Поздравляю! Экъ вы выровнялись-то! Я отъ васъ этого не ожидалъ!

— А я отъ васъ всего ожидалъ!—отвѣтилъ въ тонъ Васильевъ.

Первое время Васильеву было тяжело. Мартыновъ былъ еще живъ въ памяти каждаго, и выступать въ его роляхъ была большая смѣлость и рискъ. Нужно было быть дѣйствительно очень даровитымъ, чтобы взять на себя такія отвѣтственныя роли, какъ покойнаго комика, однако Васильевъ не падалъ духомъ, трудился неустанно и въ концѣ концовъ пріобрѣлъ себѣ положеніе, симпатію публики и если не замѣнилъ Мартынова, то, всетаки, былъ лучшимъ изъ всѣхъ, бравшихся за Мартыновскій репертуаръ.

Во многихъ роляхъ Павелъ Васильевичъ былъ самостоятеленъ и незамѣнимъ. Напримѣръ, кто лучше его изображалъ Любима Торцова въ комедіи «Бѣдность не порокъ»? Кто былъ хорошимъ Расплюевымъ послѣ Садовскаго? Во многомъ ли уступалъ онъ Мартынову въ «Женихѣ изъ долговаго отдѣленія»? Былъ ли лучше его Подхалюзинъ въ комедіи «Свои люди—сочтемся», или дьячекъ Вербохлестовъ въ сценахъ Погосскаго «Чему быть, того не миновать»? Все это говоритъ въ пользу артиста, которымъ дирекція не умѣла дорожить. Павелъ Васильевичъ покидалъ казенную сцену, уѣзжалъ въ провинцію и опять, по зрѣломъ размышленіи, былъ возвращаемъ дирекціею, а въ 1874 году онъ окончательно вышелъ

въ отставку и уже болѣе на петербургской сценѣ не появлялся, хотя со стороны дирекціи и были сдѣланы первые шаги къ примиренію, но Васильевъ оказался непоколебимымъ.

Въ 1861 году умеръ отъ чахотки Алексѣй Михайловичъ Максимовъ, болѣе четверти вѣка несшій на себѣ всѣ отвѣтственныя роли любовниковъ, фатовъ (въ то время называвшихся повѣсами) и вообще молодыхъ людей. Онъ былъ очень талантливъ, и его смерть была чувствительна для театра. На замѣну его не явился никто, и амплуа, такъ называвшееся максимовское, раздробилось на нѣсколькихъ исполнителей, которые заставляли горько оплакивать смерть этого хорошаго человѣка, хорошаго товарища и хорошаго актера. Алексѣй Михайловичъ былъ крайне разнообразенъ, въ его репертуарѣ были роли совершенно непохожія одна на другую, какъ, напримѣръ: Хлестакова, Чацкаго, Молчалина, Гамлета, Ноздрева въ «Мертвыхъ душахъ», Яго въ «Отелло», Лепорелло въ «Каменномъ гостѣ», Фердинанда въ «Коварствѣ и любви», Кина, Фигаро и проч. И замѣчательно, что во всѣхъ роляхъ онъ былъ хорошъ.

Максимовъ молодость свою провелъ бурно. Его почему-то обожали купеческіе сынки, спаивавшіе его и подбивавшіе на разгульную жизнь. Вѣчные кутежи способствовали развитію чахотки и свели въ могилу этого замѣчательнаго артиста. Не смотря на свою, повидимому, безобразную жизнь, Алексѣй Михайловичъ былъ глубоко-религіознымъ человѣкомъ. У него былъ излюбленный монастырь, стоящій близь Новгорода, на берегу Волхова, въ который онъ дѣлалъ вклады и былъ самымъ усерднымъ и частымъ его гостемъ. Въ этотъ монастырь Максимовъ уѣзжалъ обыкновенно на весь великій постъ, удѣлялъ время посѣтить его лѣтомъ; вся монашествующая братія его знала и относилась къ нему съ почтеніемъ за его религіозность, съ виду вовсе не свойственную служителямъ театра, который, по суевѣрнымъ понятіямъ народа, не болѣе какъ «утѣха чорта», бѣсовское навожденіе и т. д. въ этомъ же родѣ.

Алексѣй Михайловичъ былъ незауряднымъ анекдотистомъ и крайне счастливымъ на приключенія. Про него всегда ходила за кулисами и въ публикѣ такая масса разсказовъ, что упомнить хотя бы десятую часть ихъ не было никакой возможности, что очень жаль, такъ какъ большинство изъ нихъ характерны и обрисовываютъ Максимова со всѣми его слабостями рельефно.

Особенно забавенъ одинъ фактъ, приключившійся съ нимъ въ молодости, вскорѣ по выходѣ изъ театральнаго училища, когда онъ былъ уже отмѣченъ начальствомъ и публикой, какъ талантливый актеръ, и имѣлъ выдающійся успѣхъ.

Будучи незанятымъ въ какомъ-то спектаклѣ, Максимовъ находился въ «публикѣ». Въ одинъ изъ антрактовъ онъ пошелъ въ курильную комнату, помѣщавшуюся возлѣ буфета, чтобы затя-

нуться «жуковымъ». Спокойно усѣлся въ кресло, набилъ табакомъ трубку и сталъ поджидать кого либо съ раскуренной уже трубкой, чтобы воспользоваться огнемъ и раскурить свою.

Черезъ нѣсколько минутъ входитъ пожилой человѣкъ невзрачнаго вида и въ потертой одеждѣ. Максимовъ принимаетъ его за буфетнаго лакея и важно приказываетъ:

— Эй! Подай мнѣ огня!

— Сію минуту,—отвѣчаетъ вошедшій и скрывается за дверьми, изъ-за которыхъ почти сейчасъ же возвращается, но уже съ зажженной бумажкой.

Алексѣй Михайловичъ не торопясь раскурилъ свою трубку и сказалъ:

— Спасибо, любезный.

Мнимый лакей бросилъ бумажку на полъ, затопталъ ее и, къ удивленію Максимова, опустился на сосѣднее кресло. Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ было сдѣлать ему внушеніе за неприличное поведеніе, но тотъ предупредилъ его, смѣло сказавъ:

— Эй, подай мнѣ стаканъ воды!

Максимовъ тутъ только понялъ, что прислуживавшій ему человѣкъ—не лакей. Онъ опѣшилъ, растерялся, но, быстро оправившись, вскочилъ съ мѣста и побѣжалъ въ буфетъ. Возвратившись черезъ мгновеніе со стаканомъ воды на подносѣ, онъ съ почтительнымъ видомъ всталъ передъ незнакомцемъ и услужливо проговорилъ:

— Пожалуйте!

Невзрачный господинъ не торопясь выпилъ воду и тономъ Максимова сказалъ:

— Спасибо, любезный.

Когда Алексѣй Михайловичъ направился съ опорожненной посудой въ буфетъ, загадочный незнакомецъ остановилъ его вопросомъ:

— Вы, вѣроятно, не откажетесь возвратиться сюда побесѣдовать со мной?

— Съ удовольствіемъ!—отвѣтилъ на ходу Максимовъ и черезъ минуту сидѣлъ уже около невзрачнаго господина, который наставительнымъ тономъ говорилъ ему:

— Очень жаль, что вы лишены воспитанія. Неужели некому было внушить вамъ правила приличія, безъ чего успѣхъ въ свѣтѣ невозможенъ? Вы, молодой человѣкъ, только-что вступаете въ жизнь, поэтому сегодняшній мой урокъ вамъ будетъ не безполезенъ. Вы занимаете извѣстное общественное положеніе (я васъ знаю, вы актеръ Максимовъ), на васъ обращаютъ вниманіе и даже нѣкоторые подражаютъ вамъ, значитъ, вы служите примѣромъ, а ужъ если быть примѣромъ, то нужно быть хорошимъ, не иначе. Слѣдовательно, вамъ надлежитъ знать деликатность болѣе, чѣмъ кому

либо. Деликатностью вы можете много одолѣть преградъ, которыя сплошь и рядомъ будутъ попадаться вамъ на жизненномъ и служебномъ пути... Если вы желаете, чтобы васъ уважали, то умѣйте и сами уважать. Это неоспоримая житейская аксіома. Кстати, запомните, что слѣдуетъ уважать человѣка, а не его платье!.. Не забывайте же всего этого, вамъ пригодится... А теперь познакомимтесь, какъ слѣдуетъ, и будемъ добрыми знакомыми... Васъ я знаю, а мнѣ позвольте отрекомендоваться: графъ Завадовскій.

Послѣ этого урока Максимовъ сталъ избѣгать графа, а если какъ нибудь неожиданно и сталкивался съ нимъ, то такъ чувствовалъ себя нехорошо, что Завадовскій даже принужденъ былъ задавать ему вопросъ:

— Здоровы ли вы?

Вскорѣ послѣ представленія «Гамлета», который въ исполненіи Максимова былъ впервые на Александринской сценѣ безукоризненнымъ, шла переводная комедія «Любовь и предразсудокъ». Главная роль въ ней актера Сюливана была поручена Алексѣю Михайловичу, поклонники котораго воспользовались одною фразою изъ его роли и устроили ему громадную овацію, совершенно неожиданную и особенно растрогавшую артиста.

Послѣ словъ:

— Я игралъ Гамлета и самъ чувствовалъ, какъ я былъ великъ въ этотъ вечеръ!

Раздались оглушительные аплодисменты и на сцену посыпались изъ литерныхъ ложъ въ безчисленномъ количествѣ вѣнки и букеты. Около четверти часа продолжались рукоплесканія и крики толпы. Другой такой оваціи въ заурядномъ спектаклѣ я не помню...

Этотъ случай прекрасно иллюстрируетъ отношенія публики къ любимому артисту. Я съ особымъ удовольствіемъ вспоминаю старое время, когда публика умѣла выражать свои чувства не только на словахъ, но и на дѣлѣ...

9-го февраля 1864 года дебютировала въ Александринскомъ театрѣ Брошель. Первый ея выходъ былъ въ роли Лизы Ѳоминой, въ комедіи того же названія. Молоденькая и талантливая актриса сразу завоевала любовь публики. Театралы возложили на нее большія упованія и надежды, всѣ пророчили ей блестящую будущность. Она играла съ увлекательною веселостью и съ заразительнымъ юморомъ въ комедіи, а въ драматическія роли вкладывала душу и чувства. Нервы ея всегда были въ напряженіи, она жила на сценѣ жизнью дѣйствующаго лица, и это производило глубокое впечатлѣніе на зрителей. Она очень хороша была въ «Лизѣ Ѳоминой» и «Семейныхъ расчетахъ», но положительный фуроръ Брошель произвела третьимъ дебютомъ въ комедіи Островскаго «Бѣдная невѣста». Марья Андреевна въ ея исполненіи вышла вполнѣ законченнымъ типомъ, безъ малѣйшихъ недостатковъ. Послѣ

этой роли она была окончательно признана талантомъ, и всѣ лучшія роли перешли къ ней. Она тѣмъ болѣе была дорога для Александринской сцены, что задолго до ея появленія не было въ драматической труппѣ мало-мальски сносной артистки на амплуа ingenue-comique или dramatique, да и послѣ ея изчезновенія съ подмостковъ также продолжительное время не находилось подходящей артистки. На смѣну ей явилась М. Г. Савина, но черезъ восемь лѣтъ послѣ ея ухода со сцены.

Брошель была худенькая, маленькая, но подвижная и изящная. Она только два года играла, на третій, въ самый разгаръ ея дѣятельности и успѣховъ, ей было предписано докторами отказаться навсегда отъ сценической карьеры. Порокъ сердца требовалъ спокойствія и продолжительнаго леченія. Послѣдній выходъ Брошель былъ въ первое представленіе драмы Островскаго «На бойкомъ мѣстѣ». Она играла Аннушку. Это было въ концѣ 1865 года. Никто изъ публики не ожидалъ, что видитъ симпатичную артистку въ послѣдній разъ. Во второмъ представленіи «На бойкомъ мѣстѣ» ее замѣнила Струйская 1-я... Послѣ этого лѣтъ пять Брошель появлялась въ театрахъ, въ качествѣ зрительницы и, наконецъ, въ 1871 году скончалась. Похороны ея были скромные: немногіе шли за ея гробомъ.

Не смотря на кратковременное пребываніе Брошель на сценѣ и на ограниченное число сыгранныхъ ею ролей, имя ея театраламъ памятно и въ закулисной хроникѣ прошедшаго очень замѣтно.

Въ шестьдесятъ-пятомъ или шестомъ году балетная артистка Вѣра Александровна Лядова попробовала свои силы въ драматическомъ театрѣ и имѣла большой, вполнѣ заслуженный, успѣхъ. Она выступила въ пѣвучихъ роляхъ—Анюты («Барская спѣсь» или «Анютины глазки») и Маргариты («Мельничиха въ Марли»). Въ ней сказалась прекрасная драматическая актриса, и обнаружился симпатичный голосъ. Тогда же Лядовой было предложено начальствомъ перейти изъ балетной труппы въ Александринскій театръ, но она почему-то это предложеніе тогда отклонила и воспользовалась имъ только въ 1868 году, лѣтомъ.

Ея вступленіе въ составъ драматической труппы ознаменовалось кореннымъ преобразованіемъ серьезнаго репертуара въ каскадно-опереточный. Режиссеръ Яблочкинъ, всегда чувствовавшій склонность къ опереткѣ, былъ крайне доволенъ пріобрѣтеніемъ Лядовой, дѣйствительно очень талантливой и примѣчательной исполнительницы ролей въ каскадномъ жанрѣ. Драмы и комедіи отошли въ сторону, безъ борьбы уступивъ мѣсто глупому водевилю и безнравственной опереткѣ, которые при своемъ появленіи имѣли необычайный успѣхъ и дѣлали баснословные сборы. «Прекрасная Елена» сыграна была впродолженіе трехъ-четырехъ лѣтъ около 125 разъ, «Птички пѣвчія» —тоже что-то въ родѣ этого, «Орфей въ

аду» выдержалъ болѣе 75 представленій, «Званый вечеръ съ итальянцами» и «Всѣ мы жаждемъ любви» болѣе 50, «Фаустъ на изнанку» и «Чайный цвѣтокъ» тоже не менѣе этой цифры. Оперетоманія воцарилась полнѣйшая — и за кулисами, и въ публикѣ. Весь Петербургъ устремился въ «Александринку» послушать и посмотрѣть несравненную Лядову, которая оказалась лучше знаменитой французской опереточной звѣздочки Деверіи, гостившей въ то время въ столицѣ и выступавшей въ тѣхъ же самыхъ роляхъ, въ коихъ выступала и Вѣра Александровна. Нужно замѣтить, что первоначальный успѣхъ Деверіи былъ страшно великъ, но Лядова значительно его сократила и, въ концѣ концевъ, завладѣла имъ совсѣмъ. Прославленная Прекрасная Елена--Деверія играла почти при пустомъ театрѣ [1]), а въ Александринскій театръ билеты разбирались съ бою.

Выступая въ опереткахъ, Лядова не отказывалась и отъ водевилей и даже играла Хрущова въ сценахъ Сухонина «Русская свадьба». Она во всемъ одинаково была хороша и каждую роль проводила со всѣми характерными особенностями, присущими изображаемому ею лицу. Вѣра Александровна обладала эффектною наружностью, была замѣчательно граціозна и играла съ тѣмъ увлекательнымъ шикомъ, которымъ отличаются только французскія опереточныя дивы. Не даромъ же она была прозвана «королевой каскада».

Зубы Лядовой, которыми зрители любовались, а зрительницы завидовали, по закулиснымъ сказаніямъ, не были ея природными зубами, не смотря на то, что она сравнительно была молода. Сложилась легенда, будто бы Лядова передъ поступленіемъ въ Александринскій театръ перенесла, по собственному желанію, чувствительную операцію: вырвала всѣ свои 32 зуба, которые были значительно попорчены и черны, и замѣнила ихъ искусственною челюстью. Она не могла себя представить въ опереточныхъ роляхъ съ некрасивыми зубами и буквально изъ любви къ искусству воспріяла вѣнецъ мученицы. Вырвать 32 здоровыхъ зуба это геройскій подвигъ.

Вѣра Александровна немного покрасовалась на сценѣ: въ началѣ 1870 года ея не стало. Сильная простуда была причиною ея преждевременной смерти. По репортерскимъ отчетамъ ей привелось умереть два раза: за нѣсколько дней до ея дѣйствительной кончины въ какой-то газетѣ появился ея некрологъ и былъ перепечатанъ на слѣдующій день другими газетами. Потомъ появилось опроверженіе и опять извѣщеніе о дѣйствительной ея смерти. Почти то же случилось съ покойнымъ Бурдинымъ, который былъ похороненъ досужими репортерами года за три раньше смерти.

---

[1]) Михайловскомъ.

Трагедія графа А. К. Толстого «Смерть Іоанна Грознаго» при своемъ появленіи произвела большую сенсацію какъ за кулисами, такъ и въ публикѣ. Начальство приложило всѣ старанія, чтобы обставить пьесу графа какъ можно тщательнѣе, и не жалѣло денегъ на ея постановку. Положимъ, такое рѣдкое отношеніе театральнаго начальства къ автору было вполнѣ понятно: Толстой имѣлъ солидное общественное положеніе.

Всѣ декораціи и бутафорскія вещи для этой трагедіи были сдѣланы новыя, по рисункамъ извѣстнаго археолога и знатока русскихъ древностей А. В. Прохорова. Костюмы шились тоже подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Репетицій сдѣлано было безчисленное множество. Словомъ дирекція сдѣлала все зависящее отъ нея, чтобы угодить сіятельному автору...

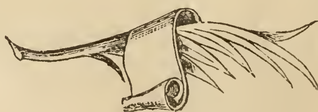
Первое представленіе «Смерти Іоанна Грознаго» прошло при торжественной обстановкѣ. Спектакль удостоили своимъ посѣщеніемъ покойный императоръ Александръ Николаевичъ, великіе князья, вельможи и сановники. Весь партеръ былъ переполненъ генералитетомъ, весь бель-этажъ занятъ былъ придворными.

Но, увы! какъ ни старалось начальство щегольнуть постановкой трагедіи, однако дальше внѣшняго блеска не пошло. Декораціи, костюмы были роскошны, а исполненіе удивительно слабое. Изъ главной роли царя Іоанна Васильевича ничего не могъ сдѣлать даровитый П. В. Васильевъ 2-й. Эта богатая эффектами роль въ его исполненіи пропала совершенно, и вмѣсто Грознаго царя зрители видѣли какого-то параличнаго отставнаго чиновника XIV-го класса.

Послѣ пятаго или шестаго представленія Васильева замѣнилъ Самойловъ, но и у него типъ Грознаго вышелъ блѣднымъ и неудовлетворительнымъ. Въ этой благодарной роли Василій Васильевичъ не произвелъ на публику никакого впечатлѣнія; онъ былъ слишкомъ изященъ и ловокъ для Іоанна Васильевича, фигура котораго представляется величественной и внушающей ужасъ, а вовсе не статной и красивой.

А. Алексѣевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).



ОЧЕРКИ БУХАРЫ[1]).

II.

Страдальческая черта въ исторической жизни Трансоксаніи.—Четыре главные періода ея исторіи.—Извѣстія древнѣйшихъ географовъ и лѣтописцевъ.—Владычество персовъ и македонянъ.—Появленіе варваровъ и наступившій съ ними темный періодъ.—Легенда объ основаніи Бухары и о первыхъ династіяхъ.—Завоеванія арабовъ и утвержденіе ислама.—Саманиды, Сельджукиды, Хорезмскіе князья.—Блестящій періодъ процвѣтанія Трансоксаніи.—Нашествіе монголовъ уничтожаетъ культуру, науки и образованность.—Чингисиды.—Бѣдствія страны въ періодъ ихъ управленія.—Усиленіе вліянія ислама.—Тимуръ искусственно возрождаетъ Трансоксанію.—Узбеки.—Шейбаниды и Аштарханиды.—Упадокъ культурной и духовной жизни таджикскаго народа.—Эпоха проявленія крайняго фанатизма и суевѣрія.—Династія Мангытъ довершаетъ распаденіе Трансоксаніи.—Стремленія Россіи возстановить прерванный международный путь.—Грандіозный замыселъ Петра Великаго и политика его преемниковъ.—Причины, вызвавшія вооруженное движеніе Россіи въ Среднюю Азію.—Результаты этого движенія.—Краткое обозрѣніе Бухарскаго ханства въ настоящемъ его объемѣ.—Что намъ обѣщаютъ въ будущемъ народности Средней Азіи.

ВЪ ИСТОРІИ народовъ едва ли найдется другая многострадательная страна, кромѣ развѣ Грузіи, которая выдержала бы столько всевозможныхъ бѣдствій, сколько выдержала ихъ древняя Трансоксанія, извѣстная со временъ порабощенія ея арабами подъ именемъ Мавероунъ-негра, — названія, которое въ позднѣйшіе вѣка было замѣнено названіемъ Бухары, или Бухарскаго ханства. Это послѣднее названіе страна заимствовала отъ своего столичнаго города, возникновеніе котораго слѣдуетъ отнести ко временамъ почти доисторическимъ.

Слово «бухара» есть туранское слово. На монгольскомъ языкѣ оно означаетъ «буддійскій храмъ, монастырь», что̀ какъ будто намекаетъ на возникновеніе древней столицы Трансоксаніи въ эпоху утвержденія въ странѣ ученія Будды, то-есть въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIX, стр. 118.

На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Группируя извѣстныя до сего времени историческія данныя, можно съ увѣренностью сказать, что городъ Бухара носилъ ранѣе другое названіе [1]) и возникъ въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за вулканическимъ переворотомъ, измѣнившимъ водную систему Средней Азіи, въ періодъ времени между VIII—VII столѣтіями до Р. Х. Этотъ переворотъ служитъ исходной точкой исторіи страны, ея столицы и таджикскаго народа. Мы раздѣляемъ исторію Трансоксаніи на четыре главные періода, а именно: отъ геологическаго или вулканическаго переворота до нашествія арабовъ и утвержденія ислама; отъ этого послѣдняго до появленія монголовъ и владычества Чингиса; отъ Чингиса до Тимура; отъ Тимура до современной намъ исторіи Бухары и Туркестанскаго края. Сообразно этому, прежде чѣмъ перейдти къ описанію современнаго положенія бывшей столицы Трансоксаніи мы постараемся представить читателю въ сжатомъ очеркѣ ея историческія судьбы, въ связи съ судьбами всей страны и населяющаго ее таджикскаго народа.

Первыми извѣстіями о Трансоксаніи мы обязаны пророку Іезекіилю, который, въ XXXI главѣ своей книги, свидѣтельствуетъ что страна эта, еще до покоренія ея персами, была богата и стояла на высшей точкѣ культурнаго развитія народовъ древняго міра [2]). Даже порабощеніе ея Киромъ и вулканическій переворотъ, измѣнившій водную систему Средней Азіи и бывшій, какъ можно думать, причиной неисчислимыхъ бѣдствій для ея обитателей, не въ состояніи были подорвать экономическаго превосходства Трансоксаніи надъ остальными народами, составлявшими Персидскую монархію, такъ какъ, по свидѣтельству Геродота, 14 и 16 сатрапіи, въ концѣ VI вѣка до Р. Х., платили Дарію Гистаспу ежегодно 900 талантовъ серебра, то-есть на 200 талантовъ болѣе Египта. Тому же писателю мы обязаны извѣстіемъ, что колхидяне ѣздили въ Среднюю Азію за товарами и доставляли ихъ въ Европу [3]). Во времена Дарія Гистаспа посѣтилъ Трансоксанію Пиѳагоръ. Описанная имъ земля Зарангейская есть Трансоксанія. Онъ говоритъ, что земля эта была населена арійскимъ племенемъ и имѣла главный городъ Артоксану. Племя и городъ заимствовали свое названіе и богатство отъ рѣки Арія [4]). Въ V вѣкѣ до Р. Х. народы, населявшіе

---

[1]) Вамбери предполагаетъ, что Бухара носила первоначально иранское названіе Джему-кетъ («Исторія Бохары», т. I, стр. 15).

[2]) Пророкъ Іезекіиль, послѣ разрушенія Іерусалима Навуходоносоромъ, въ 587 году до Р. Х., въ числѣ другихъ іудеевъ былъ выселенъ въ Халдею, лежавшую на востокѣ нынѣшняго Ирана, въ близкомъ сосѣдствѣ Туркестана. Книга пророка Іезекіиля заключаетъ въ себѣ обширный историческій матеріалъ, доказывающій, что онъ основательно зналъ современную ему исторію (Чайковскій, «Туркестанъ и его рѣка по Библіи и Геродоту», 1884 г., стр. 9, 10, 13—17).

[3]) «Аму и Узбой», Самара, 1879 г., стр. 1.

[4]) Чайковскій, стр. 11.

Трансоксанію и подвластные персамъ, принимали участіе въ нашествіи Ксеркса на Грецію. Народы эти были гирканяне, бактріане, хорезміяне и зарангеяне. Въ IV вѣкѣ Трансоксанія вмѣстѣ съ прочими владѣніями персидскаго царя Дарія была завоевана Александромъ Македонскимъ. Отсюда весной 327 года онъ предпринялъ походъ въ Индію [1]). Эта эпоха находитъ себѣ описателей въ лицѣ Страбона, Плинія и отчасти Плутарха. По смерти Александра Великаго на развалинахъ созданной имъ колоссальной имперіи было основано великолѣпное Греко-Бактрійское царство, просуществовавшее до 125 года, когда оно было разрушено скиѳами или саками [2]). Съ этого момента до VII вѣка по Р. Х. непроницаемый мракъ окутываетъ втеченіе почти восьми столѣтій исторію Трансоксаніи. Мы склонны думать, что въ этотъ періодъ времени Трансоксанія не имѣла ни постоянныхъ границъ, ни прочнаго государственнаго устройства и испытывала переходное состояніе, объяснимое ея географическимъ положеніемъ въ началѣ того огромнаго пути, по которому совершалось движеніе варварскихъ народовъ съ востока на западъ. Безъ сомнѣнія, первые разрушительные удары этихъ варваровъ падали на нее. Здѣсь они совершали свой первый роздыхъ и уходили, оставивъ по себѣ неизгладимый слѣдъ.

По поводу основанія теперешняго города Бухары до насъ дошли слѣдующія преданія. Мѣстность, на которой расположенъ этотъ городъ и его окрестности, представляла собой болотистое озеро, покрытое мѣстами тростникомъ и лѣсомъ. Издавна она привлекала къ себѣ охотниковъ и рыболововъ, которые основали здѣсь четыре первыя поселенія: Таркамрудъ, Берване, Асване и Нуръ [3]). Съ теченіемъ времени болота высохли, заросли, были уничтожены и на этой мѣстности возникъ значительный городъ. Царь Ефрозіабъ основалъ въ немъ укрѣпленный замокъ, построенный имъ на мѣстѣ теперешняго арка, дворца эмира. Расширяясь и обогащаясь, городъ этотъ съ теченіемъ времени пріобрѣлъ значеніе столичнаго города окружающей его страны.

Первымъ властителемъ, управлявшимъ городомъ Бухарой, считается какой-то Аберци, свергнутый съ престола сосѣднимъ турецкимъ правителемъ Ширкишверомъ, основавшимъ династію, просуществовавшую въ странѣ до конца VIII столѣтія. Послѣднимъ представителемъ этой династіи былъ ничтожный и слабый Абуль-Изгакъ, добровольно уступившій свою власть и престолъ Измаилу Самониду. Этотъ первый періодъ исторіи Трансоксаніи былъ ознаменованъ порабощеніемъ ея арабами (672—874 гг.) и принятіемъ

---

[1]) Плутархъ, «Жизнь знаменитыхъ людей древности. Александръ Великій» Москва, 1889 г., стр. 139—140.

[2]) Шлегель, «Journal Asiatique», 1828, p. 326.

[3]) Вамбери, «Исторія Бохары», т. I, стр. 1.

ислама, который съ начала VIII столѣтія твердой ногой становится въ Бухарѣ, постепенно вытѣсняя насажденную здѣсь несторіанами религію Христа[1]), ученіе Зороастра и Будды. Съ этой эпохи, или иначе съ VIII столѣтія по Р. Х., опять начинается исторія Трансоксаніи и въ частности исторія Бухары, перенося насъ изъ міра легендъ и преданій на почву несомнѣнныхъ историческихъ фактовъ. Она завѣщала намъ многочисленныя данныя, свидѣтельствующія о томъ, что нашествіе арабовъ застало Трансоксанію страной богатой, цвѣтущей и уже довольно сильной въ военно-политическомъ отношеніи.

Выше мы указали уже на то роковое вліяніе, которое географическое положеніе Трансоксаніи, по пути переселенія народовъ съ востока на западъ, имѣло на судьбы этой страны. Причиняя ей неисчислимыя бѣдствія, положеніе это являлось, однако же, и источникомъ благосостоянія страны, такъ какъ, пропустивъ сквозь себя огромныя полчища варваровъ, оставлявшихъ за собою смерть и разрушеніе, она вскорѣ опять возрождалась подъ вліяніемъ оживленныхъ торговыхъ и промышленныхъ сношеній востока съ западомъ, въ которыхъ, благодаря своему центральному положенію, играла роль неизбѣжной посредницы. Торговый путь изъ Индіи къ Балтійскому, Каспійскому и Черному морямъ пролегалъ чрезъ нее. Обогащая страну, онъ былъ въ то же время источникомъ обогащенія Великаго Новгорода, Майнца, Трузо, Висьби, Генуи, Венеціи и многихъ другихъ городовъ[2]). Это обстоятельство, въ соединеніи съ необыкновенной выносливостью таджикскаго народа, цѣлыя тысячелѣтія поддерживавшаго въ Средней Азіи, подъ ударами варваровъ, свѣтильникъ древне-иранской культуры, было главной причиной тѣхъ быстрыхъ переходовъ отъ полнаго разгрома и разоренія къ цвѣтущему экономическому состоянію, которое мы столько разъ встрѣчаемъ на страницахъ исторіи Трансоксаніи. Въ частности это относится и къ ея столицѣ. Десятки разъ разрушаемая и сжигавшаяся почти до тла, она вскорѣ опять возрождалась изъ пепла, и терпѣливый таджикъ начиналъ снова трудиться надъ созиданіемъ роднаго города.

Блестящій періодъ правленія Саманидовъ (873—1004 гг.) доводитъ Трансоксанію до высокой степени экономическаго благосостоянія. Городъ Бухара украшается и расширяется. Воздвигается

---

[1]) Несторіанское христіанство проникло въ Среднюю Азію еще до III вѣка по Р. Х. Въ началѣ IV столѣтія оно имѣло епископскія каѳедры въ Тусѣ, Мервѣ и Самаркандѣ, а въ 1420 году Мервъ дѣлается постояннымъ мѣстопребываніемъ митрополитовъ средне-азійскихъ. Появленіе арабовъ въ Трансоксаніи нанесло христіанству первый ударъ, но оно существовало въ разныхъ мѣстностяхъ страны до конца XIV столѣтія, когда окончательно прекратило свое существованіе въ Средней Азіи.

[2]) «Аму и Узбой», стр. 2—3.

множество новыхъ мечетей, школъ, читаленъ. Проводятся новые пути сообщенія, водопроводы, а древній замокъ Ефрозіаба возобновляется и превращается въ великолѣпный дворецъ. Бухара дѣлается средоточіемъ наукъ и искусствъ, мѣстопребываніемъ знаменитыхъ ученыхъ и поэтовъ того времени[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ скипетромъ Саманидовъ, она впервые пріобрѣтаетъ значеніе религіознаго центра средне-азіатскихъ мусульманъ суннитскаго толка, становясь убѣжищемъ такого рода ученыхъ и ревнителей вѣры, которые судорожно хватались за малѣйшую мелочь корана и шаріата, и тѣмъ высоко держали знамя суннитскаго ученія надъ шіитскимъ западомъ Азіи[2]).

Стотридцатилѣтнее правленіе династіи Сельджукидовъ (1004—1133), покорившихъ Трансоксанію по низверженіи послѣдняго Саманида[3]), было ознаменовано блестящими завоеваніями на востокѣ и западѣ. Будучи представителями исключительно военнаго дѣла, эмиры этой династіи выдѣлили изъ своей среды только одного государя—Меликъ-Шаха, прославившаго себя огромными услугами, оказанными имъ наукѣ, искусствомъ, поэзіи и промышленности. Укрѣпившаяся затѣмъ на престолѣ Трансоксаніи династія хорезмскихъ князей (1133 — 1220 г.) доводитъ Бухару до высшей степени культурнаго развитія и военно-политическаго могущества въ средѣ государствъ центральной Азіи. За четыреста лѣтъ, протекшія со времени водворенія въ странѣ первыхъ Саманидовъ, она дѣлаетъ поразительные успѣхи въ области земледѣлія, промышленности, торговли, наукъ и искусствъ. Между послѣдними въ особенности процвѣтаетъ исторія, архитектура и ирригаціонное искусство. Этотъ четырехсотлѣтній періодъ времени чрезвычайно богатъ историческими матеріалами. Исторія всегда была любимой наукой таджика, точно также какъ поэзіи онъ отдавалъ предпочтеніе передъ остальными отдѣлами литературы, соединяя весьма нерѣдко то и другое вмѣстѣ и облекая какой нибудь историческій моментъ въ жизни своего народа, или даже цѣлыя эпохи, въ поэтическія формы касыдовъ и газелей[4]).

---

[1]) Наршахи, авторъ знаменитой «Китабъ-и-Наршахи», написанной имъ по порученію эмира Нуха-Бинъ-Насра, въ 332—337 году гиджиры; Абуль-Газанъ-Рудеки, написавшій милліонъ триста двустишій, собранныхъ въ ста книгахъ, и другіе.

[2]) Сунниты есть послѣдователи трехъ первыхъ халифовъ-преемниковъ Магомета: Абу-Бекра, Омара и Османа, признаваемыхъ шіитами похитителями власти, которая, по ихъ понятіямъ, должна была быть вручена, по смерти Магомета, его зятю Алію, сдѣлавшемуся халифомъ лишь по смерти Османа. Отсюда разладъ и религіозная вражда между тѣми и другими (Поздѣевъ, «Дервиши въ мусульманскомъ мірѣ», Оренбургъ, 1886 года, стр. 17—36).

[3]) Абуль-Изгакъ Мунтасиръ, погибшій насильственной смертью въ 1004 г.

[4]) Касыдами называются стихотворенія въ 19—100 двустишій, родъ поэмы или оды; газелями—небольшія стихотворенія, состоящія изъ 7, 12 и не болѣе 19 двустишій; диваномъ—сборникъ всѣхъ произведеній извѣстнаго мусульманскаго поэта.

Въ такомъ цвѣтущемъ состояніи засталъ Трансоксанію и ея столицу 1220 годъ, имѣвшій для нея роковое значеніе.

Геніальный хищникъ Чингисъ-ханъ, изъ глубины своихъ необозримыхъ степей, давно уже обратилъ алчные взгляды на цвѣтущую и богатую Трансоксанію. Ея великолѣпные города и села несмѣтныя сокровища изъ серебра и золота, дорогія ткани, роскошная зелень садовъ и обиліе текущей воды, о чемъ онъ зналъ черезъ купцовъ и многочисленныхъ лазутчиковъ, не могли не возбудить чувства завистливой алчности въ этомъ варварѣ и его монголахъ, принужденныхъ довольствоваться скудной жизнью кочевниковъ въ безплодныхъ и сухихъ степяхъ сѣверо-восточной Азіи. Движимый этими чувствами и той страшной стихійной силой, которая, со временъ Алариха и Атиллы, толкала полчища варваровъ на путь великаго переселенія народовъ, Чингисъ выступаетъ въ 1218 году противъ Бухары съ арміей въ 600,000 человѣкъ и буквально обращаетъ этотъ городъ и всю страну въ груды развалинъ [1]). Войска эмира Магомета были почти поголовно истреблены, а самъ онъ, принужденный бѣжать изъ своихъ владѣній, кончаетъ жизнь въ сумасшествіи. Жители столицы и большей части бухарскихъ городовъ перебиты или обращены въ рабство. Ограбивъ страну почти дотла, монголы постарались, уходя обратно, истребить все то, что они не въ состояніи были захватить съ собой. Не довольствуясь этимъ, Чингисъ уводитъ въ Монголію всѣхъ жителей, которые представляли хотя какой нибудь интересъ въ его глазахъ. Уцѣлѣвшіе солдаты арміи Магомета должны были стать подъ его знамена. Искусные зодчіе, художники и садоводы отправлены на далекій востокъ, чтобы украсить монголо-китайскую резиденцію завоевателя; знаменитыхъ же ремесленниковъ, между которыми славились ткачи шелковыхъ и льняныхъ матерій, онъ раздарилъ своимъ женамъ и родственникамъ, какъ искусныхъ рабовъ. Только немногимъ удалось избѣжать плѣна или смерти, и когда одинъ изъ бѣглецовъ прибылъ въ Хорасанъ и былъ спрошенъ объ участи своего роднаго города, то онъ отвѣтилъ слѣдующимъ сжатымъ, впо-

---

[1]) Вотъ какъ описываетъ историкъ Ибнъ-Уль-Атгыръ достопамятный въ лѣтописяхъ таджикскаго народа день разрушенія Бухары войсками Чингиса, «Только и слышны были, что стоны и вопли мужей, женъ и дѣтей, на вѣки разлучаемыхъ. Варвары безчестили женъ и дѣвицъ предъ глазами ихъ родныхъ, которымъ въ безсиліи оставались оружіемъ однѣ слезы. Не только были разбиты всѣ дома и похищены огромныя сокровища, но ярость грабителей не щадила даже ничего не стоящихъ на видъ священныхъ предметовъ: кораны были изорваны и разбросаны подъ ноги вьючнымъ животнымъ, вмѣсто соломы, а изъ ларей, гдѣ сохранялись священныя книги, сдѣланы корыта для корма лошадей. Почтенные шейхи и муллы, бывшіе звѣздами учености, должны были прислуживать пирующимъ солдатамъ, или служить потѣхой для монгольскихъ мудрецовъ, а высокочтимые священники смотрѣть за мулами, какъ конюхи» (Вамбери, «Исторія Бохары», т. I, стр. 142—154).

слѣдствіи прославившимся, персидскимъ стихомъ: «они пришли, разрушили, сожгли, умертвили, ограбили и ушли» [1]).

Результаты монгольскаго погрома были, въ полномъ смыслѣ слова, гибельны для Трансоксаніи и ея столицы. Страна обезлюдѣла, и многіе ея цвѣтущіе оазисы обратились въ пустыни. Навсегда исчезло съ этого времени въ Бухарѣ производство высокоцѣнимаго оружія и нарядовъ, толстыхъ шелковыхъ тканей и драгоцѣнныхъ эмалированныхъ издѣлій изъ серебра и золота. Не менѣе чувствительный ударъ былъ нанесенъ монгольскимъ погромомъ наукѣ, искусствамъ и образованности, свившимъ, какъ казалось, прочный пріютъ въ древней столицѣ Трансоксаніи. Духовная жизнь таджикскаго народа съ этого роковаго для него момента если не окончательно погасла, то уже никогда не могла возродиться въ той мѣрѣ, въ какой она процвѣтала до нашествія Чингиса. Однимъ изъ наиболѣе существенныхъ золъ этой эпохи, навсегда оставившимъ слѣдъ въ характерѣ таджикскаго народа, была крайняя грубость и жестокость нравовъ, привитыхъ ему монголами-завоевателями. Одновременно съ этимъ усилился фанатизмъ, такъ какъ съ упадкомъ наукъ и просвѣщенія религія сдѣлалась единственной духовной пищей народа. Впослѣдствіи, съ принятіемъ магометанства правителями, она нашла себѣ еще болѣе прочную точку опоры въ лицѣ новообращенныхъ князей, сдѣлавшихся усердными ревнителями ислама.

Тщетны были дальнѣйшія усилія Тимура и его талантливыхъ преемниковъ поднять экономическій и умственный уровень народныхъ массъ. Ограбивъ чуть не половину земнаго шара для своей родной Трансоксаніи, употребляя всѣ усилія, чтобы путемъ переселенія изъ завоеванныхъ странъ знаменитыхъ ученыхъ, лучшихъ мастеровъ, зодчихъ и ремесленниковъ пересадить въ страну заглохшія сѣмена индо-иранской и отчасти европейской культуры, Тамерланъ уже не могъ вполнѣ достигнуть этого, и медленный процессъ духовнаго и экономическаго разложенія таджикской народности, тотчасъ послѣ его смерти, не замедлилъ вновь обнаружиться.

Умирая, Чингисъ, какъ извѣстно, раздѣлилъ основанную имъ колоссальную монархію между четырьми своими сыновьями. Изъ нихъ второй, Чагатай, получилъ во владѣніе весь теперешній русскій и азіатскій Туркестанъ, со включеніемъ въ него бухарскихъ владѣній, подъ протекторатомъ Монгольской имперіи [2]).

Такимъ образомъ, втеченіе стосороколѣтняго правленія Чингисидовъ (1226—1363 г.) нѣкогда могущественная Трансоксанія была низведена на степень второстепенной провинціи. Ея судьба,

---

[1]) Гаммеръ Пургсталь, «Исторія Золотой Орды», стр. 80.

[2]) Старшій сынъ Чингиса, Октай, получилъ Китай и Монголію, вмѣстѣ съ главенствомъ надъ удѣлами братьевъ: Бату-Хорезмъ и Дештъ-и-Кипчакъ, Тули-Хорасанъ, Персію и Индію.

кромѣ того, становится въ зависимость отъ переворотовъ престолонаслѣдія въ Монгольской имперіи..

По смерти Чагатая Трансоксанія дѣлается театромъ почти безпрерывныхъ междоусобныхъ, династическихъ и движимыхъ честолюбіемъ войнъ, представляя собой ужасную картину жертвы, истекающей кровью. Дикое безначаліе, разнузданное своеволіе грубыхъ тирановъ, убійства и опустошенія, смѣняютъ другъ друга. Ея когда-то многолюдныя провинціи обливаются кровью. Остатки городовъ и деревень пылаютъ въ пламени, а жители лишаются своего послѣдняго имущества, или тысячами уводятся въ рабство.

Однако же, многострадальный народъ находитъ въ себѣ еще достаточно силъ, чтобы пережить эти тяжкіе удары и заставить варваровъ принять отъ него исламъ, вмѣстѣ съ остатками древне-иранской культуры. Уже вскорѣ послѣ удаленія Чингиса изъ Трансоксаніи Бухара начала замѣтно возрождаться. Разбѣжавшіеся земледѣльцы и ремесленники возвращались на свои мѣста. Мало-помалу возобновлялись мечети и школы, и въ 1234 году столица Трансоксаніи насчитывала въ своихъ стѣнахъ уже до тысячи человѣкъ учащихся [1]).

Появленіе не всемірной сценѣ колоссальной личности Тимура [2]) и его династіи останавливаетъ на время ходъ міроваго колеса, и звѣзда таджикскаго народа загорается опять въ полномъ блескѣ. Но этотъ блескъ является уже не тѣмъ естественнымъ продуктомъ внутренней силы, экономическаго благосостоянія и образованности, какъ это было въ эпоху, предшествовавшую нашествію Чингиса, а лишь результатомъ случайнаго сочетанія геніальныхъ свойствъ великаго полководца, искусства, съ которымъ онъ успѣлъ сгруппировать и направить подъ своими знаменами не успѣвшую еще разложиться монгольскую силу, и относительной слабостью покоренныхъ имъ народовъ востока, объясняемой недавно пережитыми бѣдствіями монгольскаго владычества. Награбленныя имъ несмѣтныя богатства лишь временно обогатили Трансоксанію, а искусственно насаждаемая руками иноземцевъ культура и образованность не могли пустить глубокихъ корней въ истощенной

---

[1]) Вамбери, «Исторія Бохары», т. I, стр. 159.

[2]) Тимуръ, Тамерланъ, или Тимуръ-ленгъ (хромой), родился въ Шахризябзѣ 7 мая 1336 г. По матери онъ происходитъ отъ Чингисъ-хана, а общимъ предкомъ этихъ знаменитыхъ завоевателей былъ сынъ монгольскаго хана Тумине (Л. Лангле, «Жизнь Тимура», пер. съ франц. Суворова, Ташкентъ, 1890 г., стр. 1).

Вамбери на стр. 181—183 «Исторіи Бохары» говоритъ, что отецъ Тимура Тургай, происходилъ изъ узбекской фамиліи Керкенъ и былъ главой узбекскаго рода Берласъ. Въ спискѣ узбекскихъ родовъ Ханыкова, приведенномъ на стр. 58—63 его книги «Описаніе Бухарскаго ханства», заимствованномъ изъ сочиненія «Нассадъ-Намяти-Узбекіа», мы не находимъ, однако же, рода Берласъ. Что же касается фамиліи Керкенъ, или Киркынъ, то у Ханыкова она означена самостоятельнымъ родомъ, 76-мъ изъ 97-ми, перечисленныхъ въ спискѣ.

почвѣ страны и вскорѣ опять заглохли, не будучи питаемы здоровыми жизненными соками. Кромѣ того, 35-ти-лѣтніе походы Тимура пагубно отразились на народонаселеніи, лишивъ его лучшихъ, наиболѣе производительныхъ силъ [1]). Относительно главнаго своего стремленія, перенесенія политическаго центра тяжести западнаго ислама въ свои владѣнія, Тамерланъ, еще при жизни, долженъ былъ испытать рядъ разочарованій. Порабощенные имъ народы западной Азіи съ отвращеніемъ отвергали эту идею; покоряясь силѣ оружія, они тотчасъ же возставали противъ нея, какъ только войска желѣзнаго завоевателя оставляли ихъ территоріи. При всемъ томъ, тридцатитрехлѣтній періодъ владычества Тимура (1369—1405 г.) представляетъ собою блестящую страницу исторіи Трансоксаніи. Страна искусственно оживилась и разцвѣла подъ вліяніемъ огромнаго наплыва золота, свезеннаго сюда завоевателемъ и его войсками со всѣхъ концовъ Малой и Средней Азіи [2]). Руками плѣнныхъ художниковъ, ремесленниковъ и мастеровъ были пущены въ ходъ всевозможныя искусства и промыслы. Наука и литература, усердно поощряемыя Тимуромъ, возродились и произвели на свѣтъ массу ученыхъ, поэтовъ и богослововъ [3]). Самъ Тимуръ подавалъ собой примѣръ литературнымъ занятіямъ, находя время, не смотря на безпрерывныя войны, создать свой огромный кодексъ—записки [4]). Но то, что составило несомнѣнную, далеко пережившую его славу,—это грандіозные архитектурные памятники, которые онъ сотнями воздвигалъ въ разныхъ пунктахъ своего отечества. Эти драгоцѣнные остатки средне-вѣковаго мусульманскаго зодчества до сей поры поражаютъ взглядъ, умъ и чувства своимъ величіемъ, изяществомъ красокъ, смѣлостью и легкостью своихъ архитектурныхъ очертаній [5]).

---

[1]) Въ періодъ времени съ 1369—1402 г. Тимуръ объединилъ подъ своей властью всю Трансоксанію, покорилъ Туркменію, Хиву, Хоросанъ, Авганистанъ, Систанъ, Белуджистанъ, Аравію, Сирію, Адзербійджанъ, Грузію, Арменію, Индію, царство Золотой Орды, по пути въ которое прошелъ южную и среднюю Россію. Въ 1405 году онъ умеръ на пути въ Китай, въ городѣ Отрарѣ, 72 лѣтъ отъ роду, уже почти слѣпой.

[2]) Испанскій посолъ при дворѣ Тимура Рюи-Гонзалесъ-де-Клавихо оставилъ въ своихъ интересныхъ запискахъ многочисленныя свидѣтельства о колоссальныхъ богатствахъ, собранныхъ Тимуромъ въ его столицѣ Самаркандѣ (Клавихо, «Дневникъ путешествія ко двору Тимура», переводъ съ испанскаго, подъ редакціей Срезневскаго, стр. 186—189, 327—328 и др.).

[3]) Поэтъ Кермани, написавшій исторію Тимура въ стихахъ; составитель арабскаго словаря Джезери, мистикъ, Ходжа-Богаеддинъ и др. (Вамбери, «Исторія Бохары», т. I, стр. 235—237).

[4]) Кодексъ этотъ носитъ названіе Тюцюкатъ-и-Тимуръ, то-есть повелѣніе Тимура; состоитъ изъ 457 страницъ (тамъ же, прим. 3, стр. 183).

[5]) Изъ сохранившихся, хотя отчасти, до нашихъ дней величайшихъ памятниковъ эпохи Тимура являются: мечеть и усыпальница Хазретъ-Есеви въ Туркестанѣ, мечети Шейхъ-Зинде и Биби-Ханымъ въ Самаркандѣ, усыпальница Тимура въ томъ же городѣ и остатки его дворца въ Шахризябзѣ.

Реакція искусственно созданнаго Тимуромъ порядка вещей не замедлила проявиться почти тотчасъ послѣ его смерти. Политическое значеніе Трансоксаніи падало съ каждымъ днемъ, и отдѣльныя талантливыя личности на ея простолѣ, подобныя Улугъбегу, Миръ-Али-Ширу, Шейбани, Абдуллахъ-хану и Абдулъ-Азису, уже не могли остановить общій процессъ разрушенія, который красной нитью проходитъ сквозь всю послѣдующую исторію таджикскаго народа. Открытіе морскаго пути изъ Европы въ Китай и Индію, появленіе узбековъ и частыя перемѣны династій не мало способствовали процессу окончательнаго ослабленія ея политическаго и культурнаго организма. Отброшенные на время побѣдами Тимура, узбеки тотчасъ послѣ его смерти и распаденія Золотой Орды снова появляются у воротъ Трансоксаніи. Талантливые, но изнѣженные Тимуриды (1405—1500), витавшіе попреимуществу въ сферахъ научныхъ идей, поэзіи и искусствъ, процвѣтавшихъ въ Трансоксаніи подъ ихъ скипетромъ, какъ никогда ранѣе, оказались безсильными противостоять той грубой, стихійной силѣ, которую олицетворяли собой многочисленныя полчища узбекскихъ варваровъ. Въ то время, какъ среди всеобщаго распаденія монархіи Тимура Улугъ-Бекъ трудился надъ составленіемъ своихъ знаменитыхъ астрономическихъ таблицъ [1]), Шахрухъ-Мирза изощрялся въ поэзіи, а Абулъ-Саидъ и Миръ-Али-Ширъ, поощряя живопись и зодчество, созидали великолѣпные архитектурные памятники, узбеки желѣзнымъ кольцомъ охватывали Трансоксанію и послѣ упорной войны и политическихъ интригъ овладѣли ея престоломъ, заставивъ талантливаго Баберъ-Мирзу покинуть тронъ предковъ и искать убѣжища въ Индіи, гдѣ онъ основалъ впослѣдствіи имперію великаго Могола [2]).

Этотъ періодъ медленнаго распаденія монархіи Тимура былъ ознаменованъ въ частности для города Бухары эпохой обновленія и возрожденія.

Еще первые Чингисиды, имѣвшіе привычку кочевниковъ переѣзжать изъ города въ городъ въ раіонѣ своихъ владѣній, ли-

---

[1]) Первое извѣстіе объ этихъ таблицахъ, по словамъ Вамбери, западъ получилъ отъ профессора Оксфордскаго университета Джона Гривзи, въ 1642—1648 г. Докторъ Фома Гайдъ перевелъ и обнародовалъ ихъ въ 1665 г. Его книга, съ исправленіями Шарпа, была напечатана въ 1767 г., а позже Седилло перевелъ ее на французскій языкъ. Улугъ-Бекъ, кромѣ астрономіи и математики, занимался изящной литературой, живописью и музыкой. Онъ владѣлъ замѣчательной памятью, дававшей ему возможность знать наизусть весь коранъ въ семи различныхъ писаніяхъ (Вамбери, «Ист. Бох.», т. I, стр. 249 и 267).

[2]) Баберъ-Мирза, основатель Могульской имперіи и авторъ знаменитаго Баберъ-Наме, былъ первымъ государемъ Индіи, завязавшимъ съ Россіей дипломатическія сношенія. Въ 1534 г. его посольство, съ предложеніемъ дружбы и любви, было въ Россіи у великаго князя Василія Іоанновича, въ лицѣ Ходжи-Хуссейна («Русская лѣтопись по Никоновскому списку», изд. имп. акад. наукъ, Спб., 1790 г., ч. 6, стр. 250).

шили ее тѣснаго значенія главной столицы ханства. Тимуръ же и его потомки оффиціально перенесли столицу въ Самаркандъ, который дѣлается ихъ резиденціей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ареной всевозможныхъ интригъ, междоусобій и кровопролитій. Какъ бы забытая на время Бухара пользуется этимъ, чтобы отдохнуть и оправиться. Ея торговля, благодаря центральному положенію города въ странѣ, быстро развивается. Объ руку съ ней дѣлаютъ большой успѣхъ промышленность, ремесла и даже искусство, такъ какъ въ періодъ царствованія Тимуридовъ она пользуется извѣстностью знаменитой на востокѣ школы живописи. Благочестіе мусульманъ украшаетъ ее множествомъ прекрасныхъ архитектурныхъ памятниковъ, и къ концу XVI столѣтія она начинаетъ опять соперничать съ Самаркандомъ. Въ то же время Шейбаниды, стремившіеся къ уничтоженію въ народной памяти преданій о Тимурѣ и его потомствѣ, переносятъ свою резиденцію и столицу ханства въ Бухару.

Узбекская династія Шейбанидовъ (1500—1597 г.), кромѣ самаго ея мужественнаго и талантливаго основателя Шейбани-Магометъ-хана, подарила Трансоксанію высоко-даровитымъ государемъ Абдуллахъ-ханомъ [1]). Подъ властью этихъ двухъ эмировъ страна опять нѣсколько окрѣпла, но наступившія послѣ смерти послѣдняго изъ нихъ смуты и междоусобія уничтожаютъ всѣ ихъ благія начинанія.

Одновременно съ этимъ духъ ханжества, обрядности и суевѣрія, начинаетъ все болѣе и болѣе завладѣвать народными массами, окончательно вытѣсняя культурныя стремленія, науку и искусства. Наряду съ этимъ Трансоксанія лишается значенія главнаго торговаго рынка въ Средней Азіи и единственной посредницы въ торговыхъ сношеніяхъ Европы съ Китаемъ и Индіей. Еще разореніе Тамерланомъ Астрахани и Азова (1395—1397 г.) нанесло чувствительный ударъ международной торговлѣ черезъ Среднюю Азію. Завоеваніе Константинополя и Кафы (Ѳеодосіи) Магометомъ Великимъ причинило ей еще болѣе чувствительный ударъ, а съ открытіемъ Васко-де-Гама (1498 г.) новаго морскаго пути изъ Европы въ Индію, вокругъ Африки, средне-азіатскій сухопутный торговый путь до послѣдняго времени былъ почти совершенно оставленъ [2]). Подъ вліяніемъ этихъ причинъ общій упадокъ внутренняго и внѣшняго значенія страны продолжаетъ прогрессировать втеченіе всего почти двухсотлѣтняго правленія Аштарханидовъ (1597—1784 г.), которыхъ судьба дѣлаетъ свидѣтелями уси-

[1]) Абдуллахъ-хану принадлежатъ всѣ остатки великаго зодчества въ Бухарскомъ ханствѣ. Науки, земледѣліе, торговля находятъ въ немъ усерднаго покровителя. Турція, Крымъ, Китай искали союза съ нимъ (Вамбери, «Ист. Бох.», т. 2, стр. 56—61).

[2]) «Аму и Узбой», стр. 4.

ливающагося процесса разложенія Трансоксаніи. Слабые и ничтожные государи этой династіи лишь фиктивнымъ образомъ управляли страной, занимаясь на самомъ дѣлѣ богословскими преніями и религіозной казуистикой, замѣнившей собой живую науку.

Въ 1740 году Бухара переживаетъ нашествіе послѣдняго колоссальнаго варвара, въ лицѣ Надиръ-Шаха, которое застаетъ ее почти совершенно безпомощной. Ограбивъ окрестности столицы, Надиръ-Шахъ уже окружаетъ ее своими полчищами, но эмиръ Абулъ-Фаизъ [1]) успѣваетъ умилостивить его принятіемъ присяги и изъявленіемъ безусловной покорности, послѣ чего шахъ оставляетъ Трансоксанію, захвативъ съ собою огромную контрибуцію и массы сокровищъ.

Слабое правленіе Аштарханидовъ имѣло, между прочимъ, слѣдствіемъ чрезвычайное усиленіе въ Бухарѣ узбекской партіи. Призванные въ страну еще во времена Шейбани, узбеки получили сначала исключительное значеніе военнаго сословія. Съ теченіемъ времени они успѣли захватить въ свои руки всѣ высшія должности въ государствѣ и образовали могущественную партію, которая фактически управляла страной, возводя на тронъ и низвергая съ него эмировъ по своему усмотрѣнію. Въ 1784 году сынъ бухарскаго аталыка Даніалъ-бека, Шахъ-Мурадъ, устраняетъ отъ власти послѣдняго Аштарханида, Абулъ-Гази, и овладѣваетъ престоломъ Трансоксаніи, подъ именемъ эмира Маассума. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ становится основателемъ царствующей по сіе время въ Бухарѣ династіи Мангытъ. Шесть эмировъ этой династіи, до Мозафаръ-Эддина включительно, представляютъ собой вѣрнѣйшихъ выразителей своего суфически ложно-набожнаго вѣка. При нихъ погасъ послѣдній лучъ того блеска, экономическаго благосостоянія и политическаго величія, въ какомъ неоднократно являлась Трансоксанія въ счастливыя эпохи своей исторической жизни. Въ то время, какъ повсюду человѣчество дѣлаетъ гигантскіе шаги на почвѣ прогресса и цивилизаціи, правители Бухары употребляютъ всѣ усилія, чтобы искоренить въ странѣ послѣдніе остатки культурной эпохи и вдвинуть народную жизнь въ тѣсныя рамки отжившихъ свой вѣкъ бытовыхъ, общественныхъ и религіозно-іерархическихъ идей мусульманскаго законодательства. Въ ихъ эпоху прерываются

---

[1]) Абулъ-Фаизъ-ханъ былъ умерщвленъ своимъ мятежнымъ министромъ Рахимомъ-Би въ 1747 г. Той же участи подверглись наслѣдники Абулъ-Фаиза— Абулъ-Муминъ и Обейдулахъ. Принявъ затѣмъ титулъ хана, Рахимъ оставляетъ послѣ себя власть, съ званіемъ аталыка, своему племяннику Даніалъ-беку, отъ котораго она переходитъ сначала къ Девлетъ-кушъ-беги, а затѣмъ къ Шахъ-Мураду, основателю династіи Мангытъ. Втеченіе всего этого періода времени Аштарханиды были лишь фиктивными правителями Бухары, такъ какъ вся власть сосредоточивалась въ рукахъ министровъ (Мурза-Шемси-Бухари, «Записки», Казань, 1861 г., пр. I на стр. 41—42 и 8 на стр. 55—58).

почти окончательно всѣ прямыя сношенія ханства не только съ Европой, но и съ сосѣдними государствами, вслѣдствіе чего Бухара становится недоступной не только для путешественниковъ, но и для оффиціальныхъ пословъ, изъ которыхъ многіе расплачиваются жизнью за попытки ихъ государей завязать съ правителями ханства международныя сношенія [1]). Торговые обороты страны мало-по-малу сводятся исключительно къ вывозу изъ ханства сырыхъ произведеній, и лишь немногіе смѣльчаки изъ русскихъ купцовъ рѣшаются проникнуть съ своими товарами въ эту дикую, преданную фанатизму и произволу страну. Торговля невольниками усиливается и достигаетъ огромныхъ размѣровъ. Въ то же время, на ряду съ Хивой и Туркменіей, ханство дѣлается гнѣздомъ вооруженныхъ шаекъ всякаго сброда, безпрепятственно грабившихъ предѣлы сосѣднихъ странъ. Внутренній строй ханства становится въ эту эпоху на почву исключительно исламо-іерархическаго режима. Духовенство окончательно выходитъ изъ сферы посредственнаго воздѣйствія и становится активнымъ распорядителемъ народной жизни, захвативъ въ свои руки судопроизводство, народное образованіе и значительную часть административной власти. Сами эмиры, оставляя въ сторонѣ истинные интересы и нужды народа, трудятся надъ составленіемъ законовъ, воспрещающихъ, подъ страхомъ смертной казни, употребленіе табаку и вина [2]), издаютъ драконовскія постановленія объ отдѣленіи обоихъ половъ,

---

[1]) Въ 1842 г. въ Бухарѣ были публично казнены оффиціальный посолъ британскаго правительства полковникъ Стоддартъ и посолъ въ Коканѣ капитанъ Конноли. Около этого же времени тамъ нашли себѣ смерть италіанцы Орландо и Назелли, имѣвшіе, какъ можно думать, тайныя порученія отъ своего правительства къ эмиру Насръ-Уллаху. Въ 1846 г. поручикъ Вибуртъ былъ схваченъ туркменами на пути въ Хиву и послѣ продолжительнаго заключенія казненъ въ Бухарѣ. Нѣсколько ранѣе въ предѣлахъ Бухарскаго ханства было истреблено цѣлое персидское посольство. Мы указали лишь на наиболѣе выдающіяся жертвы бухарской подозрительности и неуваженія международныхъ правъ; второстепенныхъ было множество.

[2]) Очень многіе, и въ томъ числѣ сами среднеазіатцы, склонны приписывать появленіе пьянства въ Туркестанѣ русскому вліянію. Какъ видимъ, это далеко не такъ, ибо еще въ XVIII в. правительство принуждено было вступить въ борьбу съ этимъ общественнымъ порокомъ и издавать противъ него карательные законы. Кромѣ того, намъ извѣстно, что и великіе Саманиды не были чужды этому пристрастію, такъ какъ, по свидѣтельству Мирхонда, Абулъ-Али «разбилъ о стекло виннаго стакана зданіе воздержанія». Грозный Чагатай, старшій представитель Чингисидовъ, былъ формальный пьяница, а геніальный Тимуръ, какъ свидѣтельствуетъ Клавихо, любилъ и поощрялъ попойки. Delirium tremens была самой обыкновенной болѣзнью въ Средней Азіи въ XIII—XVIII столѣтіяхъ; исторической жертвой ея сдѣлался, между прочимъ, симпатичный и талантливый Баберъ-Мирза. Шейбанидъ-Бурханъ-ханъ и Аштарханидъ Вели-Мегмедъ вписали свои имена въ исторію, какъ величайшіе поклонники Бахуса. Такихъ примѣровъ можно бы насчитать сотни, но довольно и этихъ...

возстановляютъ разнаго рода уже давно забытыя въ другихъ мусульманскихъ странахъ религіозныя должности, въ родѣ «раисовъ», и т. д. Своей личной жизнью они подаютъ примѣръ фанатизма, лицемѣрія и ханжества, которое доходитъ до того, что во времена Шахъ-Мурада въ одной Бухарѣ, изъ общей 80-тысячной массы жителей, было до 30.000 учащихся въ медрессе семинаристовъ. Кромѣ того, каждый изъ нихъ стремится къ пріобрѣтенію славы завоевателя, и ихъ правленіе ознаменовано многочисленными, хотя и мелкими, войнами съ сосѣдями. Легко понять печальный результатъ всего этого. Такъ, напримѣръ, запрещеніе табаку и вина привело къ употребленію гораздо болѣе вреднаго опіума, наши и кукнара; затворничество женщины усилило проявленіе гнуснаго порока, въ особенности присущаго таджикской націи, а поощреніе ханжества до крайности размножило и усилило въ странѣ непроизводительный и безпокойный классъ мусульманскаго духовенства и дервишества. Наука и литература окончательно были подавлены въ Бухарѣ въ эту темную эпоху, точно также, какъ искусства и промышленность. Даже знаменитое когда-то въ странѣ шелководство къ концу XVIII вѣка почти совершенно уничтожается, и эмиръ Шахъ-Мурадъ принужденъ принимать искусственныя мѣры къ поддержанію этой важной отрасли промышленности [1]). Въ то же время лучшія провинціи ханства одна за другой отпадаютъ отъ него, и въ 1826 году эмиръ Насръ-Уллахъ можетъ считать себя активнымъ повелителемъ только на пространствѣ 5.600 кв. геогр. миль, изъ которыхъ лишь 500—600 обработаны и заселены осѣдлыми жителями [2]). Въ такомъ положеніи находился этотъ жалкій обломокъ монархіи Тимура, когда, по выраженію Вамбери, до воротъ Бухарскаго ханства достигли первые предвѣстники европейскаго духа и могущества, въ лицѣ Россіи и Англіи, и стали стучаться въ нихъ [3]).

Изъ всѣхъ странъ Европы Россія съ самыхъ отдаленныхъ временъ болѣе другихъ соприкасалась съ Средней Азіей и прилегающими къ ней государствами, находясь на пути прямаго сообщенія ея съ западомъ. Владычество монголовъ еще болѣе сблизило насъ, въ международномъ и торговомъ отношеніи, съ нашими ближайшими сосѣдями. Завоеванія Тамерлана, султана Магомета, открытіе новаго морскаго пути вокругъ Африки и наступившій вслѣдъ затѣмъ періодъ внутреннихъ безпорядковъ въ Трансоксаніи и прилегающихъ къ ней странахъ были причиной насильственнаго перерыва въ ходѣ этого сближенія и временнаго оставленія

---

[1]) Гребенкинъ, «Родословная династіи Мангытъ», см. Ежегодникъ Туркестанскаго края, вып. 3, стр. 338—339.

[2]) Ханыковъ, «Описаніе Бухарскаго ханства», стр. 5.

[3]) Вамбери, «Исторія Бохары», т. II, стр. 140.

созданнаго тысячелѣтіями торговаго пути изъ Западной Европы въ Китай и Индію, чрезъ Россію и Трансоксанію. Въ періодъ времени, съ конца XV столѣтія вплоть до нашихъ дней, путь этотъ, а вмѣстѣ съ нимъ и торговыя сношенія Россіи съ Средней Азіей, были почти совершенно оставлены. При всемъ томъ, русскіе государи, еще начиная съ Іоанна III, дѣлаютъ рядъ попытокъ къ возстановленію прерваннаго международнаго сообщенія. Царствованіе Грознаго и Годунова, усиленно интересовавшихся сближеніемъ русскихъ торговыхъ интересовъ съ отдаленнымъ востокомъ, было ознаменовано первой попыткой англичанъ втереться въ это зарождающееся сближеніе посредствомъ основанія торговаго товарищества Дженкинсона (1558 г.). Разныя затрудненія и наступившее въ Россіи смутное время остановили развитіе этой вредной для насъ торговли. Царь Алексѣй Михайловичъ вновь выдвигаетъ забытый на время среднеазіатскій вопросъ на почву практическаго осуществленія, а императоръ Петръ Великій ставитъ одной изъ главныхъ задачъ своего царствованія овладѣніе всѣми торговыми путями между Каспійскимъ, Чернымъ, Бѣлымъ и Балтійскимъ морями, съ цѣлью доставить русскому народу возможность сдѣлаться главнымъ посредникомъ въ обмѣнѣ произведеній востока и запада [1]). Разорительныя войны съ Турціей и Швеціей, неудачный походъ въ Хиву кн. Бековича-Черкасскаго и преждевременная смерть Петра помѣшали ему довести до конца этотъ грандіозный замыселъ, послѣдствія котораго для Россіи были бы въ полномъ смыслѣ слова необъятны. Въ то же время дѣятельное стремленіе Россіи на востокъ возбудило въ англичанахъ, уже тогда мечтавшихъ о всемірномъ торговомъ преобладаніи, сильныя опасенія. Съ той поры Англія, настойчиво и не стѣсняясь въ выборѣ средствъ, ставитъ преграды всякому предпріятію Россіи на востокѣ, въ которомъ хотя сколько нибудь проглядываетъ осуществленіе великихъ намѣреній царя-преобразователя. Весь интересъ и вниманіе ближайшихъ преемниковъ Петра I сосредоточиваются на дѣлахъ европейской политики, и созданная имъ идея находитъ себѣ ближайшую сторонницу лишь въ лицѣ Екатерины Великой, которая, равно какъ и императоръ Николай, стремится къ осуществленію ея путемъ мирныхъ переговоровъ и дружественнаго воздѣйствія на среднеазіатскихъ владѣтелей. Безъ сомнѣнія, эта медленная, но за то вѣрная система принесла бы съ теченіемъ времени свои плоды, но быстрое развитіе нашей торговли въ первой половинѣ текущаго столѣтія, необходимость сбыта товаровъ на азіатскихъ рынкахъ и негодованіе правительства и народа, вызванное постоянными набѣгами на наши восточныя границы хищныхъ ко-

---

[1]) Идаровъ, «Значеніе Индіи въ политикѣ Россіи съ Турціей и Англіей» («Русскій Вѣстникъ», 1883 г., № 171, стр. 491—499).—«Аму и Узбой», стр. 7.

кандскихъ, хивинскихъ, бухарскихъ и туркменскихъ шаекъ, вызвали рѣшительныя дѣйствія, окончившіяся присоединеніемъ къ нашимъ владѣніямъ Кокандскаго ханства, Самаркандской области, части Хивы и туркменскихъ кочевій.

Мы не будемъ утомлять читателей подробнымъ изложеніемъ военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи, отсылая спеціально интересующихся этимъ вопросомъ къ прекраснымъ трудамъ Н. И. Гродекова, Д. Н. Куропаткина, г. Макшеева-Машонова и другихъ нашихъ лучшихъ военныхъ писателей, и упомянемъ лишь въ краткихъ чертахъ о ходѣ нашего поступательнаго движенія въ Средней Азіи.

Въ періодъ времени съ 1845—1864 г. Россія, воюя съ Кокаыомъ, заняла Акъ-Мечеть, Яны-Курганъ, Токмакъ, Пишпекъ и Мерке. Вслѣдъ затѣмъ представилась необходимость сомкнуть передовые посты Оренбургской и Сибирской линій, разобщенные пространствомъ въ 700 верстъ, въ которое безпрепятственно проникали шайки всякаго сброда. Съ этою цѣлью въ 1864 году были заняты Ауліе-Ата, Туркестанъ и Чимкентъ. 15-го іюня 1865 года отрядъ М. Г. Черняева занимаетъ Ташкентъ [1]). Одновременно съ этимъ бухарскій эмиръ Мозафаръ-Эддинъ открыто принимаетъ на себя неблагодарную роль защитника кокандскаго хана, стоившую ему впослѣдствіи половины владѣній, и силой задерживаетъ въ Бухарѣ наше посольство съ г. Струве во главѣ [2]). Это вынуждаетъ М. Г. Черняева предпринять въ 1866 г. рекогносцировку въ окрестности Джизака, послѣ которой онъ возвращается въ Ташкентъ. Отозванный въ томъ же году изъ Туркестанскаго края, онъ передаетъ начальствованіе надъ войсками генералу Романовскому, который, разбивъ 20-го мая 1866 г. при Ирджарѣ перешедшаго въ наступленіе эмира, овладѣваетъ Ходжентомъ, Нау, Ура-Тюбе и Джизакомъ.

15-го іюня 1867 г. было образовано Туркестанское генералъ-губернаторство, подъ управленіемъ К. П. фонъ-Кауфмана.

Первый неудачный періодъ кампаніи уже нѣсколько поколебалъ ту самоувѣренность, съ которой Мозафаръ-Эддинъ началъ непосильную для него борьбу, но, подъ вліяніемъ слѣпаго въ своемъ фанатизмѣ духовенства и населенія Бухары, онъ рѣшается продолжать войну. Весь 1867 г. эмиръ проводитъ въ сосредоточеніи

---

[1]) Занятіе укрѣпленнаго Ташкента отрядомъ М. Г. Черняева, состоявшимъ лишь изъ 1951 человѣка, при 12 орудіяхъ, имѣвшихъ противъ себя огромный городъ, защищаемый 30.000 войска, при 50 орудіяхъ и 100.000 жителей, составляетъ, безспорно, одну изъ блестящихъ страницъ нашей военной исторіи. Подробности этого дѣла изложены въ реляціи генерала Черняева отъ 7-го іюня 1865 года. См. «Русскій Туркестанъ», вып. 3, стр. 91—98.

[2]) Татариновъ, «Семимѣсячный плѣнъ въ Бухарѣ», Москва, 1867 г.; Глуховской, «Плѣнъ въ Бухарѣ», «Русскій Инвалидъ», 1868 г., №№ 97—100.

значительной арміи въ окрестностяхъ Самарканда и обдумываетъ планъ для наступленія, но генералъ Кауфманъ предупреждаетъ его въ этомъ и 8-го мая 1868 г. самъ открываетъ наступательныя дѣйствія, которыя влекутъ за собой полнѣйшее пораженіе бухарской арміи подъ стѣнами Самарканда и Зерабулака.

Ближайшимъ результатомъ этихъ событій является окончательное паденіе военно-политическаго значенія Бухарскаго ханства въ средѣ государствъ Средней Азіи. Хотя великодушный побѣдитель и оставилъ Мозафаръ-Эддину лучшую часть его владѣній, удержавъ за собою лишь Самаркандскую область, но уже самое водвореніе русской власти въ непосредственной близости владѣній эмира должно было низвести эти послѣднія на степень небольшаго, зависимаго государства, какимъ оно и является по отношенію къ Россіи въ данную минуту. Послѣдующія событія: походъ въ Хиву, присоединеніе къ нашей территоріи остальной части кокандскихъ владѣній, Ахалъ-Текинскаго и Мервскаго оазисовъ, упрочиваютъ могущество и обаяніе Россіи въ Средней Азіи, окончательно лишая призрачную идею главенства Бухары надъ народами Средней Азіи всякаго практическаго смысла и значенія.

Всѣ эти событія являются заключительнымъ актомъ и, такъ сказать, естественнымъ продуктомъ приведеннаго нами выше историческаго хода вещей.

Шести-вѣковое зданіе фанатизма, доведеннаго до изувѣрства, грубаго невѣжества, безсовѣстной тираніи, какою являлась, по отношенію къ современному европейскому порядку вещей, тогдашняя Бухара, не могло выдержать, конечно, даже и перваго натиска великой культурной сѣверной державы, рѣшившейся силой оружія проложить заграждаемый ей историческій путь къ истокамъ Окса и Яксарта. Довольно было горсти солдатъ и нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, чтобы это одряхлѣвшее зданіе, начало разложенія котораго было положено руками Чингисидовъ и доведено до послѣдней степени нелѣпой политикой послѣдующихъ династій, рухнуло и обратилось въ прахъ, на вѣки похоронивъ подъ своими обломками эпоху среднеазіатскаго варварства и деспотизма.

Пережитая недавно и переживаемая нами до сихъ поръ эпоха есть эпоха великаго перелома въ историческихъ судьбахъ среднеазіатскихъ народовъ, вступившихъ отнынѣ подъ покровительство могучей Россіи на путь духовнаго и культурнаго возрожденія. Въ частности для самой Россіи она ознаменована возобновленіемъ великаго международнаго прямаго торговаго пути и ея значенія главной посредницы между Европой и Азіей. Тщетными кажутся намъ, въ виду этихъ событій, усилія англичанъ создать новую плотину, преграждающую распространеніе торговаго и политическаго вліянія Россіи на восточную Азію, путемъ насильственной нейтрализаціи Афганистана, мелкихъ интригъ въ пограничныхъ

съ нами китайскихъ провинціяхъ, систематическаго заполоненія Персіи англійскими торгово-политическими агентствами и т. д. Времена, когда возможно было съ успѣхомъ эксплоатировать случайное измѣненіе торговаго пути между Россіей и Туркестаномъ, видимо прошли безвозвратно и не сдержать торгашествующему народу его золотомъ и интригами естественнаго хода міроваго колеса, съ неотразимой силой влекущаго народы востока на путь естественнаго сближенія съ могучей Россіей, подъ сѣнью которой ихъ многочисленные братья уже нашли себѣ покой и отдохновеніе. За двадцать пять лѣтъ, протекшихъ со времени присоединенія къ Россіи главныхъ частей Туркестанскаго края, древняя Трансоксанія оправилась и разцвѣла. Она перестала быть театромъ безконечныхъ кровавыхъ смутъ, и ея одичавшіе народы обращены на путь мирнаго преуспѣянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они перестали быть сартами, киргизами, персами или туркменами, то-есть людьми съ разными политическими, религіозными и имущественными правами передъ властью и закономъ, а стали равноправными со всѣми остальными подданными великаго русскаго царя, безпристрастіе и отеческая заботливость котораго одинаково распространяется на все обширное Русское царство, отъ великорусской крестьянской избы до кибитки кочеваго узбека и нагорной сакли жителя отдаленныхъ Памирскихъ хребтовъ. Тѣнь мощной сѣверной державы, постепенно удлиняясь къ востоку, оживила и сохранившія свою автономію ханства Бухарское и Хивинское. Въ нихъ, также какъ и въ русскомъ Туркестанѣ, ощущается замѣтный поворотъ отъ тысячелѣтняго застоя къ культурной жизни. Остается лишь пожелать, чтобы они поскорѣе и окончательно сбросили опутывающія ихъ оковы средневѣковаго режима, фанатизма и суевѣрія, и еще болѣе сблизились съ нами въ международномъ и культурномъ отношеніи.

Бухарское ханство въ настоящемъ его объемѣ представляетъ собой площадь земли, равную приблизительно 5.000 кв. географическихъ миль[1]), острымъ угломъ врѣзывающуюся по направленію съ юго-востока на сѣверо-западъ въ наши среднеазіатскія владѣнія. Границы ханства чрезвычайно сложны. Съ сѣвера онѣ соприкасаются съ нашими Самаркандской и Ферганской областями; на востокѣ съ Кашгаріей и отчасти Кашемиромъ, на югѣ съ Афганистаномъ, отъ котораго отдѣляются рѣкой Аму, на западѣ и юго-

[1]) Площадь Бухарскаго ханства точно такъ же, какъ цифра его народонаселенія, въ точности не измѣрена. Среднеазіатскіе мусульмане считаютъ почему-то грѣхомъ производить такого рода измѣренія. Въ Бухарѣ, гдѣ все совершается на основаніи обычая, или религіознаго догмата, это служитъ причиной полнаго отсутствія какихъ бы то ни было вѣрныхъ статистическихъ данныхъ.

западѣ—съ Закаспійской областью и Хивинскимъ ханствомъ. Это центральное положеніе бухарскихъ владѣній дѣлаетъ ихъ чрезвычайно важными для насъ въ стратегическомъ, торгово-промышленномъ и международномъ отношеніи. Въ указанныхъ границахъ вся площадь ханства раздѣляется на три главныя части, рѣзко отличающіяся между собою во многомъ: западную, среднюю и восточную [1]). Западная часть представляетъ собой равнину, орошаемую въ срединной своей части рѣкой Заравшаномъ, истощающимъ здѣсь свое теченіе въ безчисленныхъ арыкахъ Зіауддина, Кермине, Бухарскаго и Каракульскаго округовъ. Эта равнина сливается на сѣверо-западѣ съ Кызылъ-кумами, а на востокѣ переходитъ въ травянистую степь «Карнакъ-чуль», покрывающуюся весной роскошной растительностью. Климатъ этой части ханства жаркій, континентальный, лѣтомъ + 35° до 40°, зимой —10°, способствующій развитію злокачественныхъ мѣстныхъ лихорадокъ, болѣзней желудка, глазъ и т. д. Жители занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ, овцеводствомъ, садоводствомъ и огородничествомъ. Воздѣлываніе хлопка, разведеніе виноградниковъ и тута для выкормки шелковичнаго червя, знаменитыхъ каракульскихъ овецъ, мѣстныхъ породъ лошадей, скота и верблюдовъ занимаетъ первое мѣсто. Второе мѣсто послѣ земледѣльческой промышленности принадлежитъ торговлѣ. Предметомъ вывоза служитъ хлопокъ, шелкъ, мерлушка, кожи, рисъ, фрукты въ сушеномъ видѣ, кошмы и ковры. Вообще это есть самая богатая и культурная часть ханства. Проведеніе Закаспійской желѣзной дороги, перерѣзавшей ее своими рельсами, и близость русской границы оживили въ ней культурную дѣятельность и, вѣроятно, недалеко то время, когда эта часть ханства окончательно утратитъ свой дикій, первобытный характеръ. Средняя часть бухарской территоріи состоитъ изъ отроговъ хребтовъ Тянь-Шаньскихъ горъ, извѣстныхъ подъ именемъ Баба-тагъ, Гази-Малекъ и Кара-тау, образующихъ площади, возвышающіяся до 4 т. ф. надъ уровнемъ моря. Эта полоса ханства густо заселена, изобилуетъ минералами, между которыми преобладаетъ каменный уголь, соль, а мѣстами попадается и золото. По мѣрѣ приближенія къ главнымъ горнымъ хребтамъ, мѣстность становится плодородной, покрывается тучной травой; горныя долины изобилуютъ рощами фисташковыхъ и миндальныхъ деревьевъ, встрѣчаются нефтяные источники, горячіе ключи и множество небольшихъ горныхъ рѣчекъ, щедро надѣляющихъ водой земледѣльческое населеніе этой живописной полосы Бухарскаго ханства. Особеннымъ плодородіемъ славится здѣсь Гиссарская долина. Низовья рѣкъ Якъ-су и Пянджа изобилуютъ тиграми, ры-

---

[1]) Остроумовъ (Н. В.), «Географія Туркестанскаго края», Самаркандъ, 1891 г., стр. 73.

сями и другими хищными звѣрями. Климатъ этой средней полосы ханства умѣренный, здоровый. Жители занимаются почти исключительно земледѣліемъ, садоводствомъ, скотоводствомъ и огородничествомъ, сбывая свои произведенія, вьючными путями, на базары Бухары, въ Дарвазъ и Афганистанъ. Восточная часть ханства, Каратегинъ и Дарвазъ, представляетъ собой дикую горную страну, перерѣзанную тремя гигантскими хребтами: Каратегинскимъ, Петра I и Дарвазскимъ, достигающими мѣстами 25 т. футовъ надъ уровнемъ моря. Долины перваго изъ этихъ хребтовъ считаются плодородными, послѣднихъ двухъ—бѣдными и безплодными. Жители Каратегина занимаются земледѣліемъ, садоводствомъ и скотоводствомъ. Тутъ съ успѣхомъ произростаетъ пшеница, ячмень, просо, ленъ, табакъ, люцерна, разнаго рода южные овощи и фрукты, а рогатый скотъ и горныя лошади славятся своей силой и крѣпостью на все Бухарское ханство. Вообще эта часть бухарскихъ владѣній можетъ быть признана относительно богатой и цвѣтущей. Совершенно противоположную картину представляетъ собою Дарвазъ. Это—мѣстность, стоящая на низшей степени культурнаго развитія народовъ, населяющихъ Бухарское ханство. Здѣсь не существуетъ ни промысловъ, ни ремеслъ. Почти единственный источникъ существованія жителей этой маленькой оригинальной страны, населенной 35 т. жителей, составляетъ разведеніе тутовыхъ деревьевъ. Ягодами этого растенія они питаются, высушивая ихъ и обращая въ муку; ими же платятъ подати и добываютъ средства къ существованію, обмѣнивая на необходимые въ общежитіи предметы домашняго обихода. Тутовое дерево составляетъ для нихъ все, даже денежный знакъ, такъ какъ тюбитейка сушеныхъ ягодъ этого растенія принимается, какъ денежная единица при расплатѣ [1]). Многіе отъ рожденія до смерти не знаютъ вкуса ржанаго или пшеничнаго хлѣба, питаясь тутовой мукой. Подъ вліяніемъ этой пищи они хилы и недолговѣчны. Климатъ Дарваза лѣтомъ жаркій, достигающій $+35°$; зимой суровый, но вообще считается здоровымъ. Пути сообщенія удобны лишь для пѣшехода и всадника, но безъ вьюка.

Народонаселеніе Бухарскаго ханства въ точности не исчислено, точно такъ же какъ его площадь. Но во всякомъ случаѣ оно превышаетъ собой полтора милліона душъ обоего пола. Въ этнографическомъ отношеніи оно раздѣляется на узбековъ, составляющихъ главную массу, почти половину всего населенія, таджиковъ, жителей преимущественно городовъ, аравитянъ, персовъ, евреевъ и цыганъ. Послѣднихъ четырехъ народностей насчитывается не болѣе 20 т. душъ. Въ административномъ отношеніи ханство раздѣляется на двадцать восемь округовъ, изъ которыхъ главными

---

[1]) 45 тюбитеекъ тута составляютъ 1 теньгу = 20 коп.

считаются одиннадцать бекствъ, а именно: Кермине, Каршинское, Шаарское, Ширабадское, Гиссарское, Бальджуанское, Каратегинское, Дарвазское, Керкинское, Чарджуйское и Кабаклинское. Богатѣйшимъ изъ всѣхъ бекствъ считается бекство Гиссарское, уплачивающее ежегодно въ казну эмира около 500.000 руб. годовыхъ сборовъ; затѣмъ Чарджуйское — 200,000 рублей, Зіауддинское — 180,000 рублей; около этой же цифры, каждое въ отдѣльности, даютъ бекства Кермине, Карши, Кулябъ и Каракуль. Бѣднѣйшими считаются Килифскій и Учъ-Учакскій округа, приносящіе лишь 8—10 т. рублей; годовыхъ сборовъ. Наиболѣе значительными городами въ торгово-промышленномъ и стратегическомъ отношеніи являются, послѣ Бухары, Карши и Чарджуй[1]). Первый изъ этихъ городовъ имѣетъ до 35 т. жителей, извѣстенъ своими базарами, выдѣлкой ковровъ и богатой растительностью. Въ его обширномъ оазисѣ, имѣющемъ до 20 миль ширины, разводится превосходный каршинскій табакъ. Чарджуй, состоящій въ настоящее время изъ двухъ городовъ—русскаго и бухарскаго, представляетъ собой важный торгово-промышленный и стратегическій пунктъ на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, являясь одной изъ первоклассныхъ станцій Закаспійской желѣзной дороги.

Главную жизненную артерію въ Бухарскомъ ханствѣ, какъ и вообще въ Средней Азіи, составляютъ рѣки. Искусственное орошеніе здѣсь также необходимо, какъ удобреніе почвы въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ. Безъ него тутъ ничего не выростетъ. Съ другой стороны, оно даетъ богатѣйшіе результаты повсюду, гдѣ представляется возможность удѣлить хотя бы нѣсколько капель воды этой плодоносной почвѣ. Значеніе воды увеличивается по мѣрѣ пониженія поверхности ханства съ юго-востока на сѣверозападъ и пропорціональнаго съ нимъ уменьшенія атмосферной влаги, питающей землю и дающей жизнь растительности. Поэтому понятно, какое огромное значеніе представляютъ для Бухары ея двѣ главныя рѣки: Аму и Заравшанъ[2]), дающіе жизнь природѣ и

---

[1]) Законъ опредѣляетъ въ каждомъ городѣ аркъ, стѣну городскую и не менѣе 3-хъ мечетей, изъ которыхъ одна должна вмѣщать все городское населеніе.

[2]) Аму-Дарья, или древній Оксусъ. Существуетъ предположеніе, что въ древности рѣка эта впадала въ Каспійское море. Спорный вопросъ объ этомъ породилъ съ теченіемъ времени цѣлую литературу, чрезвычайно важную и интересную какъ по своимъ научнымъ выводамъ, такъ и по тому обширному историческому матеріалу, который былъ добытъ при производствѣ техническихъ разслѣдованій древнихъ руслъ Узбоя.

Перу г. Лессара принадлежитъ послѣднее слово въ этомъ вопросѣ. См. П. Лессаръ, «Оксусъ, его древнѣйшее соединеніе съ Каспійскимъ моремъ», переводъ съ французскаго Романовича, Ташкентъ, 1891 г. Это небольшое, но полное глубокаго интереса изслѣдованіе, повидимому, окончательно разрушаетъ легенду о томъ, что Узбой составляетъ древнее русло Оксуса, а также гипотезу о возможности направленія теченія Аму-Дарьи этимъ путемъ къ берегамъ Каспія.

Заръ-авшанъ означаетъ въ переводѣ на русскій языкъ «раздаватель золота».

человѣку южной и юго-западной части ханства. Быстрое развитіе земледѣлія въ Самаркандской области, обладающей верхнимъ теченіемъ Заравшана, дѣлаетъ за послѣднее время эту рѣку недостаточнымъ резервуаромъ для питанія тѣхъ обширныхъ оазисовъ, которые образовались по ея берегамъ на русской и бухарской территоріи, причемъ послѣдняя терпитъ подчасъ существенную нужду въ водоснабженіи. Что касается Аму-Дарьи, то водами ея пользуется лишь незначительная часть населенія южной и юго-западной полосы ханства, такъ какъ существовавшіе когда-то магистральные арыки, посредствомъ которыхъ вода изъ Аму достигала до центральныхъ областей страны, уже давно оставлены; проведеніе же новыхъ стоило бы колоссальныхъ денежныхъ затратъ, которыя страна едва ли въ состояніи была бы выдержать. Тѣмъ не менѣе, эмиръ Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ чрезвычайно занятъ мыслью о проведеніи воды изъ Аму въ центральныя области ханства[1]).

Крайнее разнообразіе устройства поверхности Бухарскаго ханства, представляющаго собой всѣ фазисы измѣненія земной коры, отъ величайшихъ въ мірѣ горныхъ вершинъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами, глетчерами и перерѣзанныхъ непроходимыми стремнинами горныхъ рѣкъ и водопадовъ, до необозримыхъ низменныхъ степей сѣверо-западной полосы, породило крайнее разнообразіе производительности, климатическихъ, этнографическихъ, культурныхъ и бытовыхъ условій этой интересной страны, заключающей въ себѣ огромныя, но еще совершенно неизслѣдованныя естественныя богатства. Къ сожалѣнію, все здѣсь стоитъ еще на самой низменной первобытной ступени экономическаго развитія. Сельское хозяйство, промыслы и ремесла, торговля и финансовая система, даже народная жизнь,—все это идетъ по тѣмъ же самымъ рельсамъ, которые были установлены тысячу лѣтъ назадъ. Фабричной и заводской промышленности совсѣмъ не существуетъ, хотя нѣтъ страны, которая, по своимъ естественнымъ богатствамъ, представляла бы болѣе шансовъ на успѣшное развитіе того и другаго, какъ теперешнее Бухарское ханство. При всемъ томъ, страна можетъ считаться богатой. Огромное большинство жителей ея существуетъ безбѣдно и даже роскошно по отношенію, напримѣръ, къ нашему русскому крестьянину, тяжелымъ трудомъ добываю-

---

[1]) Его императорское высочество великій князь Николай Константиновичъ, трудамъ котораго Туркестанскій край обязанъ обращеніемъ въ цвѣтущіе оазисы многихъ тысячъ десятинъ пустынныхъ, запущенныхъ земель, путемъ проведенія на нихъ арыковъ (Искандеръ, Ханымъ, Урумбай и др.), предпринялъ въ послѣднее время, съ высочайшаго соизволенія, проведеніе арыка «Бухара» изъ Сыръ-Дарьи чрезъ Голодную степь по направленію къ Бухарскимъ предѣламъ. Если эта грандіозная работа будетъ доведена до конца, то вся южная часть бухарскихъ и русскихъ кызылъ-кумовъ будетъ обращена въ цвѣтущій оазисъ, а культурная полоса Бухарскаго ханства получитъ новые богатые источники для водоснабженія.

щему средства для своего сравнительно скуднаго существованія и уплаты небольшой государственной и земской подати.

Среднеазіатскій мусульманинъ, кто бы онъ ни былъ, не любитъ тяжелаго физическаго труда. Онъ всегда исполняетъ его спустя рукава и тотчасъ мѣняетъ на торговлю или какой нибудь промыселъ, какъ только представляется къ тому хотя малѣйшая возможность. Трудъ настоящій, тяжелый, въ потѣ лица, ему неизвѣстенъ. Въ прежнія времена онъ предоставлялъ его невольнику; теперь же отдается ему лишь на столько, на сколько это является для него крайней необходимостью. Постепенное развитіе торговли подъ вліяніемъ русской промышленности и относительное упорядоченіе финансовой системы въ правленіе Сеидъ-Абдулъ-Ахата, даетъ возможность народнымъ массамъ возмѣстить этимъ экономическій ущербъ, причиненный упраздненіемъ невольничества. Это наводитъ на вѣроятное предположеніе, что и дальнѣйшія экономическія улучшенія вызовутъ соотвѣтственное уменьшеніе труда со стороны туркестанскаго и бухарскаго сарта, который, по природѣ своей, есть отнюдь не труженикъ, а лишь ловкій эксплоататоръ чужаго труда. Во всякомъ случаѣ, для полнаго экономическаго возрожденія страны ей необходимы постороннія силы. Такъ сказать, вынужденнаго, принудительнаго труда однихъ туземцевъ, обращающихъ всѣ свои помыслы на торговлю и промышленность, слишкомъ недостаточно. Трудъ этотъ, не будучи спеціальнымъ трудомъ настоящей, сознательно израсходованной рабочей силы, никогда не дастъ и настоящихъ жизненныхъ и вполнѣ законченныхъ результатовъ. Съ другой стороны, въ области торговли и промышленности житель Средней Азіи и въ особенности сартъ-таджикъ не имѣетъ себѣ соперниковъ. Во всякаго рода гешефтахъ, маклерствахъ и способахъ легкой наживы денегъ, при относительно малой затратѣ труда и капитала, онъ превзойдетъ самаго опытнаго еврея, армянина или другаго, не менѣе типичнаго въ этомъ отношеніи, инородца.

Бухара ведетъ обширную торговлю съ Россіей, Персіей, Афганистаномъ, Кашмиромъ, Индіей и Кашгаріей. Предметы вывоза составляютъ: хлопокъ, шелкъ, сушеные плоды и ягоды, рисъ, сырецъ, кубовая краска, бязи, низшихъ сортовъ бирюза, мерлушки, мѣха, ковры и кошмы, предметы одежды, шали, шерстяныя и шелковыя матеріи. Предметы ввоза: изъ Россіи ситецъ, шелковыя матеріи, сукна, парчи, кожи, чугунъ, желѣзо, бакалейный товаръ и мелкіе предметы роскоши; изъ Афганистана и Кашмира: шали, индійская кисея, парчи, лекарственныя вещества, кубовая краска и индійскія варенья; изъ Персіи: шали, тармалама, высшихъ сортовъ бирюза, англійскіе ситцы, коленкоръ и кисея; изъ Кашгаріи: фарфоръ, чай, китайскія шелковыя матеріи. Всѣ эти произведенія находятъ себѣ внѣшній сбытъ, и лишь одна пятая часть

изъ нихъ дѣлается предметомъ мѣстнаго потребленія. Ежегодный ввозъ товаровъ въ Бухарское ханство, до открытія Закаспійской желѣзной дороги, то-есть до 1888 г., производился не менѣе какъ на 40.000 верблюдахъ, вывозъ—на 50.000, что̀, по словамъ компетентныхъ лицъ, должно было опредѣлить среднія цифры ввоза въ 32.000.000 и вывоза въ 45.000.000 рублей [1]).

Господствующая религія въ Бухарскомъ ханствѣ есть исламъ. Христіане, евреи и индусы составляютъ незначительную цифру (не болѣе 10 т. человѣкъ), совершенно незамѣтную въ общей массѣ бухарскаго народа.

Народное образованіе находится исключительно въ рукахъ духовенства, которое и направляетъ его въ духѣ ислама. Грамотность чрезвычайно развита между осѣдлымъ населеніемъ, и рѣдкій бухарецъ не обученъ чтенію, письму и главнымъ догматамъ вѣроученія Магомета. Высшими учебными заведеніями въ странѣ являются медрессе, гдѣ взрослые семинаристы подготовляются къ занятію духовныхъ должностей и учительскихъ мѣстъ какъ въ нихъ самихъ, такъ и въ народныхъ школахъ. Низшими являются эти послѣднія, называемыя мактабъ-хане.

Пути сообщенія совершенно первобытные. Кромѣ Закаспійской желѣзной дороги, въ ханствѣ нѣтъ ни одного правильно-разработаннаго пути. Чтобы покончить съ этимъ краткимъ описаніемъ страны, скажемъ нѣсколько словъ о населяющихъ ее жителяхъ.

Главную массу бухарскаго народа, какъ мы указали это выше, составляютъ узбеки. Типомъ лица и характеромъ они напоминаютъ монголовъ, но имѣютъ глаза больше, а черты лица красивѣе. Цвѣтъ волосъ и бороды переходитъ отъ рыжаго къ темнорусому. Ростъ средній; тѣлосложеніе крѣпкое, сильное. Въ общей массѣ они добродушны, откровенны, правдивы и честны, но лѣнивы и безпечны до крайности. Этотъ народъ еще до сей минуты сохранилъ остатокъ прежней воинственности и, будучи сплоченъ, могъ бы составлять отличный матеріалъ для военнаго дѣла. Грамотность и, слѣдовательно, фанатизмъ между узбеками развиты гораздо менѣе, чѣмъ между таджиками. Въ образѣ жизни, пищѣ и одеждѣ, они соблюдаютъ умѣренность, переходящую въ суровость. Бухарскіе узбеки раздѣляются на кочевыхъ и осѣдлыхъ. Первые занимаются исключительно овцеводствомъ и коневодствомъ, производя знаменитыхъ каракульскихъ овецъ и сильную упряжную лошадь; осѣдлые—торговлей.

---

[1]) Въ Бухарѣ нѣтъ ассигнацій, и главной денежной единицей является теньга, серебряная монета, равная 20 копѣйкамъ. 44 мѣдныя пуллы составляютъ одну теньгу. Бухарскій золотой называется тилля и равняется 6 рублямъ.

Линейную мѣру составляетъ алчинъ = одному нашему аршину, и гязь = 1 арш. 4 вершкамъ. Фарсангъ = 8 в. 447 саж.; танапъ = 3/4 кв. десятины.

Мѣру сыпучихъ тѣлъ составляетъ батманъ = 7 п. 32 ф. 48 зол.

Таджики—жители городовъ и большихъ деревень (кишлаковъ). Это народъ арійскаго племени, сохранившій до нашихъ дней свой красивый типъ, отличающійся высокимъ ростомъ, правильными чертами лица, матово-прозрачнымъ цвѣтомъ кожи, черными волосами и глазами. Они одарены отъ природы врожденной граціей, щеголеваты и привѣтливы, но корыстолюбивы, низкопоклонны, трусливы, наклонны ко лжи и всевозможнымъ порокамъ. Отвращеніе къ физическому труду, хвастливость и нестойкость въ словѣ дополняютъ сложившійся подъ вліяніемъ тысячелѣтняго гнета несимпатичный нравственный обликъ этого народа, занимающагося исключительно внутренней и внѣшней торговлей [1]).

Арабы составляютъ небольшую группу кочевниковъ, разсѣянныхъ въ разныхъ пунктахъ ханства, преимущественно же въ окрестностяхъ Вартанзи. Этотъ народъ вполнѣ сохранилъ типъ, характеръ и обычаи своихъ отдаленныхъ соплеменниковъ въ Малой Азіи. Скотоводство и овцеводство составляютъ исключительное занятіе арабовъ. Нравы ихъ отличаются добродушіемъ, прямотой и честностью.

Евреи населяютъ особые, отведенные для нихъ, кварталы въ Бухарѣ и Карши. Они занимаются исключительно торговлей. Поселившись въ Бухарскихъ предѣлахъ съ незапамятныхъ временъ, они, подъ вліяніемъ правительственнаго и религіознаго мусульманскаго гнета, восприняли отъ бухарскаго народа образъ жизни, одежду, нравы и даже многоженство, удержавъ отъ ветхо-завѣтныхъ временъ лишь одну религію.

Персіяне составляютъ потомковъ рабовъ-отпущенниковъ и 4.000 семействъ, выведенныхъ сюда изъ Мерва Шахъ-Мурадомъ. Это народъ по большей части трудолюбивый, исполняющій наиболѣе тяжелый физическій трудъ.

Цыгане кочуютъ преимущественно въ окрестностяхъ Каракуля. Они исповѣдуютъ исламъ; занимаются барышничествомъ и ворожбой.

Условія мусульманскаго законодательства, проникающаго въ самыя мельчайшія подробности общественной жизни, уравниваютъ бытъ, нравы и обычаи этихъ разношерстныхъ племенъ, которые въ главныхъ чертахъ остаются одни и тѣ же какъ въ кибиткѣ кочеваго узбека, такъ и въ богатомъ домѣ осѣдлаго таджика или

---

[1]) Мы не желаемъ оставлять читателей при убѣжденіи, что этотъ несимпатичный портретъ одной изъ главныхъ народностей Средней Азіи созданъ исключительно нашими наблюденіями. Знаменитые оріенталисты: Борнсъ, Ханыковъ, Вамбери, Уйфальви и многіе другіе, рисуютъ эту народность еще менѣе заслуживающей симпатіи. Съ своей стороны мы не прибавимъ къ этому ничего новаго, такъ какъ наши личныя наблюденія составляютъ лишь продолженіе установившагося взгляда. См. Борнсъ, «Путешествіе въ Бухару», ч. II, стр. 50—57; Ханыковъ, «Описаніе Бухарскаго ханства», стр. 55—56; Вамбери, «Очерки Средней Азіи», стр. 318; Уйфальви, «Le Cohistan, le Ferghanah et Couldja», pp. 60—61.

въ саклѣ персіянина. Вездѣ мы видимъ буквальное исполненіе всѣхъ правилъ внѣшней обрядности, предписываемыхъ исламомъ, господство обычая, бо̀льшую или меньшую грубость и жестокость нравовъ, порабощеніе женщины, полное преклоненіе передъ религіознымъ культомъ, который служитъ для бухарскаго народа единственной призмой въ его взглядахъ и отношеніяхъ къ жизни и ея проявленіямъ. Повсюду одинаковый бытъ кочевника достаточно хорошо извѣстенъ всѣмъ и каждому, и мы не будемъ останавливаться на немъ. Что же касается домашней жизни осѣдлой части бухарскаго народа, то она является образцомъ первобытной патріархальности. Устройство жилищъ, одежда, пища, все отвѣчаетъ потребностямъ крайней необходимости и указаніямъ шаріата. Обстановка богатаго бухарца мало отличается отъ обстановки бѣдняка. Болѣе состоятельные люди имѣютъ лишь большихъ размѣровъ дома, большій запасъ одежды и болѣе обильную пищу. Раздѣленіе половъ становится тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ бухарецъ важнѣе и состоятельнѣе. Постепенно ослабѣвая, оно совершенно почти уничтожается лишь въ нищенствующемъ классѣ, такъ какъ представительницы этого слоя общества наравнѣ съ киргизками и маленькими дѣвочками пользуются правомъ появляться повсюду съ незакрытымъ лицомъ. Втеченіе послѣдняго времени образовалась цѣлая группа писателей, которая, по слѣдамъ г. Миддендорфа[1]), до крайности идеализируя таджикскую народность, силится создать изъ нея нѣчто въ родѣ проводника европейскихъ стремленій въ остальныя племена Средней Азіи. Съ своей стороны мы отнюдь не раздѣляемъ этихъ увлеченій.

Центръ тяжести успѣшнаго движенія всѣхъ вообще народовъ Средней Азіи по пути прогрессивнаго развитія лежитъ главнымъ образомъ въ исламѣ. Гдѣ онъ процвѣтаетъ въ большей степени, тамъ успѣхъ этотъ менѣе вѣроятенъ, и наоборотъ. Непримиримость основныхъ принциповъ магометанства съ идеей прогрессивнаго движенія человѣчества въ области мысли и науки достаточно выяснена исторіей. Намъ кажется совершенно безполезнымъ распространяться на эту тему. Между тѣмъ мы видимъ, что ни въ одной изъ народностей Средней Азіи исламъ не пустилъ такихъ глубокихъ корней, какъ въ таджикской. Съ теченіемъ времени онъ не только овладѣлъ направленіемъ мысли, обычаемъ, складомъ характера и даже закономъ, управляющимъ жизнью сарта-таджика, но сдѣлалъ его ближайшимъ проводникомъ религіознаго фанатизма въ остальныя массы кочеваго и осѣдлаго населенія Средней Азіи. То поверхностное сближеніе таджикской народности съ русскимъ элементомъ, которое мы замѣчаемъ въ нашихъ туркестанскихъ городскихъ центрахъ, отнюдь не должно быть принимаемо, какъ знакъ готовности служить дѣлу осуществленія нашихъ культурныхъ задачъ на далекомъ

---

[1]) Миддендорфъ, «Очерки Ферганской долины», стр. 363—365.

востокѣ. Сближеніе это обусловливается необходимостью, спекулятивными цѣлями и выработанной тысячелѣтіями привычкой гнуться передъ властью и закономъ. На самомъ же дѣлѣ за ней въ большинствѣ случаевъ скрытъ самый непримиримый фанатизмъ, самое упорное нежеланіе воспринять что либо отъ плодовъ европейскаго просвѣщенія.

Настоящее, здоровое ядро духовныхъ силъ Средней Азіи лежитъ въ киргизскомъ и узбекскомъ кочевомъ населеніи. Оно несравненно менѣе фанатизировано, выше въ нравственномъ отношеніи и охотнѣе усвоиваетъ отъ насъ идеи образованности и просвѣщенія. Доказательствомъ тому могутъ служить цѣлые десятки офицеровъ, чиновниковъ и учителей изъ киргизъ, съ успѣхомъ исполняющіе свои служебныя обязанности въ Туркестанскомъ краѣ. Что же касается таджиковъ, то изъ ихъ среды намъ неизвѣстно ни одного такого лица. До сихъ поръ они ограничиваются лишь выдѣленіемъ контингента мусульманскаго духовенства и дервишества.

Вотъ почему мы позволимъ себѣ выразить увѣренность, что элементъ, отъ котораго мы вправѣ ожидать наибольшихъ плодовъ въ нашихъ усиліяхъ поднять экономическій и умственный уровень Средней Азіи, заключается въ киргизахъ и узбекахъ, а отнюдь не въ таджикахъ. Что же касается этихъ послѣднихъ, то имъ всецѣло должна быть предоставлена область торговли. Въ ней они не имѣютъ себѣ соперниковъ. Дальше же этого они едва ли подвинутся когда либо.

П. Шубинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГОГОЛЬ, КАКЪ ИСТОРИКЪ.

«Скажу тебѣ, что даже въ самыхъ раннихъ помышленіяхъ моихъ о будущемъ поприщѣ моемъ никогда не представлялось мнѣ поприще писателя. Столкнулся я съ нимъ почти нечаянно». (Письмо Гоголя къ Плетневу, «Сочиненія», изд. 10, IV, 233).

РОФЕССОРЪ В. В. Григорьевъ въ «Исторіи императорскаго С.-Петербургскаго университета», характеризуя профессорскій персоналъ университета въ первый періодъ его существованія (съ 1819 по 1835 г.), говоритъ (стр. 93):

«Для преподаванія исторіи древней и средневѣковой приглашенъ былъ въ 1834 году, съ званіемъ адъюнкта, воспитанникъ Нѣжинскаго лицея, учительствовавшій въ Патріотическомъ институтѣ, Гоголь-Яновскій (Николай Васильевичъ), знаменитый впослѣдствіи авторъ «Мертвыхъ Душъ», тогда же извѣстный лишь по «Вечерамъ на хуторѣ». Призваніе свое къ историческимъ занятіямъ основывалъ онъ на трехъ статьяхъ, напечатанныхъ имъ, въ томъ же 1834 году, въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія»: 1) Планъ преподаванія всеобщей исторіи; 2) Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи и 3) О малороссійскихъ пѣсняхъ. Но статьи обнаруживали въ авторѣ ихъ художника, а не мыслителя и ученаго; къ тому же Гоголь, по незнанію классическихъ древнихъ и новыхъ европейскихъ языковъ, не обладалъ даже и средствами пріобрѣсти надлежащую начитанность, а пріемы научные были ему совершенно неизвѣстны. Опытъ годичнаго преподаванія предмета, весьма неудовлетворительный, убѣдилъ его самого, что взялся онъ не за свое дѣло, и въ 1835 году Гоголь оставилъ университетъ. Вступительная лекція его «О среднихъ вѣкахъ»

напечатана была въ томъ же году въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» [1]).

Въ этомъ сухомъ и небрежномъ по тону упоминаніи о профессорской дѣятельности Гоголя, помимо фактическихъ неточностей, которыя сами собой выяснятся въ предлагаемой статьѣ изъ дальнѣйшаго изложенія, выразилась та точка зрѣнія, которая установилась у насъ на историческія занятія Гоголя. Ихъ принято считать ничѣмъ не оправданной претензіей Гоголя на роль ученаго, для которой у него не было будто бы ни способностей, ни знанія.

Между тѣмъ, увлеченіе историческими занятіями составляетъ весьма серьезный вопросъ въ жизни Гоголя, а потому и отнестись къ этому увлеченію слѣдуетъ серьезно, не спѣша произносить приговоръ надъ занятіями, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ поглощавшими все вниманіе Гоголя и мѣшавшими ему отдаться природнымъ поэтическимъ влеченіямъ.

Но прежде, чѣмъ приступлю къ разсмотрѣнію этого вопроса, укажу на одно весьма важное для правильнаго разумѣнія этой своеобразной личности обстоятельство.

У насъ принято, говоря о Гоголѣ, вступать съ нимъ самимъ въ полемику, придираться къ каждому его слову, отыскивая въ немъ не тотъ прямой смыслъ, какой въ немъ заключается, а какой-то другой, особенный, умышленно будто бы скрытый Гоголемъ, принято не вѣрить самымъ простымъ и искреннимъ его словамъ и считать его за человѣка неискренняго, притворявшагося, говорившаго не то, что въ самомъ дѣлѣ было у него на душѣ. Пока мы не бросимъ такого полемическаго отношенія къ Гоголю, мы никогда не въ состояніи будемъ психологически понять его; онъ останется для насъ вѣчной загадкой, человѣкомъ, исполненнымъ какихъ-то непонятныхъ странностей, противорѣчій, внезапныхъ, почти капризныхъ перемѣнъ и скачковъ въ душевной жизни. Только взглянувъ на него тѣми же простыми глазами, какими мы смотримъ на всѣхъ людей, получимъ мы возможность понять его; онъ перестанетъ быть для насъ психологической загадкой и явится передъ нами тѣмъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности: человѣкомъ съ высокими, идеальными стремленіями, съ геніальнымъ дарованіемъ, но съ очень неправильной нравственной подготовкой, вслѣдствіе чего долго не знавшимъ и даже не подозрѣвавшимъ настоящаго своего призванія.

Въ выбранномъ мною для настоящей статьи эпиграфѣ изъ письма его къ Плетневу (писаннаго 4 декабря 1846 г.) онъ утверждаетъ, что никогда, даже въ самыхъ раннихъ юношескихъ мечтахъ

---

[1]) Въ статьѣ своей: «Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ» («Русская Бесѣда», 1856 г., кн. III, смѣсь), В. В. Григорьевъ отозвался о профессурѣ Гоголя еще рѣзче (стр. 24—26). Ф. В.

своихъ, не воображалъ себя дѣятелемъ на литературномъ поприщѣ, на которое попалъ почти случайно. То же самое онъ высказалъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ статьѣ, приготовленной имъ въ видѣ предисловія для предполагавшагося имъ, но не состоявшагося, втораго изданія «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» и появившейся впослѣдствіи подъ заглавіемъ «Авторская исповѣдь»: «Я не могу сказать утвердительно, точно ли поприще писателя есть мое поприще. Знаю только то, что въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о моемъ будущемъ (а задумываться о будущемъ я началъ рано, въ тѣ поры, когда всѣ мои сверстники думали еще объ играхъ), мысль о писателѣ мнѣ никогда не всходила на умъ». («Сочиненія», изд. 10, IV, 247—248).

И письмо къ Плетневу и «Авторская исповѣдь» писаны въ 1846 и 1847 гг., то-есть въ тотъ періодъ жизни Гоголя, когда, по общему мнѣнію, онъ запутался въ нравственныхъ вопросахъ и, подъ вліяніемъ этой путаницы, сталъ будто бы отрицательно смотрѣть на свою поэтическую дѣятельность и потому, какъ обыкновенно думаютъ, находилъ нужнымъ отрекаться отъ своего поэтическаго призванія. Но у насъ есть его же показаніе, относящееся къ гораздо болѣе раннему времени, свидѣтельствующее о томъ же самомъ.

За 20 почти лѣтъ до появленія «Переписки съ друзьями», въ письмѣ къ дядѣ П. П. Косяровскому (8-го сентября 1828 года), 19-ти-лѣтній Гоголь, говоря о своей рѣшимости уѣхать изъ дому, чтобы своими собственными силами пробить себѣ дорогу, возлагаетъ надежды на разныя свои «достоинства», даже на знаніе разныхъ ремеслъ, но о намѣреніи сдѣлаться писателемъ вовсе не упоминаетъ («Русская Старина», 1876, XV, 43), и не упоминаетъ, очевидно, потому, что не только въ ранней юности, еще приготовляясь выступить на поприще общественной дѣятельности, но даже и въ петербургскій періодъ своей жизни онъ еще не рѣшилъ для себя вопроса о своемъ призваніи. Хотя его поэтическая дѣятельность началась еще въ Нѣжинской гимназіи, но своимъ поэтическимъ опытамъ самъ онъ не придавалъ никакого значенія, увлекаясь преимущественно занятіями историческими. Неоднократныя заявленія его, что онъ никогда не мечталъ о поприщѣ писателя, надо понимать въ томъ смыслѣ, что, пробивая себѣ дорогу въ первые годы пребыванія своего въ Петербургѣ и отыскивая наиболѣе подходящее для себя поприще, онъ не только сознательно не останавливался на мысли сдѣлаться писателемъ, но даже и въ мечтахъ, столь свойственныхъ всѣмъ даровитымъ людямъ, не воображалъ себя въ роли литературнаго дѣятеля и долго не обращалъ вниманія на свое поэтическое дарованіе. Оно само, въ противность его собственному сознанію, неудержимо прорвалось наружу и, въ концѣ концовъ, указало ему его настоя-

щую дорогу [1]). Сознательно же Гоголь съ увлеченіемъ предавался въ эти первые годы своей петербургской жизни занятіямъ историческимъ и мечталъ сдѣлаться историкомъ Малороссіи, для чего усердно собиралъ матеріалы.

Въ объявленіи «Объ изданіи исторіи Малороссійскихъ казаковъ», напечатанномъ въ 1834 году въ «Сѣверной Пчелѣ» («Сочиненія», изд. 10, V, 107), Гоголь, сообщая о своемъ намѣреніи написать исторію Малороссіи и прося «просвѣщенныхъ соотечественниковъ» сообщать ему матеріалы, заявлялъ: «Около пяти лѣтъ собиралъ я съ большимъ стараніемъ матеріалы, относящіеся къ исторіи этого края. Половина моей исторіи уже почти готова, но я медлю выдавать въ свѣтъ первые томы, подозрѣвая существованіе многихъ источниковъ, можетъ быть, мнѣ неизвѣстныхъ, которые, безъ сомнѣнія, хранятся гдѣ нибудь въ частныхъ рукахъ» [2]).

И дѣйствительно, съ самаго пріѣзда своего въ Петербургъ (въ 1829 г.), Гоголь настойчиво проситъ мать, старшую сестру и другихъ родственниковъ и знакомыхъ сообщать ему необходимые матеріалы, относящіеся къ исторіи и быту Малороссіи. Въ письмѣ къ ней изъ Петербурга отъ 24-го іюля 1829 года онъ даже поясняетъ, для чего нужны ему эти свѣдѣнія о бытѣ Малороссіи. «Принося чувствительнѣйшую и невыразимую благодарность за ваши драгоцѣнныя извѣстія о малороссіянахъ,—писалъ онъ ей,—прошу васъ убѣдительно не оставлять и впредь таковыми письмами. Въ тиши уединенія я готовлю запасъ, котораго, порядочно не обработавши, не пущу въ свѣтъ; я не люблю спѣшить, а тѣмъ болѣе занимать(ся) поверхностно. Прошу также, добрая и несравненная маменька, ставить какъ можно четче имена собственныя и вообще разныя малороссійскія проименованія. Сочиненіе мое, если когда выйдетъ, будетъ на иностранномъ языкѣ, и тѣмъ болѣе мнѣ нужна точность, чтобы не исказить неправильными именованіями существеннаго имени націи» (Кулишъ, V, 88). Итакъ, Гоголь собиралъ матеріалы для какого-то сочиненія, но, очевидно, не поэти-

---

[1]) Въ этомъ рѣшеніи Гоголемъ вопроса о его настоящемъ призваніи много помогъ ему Пушкинъ. Поэтому вопросъ о вліяніи Пушкина на Гоголя пріобрѣтаетъ капитальное значеніе и заслуживаетъ сдѣлаться предметомъ отдѣльной статьи. Ф. В.

[2]) Объявленіе это, появившееся въ 24 № «Сѣверной Пчелы», вышедшемъ 30 января («Сочиненія» Гоголя, изд. 10, V, 556), почему-то не понравилось Погодину, какъ объ этомъ можно догадываться изъ письма къ нему Гоголя отъ 19 марта 1834 года: «Выговоры ваши за объявленіе тоже имѣлъ честь получить. Это правда, я писалъ его, совершенно не раздумавши. Впрочемъ, охота тебѣ вступаться за Б.*)! Вѣдь онъ... замоталъ у многихъ честныхъ людей многіе матеріалы и рукописи» (Кулишъ, V, 202). Вѣроятно, Погодинъ указалъ Гоголю, по поводу этого объявленія, на труды Д. Н. Бантыша-Каменскаго по исторіи Малороссіи. Ф. В.

*) То-есть за Бантыша-Каменскаго. См. В. Шенрокъ: «Указатель къ письмамъ Гоголя», изд. 2-е, стр. 12. Ф. В.

ческаго, ибо затѣвать поэтическое произведеніе на иностранномъ языкѣ было бы ни съ чѣмъ не сообразно. Да и точности, о которой, какъ видно изъ приведеннаго письма, хлопоталъ Гоголь, для поэтическаго произведенія вовсе не требуется. Очевидно, матеріалы эти нужны были ему не для чего другаго, какъ для задуманной имъ исторіи Малороссіи, которую сразу же предполагалось почему-то перевести на иностранный языкъ. Наклонность къ историческимъ занятіямъ или, по крайней мѣрѣ, интересъ къ историческимъ матеріаламъ обнаруживается у Гоголя еще въ Нѣжинѣ. Сестра его, Елизавета Васильевна, разсказываетъ въ своихъ запискахъ («Русь», 1885 г., № 26, стр. 5—9), что Гоголь, пріѣзжая домой изъ Нѣжинской гимназіи, занимался по утрамъ съ сестрами и, между прочимъ, училъ ихъ исторіи и географіи. Къ этому же времени относится и возникновеніе въ немъ наклонности къ собиранію историческихъ матеріаловъ. Большинство замѣтокъ въ его записной книгѣ, помѣченной «Нѣжинъ, 1826», относится къ исторіи и, главнымъ образомъ, къ исторіи и быту Малороссіи. Среди этихъ замѣтокъ находимъ: Лексиконъ малороссійскій, состоящій изъ малороссійскихъ словъ съ русскими синонимами; виршу, говоренную гетману Потемкину запорожцами[1]); выговоръ гетмана Скоропадскаго Василію Сологубу; декретъ Миргородской ратуши 1702 г.; игры, увеселенія малороссіянъ; малороссійскія загадки; малороссійскія преданія, обычаи, обряды; обычаи малороссіянъ; пословицы, поговорки, приговорки и фразы малороссійскія; о свадьбахъ малороссіянъ. Къ русской исторіи относятся замѣтки: нѣчто о русской старинной масленицѣ; объ одеждѣ и обычаяхъ русскихъ XVII вѣка, изъ Мейрберга; карта, сдѣланная барономъ Герберштейномъ во время пребыванія въ Россіи; о старинныхъ русскихъ свадьбахъ. Къ всеобщей исторіи: архитектурные чертежи; вѣсъ въ разныхъ государствахъ; древнее вооруженіе греческое; распространеніе дикихъ деревъ и кустарниковъ въ Европѣ; нѣчто объ исторіи искусствъ; мысли объ исторіи вообще; чертежи музыкальныхъ инструментовъ древнихъ грековъ; объ одеждѣ персовъ («Записки о жизни Гоголя», I, 54—57).

По переѣздѣ въ Петербургъ, Гоголь со втораго же письма къ матери (30-го апрѣля 1829 г.) начинаетъ просить ее о сообщеніи ему всевозможныхъ свѣдѣній объ историческомъ бытѣ Малороссіи. Въ этомъ первомъ перечисленіи нужныхъ ему матеріаловъ мы находимъ: обычаи и нравы малороссіянъ; описаніе полнаго наряда сельскаго дьячка, отъ верхняго платья до самыхъ сапоговъ, съ поименованіемъ, какъ это все называлось у самыхъ закоре-

---

[1]) Этотъ Гоголевскій списокъ пасхальной вирши, сообщенный имъ впослѣдствіи (въ 1832 г.) Максимовичу (Кулишъ, V, 165), напечатанъ въ «Кіевской Старинѣ» 1882 года, т. II, № 4, стр. 168—171. Ф. В.

нѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся малороссіянъ; названія платья, носимаго крестьянскими дѣвками, до послѣдней ленты, также нынѣшними замужними и мужиками; точное и вѣрное названье платья, носимаго до временъ гетманскихъ; обстоятельное описаніе свадьбы, не упуская наималѣйшихъ подробностей; о колядкахъ, о Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ, о духахъ или домовыхъ, съ ихъ названіями и дѣлами; о повѣрьяхъ, преданіяхъ, анекдотахъ (Кулишъ, V, 81). Въ слѣдующемъ письмѣ (22-го мая 1829 г.) онъ проситъ свѣдѣній о карточныхъ играхъ и о повѣрьяхъ и повѣстяхъ, въ которыхъ участвуютъ духи и нечистые (тамъ же, V, 83—84). Подобныя же просьбы попадаются отъ времени до времени и въ другихъ письмахъ (см. Кулишъ, V, 88, 99, 103, 107, 135, 140, 170, 189, 190, 197, 225, 232). Въ письмѣ отъ 2-го февраля 1830 года онъ проситъ собирать для него древнія монеты и рѣдкости, старопечатныя книги, вещи, антики, стрѣлы, записки, веденныя предками какой нибудь старинной фамиліи, рукописи стародавнія про времена гетманщины.

«Я хочу прислужиться этимъ одному вельможѣ, страстному любителю отечественныхъ древностей, отъ котораго зависитъ улучшеніе моей участи»,—объяснялъ онъ матери свою страсть къ собиранію историческихъ предметовъ (Кулишъ, V, 104). «Вельможа» этотъ былъ, по всей вѣроятности, Свиньинъ, извѣстный собиратель древностей и рѣдкостей, дѣйствительно содѣйствовавшій служебному поприщу Гоголя[1]). Но Гоголь и самъ чрезвычайно интересовался исторической стариной и съ восторгомъ увѣдомлялъ своихъ друзей о всякой интересной находкѣ. 8-го мая 1833 года онъ писалъ Погодину: «Кстати, случалось ли когда нибудь тебѣ слышать про Исторію Римской имперіи и славянскихъ народовъ? Это чудо, а не книга, типографическая рѣдкость! 1503 года и вся въ опечаткахъ, а главное, что во введеніи прежде всего говорится объ истребленіи вшей и привезенныхъ въ Германію индійскихъ клоповъ. Издана въ Оснабрюкѣ» (Кулишъ, V, 179). Въ томъ же году (23-го декабря) онъ подобной же радостью подѣлился съ Пушкинымъ: «Порадуйтесь находкѣ, — писалъ онъ ему, —я досталъ лѣтопись безъ конца, безъ начала, объ Украйнѣ, писанную, по всѣмъ признакамъ, въ концѣ XVII вѣка» («Русскій Архивъ» 1880 года, т. II, стр. 513).

Перечисленный выше матеріалъ имѣетъ, правда, не столько историческое, сколько этнографическое значеніе, почему и послужилъ обильнымъ источникомъ для малороссійскихъ повѣстей Гоголя. Тѣмъ не менѣе настойчивыя заявленія Гоголя о томъ, что

---

[1]) См. мою статью: «Н. В. Гоголь въ своихъ отношеніяхъ къ М. П. Погодину», въ газетѣ «Русская Жизнь» 1891 г., № 168. Ф. В.

сначала онъ вовсе и не помышлялъ о поприщѣ писателя; даютъ, какъ мнѣ думается, основаніе предполагать, что собирать эти матеріалы онъ началъ не для литературныхъ трудовъ, а для историческихъ. Но природное поэтическое дарованіе, о которомъ Гоголь и не подозрѣвалъ еще ничего, сдѣлало свое дѣло, и вмѣсто исторіи Малороссіи, которую сознательно задумывалъ, Гоголь написалъ «Вечера на хуторѣ» и «Миргородъ». Самый интересъ къ историческимъ и этнографическимъ бытовымъ чертамъ былъ въ немъ интересомъ литературнымъ, а не научнымъ, хотя онъ и самъ не догадывался объ этомъ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ своей литературной карьеры. «По всему мы должны быть соединены тѣсно другъ съ другомъ,— писалъ онъ Погодину 10-го января 1833 года.—Однородность занятій, замѣтьте, и у васъ, и у меня. Главное дѣло—всеобщая исторія, а прочее стороннее» (Кулишъ, V, 166) [1]. Это непониманіе самого себя было, очевидно, одною изъ главныхъ причинъ тѣхъ душевныхъ тревогъ и волненій, которыя такъ рѣзко выражаются въ его письмахъ за время перваго пребыванія его въ Петербургѣ и которыя происходили отъ душевнаго раздвоенія: сознательно онъ стремился сдѣлаться историкомъ, безсознательно былъ поэтомъ, превращавшимъ собранный имъ историческій матеріалъ въ поэтическія созданія. Поэтому мы и видимъ, что въ первые годы его дѣятельности историческія и поэтическія занятія идутъ у него параллельно.

Напечатавъ въ 1829 году въ «Сынѣ Отечества» стихотвореніе «Италія», онъ, вслѣдъ за нимъ, переводитъ для того же журнала историческую статью «О торговлѣ русскихъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка» [2]. Въ концѣ 1830 года мы видимъ его учителемъ географіи [3], а въ началѣ 1831 года онъ дѣлается учителемъ исторіи въ Патріотическомъ институтѣ. И параллельно съ этими сознательными и оффиціальными занятіями у него идетъ творчество поэтическое, и втеченіе тѣхъ же 1829—1831 годовъ создаются «Вечера на хуторѣ». Эта двойственность въ его занятіяхъ продолжается втеченіе и еще нѣсколькихъ лѣтъ, до оставленія имъ профессорской каѳедры въ концѣ 1835 года.

Знакомство съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, оказавшее въ высшей степени благотворное вліяніе на поэтическое творчество Гоголя, поддержало въ немъ интересъ и къ историческимъ работамъ. Жуковскій, поглощенный своими обязанностями воспитателя наслѣдника

---

[1]) М. П. Погодинъ преподавалъ въ это время въ Московскомъ университетѣ всеобщую исторію. Профессоромъ русской исторіи онъ сдѣланъ былъ въ 1836 году (Н. Барсуковъ: Жизнь и труды Погодина, IV, 347). Ф. В.

[2]) Статья эта, однако, не была напечатана въ этомъ журналѣ ни въ 1829, ни въ 1830 году. (См. мою статью о Гоголѣ въ «Русской Жизни» 1891 г., № 167). Ф. В.

[3]) См. тамъ же, № 168. Ф. В.

русскаго престола, занялся вскорѣ составленіемъ для своего царственнаго питомца историческихъ таблицъ, а Пушкинъ, только что окончившій и издавшій историческую пьесу: «Борисъ Годуновъ», съ 1831 года началъ работать въ архивахъ, собирая матеріалы для задуманной имъ исторіи Петра Великаго. Такимъ образомъ Гоголь могъ съ обоими вести разговоры не только о предметахъ литературныхъ, но и историческихъ. Извѣстно, какое важное образовательное значеніе придавалъ Жуковскій исторіи, которую онъ называлъ «сокровищницей просвѣщенія царскаго» и считалъ, что она «должна быть главною наукою наслѣдника престола» («Русская Старина» 1880 г., XXVII, 251). Трудно предположить, чтобы, при такомъ интересѣ къ исторіи со стороны Гоголя и Жуковскаго, между ними не происходили бесѣды на историческія темы.

Что касается разговоровъ Гоголя съ Пушкинымъ, то въ бумагахъ послѣдняго мы находимъ любопытный отрывокъ, имѣющій прямое отношеніе къ интересующему насъ вопросу. Между историческими замѣтками Пушкина попадается, между прочимъ, слѣдующая «программа»:

«Что называется нынѣ Малороссія? Что составляло прежде Малороссію? Когда отторгнулась она отъ Россіи? Долго ли находилась подъ владычествомъ татаръ? Отъ Гедимина до Сагайдачнаго, отъ Сагайдачнаго до Хмѣльницкаго, отъ Хмѣльницкаго до Мазепы, отъ Мазепы до Разумовскаго?» Въ собраніи его сочиненій программа эта отнесена къ 1825 году (см. «Сочиненія», изд. 8, V, 36), хотя Анненковъ, изъ «Матеріаловъ» котораго она перепечатывается въ сочиненіяхъ Пушкина, опредѣленнаго года и не указываетъ. Годъ, впрочемъ, и не играетъ тутъ особенной роли. Когда бы ни была написана Пушкинымъ эта программа, она показываетъ, что онъ интересовался исторіей Малороссіи, и этотъ интересъ, независимо отъ множества другихъ историческихъ темъ, представлялъ готовый матеріалъ для историческихъ бесѣдъ съ нимъ Гоголя. Вдобавокъ мы имѣемъ объ этихъ бесѣдахъ свидѣтельство самого Гоголя. Въ письмѣ его къ Пушкину отъ 23-го декабря 1833 года находимъ такія строки: «Я восхищаюсь заранѣе, когда воображу, какъ закипятъ труды мои въ Кіевѣ. Тамъ я выгружу изъ-подъ спуда многія вещи, изъ которыхъ я не всѣ еще читалъ вамъ» («Русскій Архивъ» 1880 г., II, 513). Значитъ, онъ не только бесѣдовалъ съ Пушкинымъ на историческія темы, но и читалъ ему нѣкоторые свои историческіе наброски.

Въ серединѣ 1832 года влеченіе Гоголя къ историческимъ занятіямъ нашло новую и весьма сильную поддержку со стороны историка-специалиста М. П. Погодина, а любовь къ малороссійской старинѣ сблизила его съ М. А. Максимовичемъ. Съ послѣднимъ знакомство началось еще въ 1829 году, «когда Максимовичъ, посѣтивъ Петербургъ, видѣлъ Гоголя за чаемъ у одного общаго ихъ

земляка, гдѣ собралось еще нѣсколько малороссіянъ» (Кулишъ: «Записки о жизни Гоголя», I, 116). Этой мимолетной встрѣчей знакомство пока и ограничилось: Гоголь до 1832 года не выѣзжалъ изъ Петербурга во внутреннія губерніи, а Максимовичъ, какъ профессоръ Московскаго университета, жилъ въ Москвѣ. Постоянныя же сношенія Гоголя съ Максимовичемъ, перешедшія вскорѣ въ тѣсную дружбу, начинаются съ осени 1832 года, когда Гоголь, на возвратномъ пути изъ деревни въ Петербургъ, проѣздомъ черезъ Москву, въ октябрѣ мѣсяцѣ, посѣтилъ Максимовича не только какъ земляка [1]), но и какъ издателя малороссійскихъ пѣсенъ [2]). Пѣсни эти и послужили ближайшимъ поводомъ къ ихъ сближенію. Для задуманнаго въ это время Максимовичемъ втораго изданія этихъ пѣсенъ понадобилась виньетка въ національномъ стилѣ, и Гоголь вызвался заказать ее въ Петербургѣ одному художнику-земляку. Письмомъ Гоголя къ Максимовичу по поводу этой виньетки начинается ихъ переписка.

Что касается до времени знакомства Гоголя съ М. П. Погодинымъ, то оно опредѣляется записью въ дневникѣ Погодина между 11 іюня—7 іюля 1832 года: «Познакомился съ Гоголемъ и имѣлъ случай сдѣлать ему много одолженія. Говорилъ съ нимъ о малороссійской исторіи. Большая надежда, если возстановится его здоровье. Онъ разсказывалъ мнѣ много чудесъ о своемъ курсѣ исторіи въ Патріотическомъ институтѣ женскомъ въ Петербургѣ. Изъ его воспитанницъ нѣтъ ни одной неуспѣвшей» [3]). По письмамъ Гоголя видно, что онъ пріѣхалъ въ 1832 году въ Москву (направляясь къ себѣ въ деревню) въ послѣднихъ числахъ іюня, а 8-го іюля онъ уже былъ въ Подольскѣ, на первой станціи отъ Москвы, по дорогѣ въ Малороссію (Кулишъ, V, 156—157). Слѣдовательно, знакомство его съ Погодинымъ состоялось въ концѣ іюня или началѣ іюля 1832 года. Изъ вышеприведенной выписки изъ дневника Погодина видно, на сколько Гоголь увлеченъ былъ въ это время историческими работами. При первомъ же знакомствѣ главной темой ихъ разговоровъ была исторія Малороссіи и курсъ исторіи, читанный Гоголемъ въ Патріотическомъ институтѣ, которымъ Гоголь на столько увлекался, что наговорилъ Погодину «много чудесъ» объ немъ. Конечно, тѣ, кто склоненъ отыскивать въ Гоголѣ разныя непривлекательныя качества, примутъ его историческіе разговоры съ Погодинымъ за хвастовство, за ничѣмъ не оправдывае-

---

[1]) М. А. Максимовичъ род. 3-го сентября 1804 года въ хуторѣ Тимковщина, близъ города Золотоноши, Полтавской губерніи. (См. С. Пономаревъ: «М. А. Максимовичъ», Журналъ Мин. Нар. Просв. 1871 г., X, 176). Ф. В.

[2]) С. Пономаревъ: «М. А. Максимовичъ» Журналъ Мин. Нар. Просв. 1871 г., X, 192—193. Сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ изданъ Максимовичемъ въ 1827 году. Ф. В.

[3]) Н. Барсуковъ: Жизнь и труды Погодина, IV, 113—114. Ф. В.

мыя претензіи малознающаго, но много о себѣ думающаго человѣка. На мой же взглядъ, само подобное отношеніе къ Гоголю есть не что иное, какъ ни на чемъ не основанное предубѣжденіе, не находящее себѣ подтвержденія ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ фактовъ, если разсматривать ихъ спокойно и безпристрастно. Было бы въ высшей степени важно разъяснить происхожденіе этихъ предубѣжденій, но для этого потребуется очень пристальный и до мелочей подробный психологическій анализъ какъ самого Гоголя, такъ и тѣхъ его современниковъ, глазами которыхъ мы до сихъ поръ смотримъ на Гоголя. Подобный анализъ, конечно, долженъ послужить предметомъ отдѣльной статьи, и поэтому я не буду здѣсь входить ни въ какія подробности по поводу существующихъ у насъ предубѣжденій относительно Гоголя и его личнаго характера, и ограничусь только категорическимъ заявленіемъ, что мое личное знакомство съ напечатаннымъ біографическимъ матеріаломъ о Гоголѣ привело меня къ положительному и опредѣленному выводу, который можно формулировать словами перваго его біографа Кулиша: «Гоголь самъ—лучшій свой біографъ, и если бы были напечатаны всѣ его письма, то не много нужно было бы прибавить къ нимъ объясненій для уразумѣнія исторіи его внутренней жизни» (Записки о жизни Гоголя, I, 87).

Къ этимъ вполнѣ вѣрнымъ словамъ Кулиша надо прибавить то, что высказали о Гоголѣ, вскорѣ послѣ его смерти, лица, короче другихъ его знавшія. Погодинъ, напримѣръ, совершенно справедливо замѣтилъ въ одномъ изъ номеровъ «Москвитянина» (1854 г., т. IV, отд. IV, стр. 35): «Мы увѣрены, что когда пройдетъ время крайнихъ взглядовъ на Гоголя, когда возьмутъ въ расчетъ, что онъ былъ высоконравственный писатель, и слѣдовательно не могъ быть дурнымъ человѣкомъ, а съ другой стороны, что онъ былъ, всетаки, человѣкъ и не лишенъ былъ человѣческихъ слабостей, какъ не были лишены ихъ Ломоносовъ, Фонвизинъ, Жуковскій, Пушкинъ и другія высокія личности, то мы будемъ имѣть настоящую біографію Гоголя». И это сказано человѣкомъ, имѣвшимъ личныя и весьма тяжелыя столкновенія съ Гоголемъ!

Другой современникъ Гоголя, С. Т. Аксаковъ, свидѣтельствуетъ въ своей «Исторіи знакомства съ Гоголемъ» («Русскій Архивъ», 1891, VIII, 12) о долговременной и тяжелой исторіи неполнаго пониманія Гоголя людьми, самыми ему близкими, искренно и горячо его любившими, называвшимися его друзьями. Эти тяжелыя недоразумѣнія, принесшія много горькихъ минутъ и Гоголю, и его друзьямъ, С. Т. Аксаковъ объяснялъ тѣмъ, что «безграничной, безусловной довѣренности въ свою искренность Гоголь не имѣлъ до своей смерти». При отсутствіи же такой безусловной довѣренности, ничего нѣтъ мудренаго, что въ отношенія къ нему его друзей впутались разныя недоразумѣнія и подозрѣнія, проистекавшія отъ не-

пониманія. А какъ велико было это непониманіе, показываетъ фактъ, что первый слухъ о сумашествіи Гоголя пущенъ былъ изъ той же, такъ горячо его любившей, семьи Аксаковыхъ (см. «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ» С. Т. Аксакова, «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 155) [1]).

На основаніи этихъ признаній современниковъ и друзей Гоголя, также какъ и на основаніи всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ фактовъ, я полагаю, что намъ пора отказаться отъ привычки заподозрѣвать всякое душевное движеніе Гоголя, пора отнестись къ нему проще, спокойнѣе и смотрѣть на него, какъ на человѣка, увлекавшагося и въ увлеченіи создававшаго себѣ грандіозныя, широкія задачи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣка вполнѣ искренняго и правдиваго, слова и поступки котораго надо понимать и принимать въ прямомъ смыслѣ, не стараясь отыскивать въ нихъ того, чего въ нихъ не было. Поэтому и на увлеченіе его исторіей надо смотрѣть не какъ на хвастовство, а именно какъ на увлеченіе, въ которомъ онъ искренно, безъ всякаго желанія хвастать и преувеличивать свои знанія и свои ученыя способности, считалъ себя способнымъ къ серьезному и небезплодному научному труду. И самъ Погодинъ такъ и взглянулъ на него при первомъ же знакомствѣ. Упомянувъ о происходившихъ между ними разговорахъ объ исторіи Малороссіи, задуманной Гоголемъ, Погодинъ прибавляетъ въ своемъ дневникѣ: «Большая надежда, если возстановится его здоровье». Очевидно, въ этихъ бесѣдахъ Гоголь не просто хвастался, а высказалъ свой взглядъ на историческія событія и показалъ достаточную степень ихъ пониманія.

Разсказы Гоголя о своихъ лекціяхъ исторіи въ Патріотическомъ институтѣ такъ заинтересовали Погодина, что онъ тотчасъ же обратился къ Плетневу [2]) съ просьбой прислать ему для просмотра тетради Гоголевскихъ ученицъ. Отвѣтъ Плетнева особенно для насъ интересенъ: «Не думаю, чтобы тетради ученицъ Гоголя могли вамъ на что нибудь пригодиться,—писалъ онъ Погодину.— Ихъ разсказъ уроковъ его очень пріятенъ, потому что

---

[1]) Только послѣ смерти Гоголя, въ 1852 году, ознакомившись съ оставшимися послѣ него бумагами, разборомъ которыхъ занимался С. П. Шевыревъ, С. Т. Аксаковъ понялъ все значеніе тѣхъ недоразумѣній, которыя происходили между Гоголемъ и его друзьями. «Отъ всей души благодарю васъ, — писалъ онъ Шевыреву, — за письмо ваше и за извѣщеніе о бумагахъ покойнаго друга нашего (то-есть Гоголя). Все найденное вами драгоцѣнно для насъ и все свидѣтельствуетъ, изъ какихъ трудовъ и святыхъ стремленій состояла непорочная жизнь его!.. Его обращеніе къ друзьямъ такъ взволновало мою душу, что я не скоро пришелъ въ состояніе его дослушать. Каждое слово въ немъ—святая правда и священный залогъ его къ намъ дружбы» («Русскій Архивъ», 1878, т. II, стр. 53). Ф. В.

[2]) Плетневъ былъ въ это время инспекторомъ классовъ въ Патріотическомъ институтѣ. Ф. В.

Гоголь останавливаетъ вниманіе учепицъ больше на подробностяхъ предметовъ, нежели на ихъ связи и порядкѣ. Я послѣ вашего письма нарочно пересматривалъ эти тетради и увѣрился, что ученическія записки всѣ равны, то-есть съ ошибками грамматическими, логическими и пр., и пр. Что касается до порядка въ исторіи, или какого нибудь придуманнаго Гоголемъ облегченія — этого ничего нѣтъ. Онъ тѣмъ же превосходитъ товарищей своихъ, какъ учитель, чѣмъ онъ выше сталъ многихъ, какъ писатель, то-есть силою воображенія, которое подъ его перомъ всему сообщаетъ чудную жизнь и увлекательное правдоподобіе» [1]).

Письмо это вполнѣ объясняетъ намъ, чѣмъ увлекался Гоголь въ своемъ преподаваніи. По свидѣтельству непосредственнаго его начальника, отвѣты его ученицъ были «очень пріятны», отличаясь не столько стройностью и систематичностью въ изложеніи историческихъ событій, сколько картинностью, благодаря тому, что самъ Гоголь останавливался въ своемъ преподаваніи болѣе всего на подробностяхъ, при помощи которыхъ возсоздавалъ передъ своими слушательницами цѣлыя историческія картины, сообщая имъ «чудную жизнь и увлекательное правдоподобіе». Очевидно, въ немъ сказывался, незамѣтно для него самого, болѣе всего поэтъ, а не ученый. Но, конечно, его ученицы не могли въ своей передачѣ, особенно письменной, сохранить всею поэтическую прелесть Гоголевскаго повѣствованія, и записки ихъ неизбѣжно должны были представлять блѣдную и уродливую копію Гоголевскихъ лекцій, наполненную, вдобавокъ, грамматическими и логическими ошибками. Въ сущности, Гоголь ничего другаго и не могъ сдѣлать по своему предмету. Надо вспомнить, что у него въ рукахъ былъ очень скудный матеріалъ. По свидѣтельству Погодина, преподававшаго въ это время всеобщую исторію въ Московскомъ университетѣ, тогдашніе студенты, кромѣ лекцій, не имѣли возможности пользоваться никакими посторонними пособіями для науки, ибо ученая русская литература была очень бѣдна, а иностранныя книги дороги, рѣдки и часто недоступны для нихъ по незнанію языковъ, на коихъ онѣ писаны. Поэтому профессору прежде всего приходилось позаботиться объ изданіи руководства. Но при этомъ Погодинъ чистосердечно сознавался, что онъ былъ не въ силахъ написать вскорѣ такое руководство, ибо не всѣ части исторіи были ему равно знакомы [3]). Вотъ каково было въ то время положеніе даже университетскаго профессора, нѣсколько лѣтъ уже преподававшаго всеобщую исторію. Что же мудренаго, что Гоголевскіе уроки исторіи не отличались особеннымъ научнымъ достоинствомъ.

---

[1]) Н. Барсуковъ: «Жизнь и труды Погодина», IV, 114. Ф. В.
[2]) Н. Барсуковъ: «Жизнь и труды Погодина», IV, 138. Ф. В.

Знакомство Гоголя съ Погодинымъ и Максимовичемъ еще болѣе усилило въ немъ увлеченіе историческими вопросами, а это увлеченіе увеличило, въ свою очередь, ту раздвоенность въ душѣ Гоголя, о которой говорено было выше и которая причиняла ему не мало душевныхъ тревогъ и мученій: сознательно онъ увлекался исторіей, безсознательно—отдавался во власть поэтическому вдохновенію. Очевидно, эти два противоположныя настроенія, сталкиваясь въ душѣ Гоголя, взаимно мѣшали другъ другу, парализовали другъ друга, и въ результатѣ получалась мучительная бездѣйственность, на которую онъ не разъ жалуется въ своихъ письмахъ. «Вы спрашиваете о «Вечерахъ Диканьскихъ, — писалъ онъ Погодину 1-го февраля 1833 г. изъ С.-Петербурга (Кулишъ, V, 168—169). — Чортъ съ ними! я не издаю ихъ; и хотя денежныя пріобрѣтенія были бы не лишнія для меня, но писать для этого, прибавлять сказки не могу. Никакъ не имѣю таланта заняться спекулятивными оборотами. Я даже забылъ, что я творецъ этихъ «Вечеровъ», и вы только напомнили мнѣ объ этомъ. Впрочемъ, Смирдинъ отпечаталъ полтораста экземпляровъ 1-й части, потому что второй у него не покупали безъ первой. Я и радъ, что не больше. Да обрекутся они неизвѣстности, покамѣстъ что нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня! Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется, великое не выдумывается...».

Пренебреженіе къ «Вечерамъ» и къ тѣмъ «сказкамъ», изъ которыхъ они составлены, объясняется, какъ увидимъ далѣе, тѣмъ, что въ это время въ головѣ Гоголя созрѣлъ уже сюжетъ для новаго произведенія, драматическаго («Владиміръ 3-й степени»), которое, однако, «не пошло у него изъ головы» (по выраженію Плетнева).

Въ такомъ же неподвижномъ положеніи находились и его историческія занятія, съ одной стороны — отъ той же причины, отъ которой не двигалось и его поэтическое творчество, то-есть отъ раздвоенности его влеченій; съ другой—эта научная бездѣятельность его проистекала отъ бѣдности матеріала. «Нельзя ли напечатать скорѣй афоризмы? [1]), — писалъ онъ Погодину 8-го мая 1833 года изъ С.-Петербурга. — У меня горло пересохло отъ жажды. Съ генваря мѣсяца и до сихъ поръ я не встрѣчалъ нигдѣ ни одной новой исторической истины. Набору словъ пропасть, выраженія усилены, сколько можно усилить, и фигурно чрезвычайно, а мысль, разглядишь, давно знакомая» (Кулишъ, V, 179). Единственный живой матеріалъ представляли для него народныя малороссійскія пѣсни, о которыхъ

[1]) «Историческіе афоризмы» Погодина вышли въ 1836 году. Ф. В.

часто и съ большимъ увлеченіемъ писалъ онъ Максимовичу. «Вы не можете представить,—читаемъ въ его письмѣ къ Максимовичу 9-го ноября 1833 г.,—какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни. Даже не историческія, даже пох—я: онѣ все даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе, увы, прошедшую жизнь и, увы, прошедшихъ людей» [1]).

Въ это время между пріятелями Гоголя возникаетъ мысль о его профессурѣ въ университетѣ, и это дастъ новую пищу его увлеченію исторіей. Обыкновенно думаютъ, что мысль эта принадлежитъ самому Гоголю, и потому въ той настойчивости, съ которой онъ добивался университетской каѳедры, видятъ явное доказательство его хвастливой самоувѣренности въ своихъ историческихъ познаніяхъ и профессорскихъ способностяхъ. Въ дѣйствительности же, какъ мы сейчасъ увидимъ, дѣло было не такъ.

Первое предложеніе о занятіи каѳедры въ университетѣ (Московскомъ) сдѣлано было Гоголю еще въ 1830 или 1831 г. (см. приводимое далѣе письмо его къ Пушкину), но онъ не придалъ ему тогда никакого значенія. Въ 1833 году вновь возникаетъ мысль о профессурѣ Гоголя, но уже не въ Москвѣ, а въ Кіевѣ, и иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ опять-таки не самому Гоголю, а Максимовичу. Въ этомъ году учрежденъ былъ университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ, и Максимовичъ, принявшись хлопотать о перемѣщеніи своемъ туда, задумалъ переманить туда и Гоголя. Въ отвѣтъ на предложеніе объ этомъ Гоголь писалъ Максимовичу:

«Благодарю тебя за все: за письмо, за мысли въ немъ, за новости и проч. Представь, я тоже думалъ: туда, туда! въ Кіевъ! въ древній, въ прекрасный Кіевъ! Онъ нашъ, онъ не ихъ, неправда? Тамъ, или вокругъ него, дѣялись дѣла старины нашей... ... Я работаю. Я всѣми силами стараюсь; но на меня находитъ страхъ: можетъ быть, я не успѣю!... Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою кіевскія каѳедры: много можно будетъ надѣлать добра... Но меня смущаетъ, если это не исполнится!.. Говорятъ, уже очень много назначено туда какихъ-то нѣмцевъ: это тоже не очень пріятно! Хотя бы для св. Владиміра побольше славянъ! Нужно будетъ стараться кого нибудь изъ извѣстныхъ людей туда впихнуть, истинно-просвѣщенныхъ и также чистыхъ и добрыхъ душою, какъ мы съ тобою» (стр. 27). Въ письмѣ къ Максимовичу отъ 12-го февраля 1834 года Гоголь опять упоминаетъ о предложеніи Максимовича насчетъ кіевской

---

[1]) С. Пономаревъ: «Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу», въ Сборн. Отд. русск. яз. и слов. имп. акад. наукъ, т. XVIII, № 3, стр. 26. Всѣ ссылки на письма Гоголя къ Максимовичу, которыя попадутся далѣе, я дѣлаю по этому изданію Пономарева, какъ болѣе исправному, чѣмъ у Кулиша. Поэтому повторять заглавія больше не буду, а ограничусь только указаніемъ страницъ. Ф. В.

каѳедры: «Въ одномъ письмѣ ты пишешь за Кіевъ. Я думаю ѣхать» (стр. 28). Самъ Максимовичъ въ своей автобіографіи, говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ, разсказываетъ: «Учрежденіе университета св. Владиміра въ Кіевѣ, послѣдовавшее 8-го ноября 1833 года, въ день св. Арх. Михаила, издревле принятаго въ гербъ Кіеву, повлекло его туда неодолимою силою. Туда же съ нимъ согласился было ѣхать и незабвенный землякъ его Гоголь» (Біографич. словарь професс. Московск. унив., II, 10).

Очевидно, такимъ образомъ, что первую идею о профессурѣ въ Кіевскомъ университетѣ далъ Гоголю Максимовичъ, и слѣдовательно она вовсе не была плодомъ самонадѣянности и самоувѣренности Гоголя. Окончательное и совершенно ясное подтвержденіе этого находимъ въ письмѣ Гоголя къ Максимовичу отъ 12-го марта 1834 года: «Молодецъ! меня подбилъ ѣхать въ Кіевъ, а самъ сидитъ и ни гàдки о томъ» (стр. 29) [1]).

Предложеніе Максимовича насчетъ профессуры въ Кіевѣ было, впрочемъ, уже не первое. Года за три до него Гоголю предлагали каѳедру въ Московскомъ университетѣ, но тогда министромъ народнаго просвѣщенія былъ князь Ливенъ, съ которымъ Гоголь не хотѣлъ имѣть дѣла. Кто и при какихъ обстоятельствахъ дѣлалъ ему такое предложеніе, остается неизвѣстнымъ, потому что мы имѣемъ одно только неясное упоминаніе объ этомъ предложеніи въ письмѣ Гоголя къ Пушкину. Разсказывая ему о своихъ хлопотахъ по поводу профессуры въ Кіевѣ, онъ писалъ (23-го декабря 1833 г.): «Я рѣшился, однакожъ, не зѣвать и, вмѣсто словесныхъ представленій, набросать мои мысли и планъ преподаванія на бумагу. Если бы Уваровъ [2]) былъ изъ тѣхъ, какихъ не мало у насъ на первыхъ мѣстахъ, я бы не рѣшился просить и представлять ему мои мысли, какъ и поступилъ я назадъ тому три года, когда могъ бы занять мѣсто въ Московскомъ университетѣ, которое мнѣ предлагали; но тогда былъ Ливенъ, человѣкъ ума недальняго» («Русскій Архивъ» 1880 г., т. II, стр. 512).

Но между тѣмъ какъ хлопоты Максимовича увѣнчались успѣхомъ и 4-го мая 1834 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ русской словесности въ Кіевскомъ университетѣ [3]), домогательства Гоголя встрѣтили препятствія, виною которыхъ частію былъ онъ самъ, главнымъ же образомъ — тогдашній попечитель Кіевскаго округа Брадке, желавшій пригласить на каѳедру всеобщей исторіи въ Кіевскомъ университетѣ профессора Харьковскаго университета Цыха. «Чтò ты пишешь про Цыха?—спрашивалъ Гоголь Макси-

---

[1]) «Ни гàдки», то-есть не гадаетъ, не думаетъ. Ф. В.

[2]) Новый министръ народнаго просвѣщенія. Ф. В.

[3]) С. Пономаревъ: «М. А. Максимовичъ», Журналъ министерства народнаго просвѣщенія 1871 г., X, 198. Ф. В.

мовича 29-го марта 1834 г., — развѣ есть какое нибудь оффиціальное объ этомъ извѣстіе? Министръ мнѣ обѣщалъ непремѣнно это мѣсто и требовалъ даже, чтобъ я сейчасъ подавалъ просьбу, но я останавливаюсь затѣмъ, что мнѣ даютъ только адъюнкта, увѣряя, впрочемъ, что черезъ годъ непремѣнно сдѣлаютъ ординарнымъ; и признаюсь, я сижу затѣмъ только еще здѣсь, чтобы какъ нибудь выработать себѣ на подъемъ и раздѣлаться кое съ какими здѣшними обстоятельствами» (стр. 31).

Не смотря, однако, на обѣщаніе министра, Гоголь очень хорошо понималъ, что безъ формальнаго согласія попечителя назначеніе его врядъ ли можетъ состояться, и потому писалъ Максимовичу 20-го апрѣля 1834 г.: «Да кстати о мнѣ: знаешь ли, что представленія Брадке чуть ли не больше значатъ, нежели нашихъ здѣшнихъ ходатаевъ [1])? Это я узналъ вѣрно. Слушай: сослужи службу: когда будешь писать къ Брадке, намекни ему о мнѣ вотъ какимъ образомъ: что вы бы, дескать, хорошо сдѣлали, если бы залучили въ университетъ Гоголя, что ты не знаешь никого, кто бы имѣлъ такія глубокія историческія свѣдѣнія и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія, и тому подобныя скромныя похвалы, какъ будто вскользь. Для примѣра ты можешь прочесть предисловіе къ грамматикѣ Греча, или Греча къ романамъ Булгарина. Онъ, сколько я замѣтилъ, основывается на видимомъ авторитетѣ и на занимаемомъ мѣстѣ. Ты, будучи ординарнымъ профессоромъ Московскаго университета, во мнѣніи его много значишь. Я же бѣдный — почти нуль для него: грѣшныхъ сочиненій моихъ онъ не читывалъ, имени не слыхивалъ, — стало быть, ему нечего и безпокоиться обо мнѣ. Тѣмъ болѣе мнѣ это нужно, что министръ, кажется, расположенъ сдѣлать для меня все, что можно, если бы только попечитель ему хотя слово прибавилъ отъ себя» (стр. 32). Это письмо обыкновенно приводится, какъ доказательство чуть не нахальства со стороны Гоголя, не стѣснявшагося будто бы прибѣгать къ такимъ средствамъ, какъ заказывать своимъ пріятелямъ похвалы небывалымъ своимъ достоинствамъ передъ оффиціальными лицами [2]). Но подобное пониманіе этого письма служитъ только однимъ изъ доказательствъ тѣхъ предубѣжденій противъ Гоголя, о которыхъ я упоминалъ выше. Въ дѣйствительности же это письмо

---

[1]) О Гоголѣ хлопотали передъ тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровымъ Жуковскій, Пушкинъ, кн. Вяземскій, Левашевъ, Дашковъ, профессоръ Никитенко. Ф. В.

[2]) См., напр., статью О. Ѳ. Миллера: «Гоголь въ его письмахъ, 1820—1842 г.», въ «Русской Старинѣ» 1875, т. XIV, стр. 106. Кстати сказать, вся эта статья проникнута такимъ пристрастно-враждебнымъ отношеніемъ къ Гоголю, что приходится сожалѣть, что авторомъ ея былъ многоуважаемый Орестъ Ѳедоровичъ. Я слышалъ, впрочемъ, отъ лица, близкаго къ покойному О. Ѳ. Миллеру, что онъ самъ впослѣдствіи сожалѣлъ, что написалъ ее. Ф. В.

Гоголя выражаетъ его пренебрежительный взглядъ на Брадке, котораго онъ считалъ человѣкомъ, ничего не понимающимъ, на все смотрящимъ съ формальной, чиновничьей точки зрѣнія, съ которымъ, поэтому, и разсуждать нечего, а приходится дѣйствовать на него тѣми средствами, какія казались Гоголю наиболѣе дѣйствительными. Это пренебрежительное отношеніе совершенно ясно обнаруживается въ совѣтѣ говорить съ нимъ языкомъ Булгарина и Греча. Уже одинъ этотъ совѣтъ показываетъ, что Гоголь не придавалъ никакого серьезнаго нравственнаго значенія своей просьбѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ его взглядъ на тотъ чиновничій міръ, среди котораго имѣли такой успѣхъ произведенія Греча, Булгарина и Сенковскаго. До совершенства постигнувъ всю безсодержательность, все нравственное убожество этого міра и мастерски изобразивъ намъ его въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, онъ и въ частныхъ сношеніяхъ своихъ выражалъ, конечно, тотъ же взглядъ. Сообщая, напр., Погодину о выходѣ перваго номера Смирдинской «Библіотеки для чтенія», редакторомъ которой былъ Сенковскій, Гоголь, сравнивъ Сенковскаго съ кабацкимъ забулдыгой, такъ характеризуетъ читателей новаго журнала: «Сословіе, стоящее выше Брамбеусины [1]), негодуетъ на безстыдство и наглость кабачнаго гуляки. Сословіе, любящее приличіе, гнушается и читаетъ. Начальники отдѣленій и директоры департаментовъ читаютъ и надрываютъ бока отъ смѣха. Офицеры читаютъ и говорятъ: «С—ъ С—ъ, какъ хорошо пишетъ!» Помѣщики покупаютъ и подписываются и, вѣрно, будутъ читать. Одни мы, грѣшные, откладываемъ на запасъ для домашняго хозяйства» (Кулишъ, V, 195).

Очевидно, онъ и кіевскаго попечителя относилъ именно къ числу тѣхъ начальниковъ отдѣленій и директоровъ департаментовъ, которые восхищались слогомъ Греча и Булгарина и помирали со смѣху, читая «Библіотеку для чтенія». Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ къ Максимовичу онъ очень невысоко поставилъ Брадке даже какъ чиновника: «Изъ всѣхъ открытій, сдѣланныхъ мною и другими достовѣрными людьми, оказывается, что нашъ Брадке знаетъ славно экзекуторскую должность при университетѣ; высшая же оркестровка не такъ имъ сподручна» [2]) (стр. 38). Доказательствомъ, что разсматриваемое нами

[1]) Сенковскій писалъ подъ псевдонимомъ барона Брамбеуса. Ф. В.

[2]) Должно замѣтить, что Гоголь сильно ошибался въ своемъ взглядѣ на Брадке. Напечатанныя въ «Русскомъ Архивѣ» 1875 г. (т. I, стр. 257—294) «Автобіографическія записки Егора Ѳедоровича фонъ-Брадке» рисуютъ его съ болѣе симпатичной стороны. Странно только, что Брадке вовсе не упоминаетъ о своихъ сношеніяхъ съ Гоголемъ, хотя изъ писемъ послѣдняго мы знаемъ, что въ бытность Брадке въ Петербургѣ Гоголь былъ у него по поводу своей кандидатуры на кіевскую каѳедру, а по отъѣздѣ Брадке въ Кіевъ получилъ отъ него письмо по тому же поводу.

письмо Гоголя къ Максимовичу не имѣло въ глазахъ Гоголя никакого особеннаго нравственнаго значенія, а онъ просто указывалъ въ немъ на обычный въ сношеніяхъ съ чиновниками пріемъ, служитъ письмо его къ Максимовичу отъ 1-го іюля 1834 г., въ которомъ онъ проситъ похлопотать объ опредѣленіи въ Кіевскій округъ одного изъ пріятелей своихъ, Шаржинскаго, и при этомъ даетъ точно такой же по смыслу совѣтъ о томъ, какъ надо говорить съ Брадке объ этомъ дѣлѣ (стр. 40 и 42). Въ такомъ же смыслѣ даетъ онъ совѣты и Пушкину, прося его похлопотать о кіевской каѳедрѣ передъ С. С. Уваровымъ («Русскій Архивъ» 1880 г., II, 512). Очевидно, въ совѣтахъ этихъ выразился выработанный Гоголемъ пріемъ для сношеній съ оффиціальными лицами, и слѣдовательно они не имѣютъ никакого личнаго отношенія къ самому Гоголю.

Брадке, впрочемъ, не особенно противился появленію Гоголя на кіевской каѳедрѣ. Онъ только не хотѣлъ поручить ему чтеніе всеобщей исторіи, для которой именно и пригласилъ Цыха; Гоголю же предоставлялъ лекціи по русской исторіи. Это приводило Гоголя въ отчаяніе, и онъ писалъ по этому поводу Максимовичу (28-го мая 1834 г.): «Мои обстоятельства очень странны: Сергѣй Семеновичъ (Уваровъ) даетъ мнѣ экстраординарнаго профессора и деньги на подъемъ, но, однако-жъ, ничего этого не выпускаетъ изъ рукъ и держитъ меня, не знаю для чего, здѣсь, тогда какъ мнѣ нужно дѣйствовать и ѣхать. Между тѣмъ Брадке пишетъ ко мнѣ, что не угодно ли мнѣ взять каѳедру русской исторіи, что сіе де прилично занятіямъ моимъ, тогда какъ онъ самъ обѣщалъ мнѣ, бывши здѣсь, что всеобщая исторія не будетъ занята до самаго моего пріѣзда, хотя бы это было черезъ годъ. А теперь, вѣрно, ее отдали этому Цыху, котораго принесло, какъ нарочно. Право, странно они воображаютъ, что различіе предметовъ это такая маловажность, и что кто читалъ словесность, тому весьма легко преподавать математику или врачебную науку, какъ будто пирожникъ для того созданъ, чтобы тачать сапоги. Я съ ума сойду, если мнѣ дадутъ русскую исторію» (стр. 34).

Дѣло въ томъ, что русская исторія вовсе не интересовала Гоголя, и онъ ничего въ ней не видѣлъ, кромѣ скуки. «Чортъ возьми, если бы я не согласился взять скорѣе ботанику или патологію, нежели русскую исторію,—писалъ онъ Максимовичу 10-го іюня 1834 года,—если бы это было въ Петербургѣ, я бы, можетъ быть, взялъ ее, потому что здѣсь я готовъ, пожалуй, два раза въ недѣлю на два часа отдать себя скукѣ» (стр. 36—37).

Пока шли эти переговоры о Кіевѣ, Погодинъ въ длинномъ письмѣ предложилъ Гоголю проситься адъюнктомъ исторіи въ Московскій университетъ. Но Гоголь отвѣтилъ (23-го іюня 1834 г.): «Письмо твое, противъ обыкновенія довольно обширное (вся 16-я доля листа была исписана кругомъ), я полу-

чилъ сего 20-го іюня и заранѣе догадывался, что дѣло, должно быть, важное. На предложеніе твое объ адъюнктствѣ я вотъ что скажу тебѣ. Я недавно только что просился профессоромъ въ Кіевъ, потому что здоровье мое требуетъ этого непремѣнно, также и труды мои [1]). Вотъ чѣмъ можно извинить мнѣ исканіе профессорства [2]), которое если бы не у насъ на Руси, то было бы самое благородное званіе. Прося профессорства въ Кіевѣ, я обезпечиваю тамъ себя совершенно въ моихъ нуждахъ, большихъ и малыхъ; но взявши московскаго адъюнкта, я не буду сытъ, да и климатъ у васъ въ Москвѣ ничуть не лучше нашего чухонскаго петербургскаго. Итакъ ты видишь физически невозможнымъ мое перемѣщеніе» [3]). Главная же причина отказа Гоголя отъ каѳедры въ Москвѣ заключалась, по всей вѣроятности, въ томъ, что онъ уже свыкся, такъ сказать, съ мыслію о Кіевѣ, и мечты о жизни въ этой «матери городовъ русскихъ» уже вполнѣ овладѣли его воображеніемъ. Считая свое перемѣщеніе въ Кіевъ почти уже окончательно рѣшеннымъ, онъ мечталъ даже «завестись домкомъ въ Кіевѣ» и радовался, что Максимовичъ, пріѣхавъ туда раньше его, можетъ пріискать и мѣсто для постройки дома (письма къ Максимовичу, стр. 38).

Но всѣмъ этимъ мечтамъ Гоголя о жизни на югѣ, вблизи родины, въ благодатной Украйнѣ, не суждено было сбыться, въ чемъ отчасти онъ самъ былъ виноватъ, предъявивъ требованія, которыя министръ не нашелъ возможнымъ удовлетворить (званіе ординарнарнаго профессора и шесть тысячъ рублей единовременно на уплату долговъ. См. «Дневникъ А. В. Никитенко», «Русская Старина» 1889 г., IX, 527—528). Вмѣсто экстраординарнаго профессорства въ Кіевѣ, на что уже соглашался, какъ мы видѣли, С. С. Уваровъ, онъ былъ назначенъ адъюнктомъ по всеобщей исторіи въ С.-Петербургскій университетъ, о чемъ и извѣстилъ Погодина въ письмѣ отъ 23-го іюля 1834 г.: «Я на время рѣшился занять здѣсь каѳедру исторіи, и именно среднихъ вѣковъ». Максимовичу же онъ подробно разсказалъ объ обстоятельствахъ, вслѣдствіе которыхъ ему пришлось остаться въ Петербургѣ.

«Что мнѣ было дѣлать съ вашимъ Брадке!—писалъ онъ ему 14-го августа 1834 года,—обѣщать и не исполнить обѣщаннаго—развѣ этакъ можно дѣлать? Жуковскій писалъ къ нему, что министръ наконецъ согласенъ мнѣ дать экстраординарнаго профессора и что отъ него теперь зависитъ. Въ отвѣтъ было получено письмо, что онъ, Брадке, согласенъ мнѣ дать адъюнкта (какъ будто объ адъюнктѣ его просили) и что это мѣсто для меня очень выгодное

---

[1]) То-есть занятія исторіей Малороссіи. Ф. В.

[2]) Неужели это языкъ хвастливаго и самонадѣяннаго человѣка? Ф. В.

[3]) Н. Барсуковъ: «Жизнь и труды Погодина», IV, 193. Ф. В.

(какъ будто я нищій и мнѣ оно дается изъ милости). Я заключилъ, что я не нуженъ, что я не имѣю счастія нравиться попечителю; стало быть, съ моей стороны весьма неприлично навязываться самому, а тѣмъ болѣе дѣйствовать мимо его. Я рѣшился ожидать благопріятнѣйшаго и удобнѣйшаго времени, хотѣлъ даже ѣхать осенью непремѣнно въ Гетманщину, какъ здѣшній попечитель кн. Корсаковъ предложилъ мнѣ, не хочу ли я занять каѳедру всеобщей исторіи въ здѣшнемъ университетѣ, обѣщая мнѣ черезъ три мѣсяца экстраординарнаго профессора, зане не было ваканціи. Я, хорошенько разочтя, увидѣлъ, что мнѣ выбраться въ этомъ году нельзя никакъ изъ Питера: такъ я связался съ нимъ долгами и всѣми дѣлами своими, что̀ было единственною причиною неуступчивости моихъ требованій въ разсужденіи Кіева. Итакъ я рѣшился принять предложеніе остаться на годъ въ здѣшнемъ университетѣ, получая тѣмъ болѣе правъ къ занятію въ Кіевѣ. Притомъ же отъ меня зависитъ пріобрѣсть имя, которое можетъ заставить быть поснисходительнѣе въ отношеніи ко мнѣ и не почитать меня за несчастнаго просителя, привыкшаго чрезъ длинныя переднія и лакейскія пробираться къ мѣсту» (стр. 41).

Такимъ образомъ, на службу свою въ Петербургскомъ университетѣ Гоголь смотрѣлъ, какъ на временную, не оставляя надежды перевестись впослѣдствіи въ Кіевъ. Сверхъ того, оказывается, что и на петербургскую каѳедру онъ попалъ не по собственной иниціативѣ, а по предложенію попечителя, съ которымъ сблизилъ его А. В. Никитенко («Русская Старина» 1889 г., IX, 527—528). Слѣдовательно, ни о какомъ самохвальствѣ Гоголя, ни о какомъ высокомъ его мнѣніи о своихъ ученыхъ достоинствахъ не можетъ быть и рѣчи. Самая мысль о его профессурѣ пришла въ голову не ему, а его друзьямъ-профессорамъ. Онъ только ухватился за нее и съ свойственнымъ ему увлеченіемъ стремился къ ея осуществленію. Конечно, онъ долженъ былъ думать, что университетское преподаваніе будетъ ему по силамъ, иначе онъ, безъ сомнѣнія, не сталъ бы и хлопотать. Но въ этомъ нельзя видѣть никакого самообольщенія: вѣдь сами университетскіе профессора подали ему мысль о его пригодности для университетскаго преподаванія. Какія же тутъ могли быть сомнѣнія? Профессоръ А. В. Никитенко объясняетъ, правда, свое ходатайство за Гоголя его самоувѣренностью. «Признаюсь,—писалъ онъ въ дневникѣ 21-го февраля 1835 года,—и я подумалъ, что человѣкъ, который такъ въ себѣ увѣренъ, не испортитъ дѣла, и старался его сблизить съ попечителемъ, даже хлопоталъ, чтобы его сдѣлали экстраординарнымъ профессоромъ. Но насъ не послушали и сдѣлали его адъюнктомъ» («Русская Старина» 1889 г., IX, 527—528). Но объясненіе это, какъ записанное post factum, уже по оставленіи Гоголемъ ка-

ѳедры въ университетѣ, нисколько не ослабляетъ значенія того обстоятельства, что Никитенко, вмѣстѣ съ Погодинымъ и Максимовичемъ, хлопоталъ о профессурѣ Гоголя. Неужели всѣ эти профессора, а вмѣстѣ съ ними и Жуковскій, и Пушкинъ, и кн. Вяземскій, и Дашковъ, и Левашевъ хлопотали о Гоголѣ только потому, что были введены въ заблужденіе его самоувѣренностью?! Не вѣрнѣе ли предположить, что сама эта самоувѣренность могла явиться у Гоголя именно вслѣдствіе того, что сами пріятели его, профессора, первые внушили ему мысль о профессурѣ.

Занявъ каѳедру въ университетѣ, Гоголь думалъ освободиться отъ всѣхъ другихъ занятій и потому писалъ матери 1-го августа 1834 г.: ...«Я скинулъ съ себя лишнюю обузу и отказался отъ другихъ занятій. Я теперь только профессоръ здѣшняго университета и больше никакой не имѣю должности, потому что и не имѣю желанія занять, и не имѣю времени» (Кулишъ, V, 222). Но изъ письма его къ Жуковскому, писаннаго почти черезъ годъ (15-го іюля 1835 г. изъ Полтавы), видно, что онъ не только состоялъ въ этомъ году преподавателемъ Патріотическаго института, но даже просилъ Жуковскаго похлопотать о томъ, чтобы мѣсто это осталось за нимъ и впредь, такъ какъ онъ получилъ «извѣщеніе изъ Петербурга о странномъ происшествіи», что мѣсто его въ Патріотическомъ институтѣ «долженствуетъ замѣститься другимъ» («Русскій Архивъ» 1871, № 4—5, стр. 949). Просилъ ли кого Жуковскій о сохраненіи за Гоголемъ уроковъ въ Патріотическомъ институтѣ, неизвѣстно, но съ осени 1835 г. Гоголь дѣйствительно остался при одномъ жалованьѣ адъюнкта и вслѣдствіе этого сильно бѣдствовалъ. 7-го октября 1835 г. онъ писалъ Пушкину: «Сдѣлайте милость, дайте какой нибудь сюжетъ, хоть какой нибудь смѣшной или несмѣшной, но русскій чисто анекдотъ. Рука дрожитъ написать тѣмъ временемъ комедію. Если-жъ сего не случится, то у меня пропадетъ даромъ время, и я не знаю, что дѣлать тогда съ моими обстоятельствами. Я, кромѣ моего сквернаго жалованья университетскаго 600 рублей, никакихъ не имѣю теперь мѣстъ. Сдѣлайте милость, дайте сюжетъ; духомъ будетъ комедія изъ пяти актовъ, и клянусь—куда смѣшнѣе чорта. Ради Бога: умъ и желудокъ мой оба голодаютъ» («Русскій Архивъ» 1880, II, 514). Письмо это еще разъ подтверждаетъ, что поэтическое творчество шло у Гоголя рядомъ съ занятіями исторіей.

Этимъ нѣсколько лѣтъ продолжавшимся увлеченіемъ Гоголя исторіей объясняются его широкія и хвастливыя на первый взглядъ затѣи: то написать и издать всеобщую исторію и всеобщую географію въ двухъ или трехъ томахъ, подъ названіемъ «Земля и люди»; то написать исторію Малороссіи въ шести малыхъ или четырехъ большихъ томахъ; то «дернуть» исторію среднихъ вѣковъ, которая «будетъ состоять томовъ изъ 8, если не изъ 9» (Кулишъ,

V, 168, 174, 198, 226, 231, 232). Во всѣхъ этихъ предположеніяхъ Гоголя гораздо болѣе увлеченія, чѣмъ самохвальства и самообольщенія,—увлеченія, вообще свойственнаго всѣмъ искренно и серьезно преданнымъ какому либо дѣлу. Подобныя несбывшіяся и съ виду хвастливыя намѣренія встрѣчаются въ біографіяхъ многихъ выдающихся дѣятелей. Бѣлинскій, напр., напечатавъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1841 г. (т. XV, отд. II, стр. 13—64) статью свою: «Раздѣленіе поэзіи на роды и виды», въ примѣчаніи къ ней объявилъ печатно, что онъ намѣренъ издать «Теоретическій и критическій курсъ русской литературы», и предлагаемая статья есть отрывокъ изъ этого сочиненія. Книга должна была выйдти въ началѣ 1842 года, объемомъ болѣе 30 листовъ «компактнаго изданія, въ большую осьмушку, въ два столбца среднимъ и мелкимъ шрифтомъ». Однако, не смотря на такое опредѣленное обѣщаніе, намѣреніе Бѣлинскаго такъ и осталось неисполненнымъ, и обѣщанная книга вовсе не появилась, а вмѣсто нея мы имѣемъ двѣнадцать томовъ сочиненій Бѣлинскаго.

Первое изъ поименованныхъ выше сочиненій Гоголя, представлявшее переработку его лекцій въ Патріотическомъ институтѣ, онъ уже началъ печатать (въ февралѣ 1833 г.), но, увидавъ его недостатки, остановилъ печатаніе (Кулишъ, V, 174). Исторіей Малороссіи онъ занимался довольно долго. Начавъ собираніемъ матеріаловъ, онъ приступилъ въ 1833 г. къ ихъ обработкѣ. «Теперь я принялся за исторію нашей единственной бѣдной Украйны,—писалъ онъ Максимовичу 9-го ноября 1833 года.—Мнѣ кажется, что я совершу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили» (стр. 26). О томъ же писалъ онъ Погодину 11-го января 1834 г. (см. далѣе).

Изъ письма къ Максимовичу отъ 12-го февраля 1834 г. узнаемъ и о размѣрахъ этого труда: «Исторію Малороссіи я пишу всю отъ начала до конца. Она будетъ или въ шести малыхъ, или въ четырехъ большихъ томахъ» (стр. 29). Изъ дальнѣйшихъ писемъ его къ Максимовичу видно, что эти занятія исторіей Малороссіи въ 1833 г. были повтореніемъ прежнихъ, начатыхъ давно, и въ 1833 г. онъ только переработывалъ написанное раньше. Сообщая ему 28-го мая 1834 г. о напечатанномъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» отрывкѣ изъ введенія въ исторію Малороссіи, онъ замѣчаетъ, что сама исторія писана «очень давно»; а въ слѣдующемъ письмѣ, писанномъ на другой день, онъ добавляетъ, что «этотъ отрывокъ не войдетъ въ цѣлое сочиненіе, потому что оно начато писаться послѣ того гораздо позже и нынѣ почти въ другомъ видѣ. Но изъ новой моей исторіи Малороссіи я никуда не хочу давать отрывковъ» (стр. 34 и 35). 23-го августа 1834 г. онъ опять писалъ ему: «Исторія моя терпитъ страшную перестройку: въ первой части цѣлая половина

совершенно новая» (стр. 42). Сообщеніе это вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что онъ писалъ въ вышеприведенномъ объявленіи объ изданіи исторіи малороссійскихъ казаковъ. Г. Тихонравовъ въ примѣчаніи къ повѣсти «Тарасъ Бульба» («Сочиненія» Гоголя, изд. 10-е, I, 569—577) указываетъ и матеріалы для исторіи Малороссіи, бывшіе въ рукахъ Гоголя, какъ-то: малороссійскія лѣтописи (рукописныя и печатныя); «Описаніе Украйны», Боплана; «Лѣтописецъ Малыя Россіи» въ журн. «Росс. Магаз.»; «Исторія Руссовъ», Конисскаго; «Малоросс. и червонорусск. народн. думы и пѣсни», сборникъ Лукашевича; «Исторія о казакахъ запорожскихъ», кн. Мышецкаго, которою онъ могъ пользоваться и въ рукописи, и въ книгѣ Шерера: «Annales de la Petite Russie»; «Истор. гос. Росс.» Стрыйковскаго. Къ этому перечню слѣдуетъ прибавить тѣ источники, указаніе на которые находимъ въ недавно напечатанной въ «Русской Старинѣ» (1892, мартъ, стр. 756—758) перепискѣ Гоголя съ извѣстнымъ славистомъ И. И. Срезневскимъ. Изъ этой переписки видно, что Гоголь довольно основательно былъ знакомъ съ тогдашней печатной и рукописной литературой по исторіи Малороссіи. Кромѣ изданнаго Срезневскимъ въ 1833 г. сборника: «Запорожская старина», Гоголь имѣлъ въ рукахъ сочиненія Конисскаго, Шафонскаго, Ригельмана; хорошо былъ знакомъ съ польскими историками, имѣлъ почти всѣ тѣ печатныя сочиненія, которыми пользовался Бантышъ-Каменскій, и, сверхъ того, работалъ въ какомъ-то петербургскомъ архивѣ. Самая переписка со Срезневскимъ возникла изъ-за напечатаннаго Гоголемъ объявленія объ «Исторіи Малороссіи». Будущій знаменитый славистъ тотчасъ откликнулся на этотъ вызовъ Гоголя и въ письмѣ къ нему выразилъ полную готовность дѣлиться съ Гоголемъ имѣвшимися въ его рукахъ матеріалами. Пока это—единственный, извѣстный намъ отвѣтъ на объявленіе Гоголя.

На сколько усердно собиралъ Гоголь матеріалы по исторіи Малороссіи и другихъ славянскихъ земель, показываетъ письмо его къ Максимовичу (23-го августа 1834 г.), въ которомъ онъ обращается къ нему съ такой просьбой: «Пронюхай, что̀ есть путнаго въ вашей библіотекѣ (въ Кіевск. унив.), относящагося до нашего края; весьма было бы хорошо, если бы ты поручилъ кому нибудь составить имъ маленькій реестрецъ, дабы я могъ все это принять къ надлежащему свѣдѣнію... Есть ли что нибудь на рукахъ у Берлинскаго? вѣдь онъ старый корпила... А у монаховъ неужели ни...? Это жаль» (стр. 42). Съ подобною же просьбою онъ обращался и къ Погодину (въ письмѣ 18-го января 1836 г.): «Не можешь ли ты чего нибудь мнѣ выкопать о славянахъ? Сдѣлай милость. Можетъ быть, ты составилъ какія нибудь выписки изъ разнаго сору, и особенно что нибудь о Галиціи древней и новой. Нѣтъ ли гдѣ какого нибудь описанія обрядовъ, обычаевъ ихъ и проч.?» (Кулишъ, V, 249). Черезъ мѣсяцъ онъ повторилъ Погодину эту

просьбу: «Не можешь ли прислать мнѣ каталога книгъ, пріобрѣтенныхъ и не пріобрѣтенныхъ, относительно славянской исторіи и литературы—очень обяжешь, и, если можно, въ двухъ-трехъ словахъ означить достоинство каждой и въ какомъ отношеніи можетъ быть полезна» (Кулишъ, V, 252). Все это свидѣтельствуетъ о серьезномъ и сильномъ интересѣ къ историческимъ сочиненіямъ и матеріаламъ со стороны Гоголя, и слѣдовательно его широкія задачи въ области исторіи не были простымъ и пустымъ хвастовствомъ. Сообщая своимъ друзьямъ о предполагавшихся имъ историческихъ сочиненіяхъ, Гоголь былъ искренно увѣренъ, что онъ дѣйствительно напишетъ всѣ эти книги, и эта увѣренность поддерживалась въ немъ всѣмъ тѣмъ психологическимъ процессомъ, который возбуждали въ немъ занятія исторіей и чтеніе историческихъ сочиненій, тѣми мыслями, образами, картинами, обобщеніями, которые у него накоплялись и которые онъ считалъ совершенно достаточными для того, чтобы сдѣлаться историкомъ. «Я весь теперь погруженъ въ исторію малороссійскую и всеобщую,— писалъ онъ Погодину 11-го января 1834 года,—и та, и другая у меня начинаетъ двигаться. Это сообщаетъ мнѣ какой-то спокойный и равнодушный къ житейскому характеръ, а безъ того я бы былъ страхъ сердитъ на всѣ эти обстоятельства. Ухъ, братъ! Сколько приходитъ ко мнѣ мыслей теперь! да какихъ крупныхъ! полныхъ, свѣжихъ! Мнѣ кажется, что сдѣлаю кое-что не общее во всеобщей исторіи. Малороссійская исторія моя чрезвычайно бѣшена, да иначе, впрочемъ, и быть ей нельзя. Мнѣ попрекаютъ, что слогъ въ ней уже слишкомъ горитъ, не исторически жгучъ и живъ; но что за исторія, если она скучна!» (Кулишъ, V, 196) [1]). Въ напечатанной вскорѣ послѣ этого письма статьѣ своей: «Планъ преподаванія всеобщей исторіи» (Журн. Мин. Нар. Пр., 1834, февраль), Гоголь высказываетъ тотъ же взглядъ на слогъ въ историческомъ изложеніи: «Слогъ профессора долженъ быть увлекательный, огненный. Онъ долженъ въ высочайшей степени овладѣть вниманіемъ слушателей... Возрастъ слушателей есть возрастъ сильныхъ впечатлѣній; и потому нужно имѣть всю силу, всю увлекательность, чтобы обратить этотъ энтузіазмъ ихъ на прекрасное и благородное; чтобъ разсказъ профессора дышалъ самъ энтузіазмомъ» («Сочиненія», изд. 10-е, V, 143—144).

Въ только что приведенномъ письмѣ Гоголя къ Погодину мы видимъ, что занятія исторіей благодѣтельно дѣйствовали на него,

---

[1]) Профессоръ Тихонравовъ въ примѣчаніяхъ своихъ къ статьѣ Гоголя «Взглядъ на исторію Малороссіи» («Сочиненія», изд. 10-е, V, 577) утверждаетъ, будто самая исторія Малороссіи вовсе не была написана Гоголемъ. Но если это такъ, то какъ же могли попрекать его за слогъ въ сочиненіи, которое вовсе не было написано? Ф. В.

сообщая ему «какой-то спокойный и равнодушный къ житейскому характеръ». То же самое находимъ и въ письмѣ его къ Максимовичу (9-го ноября 1833 г.). Оправдываясь въ томъ, что не прислалъ ничего для составлявшагося въ это время Максимовичемъ альманаха «Денница», онъ писалъ: «Я вамъ въ другой разъ непремѣнно приготовлю, что̀ вы хотите. Но не теперь. Если бы вы знали, какіе со мною происходили страшные перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня! Боже, сколько я пережогъ, сколько перестрадалъ! Но теперь я надѣюсь, что все успокоится, и я буду снова дѣятельный, движущійся. Теперь я принялся за исторію нашей единственной бѣдной Украйны. Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе. Мнѣ кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили» (стр. 26).

Эти слова Гоголя многое разъясняютъ намъ въ его неразгаданной до сихъ поръ духовной организаціи. Человѣкъ до крайности пылкій, воспріимчивый, увлекающійся, всему отдающійся вполнѣ, всѣмъ существомъ своимъ, онъ больше всего волновался во время поэтическаго творчества. Когда оно давало результатъ, волненія эти разрѣшались сильнымъ и глубокимъ чувствомъ самоудовлетворенія. Но когда творчество замедлялось, когда являлись только творческія мечты, не могшія почему либо воплотиться въ художественное произведеніе, Гоголь чрезвычайно мучился и волновался, и эти душевныя страданія, въ свою очередь, являлись помѣхой для правильнаго поэтическаго творчества. Ничего не дѣлать, сидѣть сложа руки, мучиться и ждать наступленія творческаго момента онъ не могъ. Ему надо было чѣмъ нибудь занять себя. При другомъ характерѣ, при бо̀льшей страстности, онъ могъ бы пуститься въ разгулъ. Но онъ былъ человѣкъ въ высшей степени нравственно воздержный, проникнутый высокими, идеальными стремленіями. А между тѣмъ клокотавшей въ немъ силѣ нуженъ былъ выходъ, нужно было приложеніе, занятіе. Историческія занятія по самому характеру своему удовлетворяли этой цѣли. По своему глубокому интересу, они привлекали вниманіе, заставляли на себѣ сосредоточиваться и такимъ образомъ служили матеріаломъ и для мысли, и для чувства, и для воображенія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по своей эпической объективности и по отдаленности отъ интересовъ минуты, отъ текущаго настроенія, они приносили душевное спокойствіе, а это спокойствіе возвращало Гоголю мало-по-малу и поэтическое вдохновеніе. Конечно, спокойствіе, навѣваемое историческими занятіями, было относительное. По самому характеру своему, Гоголь принадлежалъ къ разряду лицъ, которыя ни къ чему серьезному и важному не могутъ относиться съ «благоразумнымъ» спокойствіемъ. Дѣлаясь, подъ вліяніемъ впечатлѣній отъ историческихъ занятій, равнодушнымъ и спокойнымъ

къ «житейскому», Гоголь вовсе не спокойно относился къ самимъ этимъ занятіямъ. Всѣмъ увлекаясь, ото всего воспламеняясь, онъ увлекался до крайности и этими занятіями, и тѣмъ потокомъ идей, который они въ немъ возбуждали. Примѣромъ такого увлеченія можетъ служить то мѣсто въ вышеприведенномъ письмѣ его къ Погодину отъ 11-го января 1834 года, гдѣ онъ съ восторгомъ говоритъ о массѣ «крупныхъ, полныхъ, свѣжихъ» мыслей, порождаемыхъ въ немъ его историческими занятіями.

Уже одно это сильное и искреннее увлеченіе Гоголя исторіей лишаетъ насъ права насмѣшливо относиться къ его историческимъ занятіямъ и замысламъ. Что профессура не была его призваніемъ, это, конечно, врядъ ли можетъ подлежать какому либо сомнѣнію. Но въ его увлеченіи исторіей нѣтъ ничего смѣшнаго, а его историческія статьи (О среднихъ вѣкахъ, О преподаваніи всеобщей исторіи, Взглядъ на составленіе Малороссіи, Ал-Мамунъ, О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка) свидѣтельствуютъ о большой начитанности и объ умѣньѣ обобщать въ одну общую картину мелкія историческія подробности,—умѣньѣ, составляющемъ одну изъ принадлежностей хорошаго профессора исторіи. Въ письмахъ же его мы находимъ и другое качество, обязательное для всякаго ученаго: способность скептически и критически относиться къ своимъ собственнымъ научнымъ взглядамъ, мнѣніямъ и мыслямъ. Сообщая Погодину (20-го февраля 1833 г.) о томъ, что онъ началъ печатать сочиненіе свое «Земля и люди», онъ пишетъ: «Но я не знаю, отчего на меня нашла тоска... Корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я остановилъ печатаніе. Какъ-то не такъ теперь работается. Не съ тѣмъ вдохновенно-полнымъ наслажденіемъ царапаетъ перо бумагу. Едва начинаю и что нибудь совершу изъ исторіи, уже вижу собственные недостатки. То жалѣю, что не взялъ шире, огромнѣй объемъ, то вдругъ зиждется совершенно новая система и рушитъ старую» (Кулишъ, V, 174).

Въ 1834 году появились въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» двѣ статьи Гоголя: «Взглядъ на составленіе Малороссіи» и «О малороссійскихъ пѣсняхъ», которыя заслужили одобрительный отзывъ со стороны Погодина. Но Гоголь не обольстился этой похвалой и отвѣтилъ своему московскому пріятелю: «Весьма радъ, что тебѣ понравились мои статьи, хотя, признаюсь, я въ нихъ, особливо въ первой, мало нахожу того, что нужно бы и что можно бы сказать объ этомъ предметѣ» (Кулишъ, V, 214). Въ письмѣ къ нему же отъ 14-го декабря 1834 года онъ выражается еще рѣзче о своихъ историческихъ занятіяхъ: «Я съ каждымъ мѣсяцемъ и съ каждымъ днемъ вижу новое, и вижу свои ошибки. Не думай также, чтобъ я старался только возбудить чувства и воображеніе. Клянусь, у меня цѣль высшая! Я, можетъ

быть, еще мало опытенъ, я молодъ въ мысляхъ[1]), но я буду когда нибудь старъ. Отчего же я черезъ недѣлю уже вижу свою ошибку? Отчего же передо мною раздвигается природа и человѣкъ» (Кулишъ, V, 228). Наконецъ, увѣдомляя (6-го декабря 1835 г.) Погодина о выходѣ изъ университета, онъ писалъ о своемъ профессорствѣ: «Въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня» (Кулишъ, V, 247).

Скептицизмъ этотъ поддерживался въ немъ поэтической дѣятельностью, которая, сталкиваясь съ его «историческими» увлеченіями, ослабляла ихъ и сама, въ свою очередь, встрѣчала въ нихъ помѣху. Отсюда, въ связи со множествомъ другихъ частію житейскихъ, частію литературныхъ обстоятельствъ, частые періоды бездѣйствія у Гоголя въ разсматриваемую нами эпоху его жизни. Въ эти минуты бездѣйствія, апатіи, душевной пустоты и вызываемой всѣмъ этимъ раздражительности, когда человѣку ни на что смотрѣть не хочется, все кажется ему мелкимъ, ничтожнымъ, не стоящимъ вниманія, Гоголь и на свои собственныя поэтическія произведенія смотрѣлъ съ пренебреженіемъ. Мы уже видѣли выше, съ какимъ раздраженіемъ отозвался онъ Погодину (въ письмѣ отъ 1-го февраля 1833 г.) о своихъ «Вечерахъ на хуторѣ». «Да обрекутся они неизвѣстности, — писалъ онъ, — покамѣстъ что нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня! Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется, великое не выдумывается»... Черезъ недѣлю (8-го февраля 1833 г.) онъ и матери писалъ: «Не дѣлаю совершенно ничего: можетъ быть, я изъ дому вывезъ съ собою лѣнь[2]). И досадно, а ничего не хочется дѣлать» (Кулишъ, V, 170). Объ этомъ же апатичномъ своемъ состояніи онъ писалъ въ тотъ же день и другу своему А. С. Данилевскому: «Я вывезъ, однакожъ, изъ дому всю роскошь лѣта и ничего рѣшительно не дѣлаю. Умъ въ странномъ бездѣйствіи; мысли такъ растеряны, что никакъ не могутъ собраться въ одно цѣлое» (Кулишъ, V, 171). Въ дальнѣйшихъ письмахъ его находимъ, наконецъ, и объясненіе этой апатіи. 20-го февраля 1833 года онъ сообщалъ Погодину: «Я не писалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей; но до сихъ поръ я ничего не на-

---

[1]) Гоголю всего было въ это время 25 лѣтъ, обстоятельство, которое непремѣнно надо принимать въ расчетъ, ибо возрастъ игралъ не послѣднюю роль въ увлеченіяхъ Гоголя. Ф. В.

[2]) Вторую половину лѣта и начало осени предыдущаго 1832 года онъ провелъ у себя въ имѣніи. Ф. В.

писалъ. Уже и сюжетъ было началъ надняхъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради: «Владиміръ 3-й степени», и сколько злости, смѣху, соли [1])! Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыхъ цензура ни за что не пропуститъ. Что̀ изъ того, когда пьеса не будетъ играна? Драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она—какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу неоконченное произведеніе? Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ даже квартальный не могъ бы обидѣться. Но что̀ комедія безъ правды и злости! Итакъ за комедію не могу приняться. Примусь за исторію—передо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы—и исторія къ чорту! И вотъ почему я сижу при лѣни мысли» [2]).

Но хотя исторія и летѣла къ чорту, тѣмъ не менѣе цитируемое письмо оканчивается такой припиской: «Хотѣлъ было предложить два историческіе вопроса, сильно меня занимавшіе,—не разрѣшишь ли? но послѣ. Они требуютъ много бумаги. Видишь? Я, несмотря, всетаки, не могу совершенно освободиться отъ исторіи».

Сюжетъ новой комедіи на столько интересовалъ Гоголя, что онъ познакомилъ съ нимъ своихъ друзей, и одинъ изъ нихъ, Плетневъ, подѣлился этой радостью съ Жуковскимъ, находившимся въ это время въ Швейцаріи. «У Гоголя вертится на умѣ комедія,—писалъ онъ Жуковскому 8-го декабря 1832 года.—Не знаю, разродится ли онъ ею нынѣшней зимою; но я ожидаю въ этомъ родѣ отъ него необыкновеннаго совершенства. Въ его сказкахъ меня всегда поражали драматическія мѣста» (Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, III, 522). Но черезъ два мѣсяца въ перепискѣ Плетнева съ Жуковскимъ встрѣчаемъ письмо, которое вполнѣ подтверждаетъ только что приведенное письмо Гоголя къ Погодину. 17-го февраля 1833 года Плетневъ увѣдомлялъ Жуковскаго: «У Пушкина ничего нѣтъ новаго, у Гоголя тоже. Его комедія не пошла изъ головы. Онъ слишкомъ много хотѣлъ обнять въ ней, встрѣчалъ безпрестанно затрудненія въ представленіи и потому съ досады ничего не написалъ. Еще есть другая причина его неудачи: онъ въ такой холодной поселился квартирѣ, что цѣлую зиму принужденъ былъ бѣгать отъ дому, боясь тамъ заморозить себя. Такъ-то физическая сторона че-

[1]) Пьеса эта вполнѣ вовсе не была написана. Отдѣльныя сцены ея, въ переработанномъ видѣ, явились впослѣдствіи въ печати въ видѣ отдѣльныхъ пьесъ, подъ заглавіями: «Утро дѣловаго человѣка», «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывокъ». (См. «Сочиненія» Гоголя, изд. 10, II, 733—745). Ф. В.

[2]) «Русскій Архивъ» 1872 г., 2370. Здѣсь письмо это напечатано вполнѣ, тогда какъ у Кулиша (V, 174—176) въ немъ сдѣланы довольно существенные пропуски. Ф. В.

ловѣка иногда губитъ его духовную половину со всѣми въ ней зародышами» (тамъ же, III, 528) [1]).

Это бездѣйственное или, лучше сказать, безплодное душевное состояніе продолжалось у Гоголя довольно долго. 2-го іюля 1833 года, слѣдовательно полгода спустя послѣ вышеприведеннаго письма его къ Погодину, онъ писалъ Максимовичу въ отвѣтъ на просьбу прислать что нибудь для альманаха «Денница»: «Не знаю, напишу ли я что нибудь для васъ. Я такъ теперь остылъ, очерствѣлъ, сдѣлался такой прозой, что не узнаю себя. Вотъ скоро будетъ годъ, какъ я ни строчки. Какъ ни принуждаю себя, нѣтъ, да и только» (стр. 25).

Всѣ эти жалобы Гоголя на овладѣвшую имъ бездѣйственность нельзя, конечно, принимать буквально, то-есть въ томъ смыслѣ, будто онъ дѣйствительно ничего не писалъ въ это время. Мы видѣли выше, что въ это время задумана была имъ комедія «Владиміръ 3-й степени». Въ это же время онъ занятъ былъ изданіемъ «Пестрыхъ сказокъ» кн. В. Ѳ. Одоевскаго, о которыхъ писалъ А. С. Данилевскому (8-го февраля 1833 г.): «Пушкина нигдѣ не встрѣтишь, какъ только на балахъ. Такъ онъ протранжиритъ всю жизнь свою, если только какой нибудь случай и болѣе необходимость не затащатъ его въ деревню. Одинъ только князь Одоевскій дѣятельнѣе. Надняхъ печатаетъ онъ фантастическія сцены, подъ заглавіемъ «Пестрыя сказки». Рекомендую: очень будетъ затѣйливое изданіе, потому что производится подъ моимъ присмотромъ» (Кулишъ, V, 172) [2]). Сверхъ того, въ сотрудничествѣ съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и Пушкинымъ Гоголь затѣвалъ въ это время издать очень оригинальный альманахъ, о которомъ кн. Одоевскій писалъ Пушкину (28-го сентября 1833 г.): «Скажите, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, что̀ дѣлаетъ нашъ почтенный г. Бѣлкинъ (псевдонимъ Пушкина)? Его сотрудники Гомозейко и Рудый Панекъ, по странному стеченію обстоятельствъ, описали: первый гостиную, второй чердакъ; нельзя ли г. Бѣлкину взять на свою отвѣтственность погребъ? Тогда бы вышелъ весь домъ въ три этажа, и можно было бы къ тройчаткѣ сдѣлать картину, представляющую разрѣзъ дома въ три этажа съ различными въ каждомъ сценами. Рудый Панекъ даже предлагалъ са-

---

[1]) О холодной квартирѣ, измучившей Гоголя, см. также письмо его къ матери отъ 24-го іюня 1833 г. (Кулишъ, V, 182).

[2]) Сказки эти дѣйствительно вышли изъ печати въ концѣ февраля 1833 года, (цензурная помѣта 19-го февраля) подъ заглавіемъ: «Пестрыя сказки съ краснымъ словцомъ, собранныя Иринеемъ Модестовичемъ Гомозейкою, магистромъ философіи и членомъ разныхъ ученыхъ обществъ, изданныя В. Безгласнымъ», Спб., 1833 г., 16°. Печатались онѣ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и по внѣшности представляютъ вполнѣ изящное по тому времени изданіе.

мый альманахъ назвать такимъ образомъ: Тройчатка, или альманахъ въ три этажа, соч. и проч. Чтò на это скажетъ г. Бѣлкинъ? Его рѣшенiе нужно бы знать немедленно, ибо заказывать картинку должно теперь, иначе она не поспѣетъ и Тройчатка не выйдетъ къ новому году, чтò кажется необходимымъ» («Русскiй Архивъ», 1864 г., стр. 814). Но Пушкинъ, находившiйся въ это время въ нижегородскомъ своемъ имѣнiи Болдинѣ, тоже испытывалъ состоянiе бездѣйствiя и потому отвѣтилъ кн. Одоевскому: «Виноватъ, ваше сiятельство, кругомъ виноватъ! Прiѣхавъ въ деревню, думалъ—распишусь, не тутъ-то было. Головная боль, хозяйственныя хлопоты, лѣнь—барская, помѣщичья лѣнь, такъ одолѣли меня, что не приведи Боже. Не дожидайтесь Бѣлкина; не на шутку, видно, онъ покойникъ, не бывать ему на новосельѣ ни въ гостиной Гомозейки, ни на чердакѣ Панькà! Не достоинъ онъ, видно, быть въ ихъ компанiи. А куда бы не худо до погреба-то добраться... Кланяюсь Гоголю. Что его комедiя? Въ ней же есть закорючка» («Русскiй Архивъ» 1864 г.). Вопросъ Пушкина о комедiи Гоголя кн. Одоевскiй отнесъ (въ примѣчанiи своемъ къ письму Пушкина) къ «Ревизору». Но профессоръ Тихонравовъ въ юбилейномъ изданiи этой комедiи справедливо замѣтилъ (стр. V), что она еще и не зарождалась въ это время въ головѣ Гоголя, и потому отнесъ вопросъ Пушкина къ «Женитьбѣ». Можно, думается мнѣ, отнести его и къ «Владимiру 3-й степени», и это даже будетъ вѣрнѣе, такъ какъ Пушкинъ могъ и не знать еще о «Женитьбѣ». Отказъ Пушкина былъ, вѣроятно, причиной, что «альманахъ въ три этажа» такъ и не появился на свѣтъ. Въ это же время начаты были Гоголемъ повѣсти «Носъ», «Старосвѣтсткiе помѣщики», «Тарасъ Бульба», «Вiй», «Невскiй проспектъ» и комедiи «Женитьба» и «Игроки» («Сочиненiя» изд. 10-е, II, 565—567, 570, 695, 715). Но Гоголь оставался недоволенъ всѣми этими сочиненiями; они, очевидно, не давались ему, и онъ ихъ безжалостно уничтожалъ. Отвѣчая (вѣроятно, въ концѣ 1833 г.) Погодину на вопросъ, чтò онъ пишетъ, Гоголь съ отчаянiемъ писалъ: «Охъ, братецъ! зачѣмъ ты спрашиваешь, что я пишу, что я затѣваю, что у меня написано? Знаешь ли ты, какой мнѣ дѣлаешь вопросъ, и чтò мнѣ твой вопросъ? Ты похожъ на хирурга, который запускаетъ адскiй свой щупалъ въ пылающую рану и доставляетъ больному самую прiятную забаву: муку. Какой ужасный для меня этотъ 1833 годъ! Боже, сколько кризисовъ! Настанетъ ли для меня благодѣтельная реставрацiя послѣ разрушительныхъ революцiй? Сколько я поначиналъ, сколько пережегъ, сколько бросилъ! Понимаешь ли ты ужасное чувство: быть недовольнымъ самимъ собою. О, не знай его! Будь счастливъ и не знай его. Это одно и то же. Это нераздѣльно. Человѣкъ, въ котораго вселилось это адъ-чувство, весь превращается въ злость, онъ одинъ составляетъ оппозицiю

противъ всего. Онъ ужасно издѣвается надъ собственнымъ безсиліемъ. Боже, да будетъ все это къ добру!» [1]).

То же самое признаніе находимъ и въ письмѣ къ Максимовичу отъ 9-го ноября 1833 года, которое было уже приведено выше и въ которомъ Гоголь оправдывается въ томъ, что не могъ ничего прислать для альманаха «Денница». Въ этомъ же письмѣ онъ сообщаетъ о множествѣ начатыхъ, но неудавшихся ему произведеній: «У меня есть сто разныхъ началъ и ни одной повѣсти, и ни одного даже отрывка полнаго, годнаго для альманаха» (стр. 25—26).

Очевидно, поэтическое творчество Гоголя претерпѣвало тяжелый кризисъ, разрѣшившійся, наконецъ, отчаяннымъ воплемъ, вырвавшимся изъ самой глубины наболѣвшей души. Наканунѣ 1834 года, со страхомъ, но и съ какой-то непонятной надеждой вглядываясь въ свою будущность, Гоголь взывалъ къ своему «Генію»: «Молю тебя, жизнь души моей, мой Геній! О, не скрывайся отъ меня! Пободрствуй надо мною въ эту минуту и не отходи отъ меня весь этотъ, такъ заманчиво наступающій для меня, годъ. Какое же будешь, ты, мое будущее? Блистательное ли, широкое ли, кипишь ли великими для меня подвигами, или?... О, будь блистательно, будь дѣятельно, все предано труду и спокойствію! Что же ты такъ таинственно стоишь предо мною, 1834 годъ? Будь и ты моимъ ангеломъ. Если лѣнь и безчувственность хотя на время осмѣлятся коснуться меня,—о, разбуди меня тогда! Не дай имъ овладѣть мною!... О!... Я не знаю, какъ назвать тебя, мой Геній! Ты, отъ колыбели еще пролетавшій съ своими гармоническими пѣснями мимо моихъ ушей, такія чудныя, необъяснимыя донынѣ зарождавшій во мнѣ думы, такія необъятныя и упоительныя лелѣявшій во мнѣ мечты! О, взгляни! Прекрасный, низведи на меня свои небесныя очи. Я на колѣняхъ. Я у ногъ твоихъ! О, не разлучайся со мною! Живи на землѣ со мною хоть два часа каждый день, какъ прекрасный братъ мой! Я совершу... Я совершу. Жизнь кипитъ во мнѣ. Труды мои будутъ вдохновенны. Надъ ними будетъ вѣять недоступное землѣ божество! Я совершу... О, поцѣлуй и благослови меня!» («Сочиненія», изд. 10, V, 105—106).

Эти душевныя страданія, бывшія, очевидно, одною изъ главныхъ причинъ его неудачи, какъ профессора, должны были еще болѣе усиливаться отъ той двойственности влеченій, вслѣдствіе которой Гоголь самъ не зналъ, что онъ такое: поэтъ или историкъ? Это попеременное увлеченіе то исторіей, то поэтическимъ творчествомъ продолжалось вплоть до оставленія имъ каѳедры въ университетѣ (въ концѣ 1835 года). Объ этой перемѣнѣ въ своемъ по-

---

[1]) Н. Барсуковъ: «Жизнь и труды Погодина», IV, 145—146.

ложеніи онъ увѣдомилъ Погодина (6-го декабря 1835 года) въ такихъ выраженіяхъ:

«Я расплевался съ университетомъ и черезъ мѣсяцъ опять беззаботный казакъ. Неузнанный я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти полтора года, годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся,— въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня... Миръ вамъ, мои небесныя гостьи, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку [1])! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія, когда вы исторгнетесь съ большею силою, и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика и проч., и проч. Я тебѣ одному говорю это; другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ, и больше ничего. Мимо, мимо все это!» (Кулишъ, V, 246—247).

На этихъ искреннихъ, дружески-задушевныхъ строкахъ стòитъ остановиться. Въ нихъ Гоголь жалуется, что онъ остался неузнаннымъ въ роли профессора, и обвиняетъ въ своемъ безславіи ученыхъ невѣжъ, ученую и неученую чернь. На первый взглядъ, послѣ извѣстныхъ уже намъ признаній Гоголя въ своихъ собственныхъ научныхъ ошибкахъ, въ дѣтскости мыслей, ограниченности свѣдѣній, такая жалоба, конечно, кажется странной и рисуетъ Гоголя не болѣе, какъ жалкимъ хвастуномъ, что онъ самъ, какъ мы видимъ, сознавалъ. Но именно это сознаніе свидѣтельствуетъ, что онъ разумѣлъ здѣсь не свои ученыя познанія, недостаточность которыхъ самъ видѣлъ лучше всякаго другаго, а тѣ поэтическіе образы и картины, которые создавались у него изъ находившагося въ его рукахъ скуднаго историческаго матеріала и при посредствѣ которыхъ ему становился ясенъ жизненный смыслъ историческихъ явленій, ясенъ до такой степени, что ему казалось, будто онъ уже можетъ внести эту ясность и въ свои лекціи. Но такъ какъ въ данномъ случаѣ тѣ «небесныя гостьи, наводившія на него божественныя минуты», о которыхъ онъ говоритъ въ своемъ письмѣ, были плодомъ вдохновенія, а не изученія, вдохновеніе же, какъ настроеніе, измѣнчивое по существу, не всегда находится во власти поэта, то Гоголь и не смогъ справиться съ задачей, за которую взялся по увлеченію. Но онъ самъ не понималъ этого до тѣхъ

[1]) Онъ дѣйствительно прожилъ весь 1835 годъ «въ тѣснотѣ», вынужденный выѣхать изъ прежней квартиры по случаю передѣлки дома (Кулишъ, V, 233—234). Ф. В.

поръ, пока не оставилъ каѳедры,—не понималъ не потому, что преувеличивалъ свои ученыя познанія, а потому, что слишкомъ увлекался поэтическимъ творчествомъ, которое изъ сухихъ и скудныхъ историческихъ матеріаловъ создавало живыя и яркія картины прошлой жизни. Неопровержимымъ доказательствомъ этого служитъ исторія созданія Гоголемъ повѣсти «Тарасъ Бульба» и неоконченной пьесы изъ англійской исторіи «Альфредъ», подробно изложенная въ превосходныхъ примѣчаніяхъ г. Тихонравова къ 10-му изданію сочиненій Гоголя.

Не догадываясь, въ чемъ дѣло, Гоголь думалъ, что и другіе могутъ также оживить сухой историческій матеріалъ, передаваемый имъ на лекціяхъ. Но тутъ и постигла его неудача. Слушатели его, не одаренные поэтическимъ вдохновеніемъ, апатично слушали его, въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно сухія лекціи, и это заставило его написать Погодину (14-го декабря 1834 г.): «Знаешь ли ты, что значитъ не встрѣтить сочувствія, что значитъ не встрѣтить отзыва? Я читаю одинъ, рѣшительно одинъ въ здѣшнемъ университетѣ. Никто меня не слушаетъ, ни на одномъ ни разу не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина. И оттого я рѣшительно бросаю теперь всякую художническую отдѣлку, а тѣмъ болѣе желаніе будить сонныхъ слушателей. Я выражаюсь отрывками, и только смотрю въ даль и вижу его въ той системѣ, въ какой оно явится у меня вылитою черезъ годъ. Хоть бы одно студенческое существо понимало меня!» (Кулишъ, V, 228).

Обвиняя своихъ слушателей въ непониманіи, онъ, очевидно, не видѣлъ, что, во-первыхъ, изъ его отрывочнаго изложенія мудрено было и понять что нибудь, а, во-вторыхъ, понимать историческія данныя такъ, какъ онъ самъ понималъ, то-есть облекать ихъ въ живыя, художественныя картины и сцены, никто изъ его слушателей не могъ.

Всѣ эти тщетныя попытки Гоголя сдѣлаться историкомъ причиняли ему, конечно, весьма много душевныхъ тревогъ, огорченій, разочарованій, и когда онъ, наконецъ, отказался отъ нихъ и, вмѣстѣ съ оставленіемъ профессорской каѳедры, оставилъ навсегда и свои занятія исторіей, онъ сразу почувствовалъ облегченіе, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ произведеніями, задуманными имъ на историческія темы («Тарасъ Бульба», «Альфредъ»), его еще сильнѣе поглощали произведенія, содержаніе которыхъ взято было имъ изъ современной дѣйствительности (Ревизоръ», «Женитьба», «Миргородъ», «Арабески»). Цитированное выше письмо его къ Погодину, съ извѣстіемъ объ оставленіи каѳедры, оканчивается такими словами:

«Теперь я вышелъ на свѣжій воздухъ. Это освѣженіе нужно въ жизни, какъ цвѣтамъ дождь, какъ засидѣвшемуся въ кабинетѣ

прогулка. Смѣяться, смѣяться давай теперь побольше. Да здравствуетъ комедія!».

Такимъ радостнымъ восклицаніемъ привѣтствовалъ Гоголь освобожденіе свое отъ нѣсколько лѣтъ продолжавшагося заблужденія. И дѣйствительно было чему радоваться: его восклицаніе возвѣстило Погодину объ окончаніи безсмертнаго «Ревизора».

Ф. Витбергъ.

ЕРМАКЪ ВЪ БЫЛИНАХЪ РУССКАГО НАРОДА.

АСТОЯЩІЙ очеркъ имѣетъ цѣлью представить эпическій образъ Ермака по былинамъ, гдѣ объ этомъ историческомъ героѣ говорится, какъ о богатырѣ, сражающемся противъ татаръ, подобно другимъ русскимъ богатырямъ. Есть нѣсколько до извѣстной степени отличающихся одинъ отъ другаго пересказовъ былинъ о томъ, какъ Ермакъ вмѣстѣ съ Ильей Муромцемъ велъ борьбу противъ татаръ. Нѣтъ необходимости для ознакомленія читателя съ эпосомъ объ Ермакѣ передавать содержаніе каждаго такого отдѣльнаго пересказа. Чтобы дать понятіе объ этомъ эпосѣ и по возможности полнѣе представить эпическій образъ Ермака, достаточно сгруппировать въ одно цѣлое всѣ характеристическія черты о нашемъ героѣ, заключающіяся въ былинахъ. Въ былинахъ такъ называемаго Владимірова цикла Ермакъ фигурируетъ въ числѣ русскихъ богатырей, окружающихъ кіевскаго князя Владиміра. По этимъ былинамъ, нашъ богатырь является однимъ изъ дѣятельныхъ защитниковъ Русской земли и ея стольнаго города Кіева отъ нашествія грозныхъ татарскихъ полчищъ. Эпитетъ «младой» (младый, молодой), придаваемый народомъ въ былинахъ Ермаку, наглядно показываетъ, что этотъ позднѣйшій народный герой, по отношенію къ эпохѣ князя Владиміра, творческой народной фантазіей отнесенъ къ разряду самыхъ младшихъ богатырей, то-есть къ поколѣнію богатырей, выступающему на поле дѣятельности уже послѣ Ильи Муромца и его старыхъ товарищей. Предлагаемый очеркъ, — считаемъ нужнымъ оговориться, — не имѣетъ

цѣлью изслѣдованія былинъ объ Ильѣ Муромцѣ и Ермакѣ Тимоѳеевичѣ, какъ таковыхъ, то-есть, какъ произведеній устной народной словесности. Такая задача не входитъ въ предѣлы настоящей статьи. Въ данномъ случаѣ насъ только интересуетъ, какой именно эпическій образъ Ермака нарисовалъ себѣ народъ въ былинахъ,—образъ, хотя бы даже и совершенно фантастическій и неисторическій, по которому, однако, можно судить о тѣхъ или иныхъ чувствахъ народныхъ по отношенію къ историческому Ермаку. Какъ извѣстно, народныя преданія и легенды о какомъ либо замѣчательномъ историческомъ дѣятелѣ могутъ до извѣстной степени служить для характеристики даннаго лица, и такого рода матеріалъ при историческихъ изслѣдованіяхъ, безъ сомнѣнія, долженъ быть принятъ во вниманіе.

Былины, въ которыхъ нашъ Ермакъ является однимъ изъ русскихъ богатырей, могутъ быть, для болѣе удобнаго обозрѣнія ихъ, раздѣлены на двѣ группы: въ нѣсколькихъ былинахъ говорится о подвигахъ богатырей, и въ томъ числѣ Ермака, въ борьбѣ съ татарскимъ царемъ Калиномъ, и въ одной былинѣ разсказывается о боѣ богатырей съ татарскимъ царемъ Мамаемъ и Бабищей Мамаишной[1]).

Прежде чѣмъ излагать, какъ, по народному представленію, нашъ Ермакъ защищалъ Русскую землю отъ татарскаго царя Калина, скажемъ, при какихъ именно обстоятельствахъ выступаетъ онъ въ роли богатыря. Въ этомъ случаѣ, какъ увидимъ, народъ рисуетъ себѣ дѣятельность Ермака въ особенно привлекательномъ свѣтѣ; народъ относится къ богатырю съ симпатіей и приписываетъ ему особенную славную роль и большое значеніе. Дѣло было такъ.

---

[1]) Былины, въ которыхъ воспѣваются богатырскіе подвиги Ермака, намъ извѣстны слѣдующія. Во-первыхъ, въ сборникѣ Рыбникова напечатано четыре былины подъ общимъ названіемъ «Объ Ильѣ Муромцѣ и Ермакѣ Тимоѳеевичѣ» (Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Часть I. Народныя былины, старины и побывальщины. Москва. 1861. Былины: № 19, стр. 97—106; № 20, стр. 106—114; № 21, стр. 114—118, и № 22, стр. 118—119). Затѣмъ, въ сборникѣ онежскихъ былинъ, записанныхъ А. Ѳ. Гильфердингомъ, находится пять былинъ, съ одинаковымъ названіемъ «Илья Муромецъ и Калинъ царь»; изъ этихъ былинъ двѣ (Онежскія былины, записанныя Александромъ Ѳедоровичемъ Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 года; съ двумя портретами онежскихъ рапсодовъ и напѣвами былинъ. Спб. 1873. Былины: № 92, столбцы 556 — 559, и № 121, ст. 655—659) являются варіантами двухъ былинъ, записанныхъ раньше Рыбниковымъ (№ 21, стр. 114 — 118, и № 22, стр. 118 —119), а остальныя три записаны впервые самимъ Гильфердингомъ (Онежскія былины, № 69, столбцы 372—384; № 105, ст. 599—603, и № 138, ст. 704—711). Наконецъ, одна былина объ Ильѣ Муромцѣ и Ермакѣ Тимоѳеевичѣ напечатана въ числѣ пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ (Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ; изданы обществомъ любителей россійской словесности. Изданіе 2, безъ измѣненій. Москва. 1868. Выпускъ 1, отдѣлъ V, № 1, стр. 58—66).

Татарскій царь Калинъ съ несмѣтнымъ войскомъ подступаетъ къ Кіеву, замышляя отнять у князя Владиміра его жену, «молоду Опраксу Королевичну». Царь чрезъ своего посланнаго требуетъ, чтобы князь Владиміръ приготовилъ для татарскаго войска «палату княженецкую» и «подворья богатырскія», чтобы очистилъ улицы, снялъ съ церквей кресты, чтобы курилъ «зелено вино», которое понадобится для свадебнаго пира Калина-царя. Владиміръ сильно запечалился, не видя возможности бороться съ «силой невѣрной». Князь пріужахнулся, порасплакался, закричалъ во всю голову, сталъ сзывать богатырей на думу на великую. Съѣхались въ Кіевъ на пиръ русскіе могучіе богатыри; пьютъ, ѣдятъ, веселятся, только не веселъ былъ «одинъ солнышко Владиміръ князь». Когда всѣ гости узнали, какая бѣда угрожаетъ Кіеву, тоже пріуныли. Князь спрашиваетъ богатырей: что дѣлать, какъ поступить? Илья совѣтуетъ послать царю Калину богатые дары и просить у него сроку на три (или на два) мѣсяца, чтобы имѣть время «съ силой поисправиться» и собрать «дружину хоробрую». Князь Владиміръ такъ и поступилъ. Царь Калинъ далъ сроку на три мѣсяца. Илья уѣхалъ изъ Кіева собирать богатырей. Но вотъ прошло уже три мѣсяца, а Ильи съ богатырями нѣтъ какъ нѣтъ. Пригорюнился Владиміръ и въ великомъ горѣ думаетъ, что вотъ, должно быть, придется отдать Кіевъ безбожному Калину-царю. Однако, еще не теряя надежды избавиться отъ бѣды, князь во второй разъ сзываетъ богатырей и устроиваетъ для нихъ пиръ. Собралось множество гостей, но «никто не пьетъ да не кушаетъ, а у всѣхъ повѣшены да буйны головы ай какъ ниже плечъ своихъ могучіихъ, притуплены очушки ясныи во кирпичный полъ». Не даромъ такая кручина напала на князя Владиміра и всѣхъ его гостей. По одному пересказу былины выходитъ, что Ильюша, вмѣсто того, чтобы спѣшить на помощь Кіеву, посылаетъ богатырей, своихъ «крестовыхъ, названыхъ братцевъ», сказать князю, что они ничѣмъ не могутъ помочь ему. Приходитъ, прежде всѣхъ, къ князю Владиміру Добрыня Никитичъ и заявляетъ: «Мои бѣлы ручки примахалися, бьючись татаровей поганыихъ; мои рѣзвы ножки прискакалися; мои ясны очи помутилися, глядючись на татаровей поганыихъ. Не могу больше служить-стоять за славенъ стольный Кіевъ-градъ». Точно также отказывается отъ борьбы съ татарами Потыкъ Ивановичъ и даже самъ Илья Муромецъ. Такимъ образомъ, «отперлись всѣ могучіе богатыри» защищать Кіевъ.

Итакъ, Кіеву угрожало нападеніе татарскаго царя Калина, а помощи ниоткуда не появлялось. Въ этотъ-то критическій моментъ и выступаетъ на защиту Кіева нашъ младой Ермакъ Тимоѳеевичъ. Онъ предлагаетъ свои услуги богатырскія князю Владиміру или на пиру, вторично устроенномъ княземъ, или же просто приходитъ одинъ.

На пиру, при всеобщемъ уныніи и горѣ, поднимается со своего мѣста «середняго» «молодой Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ» и говоритъ князю «таковы слова»:

«Ай же солнышко да Владиміръ, князь стольне-кіевскій!
«А спусти-тко меня да ты въ чисто̀ полё.
«Ай какъ съѣзжу я да сыщу топерь
«А какъ стараго казака да Илью Муромца
«А со всей я съ дружиной со хороброю».

Князь недовѣрчиво относится къ богатырской удали Ермака, считаетъ его молодцомъ молодёшенькимъ, молодцомъ всего «лѣтъ двѣнадцати». «Не видать тѣ, — говоритъ князь нашему богатырю, — стараго казака да Ильи Муромца: вѣдь промедлилось времечки три мѣсяца, а въ три мѣсяца, Богъ знатъ, куда у его топерь уѣхано, а какъ може уѣхано край свѣтушка край бѣлаго». Затѣмъ князь наливаетъ виномъ чару въ полтора ведра, вѣсомъ въ полтора пуда, и подаетъ ее одной рукой богатырю, который и выпиваетъ все вино «единымъ здухомъ». Послѣ этой чары, Ермакъ еще два раза обращается ко князю съ просьбой отпустить его «въ чисто̀ полё» и выпиваетъ при этомъ такихъ же двѣ чары; Владиміръ, всетаки, не соглашается отпустить богатыря въ виду его молодости. Осушивъ третью чару, Ермакъ уже не обращается съ рѣчью ко князю Владиміру, а самовольно выскакиваетъ изъ-за стола, бѣжитъ вонъ изъ княжескихъ палатъ, садится на своего коня и уѣзжаетъ, но куда—князь не знаетъ: за Ильей ли Муромцемъ, звать его со «дружиной хороброю» для защиты Кіева, или во «Елисины поля», къ татарамъ.

А Ермакъ отправился къ Елисей-рѣкѣ, на Елисины поля, гдѣ

«...стоитъ-то ужъ силушки, какъ на чисто̀мъ поли,
«А какъ мелкаго лѣсу шумячего,
«Ай не видно ни краю да ни берега,
«Ай какъ знамѐньёвъ на чистомъ поли,
«Какъ сухого лѣсу жаро̀ваго».

Увидя такую «силушку», младой Ермакъ Тимоѳеевичъ «пораздумался»:

«А хошь много силы на чисто̀мъ поли,
«Ай какъ столько могу я разбить на своемъ да на добро̀мъ конѣ,
«А не захватить меня во рать во силы великіей
«А поганыимъ воинамъ,
«А потому что у м'ня подо мной да конь крылатый».

Ермакъ хотѣлъ было уже напасть на «рать—на силу великую», какъ вдругъ въ это время пріѣзжаетъ биться съ силой самъ Илья Муромецъ съ тридцатью могучими богатырями. Илья поручаетъ пятнадцати богатырямъ не пускать силы за Елисей-рѣку, а другимъ пятнадцати—не давать ей ходу «на чисто поле». Самъ Илья

отправился биться съ татарской силой на правой сторонѣ, а Ермакъ—на лѣвой. И вотъ такъ-то богатыри, въ томъ числѣ и Ермакъ, напали на силушку со всѣхъ сторонъ, и не прошло и шести часовъ, какъ богатыри «силу присѣкли до единаго». Молодой Ермакъ напалъ на самого Калина-царя, схватилъ его за желтые кудри, билъ его и при этомъ приговаривалъ:

«Ай какъ вотъ тебѣ, безбожный Калинъ-царь,
«Вотъ тебѣ улушки распаханы,
«Со тыхъ Божьихъ церквей чудны кресты сняты вѣдь,
«Ай какъ вотъ во церквахъ сдѣланы стойлы лошадиныи,
«Вотъ тѣ умыты да вѣдь палаты бѣлокаменны!
«Нѣтъ, не приписывай ерлуковъ скорописчатыхъ
«Ай ко нашему солнышку князю Владиміру
«Ай съ угрозамы со великама!»

Затѣмъ Ермакъ «здынулъ» царя Калина «выше буйныя головушки» и ударилъ его о землю, такъ что «на ёмъ да кожа лопнула».

Покончивъ съ царемъ Калиномъ и съ его «силой великою», богатыри пріѣхали въ Кіевъ къ князю Владиміру съ извѣстіемъ объ этомъ. Князь на радостяхъ устроилъ для удалыхъ молодцовъ «столованье почестенъ пиръ». Народъ также не былъ забытъ: для него, по приказанію князя, были открыты всѣ «кабаки-конторы», и каждый могъ пить, что пожелаетъ — вино, пиво или медъ, и веселиться [1]).

По другому пересказу [2]), когда богатыри русскіе отказались защищать стольный градъ Кіевъ, и когда князь Владиміръ вторично обратился съ воззваніемъ о помощи къ русскимъ богатырямъ, на этотъ зовъ откликается «младъ Ермакъ Тимоѳеевичъ», и вотъ:

«Идетъ молодецъ по новымъ сѣнямъ,
«Идетъ онъ, будто подпирается,
«Ступененки, мостинки подгибаются»...

Приходитъ Ермакъ и спрашиваетъ Владиміра:

«Ай же ты, мой любимый дяденька!
«А чего кричишь, тревожишься?»

Князь объясняетъ Ермаку, что «на славный на Кіевъ градъ наѣхалъ собака сударь Калинъ-царь».

Младой Ермакъ говоритъ князю:

«Ай же ты, любимый мой дяденька!
«Я могу служить-стоять за стольный Кіевъ градъ.
«А есть ли у тебя латы-кольчуга въ сорокъ пудъ,
«Есть ли палица мнѣ въ сорокъ пудъ,
«А есть ли мнѣ добрый конь
«Возить удалаго добра молодца?»

---

[1]) Гильфердингъ. Онежскія былины. № 69, столбцы 372—384.
[2]) Рыбниковъ. Пѣсни. Часть I. Былина № 19, стр. 97—106.

Владиміръ относится съ недовѣріемъ къ словамъ Ермака и говоритъ ему, что онъ — «дитя захвастливо, заносливо, — заносливо дитя, неразумое». Богатырь настаиваетъ на своей просьбѣ и, чтобы отправиться въ походъ противъ царя Калина, проситъ князя только дать ему палицу, латы-кольчугу и коня богатырскаго.

Наконецъ, Владиміръ соглашается принять услугу Ермака и предоставляетъ ему коня и все богатырское вооруженіе. Богатырь выбралъ себѣ коня «по люби», «облатился молодецъ, окольчужился», «а латы-кольчуга призаржавѣли», но Ермакъ ударилъ ихъ о кирпичный полъ, и «слетѣла ржа отъ латъ-кольчуги».

Ѣдетъ Ермакъ по чистому полю, а на полѣ собралось тридцать богатырей безъ одного [1]), сидятъ молодцы въ бѣлополотняномъ шатрѣ, сидятъ и забавляются, «играютъ въ шашки-шахматы, во тыи велеи золоченыя»; самъ Илья Муромецъ спитъ на кровати «рыбій зубъ», подъ собольимъ одѣяльцемъ [2]). Пришелъ Ермакъ къ богатырямъ и «закричалъ во всю голову», обращаясь къ старому казаку Ильѣ:

«Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
«Спишь, молодецъ, прохлаждаешься,
«Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
«На наше на село на прекрасное,
«На славенъ на Кіевъ градъ
«Наѣхалъ собака сударь Калинъ-царь».

Илья, проснувшись, посылаетъ Ермака на какую-то высокую гору посмотрѣть «въ трубочку подзорнюю» на силу татарскую, чтобы рѣшить: «многимъ ли молодцамъ ѣхати, а двумъ ли, тремъ ли молодцамъ ѣхати, али всѣмъ русскіимъ богатырямъ».

Поѣхалъ Ермакъ посмотрѣть на силу татарскую и видитъ: эта сила такъ велика, что мать сыра-земля колеблется, погибается; нигдѣ конца не видно силѣ татарской, такъ что «померкло солнышко красное отъ того отъ пару отъ татарскаго». «Разгорѣлось сердце богатырское» у Ермака, «заѣхалъ молодецъ во середочку» силы и «началъ онъ силушку охаживать»:

«Куды махнетъ палицей, туды улица,
«Перемахнетъ — переулочекъ».

Бьется Ермакъ съ татарской силой день, другой и третій день; самъ богатырь ничего не ѣстъ, не пьетъ и коню отдыха не даетъ. Между тѣмъ Илья Муромецъ, спохватившись, что Ермакъ такъ долго не возвращается, спрашиваетъ своихъ товарищей-богатырей:

---

[1]) Гильфердингъ. Онежскія былины. № 138, столбцы 704—711: богатыри собрались на полѣ, на заставѣ великой, только въ числѣ двѣнадцати.

[2]) Ibidem: богатыри раскинули свои шатры и отдыхали у дуба Невида, у креста Леванидова, у бѣлаго камня Олатыря.

Ibidem, былина № 92, столбецъ 558: богатыри собирались на Елескинѣ полѣ, у сыра дуба Невида, у камня Латыря.

«Пріѣзжалъ ли Ермакъ Тимоѳеевичъ со тоя горы со высокія?». Богатыри отвѣчаютъ, что Ермакъ не пріѣзжалъ. Тогда Илья съ укоризной говоритъ своимъ товарищамъ: «Ахъ вы, дурни, русскіе богатыри! погубили вы головку наилучшую: бьется тамъ Ермакъ—пересядется!». Затѣмъ богатыри осѣдлали коней (стала мать сыра-земля подрагивать), пріѣхали къ силѣ татарской; оказалось, что этой силы такое множество, что богатырямъ совсѣмъ не видно сражающагося съ ней Ермака. Илья Муромецъ посылаетъ своихъ товарищей отыскивать Ермака «по крайчикамъ» силы, а самъ ѣдетъ «по середочкѣ искать млада Ермака Тимоѳеевича». А Ермакъ, между тѣмъ, не переставая, разъѣзжаетъ по силѣ татарской:

«Куды махнетъ палицей, туды улица,
«Перемахнетъ — переулочекъ».

Наконецъ, Илья отыскалъ Ермака, слѣзъ со своего коня, вскочилъ къ Ермаку на коня, схватилъ богатыря за могучія плечи и закричалъ ему во всю голову: «Ахъ ты, младъ Ермакъ Тимоѳеевичъ! укроти свое сердце богатырское, а мы нонь за тебя поработаемъ: ты бьешься, Ермакъ, самъ пересядешься!» И младой Ермакъ послушался Ильи Муромца, укротилъ свое сердце богатырское, а богатыри, съ Ильей Муромцемъ во главѣ, сдѣлали свое дѣло: «прибили они всю силу въ три часа», такъ что не оставили въ живыхъ ни одного татарина. Съ царемъ Калиномъ расправился самъ Илья Муромецъ.

По третьему пересказу былины [1]), дѣло происходило нѣсколько иначе. Когда Дунаюшка Ивановичъ отправился съ подарками къ царю Калину просить срока на три мѣсяца, чтобы «съ силой поисправиться», въ это время къ князю Владиміру является послѣ «тихаго Дунаюшки Ивановича» другой молодецъ — Ермакъ Тимоѳеевичъ [2]). Приходитъ Ермакъ, «крестъ онъ кладетъ пописаному, поклонъ ведетъ поученому», кланяется князю Владиміру и «всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ»; затѣмъ обращается къ Владиміру:

«Дядюшка Владиміръ, князь стольно-кіевскій!
«Дай-ка мнѣ прощеньице-благословеньице
«Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
«Поотвѣдать мнѣ-ка силушки поганаго».

Князь отказывается дать Ермаку «прощеньице-благословеньице повыѣхать въ раздольице чисто поле». «Ты, Ермакъ, младешенекъ,—говоритъ Владиміръ молодцу:—младешенекъ, Ермакъ, глу-

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. Часть I. Былина № 20, стр. 106—114.

[2]) По одному варіанту былины (Гильфердингъ. Онежскія былины. № 105, столбцы 599—603), раньше Ермака Тимоѳеевича ко князю Владиміру приходилъ Илья Муромецъ, который и отправился съ подарками къ царю Калину просить сроку на три мѣсяца, а не Дунаюшка Ивановичъ.

пешенекъ, молодой Ермакъ, ты лѣтъ двѣнадцати[1]), на добромъ конѣ ты не ѣзживалъ, въ кованомъ сѣдлѣ ты не сиживалъ, да и палицы въ рукахъ не державалъ, ты не знаешь споноровки богатырскія». Послѣ этого богатырь проситъ у Владиміра «прощеньица-благословеньица» только посмотрѣть на силу поганую; Ермакъ обращается къ своему дядюшкѣ Владиміру съ такими словами:

«Ай же ты, дядюшка мой рӧдныій,
«Владиміръ, князь стольно-кіевскій!
«Когда не дашь мнѣ прощеньица-благословеньица
«Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
«Поотвѣдать силушки поганаго,
«Такъ дай-ка мнѣ прощеньице-благословеньице
«Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
«Посмотрѣть столько на силушку поганую».

Князь далъ прощеньице-благословеньице Ермаку посмотрѣть на силушку поганую, и богатырь сталъ снаряжаться въ эту поѣздку [2]). Ермакъ надѣвалъ «одежицу забранную», «сѣдлалъ добра коня богатырскаго, засѣдлывалъ коня, улаживалъ, покладалъ онъ потничекъ шелковенькій, полагалъ на потничекъ сѣделышко черкасское, подтянулъ подпружики шелковыя, полагалъ стремяночки желѣза булатняго, пряжечки полагалъ чиста золота, не для красы, Ермакъ, для угожества, а для-ради укрѣпы богатырскія: подпруги шелковыя тянутся,—онѣ нѐ рвутся; стремяночки желѣза булатняго гнутся,—они не ломятся; пряжечки красна золота—онѣ мокнутъ, не ржавѣютъ». Садится богатырь на коня, беретъ съ собой «палицу булатнюю» и «вострое копье муржамецкое». Снарядившись такимъ образомъ, Ермакъ выѣхалъ въ чистое поле посмотрѣть на силушку поганую и видитъ:

«Нагнано-то силушки чернымъ черно,
«Чернымъ черно, какъ чернаго ворона;
«И не можетъ пропекать красное солнышко
«Между паромъ лошадиныимъ и человѣческимъ;
«Вёшніимъ долгіимъ денечкомъ
«Сѣрому звѣрю вокругъ не обрыскати,
«Меженныимъ долгіимъ денечкомъ
«Черну ворону этой силы не обграяти,
«Осенніимъ долгіимъ денечкомъ
«Сѣрой птицѣ вокругъ не ȍблетѣть».

Богатырь не испугался силы, въѣхалъ въ нее и сталъ колоть ее копьемъ и топтать конемъ. Бьется Ермакъ съ силой по-

[1]) По варіанту былины (Гильфердингъ. Онежскія былины. № 121, столбцы 655—659), князь называетъ Ермака юношею «отъ роду семнадцати лѣтъ».

[2]) По былинѣ у Гильфердинга (№ 105, ст. 601), Ермакъ проситъ у князя прощеньица-благословеньица повыѣхать на гору Латынскую, «гди свои воины тридцать безъ воина стоитъ».

ганой, ни на минуту не останавливаясь, не давая отдыха ни самому себѣ, ни своему богатырскому коню, оставаясь впродолженіе цѣлыхъ сутокъ безъ ѣды, безъ питья; но Ермакъ нисколько не ослабѣлъ, а татарской силы въ полѣ стало меньше [1]).

Въ то время, какъ Ермакъ бьется съ поганой силой,—одиннадцать богатырей русскихъ, съ Ильей Муромцемъ во главѣ, остаются на Московской заставѣ, на славной, на высокой Скатъ-горѣ [2]). «Думаемъ мы думушку великую, — говоритъ Илья Муромецъ своимъ крестовымъ братцамъ, славнымъ богатырямъ святорусскимъ,— какъ намъ приступить къ эвтой силушкѣ поганаго, а молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ бьется онъ цѣлыя суточки, не ѣдаючись и не пиваючись, и добру коню отду̀ху не даваючись». Затѣмъ Илья обращается къ Алешѣ Поповичу и посылаетъ его удержать Ермака отъ дальнѣйшей битвы съ силой. Поѣхалъ Алеша укрощать Ермака, наложилъ на его «плечики могучія» «храпы крѣпкіе», но нашъ богатырь оборвалъ трои храпы. Возвращается Алеша на Скатъ-гору, къ богатырямъ, и заявляетъ Ильѣ Муромцу, что «не могъ пріунять богатыря святорусскаго и не могъ укротить его силушки великія». Тогда Илья посылаетъ для укрощенія Ермака Добрыню Микитинца, но и этотъ богатырь, не справившись съ младымъ Ермакомъ, возвращается на Скатъ-гору. Пришлось, наконецъ, самому Ильѣ отправиться къ Ермаку, и вотъ Илья Муромецъ подъѣхалъ къ «богатырю святорусскому», наложилъ «свои храпы крѣпкіе» на его «плечики могучія», «прижималъ его къ своему ретивому сердечушку» и говорилъ ему:

«Ай же, младъ Ермакъ Тимоѳеевичъ!
«Ты, Ермакъ, позавтракалъ,
«Оставь-ка намъ пообѣдати,
«Прикроти-тко свою силушку великую».

Но въ концѣ концовъ вотъ что произошло:

«Тутъ молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ,
«Со этыихъ побоевъ со великіихъ,
«Со этыихъ съ ударовъ со тяжелыихъ,
«Кровь-то въ немъ была очень млàдая,
«Тутъ молодой Ермакъ—онъ преставился».

---

[1]) По варіанту былины, напечатанному въ сборникѣ Гильфердинга (№ 105, столбецъ 601), когда Ермакъ выѣхалъ въ чистое поле, ему «пришло двѣ путидороженьки: одна на гору ту Латынскую, а другая къ царю Калину въ чисто поле». Ермакъ, по словамъ былины, «перекрестилъ свои глаза да на востокъ идти», причемъ богатырь разсуждалъ: «Не поѣду я на гору на Латынскую, а поѣду я во силу во поганую, попробую я своихъ плечъ богатырскіихъ, храбрости своея молодецкоей». Затѣмъ онъ приближается къ силѣ царя Калина; былина такъ изображаетъ начало битвы богатыря съ татарами: «Не ясёнъ соколъ напускается на гусей, лебедей, на сѣрыихъ малыихъ уточекъ, на татаръ да на поганыихъ напущается Ермакъ Тимоѳеевичъ. Ѣдетъ онъ —улицà валитъ, свѐркнетъ—переулочкой».

[2]) По варіанту былины, помѣщенному въ сборникѣ «Онежскихъ былинъ» Гильфердинга (№ 105, столбцы 599—603), гора называется Латынской.

Послѣ этого Илья возвращается на Скатъ-гору, беретъ съ собой богатырей и разгоняетъ, при ихъ помощи, «литву поганую» [1]).

По другому пересказу былины «объ Ильѣ Муромцѣ и Ермакѣ Тимоѳеевичѣ», въ основныхъ чертахъ сходному съ вышеизложеннымъ, Ермакъ, не смотря на рѣшительный отказъ дяденьки Владиміра дать своему племяннику «прощеньице-благословеньице изъ города изъ Кіева повыѣхать», всетаки уѣхалъ изъ Кіева и прибылъ на Елискино поле, къ дубу Невиду, къ камню Латырю, гдѣ собрались русскіе могучіе богатыри. Отсюда богатыри послали Ермака посмотрѣть на «силу—войско татарское». Нашъ богатырь, вмѣсто того, чтобы только посмотрѣть на силу татарскую, вступилъ съ нею въ бой. Алеша Поповичъ и Добрыня Никитичъ ѣздили укрощать Ермака «баграмы желѣзныма», и богатырь былъ укрощенъ [2]). Чтò было далѣе,—неизвѣстно, такъ какъ пѣвецъ (сказитель) не могъ передать конецъ пѣсни собирателю Рыбникову. Въ другихъ разнорѣчіяхъ этой былины, по словамъ собирателя былинъ Рыбникова, бой съ силой татарской оканчивается смертью Ермака: отъ истощенія силъ онъ надорвался [3]).

Въ сборникѣ «Онежскихъ былинъ» А. Ѳ. Гильфердинга находится былина объ Ильѣ Муромцѣ и царѣ Калинѣ, гдѣ роль Ермака отмѣчается нѣкоторыми оригинальными чертами, дополняющими характеристику эпической личности нашего богатыря. Богатырская дѣятельность Ермака по этой былинѣ рисуется въ слѣдующемъ видѣ [4]).

Когда всѣ богатыри выѣхали изъ Кіева, князь Владиміръ закручинился и сталъ жаловаться, что «у стольняго у города у Кіева хлѣба трёснуть-ѣсть ė кому, а за Кіевъ градъ пòстоять некому». Тутъ какъ разъ появляется нашъ младой Ермакъ Тимоѳеевичъ, который «повыскочилъ зъ-за тыхъ зъ-за бочекъ зъ-за винныихъ» и говоритъ князю:

«Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Ай ты, мой крестный батюшко!
«Дай-ко мнѣ коня богатырскаго,
«Поѣду въ дàлече во чистò поле,
«На эту на зàставу великую».

---

[1]) По варіанту этой былины, помѣщенному въ сборникѣ «Онежскихъ былинъ» Гильфердинга (№ 105, столбцы 599—603), Ермака Тимоѳеевича не могъ укротить даже самъ старый казакъ Илья Муромецъ, и Ильѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ только сражаться вмѣстѣ съ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ противъ царя Калина и его силы татарской. Богатыри прогнали Калина, затѣмъ отправились въ Кіевъ ко князю Владиміру, который встрѣтилъ богатырей «со радостію и веселіемъ», «а въ особину млàда Ермака да Тимоѳеевича».

[2]) Рыбниковъ. Пѣсни. Часть I. Былина № 21, стр. 114—118. Гильфердингъ. «Онежскія былины». № 92, столбцы 556—559.

[3]) Рыбниковъ. Пѣсни. Часть I. Легенда къ былинѣ № 21, стр. 114—118.

[4]) Гильфердингъ. «Онежскія былины». № 138, столбцы 704—711.

Князь, по обыкновенію, не довѣряетъ богатырской удали Ермака: «Ты, младой вьюношъ, — говоритъ Владиміръ, — перервешься, не будешь впередъ ты богатыремъ». Ермакъ, тоже по обыкновенію, оказывается настойчивымъ и заявляетъ князю категорически:

«Дашь коня, крестный батюшка,—
«Я поѣду въ чисто̀ поле;
«А не дашь коня, я пѣшомъ пойду».

Ермакъ всетаки выпросилъ у князя коня; вскочилъ богатырь на коня «не на сѣдланаго, не на узданаго» и быстро поскакалъ въ поле: «одна курева стоитъ во чистомъ поли отъ копытъ отъ лошадиныихъ». «Пріѣхалъ Ермакъ на заставу великую къ тому къ дубу ко Невиду, къ тому кресту Леванидову, къ бѣлому каменю къ Олатырю, оставилъ коня непривязанаго». Входитъ богатырь въ бѣлъ шатеръ къ Ильѣ, у котораго сидятъ двѣнадцать богатырей и играютъ «въ шашки—въ шахматы заморскіи». Первомъ дѣломъ Ермакъ упрекаетъ богатырей: «Во томъ во городѣ Кіевѣ хлѣба трѐснуть-ѣсть ѐ кому, а за Кіевъ градъ по̀стоять некому». Въ отвѣтъ на это, Илья посылаетъ нашего богатыря на сырой дубъ и велитъ ему сосчитать силу по знаменью (знаменамъ) и посмотрѣть: «ужо ли сила на ходъ пошла». Ермакъ увидѣлъ, что сила на ходъ пошла, слѣзъ съ дуба и «съѣхалъ въ силу великую». А богатыри, между тѣмъ, все посиживаютъ въ бѣломъ шатрѣ. Наконецъ, Илья говоритъ Добрынѣ: «Сходи-ко, Добрыня, во сы̀рой дубъ: не упалъ ли Ермакъ со сыра̀ дуба?» Взлѣзъ Добрыня на сырой дубъ, поглядѣлъ на силу великую и видитъ: «тамъ не ясный соколъ полетываетъ, не черный воронъ попурхиваетъ, поскакиваетъ уда̀лой добрый молодецъ, младый Ермакъ Тимоѳеевичъ». Добрыня возвращается въ бѣлый шатеръ къ Ильѣ и доноситъ ему о видѣнномъ. Илья, получивъ извѣстіе о томъ, что Ермакъ бьется съ татарской силой, обращается къ богатырямъ съ рѣчью:

«Вы, русскіе могучіе богатыри!
«Садитесь, богатыри, на добрыхъ коней,
«Поѣзжайте въ силу великую,
«Берите храпы желѣзныи,
«Младому Ермаку Тимоѳеевичу
«Накидывайте на плечи могутніи,
«Пословесно его уговаривайте:
«Ты сегодня позавтракалъ,
«Дай ты намъ хоть пообѣдати».

Богатыри взяли желѣзные храпы (по одному варіанту, багры), накидывали ихъ на могучія плечи Ермаку и уговаривали его прекратить битву:

«Младой вьюношъ, перервешься,
«Не будешь впредь богатыремъ.
«Ай ты, младый Ермакъ Тимоѳеевичъ!
«Дай намъ хоть пообѣдати».

Богатыри укротили Ермака и вывели его изъ силы татарской. Затѣмъ они напали на татаръ съ разныхъ сторонъ — отъ Новагорода, Бѣлаозера, Кіева, Ерособлима, и прибили всю силу великую. Наконецъ, богатыри съѣхались въ одно мѣсто и стали хвастать:

«Кабы была на небо лѣстница,
«Мы прибили бы всю силу небесную».

Послѣ этого, убьютъ богатыри одного татарина — вмѣсто него явится два, да три. И прибились, примучились русскіе могучіе богатыри и одинъ другаго прикололи, прирѣзали: не осталось на Руси богатырей,—остался только одинъ младой Ермакъ Тимоѳеевичъ. Послѣ такого финала, Ермакъ пріѣхалъ въ Кіевъ къ «ласкову князю Владиміру». Князь встрѣтилъ молодаго богатыря такою рѣчью:

«Ай ты, любимый мой крестничекъ!
«Чѣмъ тебя нынь мнѣ пожаловать?
«Мызами тебя, али дачами,
«Али жаловать тебя золотой казной?»

Младой Ермакъ Тимоѳеевичъ готовъ довольствоваться очень скромной наградой, онъ заявляетъ князю:

«Ай ты, крёстный мой батюшка!
«Тымъ только меня пожалуйте:
«Въ кажномъ царевомъ кàбакѣ
«Пить пивцё—винцё безденежно».

Въ сборникѣ Гильфердинга есть еще одна былина, подъ названіемъ «Илья Муромецъ и Калинъ-царь», которая, за небольшими исключеніями, сходна съ вышеизложенными былинами. По этой былинѣ [1]), когда всѣ богатыри уѣхали изъ Кіева въ чистое поле, гдѣ они расположились въ бѣлыхъ шатрахъ, приходитъ ко Владиміру нашъ Ермакъ; «онъ крестъ кладетъ railписаному, поклонъ ведетъ поученому, и на двѣ, на три, на четыре стороны поклоняется» и говоритъ князю:

«Ты, солнышко Владиміръ, князь стольне-кіевской!
«Ты дай-ко мнѣ прощеньице,
«Дай-ко мнѣ благословеньице—
«Да поѣхать къ этымъ татарамъ ко поганымъ,
«Да на это ли на поле да на чистое.
«Надо намъ тамъ биться да ратиться,
«Да стоять ли-то за стольный Кіевъ градъ,
«За свое ли за рòдное отечество,
«За тую ли вѣру христіанскую».

Князь не считаетъ Ермака способнымъ защитить Кіевъ и называетъ его «вьюношемъ отъ роду семнадцати лѣтъ»; но богатырь рѣшительно заявляетъ:

---

[1]) Гильфердингъ. «Онежскія былины». № 121, столбцы 655—659.

«Солнышко Владиміръ-князь,
«Владиміръ, князь стольне-кіевской!
«Да ты дашь ли прощеньице—поѣду,
«А не дашь ли благословенья—поѣду».

Князь, игнорируя энергическое заявленіе Ермака, обращаетъ разговоръ къ другому предмету и спрашиваетъ богатыря: «Да гдѣ же твой ро̀дной батюшко?» Ермакъ отвѣчаетъ:

«Мой-то ро̀дной батюшко ушолъ къ Герману-Сергію,
«Въ старци ушолъ постригатися,
«А я поѣду ко татарамъ ко поганымъ,
«Надо мнѣ тамъ биться-ратиться,
«А стоять-то за стольный Кіевъ градъ,
«За свое ли за ро̀дное отечество».

Ермакъ выѣхалъ въ поле, «и палицей булатнею поигрываетъ, а палицу булатнюю выкидываетъ, и палицу выкидываетъ подъ облаки, а палица булатняя сорока пудовъ». Нашъ богатырь пріѣхалъ къ бѣлымъ шатрамъ, гдѣ нашелъ Илью Муромца. Илья посылаетъ молодаго богатыря посмотрѣть съ «дуба широкаго», много ли татаръ у царя Калина. Этотъ царь съ громадной силой расположился у рѣки Смородины, у дуба широкаго, у камня Олатыря; привелъ съ собой Калинъ «сорокъ царей, сорокъ царевичей и сорокъ королей, королевичей; у царей силы по цѣлой есть по тысячѣ, а у королей по десяти тысячъ». Посмотрѣлъ Ермакъ съ дуба на эту силу татарскую «во трубку подзорнюю» и увидѣлъ «много множество татаръ да поганыихъ»:

«Вѣдь сѣрому-то волку въ день-то не о̀скакать,
«Черному ворону въ день не о̀блетѣть».

Затѣмъ Ермакъ спустился съ дуба и говоритъ богатырямъ:

«Русскіе, вы, могучіе богатыри,
«Ай же, вы, поляницы да удалыи!
«Не честь е вамъ—конямъ богатырскіимъ
«Въ шатрахъ да бѣлоду̀бовыхъ
«А ѣсть-то имъ пшёну̀ да бѣлоярову».

Сказавъ это какъ бы въ видѣ упрека бездѣйствующимъ богатырямъ, Ермакъ поѣхалъ на чистое поле къ татарамъ. Самъ Илья Муромецъ также съ дуба посмотрѣлъ въ трубку подзорную на войско татарское и также убѣдился, что татаръ—несмѣтное число. Вслѣдъ за Ермакомъ, Илья, вооружившись палицей вѣсомъ въ сорокъ пудовъ, также отправился въ поле къ татарамъ. И стали богатыри рубить поганыхъ татаръ, и прирубили ихъ всѣхъ. «Разгорѣлися сердца богатырскія, расходились жилы богатырскія», возъимѣлъ Илья дерзкую мысль:

«Какъ явилась бы тутъ сила небесная,
«Прирубили бы мы силу всю небесную!»

Послѣ этого, какъ разрубятъ богатыри одного татарина, сдѣлается два; разрубятъ двухъ—изъ нихъ сдѣлается четыре. Изнемогъ Илья въ борьбѣ съ татарами, «пересѣлся», и сдѣлались мощи святыя Ильи Муромца, а конь его окаменѣлъ. Что сталось при этомъ съ Ермакомъ, въ былинѣ не объяснено.

Кромѣ всѣхъ этихъ былинъ, воспѣвающихъ подвиги Ильи Муромца и Ермака въ борьбѣ съ царемъ Калиномъ, Кирѣевскимъ записана былина о битвахъ русскихъ богатырей съ царемъ Мамаемъ и Бабищей Мамаишной [1]). По этой былинѣ, въ числѣ борцовъ за Русь младой Ермакъ Тимоѳеевичъ является также дѣятельнымъ лицомъ: онъ защищаетъ Кіевъ и князя Владиміра отъ Мамая и показываетъ свою богатырскую удаль въ борьбѣ съ Бабищей Мамаишной.

Въ Кіевѣ, у князя Владиміра, собрались «думушку думати» князья, бояре и могучіе богатыри: на Кіевъ наступаетъ царь Мамай со своею невѣрною силой. Князь Владиміръ спрашиваетъ собравшихся: «Ишшо какъ-то намъ будетъ воеваться съ нимъ?» Князья и бояре совѣтуютъ строить стѣну вокругъ Кіева. Но Илья Муромецъ того мнѣнія, что нужно послать гонца къ царю Мамаю и просить у него сроку (перемирія) на три мѣсяца, «чтобы силой намъ,— говоритъ Илья, — поисправиться, а могучимъ богатырямъ посъѣхаться». Посланы были дары. Мамай далъ сроку на три мѣсяца, а Илья отправился на Куликово поле за русскими богатырями, которые всѣ тамъ были въ сборѣ, сидѣли въ бѣломъ шатрѣ и пировали. Однако, Илья Муромецъ, вмѣсто того, чтобы вести богатырей на помощь Кіеву, самъ остался у нихъ; не могъ онъ отказаться отъ угощенія богатырскаго: съ пріѣзду выпилъ онъ, по просьбѣ богатырей, «чару зелена вина въ полтора ведра»; затѣмъ Ильѣ предложили выпить другую чару; онъ и ее выпилъ, и съ этой второй чары богатыря хмель зашибъ. Захмелѣвъ, Илья легъ спать въ бѣломъ шатрѣ, но богатырскій сонъ не коротокъ— по двѣнадцати дней:

«А Владиміръ князь Илью ждетъ-пождетъ,
«Илью ждетъ-пождетъ и не дождется».

Наконецъ, князь Владиміръ посылаетъ къ Ильѣ своего племянника, молодаго Ермака Тимоѳеевича. Пріѣхалъ Ермакъ на Куликово поле и, «отмахивая плетовищемъ моложавымъ по бѣлу шатру богатырскому», сталъ говорить богатырямъ:

«Ахъ вы гой еси, могучіе богатыри,
«Алеша Поповичъ, Самсонъ богатырь,
«Святогоръ богатырь, Донъ Ивановичъ,
«Что Иванъ Колывановичъ!

---

[1]) Кирѣевскій. Пѣсни. Изданіе 2-е. Выпускъ 1. Былина № 1, стр. 58 - 66.

«Проситъ васъ Володиміръ князь
«Во Кіевъ градъ на выручку:
«Наступаетъ на Кіевъ царь Мамай
«Со своею силою невѣрною!»

Богатыри, въ отвѣтъ на это приглашеніе, просятъ Ермака «испить чару зелена вина въ полтора ведра». Но молодой богатырь не послѣдовалъ примѣру своего дядюшки, стараго казака Ильи Муромца, и сказалъ пирующимъ:

«Если выпить, какъ мой дядюшка,
«Что старый казакъ Илья Муромецъ,
«Такъ намъ не къ чему будетъ и пріѣхати».

Затѣмъ, Ермакъ оставляетъ богатырей и ѣдетъ въ Кіевъ, но Кіевъ теперь окруженъ «чужой силой», такъ что богатырю нельзя было въѣхать въ городъ. Ермакъ взобрался на крутую гору:

«И сталъ онъ силу посмѣчивать,
«Что посмѣчивать сталъ, посписывать:
«А силы-то было видимо не видимо,
«Ни смѣтить силы, ни списать нельзя».

Кромѣ этой несмѣтной силы, тутъ было тридевять вражескихъ богатырей: девять сыновей, девять дочерей да девять зятевьевъ Мамаевыхъ, а надъ всѣми на̀большій царь Мамай. «Видитъ Ермакъ— дѣлать нечего: поскакалъ онъ въ силу со крутой горы, сталъ помахивать своей палицей, а палица-то въ двѣнадцать пудъ»:

«Куды ей махнетъ, тамъ и улица,
«А отмахнетъ—переулочекъ».

Бился нашъ богатырь съ силой ровно двѣнадцать дней, «побилъ онъ силы Мамаевой безъ счету, а силы все, кажись, не убыло, а Ермакъ изъ силы выбился». Богатырь въѣзжаетъ на крутую гору, раскидываетъ бѣлый шатеръ и хочетъ отдохнуть, какъ вдругъ видитъ: ѣдутъ по полю тридевять русскихъ богатырей, а впереди всѣхъ—старый казакъ Илья Муромецъ. Подъѣзжаютъ богатыри ко крутой горѣ, гдѣ отдыхаетъ Ермакъ, и говорятъ ему: «Помогай тѣ, Богъ, молодой Ермакъ, молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ, побивать силу невѣрную!» Однако, нашъ богатырь уже утомился, и самъ дядюшка Илья Муромецъ даетъ ему совѣтъ отдохнуть: «Отдыхай теперь, молодой Ермакъ, молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ»,—говоритъ онъ. Послѣ этого, Илья сталъ разсылать богатырей въ разныя стороны побивать силу невѣрную: однихъ онъ послалъ къ синему морю, другихъ—въ поле, третьихъ— къ Почапъ-рѣкѣ удерживать татаръ, «чтобы въ нашу воду не бросалися, чтобы нашу воду не поганили». Сражались богатыри съ силой двѣнадцать дней и прибили всю силу невѣрную, въ томъ числѣ умертвили и самого царя Мамая съ его тридевятью богатырями. Рас-

правившись съ силой невѣрной, богатыри заѣхали на крутую гору къ Ермаку, взяли его съ собой, и затѣмъ всѣ направились въ Кіевъ, ко князю Владиміру. Князь встрѣтилъ ихъ съ честью, устроилъ пиръ, на который были созваны князья, бояре и всѣ могучіе богатыри. «*И гуляли*,—говорится въ былинѣ,—*всѣ, веселилися немного, немало—ровно тридцать дней*».

Отпировавъ и повеселившись, богатыри отправились опять на Куликово поле. «Вѣдь въ Кіевѣ-то нельзя имъ жить,—объясняется въ былинѣ:—разгуляются, распотѣшатся, станутъ всѣхъ толкать; а такія потѣхи богатырскія народу было не вытерпѣть: котораго толкнутъ,— тому смерть, да смерть». Богатыри, отправляясь на Куликово поле, просили князя отпустить съ ними также Илью Муромца и молодаго Ермака Тимоѳеевича, на что̀ и дано было позволеніе. Богатырямъ хотѣлось «погулять въ полѣ, потѣшиться, богатырской удалью похвастаться». Пріѣхавъ на Куликово поле, богатыри раскинули бѣлые шатры и стали «пить, гулять и тѣшиться, богатырской удалью хвастатись», какъ вдругъ прискака́ла на то же Куликово поле Бабища Мамаишна. «Головища у бабы—съ дощанище, а глазищи-то съ пивны корцы»,—говорится въ былинѣ. И повела баба такую рѣчь къ богатырямъ: «Гой еси вы, тридевять богатырей! побили вы нашу всю силу, всю силу Мамаеву; побили вы тридевять богатырей, которы сыры-матёры дубы изъ земли поволачивали, а кореньемъ кверху помётывали; убили вы моего царя! А счастье было ваше великое, что меня на бою не случилося! Выходите-ко теперь со мной битися! Выходите, поединьщики, по единому, а всѣмъ вамъ вдругъ биться нечестно!» Богатыри призадумались, но Илья Муромецъ не оробѣлъ. «Дайте-ко мнѣ, братцы,—говоритъ онъ,—съ ней расправиться!». Младому Ермаку Тимоѳеевичу обиднымъ показалось, что самъ Илья идетъ съ бабой биться. «Дайте-ко мнѣ, братцы,—заявляетъ Ермакъ,—сперва развѣдаться, а пробьюсь я съ ней двѣнадцать дней, пріѣзжайте меня провѣдати». И поѣхалъ нашъ богатырь въ чистое поле биться съ Бабищей Мамаишной. Ударились они сначала палицами, и приломали свои палицы; стали биться копьями, и приломали свои копья; затѣмъ сошли богатыри съ коней и вступили въ кулачный бой; бьются они уже двѣнадцать дней, поизмучился молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ: стала Бабища одолѣвать его. Въ это время пріѣхалъ на поле битвы Илья Муромецъ попровѣдать Ермака. «Тебѣ Богъ помочь, молодой Ермакъ, молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ!»—говоритъ дядюшка своему племяннику. «Ахъ ты, дядюшка Илья Муромецъ!—жалуется Ермакъ Тимоѳеевичъ:—приходитъ мнѣ скорая смерть, что отъ Бабищи отъ Мамаишны!» Старый казакъ Илья Муромецъ даетъ молодому Ермаку спасительный совѣтъ: «Молодой, ты, Ермакъ Тимоѳеевичъ!—говоритъ онъ,—видно, бабьей ухватки не знаешь ты?

Ты бери-ко ее за бѣлы груди, развернись да ударь о сыру землю!» Ермакъ сдѣлалъ такъ, какъ совѣтовалъ ему дяденька Илья Муромецъ, и убилъ Бабищу Мамаишну. Послѣ этого богатыри возвратились къ своимъ товарищамъ въ бѣлъ шатеръ и стали «пиръ вести, потѣшатися».

Изъ всѣхъ вышеизложенныхъ былинъ можно видѣть, какой полный жизни и привлекательности эпическій образъ Ермака созданъ народной фантазіей. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какое значеніе можно придавать тому факту, что народныя былины ввели нашего Ермака въ семью древнихъ русскихъ могучихъ богатырей и дали ему видную роль среди нихъ.

Ермакъ въ былинахъ, гдѣ онъ дѣйствуетъ вмѣстѣ съ Ильей Муромцемъ, совсѣмъ не походитъ не только на историческаго (лѣтописнаго) Ермака, но и на того храбраго атамана, который воспѣвается въ историческихъ пѣсняхъ, разсмотрѣнныхъ нами въ особыхъ очеркахъ [1]). Ермакъ въ былинахъ ни по времени, ни по мѣсту, ни по средѣ его эпической дѣятельности не напоминаетъ намъ славнаго завоевателя Кучумова царства. Одно только имя «Ермакъ Тимоѳеевичъ», да еще то, что Ермакъ въ былинахъ сражается съ татарами, можетъ привесть намъ на память историческую личность покорителя татарскаго царства.

Въ былинахъ, воспѣвающихъ богатырскіе подвиги нашего Ермака, по замѣчанію О. Ѳ. Миллера, «самъ вѣчно-юный духомъ, не смотря на свою старость эпическую, глава богатырской дружины Илья Муромецъ является утомившимся, впавшимъ въ безпечность, тяжелѣющимъ на подъемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и замѣняемымъ въ свою очередь юнымъ богатыремъ, получающимъ историческое, къ поздней московской порѣ относящееся имя Ермака (притомъ даже Тимоѳеевича)» [2]). Въ былинахъ нашъ Ермакъ считается «вьюношемъ» двѣнадцати или семнадцати лѣтъ; онъ является энергичнымъ, дѣятельнымъ, рвущимся въ бой, между тѣмъ какъ Илья не отказывается иногда выпить вина и отдохнуть. Напримѣръ, когда Илья пріѣхалъ звать тридевять русскихъ богатырей для защиты Кіева, они пригласили Илью зайдти къ нимъ въ шатеръ вина испить; онъ заходитъ, и отъ поднесенной Ильѣ чары его хмель зашибъ. «Уже подобное сильное дѣйствіе на первенствующаго богатыря богатырской чары, — замѣчаетъ О. Ѳ. Миллеръ,—свидѣтельствуетъ, кажется, объ упадкѣ его тѣлесныхъ силъ (или, можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что, такъ какъ въ числѣ угощающихъ упомянуты старшіе богатыри — Святогоръ, Сам-

---

[1]) «Ермакъ Тимоѳеевичъ въ историческихъ пѣсняхъ русскаго народа» въ «Сибирскомъ Сборникѣ» за 1886 г., кн. I, стр. 75—92, и кн. II, стр. 44—61.

[2]) Миллеръ, Орестъ. Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство Кіевское. Спб. 1869. Стр. 697.

сонъ, то и чара Ильѣ, можетъ быть, подана особенная, да и вино, можетъ быть, слишкомъ крѣпкое для богатырей того слѣдующаго поколѣнія, къ которому принадлежитъ Муромецъ» [1]). Приглашенный также испить вина, Ермакъ, въ противоположность Ильѣ Муромцу, отказался и отвѣтилъ богатырямъ: «Если выпить, какъ мой дядюшка, такъ намъ не къ чему будетъ и пріѣхати».

По объясненію О. Ѳ. Миллера, основною чертою нашихъ сказаній про Илью съ Ермакомъ является добровольная замѣна молодымъ богатыремъ стараго, — черта, служащая какъ бы опроверженіемъ тѣхъ словъ, какія говоритъ Илья въ нѣкоторыхъ былинахъ про стояніе на заставѣ: «некѣмъ мнѣ замѣнитися»; и эта черта, по словамъ того же изслѣдователя, оказывается общеэпическою (напримѣръ, она замѣчается въ юго-славянскомъ эпосѣ) [2]). Поэтому «едва ли,—говоритъ О. Ѳ. Миллеръ,—не придется намъ отдать предпочтеніе тому, хотя и единственному, пересказу, въ которомъ Ермакъ является племянникомъ Ильи, передъ тѣмъ, гдѣ онъ племянникъ Владиміра (что̀ могло произойдти чрезъ позднѣйшую примѣсь къ нему положенія Добрыни Никитича). Кромѣ того, едва ли можно считать совершенно случайнымъ то обстоятельство, что какъ въ одной изъ сербскихъ былинъ, такъ и въ германскомъ сказаніи, рвущійся въ бой за другихъ младъ глупешенекъ оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ эпическихъ бойцовъ съ отцомъ или съ дядею. Не служитъ ли и нашъ Ермакъ Тимоѳеевичъ только позднѣйшею историческою подстановкою вмѣсто того самаго сына Ильи, про бой съ которымъ сохранилось у насъ столько былинъ и трагическаго, и нетрагическаго извода? Если у насъ могли такимъ образомъ сохраниться совмѣстно два совершенно различныхъ вида одного и того же сказанія, то почему бы не могъ существовать и третій (служащій только особымъ видоизмѣненіемъ извода смягченнаго), въ которомъ Сокольничекъ, узнанный и пощаженный отцомъ, оставался бы при немъ, поступалъ бы въ его дружину богатырскую и служилъ бы ему замѣною въ старости? При этомъ онъ, по законамъ эпоса, вполнѣ могъ сохранить за собой навсегда свой двѣнадцатилѣтній возростъ, подобно тому, какъ даже въ лѣтописномъ преданіи княгиня Ольга, не смотря на историческую свою немолодость при принятіи ею христіанства, представляется способною прельстить императора Константина. Что же касается того, что Ермакъ племянникъ Ильѣ, а не сынъ, то это могло произойдти вслѣдствіе самой подстановки вмѣсто Сокольника Ермака, причемъ историческое отчество этого послѣдняго «Тимоѳеевичъ» уже не позволяло ему быть сыномъ Ильи и такимъ образомъ невольно вело къ предпо-

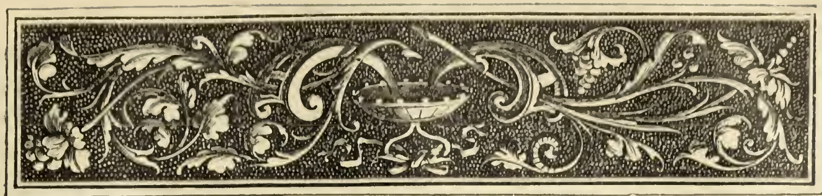
[1]) Ibidem, стр. 699.
[2]) Ibidem, стр. 708.

ложенію между ними иного родства, ближайшимъ же послѣ сына оказывается племянникъ» [1]).

Оставляя въ сторонѣ изслѣдованіе эпоса объ Ермакѣ по существу и довольствуясь тѣмъ остроумнымъ объясненіемъ его, какое дается въ почтенномъ трудѣ покойнаго профессора О. Ѳ. Миллера, мы въ настоящемъ очеркѣ желали только обратить вниманіе на фактъ эпическаго появленія сибирскаго завоевателя въ семьѣ древнихъ русскихъ богатырей. Такое народное воззрѣніе на Ермака, извѣстнаго историческаго дѣятеля, представляется для насъ, собственно съ точки зрѣнія исторіи, чрезвычайно интереснымъ и важнымъ. У народа существуетъ свой особый взглядъ на историческихъ героевъ и событія, виновниками которыхъ являются эти герои, — взглядъ, иногда несогласный съ тѣми выводами, къ которымъ приходитъ писанная исторія. Можно сказать, что у народа есть своя книга по исторіи — устная, которая слагается вѣками въ видѣ преданій, былинъ, историческихъ пѣсенъ, поговорокъ и проч. Очевидно, что всѣ подобныя народныя воззрѣнія на замѣчательныя историческія событія и ихъ виновниковъ являются важнымъ матеріаломъ для изслѣдователей минувшихъ судебъ извѣстной страны. Въ данномъ случаѣ нельзя не сдѣлать того главнаго вывода, что русскій народъ, безъ сомнѣнія, по достоинству и вполнѣ оцѣнилъ значеніе Ермака, какъ историческаго героя, какъ покорителя сибирскихъ татаръ, если въ своихъ эпическихъ сказаніяхъ причислилъ Ермака къ разряду могучихъ русскихъ богатырей, сражавшихся за родную землю противъ несмѣтныхъ полчищъ дикихъ кочевниковъ, какъ бы признавая въ то же время, что историческое завоеваніе Сибирскаго царства было также въ своемъ родѣ богатырскимъ подвигомъ Ермака Тимоѳеевича.

А. Оксеновъ.

[1]) Ibidem, стр. 709.



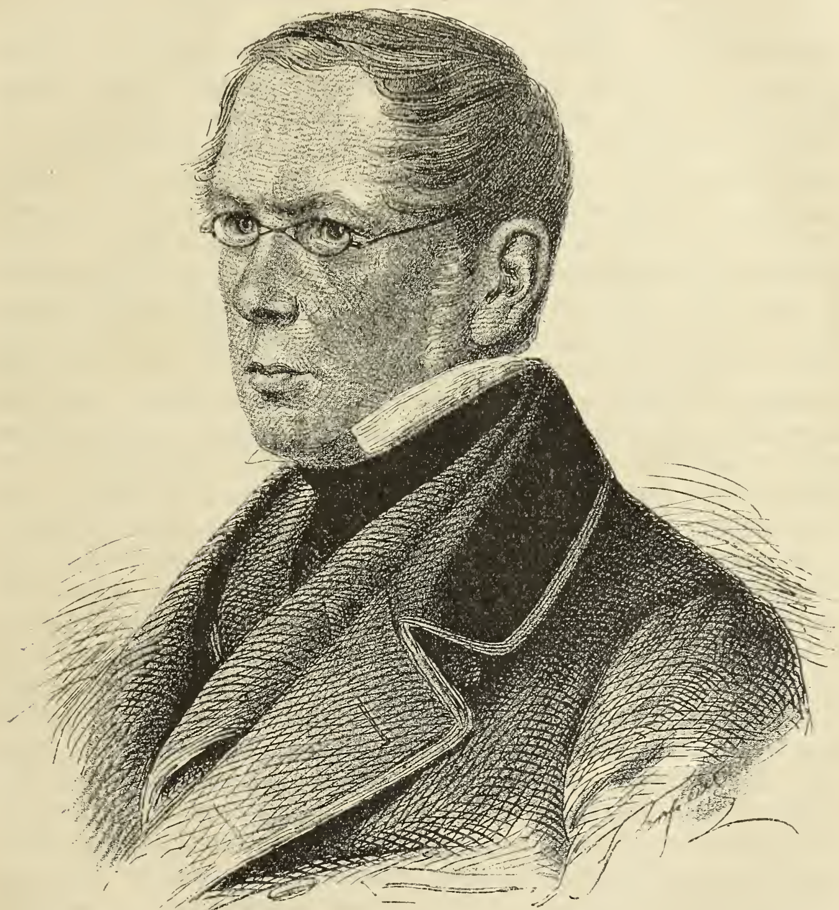
ПИСАТЕЛЬ ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

НЯЗЬ Петръ Андреевичъ Вяземскій, столѣтіе со дня рожденія котораго исполнилось 12-го минувшаго іюля, является однимъ изъ выдающихся и просвѣщеннѣйшихъ дѣятелей русской литературы. Высокообразованный и остроумный писатель, искусный и даровитый стихотворецъ, надѣленный вмѣстѣ съ тѣмъ и недюжинными критическими способностями, человѣкъ наблюдательный, чуткій и отзывчивый, онъ подвизался въ литературѣ втеченіе почти семидесяти лѣтъ, оставивъ послѣ себя обширное и любопытное литературное наслѣдіе. Это наслѣдіе собрано въ одиннадцать томовъ, которые, однако, не исчерпываютъ всего написаннаго княземъ Вяземскимъ, такъ какъ до сихъ поръ въ полномъ собраніи сочиненій не появлялись ни его стихотворенія съ 1863 по 1878 годъ, ни его литературная переписка. Современникъ трехъ царствованій—Александра I, Николая I и Александра II, князь Вяземскій оставался вѣренъ завѣтамъ своихъ славныхъ друзей, внимательно слѣдя вмѣстѣ съ тѣмъ за текущею общественною и литературною жизнью и отзываясь на каждое выдающееся событіе стихами или прозою, въ видѣ замѣтокъ въ своей «Старой записной книжкѣ». Другъ Карамзина, Пушкина, Жуковскаго и поэтовъ Пушкинской плеяды, свидѣтель литературной дѣятельности Грибоѣдова, Крылова, Гоголя и послѣдовавшихъ литературныхъ поколѣній, князь Вяземскій сохранилъ о нихъ живѣйшія воспоминанія до конца дней своихъ и посвятилъ имъ много драгоцѣнныхъ страницъ въ своихъ литературныхъ и біографическихъ очеркахъ. По складу своихъ литературныхъ и общественныхъ убѣжденій, князь Вяземскій вте-

ченіе всей своей жизни оставался человѣкомъ и писателемъ двадцатыхъ годовъ. Онъ сочувственно привѣтствовалъ появленіе Гоголя, онъ защищалъ отъ нападокъ «Ревизора», но къ послѣдователямъ Гоголя относился холодно и о новой литературной школѣ реалистовъ (Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Л. Толстой, Островскій) не сказалъ почти ни одного слова, если не считать краткихъ, въ нѣсколько строкъ, замѣтокъ въ «Старой записной книжкѣ». Для князя Вяземскаго, какъ критика, русская литература какъ бы прерывалась на Гоголѣ. Странно сказать, что онъ совсѣмъ отрицалъ какое бы то ни было полезное значеніе дѣятельности Бѣлинскаго, а людей, увлекавшихся статьями высокоталантливаго критика, считалъ глупцами. Онъ не сочувствовалъ размноженію журналовъ, которыхъ, кстати сказать, у насъ было въ сороковыхъ годахъ и теперь существуетъ весьма немного; не сочувствовалъ демократизаціи литературы, начавшейся съ появленія въ журналистикѣ Н. А. Полеваго и продолжавшейся при Бѣлинскомъ; не сочувствовалъ также и тому критическому отношенію къ авторитетамъ, которое позволяли себѣ Полевой и Бѣлинскій.

Вообще во взглядахъ князя Вяземскаго на литературу замѣчается нѣкоторый аристократизмъ, понятный и легко объясняемый, съ одной стороны, воспитаніемъ и средой, а съ другой—тѣмъ кругомъ писателей, съ которыми онъ находился въ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ. Воспитаніе князь Вяземскій получилъ французское, не угасившее въ немъ, однако, русскихъ началъ; онъ высоко цѣнилъ дѣятельность энциклопедистовъ и, между прочимъ, Вольтера. По рожденію онъ принадлежалъ къ высшему обществу, въ которомъ выросъ и среди котораго вращался всю жизнь. Кругъ писателей, съ которыми былъ особенно друженъ князь Вяземскій, былъ воспитанъ почти такъ же, какъ и онъ, вращаясь также въ высшихъ слояхъ общества. Вся сумма этихъ обстоятельствъ не могла, конечно, не породить нѣкотораго аристократизма во взглядахъ, не могла не способствовать выработкѣ убѣжденія, что истина есть достояніе немногихъ, а толпа увлекается только односторонностями. Нельзя, разумѣется, настаивать на совершенномъ равнодушіи князя Вяземскаго къ народу; но нельзя не замѣтить, что въ отношеніяхъ къ нему нашего писателя сказывалось болѣе платоническаго покровительства, чѣмъ дѣятельной любви. Современникъ декабристовъ, со многими изъ нихъ близко знакомый, князь Вяземскій осуждалъ ихъ преступные замыслы, но нѣкоторымъ воззрѣніямъ ихъ сочувствовалъ. По политическимъ убѣжденіямъ онъ былъ просвѣщеннымъ либераломъ въ духѣ двадцатыхъ годовъ, переводя слово либерально—«законносвободно». Признавая невозможность быстрыхъ политическихъ переворотовъ, онъ былъ сторонникомъ постепенности. Строгій монархистъ, князь Вяземскій вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ необходимою въ законныхъ предѣлахъ

общественную самодѣятельность. Свои просвѣщенные взгляды на задачи администраціи ему удалось оправдать на дѣлѣ во время двадцатипятилѣтней службы по министерству финансовъ и во время службы по министерству народнаго просвѣщенія, въ качествѣ товарища министра. Службу въ первомъ вѣдомствѣ князь Вяземскій ознаменовалъ устройствомъ первой промышленной или



Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій.

мануфактурной выставки въ Москвѣ лѣтомъ 1831 года; во второмъ вѣдомствѣ онъ оставилъ довольно яркій слѣдъ составленіемъ записки о народномъ образованіи, въ которой доказывалось, что «расходы на учебныя заведенія преимущественно расходы производительные», а также заботами объ улучшеніи цензуры, которая должна быть «сильна, но вмѣстѣ съ тѣмъ благоразумна и прозорлива, не мелочна и не придирчива».

Свою литературную дѣятельность князь Вяземскій началъ и кончилъ стихами. Несомнѣнно, онъ былъ надѣленъ стихотворческимъ, если не поэтическимъ даромъ. Поэтъ долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и художникомъ; онъ долженъ, по старинному выраженію, мыслить образами. Истинные поэты дѣйствуютъ на читателя картиною, которая должна воплощать въ себѣ ту и другую мысль; дѣйствуютъ лиризмомъ, находящимъ сочувственный откликъ въ душѣ читателя; дѣйствуютъ музыкою стиха, его образностью и пластичностью; дѣйствуютъ, наконецъ (поэты геніальные), своими типами, ихъ драматическими положеніями и столкновеніями. Князя Вяземскаго нельзя назвать поэтомъ въ настоящемъ и полномъ смыслѣ этого слова. Онъ скорѣе стихотворецъ, не лишенный подчасъ художественности и поэтическаго одушевленія,—стихотворецъ остроумный, съ сатирическимъ оттѣнкомъ. Среди поэтовъ Пушкинской плеяды князь Вяземскій занимаетъ второстепенное, хотя и совершенно самостоятельное мѣсто. Онъ дѣйствительно могъ примѣнить къ себѣ стихъ Буало: «Et mon vers, bien ou mal, dit toujours quelque chose» (и мой стихъ худо ли, хорошо ли всегда что нибудь да скажетъ), потому что никому не подражалъ. Зачастую князь Вяземскій пользовался стихомъ только какъ болѣе привычнымъ способомъ изложенія, писалъ въ стихотворной формѣ длинныя разсужденія въ видѣ посланій къ разнымъ друзьямъ или передавалъ стихами свои размышленія по поводу того или другаго вопроса. Конечно, такое преобладаніе въ стихахъ Вяземскаго ума надъ художественнымъ творчествомъ не могло не отозваться весьма невыгодно на его извѣстности, какъ поэта. Едва ли многіе въ настоящее время знакомы съ его стихотворческою дѣятельностью, кромѣ спеціалистовъ историковъ литературы; едва ли многіе помнятъ и знаютъ теперь изъ нѣсколькихъ сотенъ написанныхъ княземъ Вяземскимъ стихотвореній хотя бы пять—десять. Это забвеніе, впрочемъ, въ частностяхъ едва ли справедливо, хотя въ общемъ, конечно, для обыкновеннаго читателя не достанетъ терпѣнія перечитывать три объемистыхъ тома стиховъ и розъискивать среди нихъ вещи хорошія. Слѣдовало бы десятка два лучшихъ и наиболѣе характерныхъ стихотвореній князя Вяземскаго выпустить въ свѣтъ дешевымъ изданіемъ, чтобы спасти его поэзію отъ окончательнаго забвенія.

Самъ князь Вяземскій, повидимому, былъ склоненъ считать поэзію своимъ призваніемъ, хотя и не закрывалъ глазъ на ея недостатки. Любопытный разсказъ о началѣ своей литературной дѣятельности, а также довольно вѣрную оцѣнку своей поэзіи князь Вяземскій оставилъ въ автобіографіи, написанной на склонѣ дней, въ видѣ предисловія къ полному собранію своихъ сочиненій, предпринятому графомъ С. Д. Шереметевымъ. Такъ, о первыхъ своихъ стихотворныхъ опытахъ онъ разсказываетъ слѣдующее: «Въ 1805 году написалъ я французскіе стихи на смерть Нельсона. Нечего и

говорить, что все это было болѣе или менѣе безграмотно. Но червякъ стихотворства уже шевелился во мнѣ. Правильно, или, по крайней мѣрѣ, правильнѣе сталъ я писать гораздо позднѣе. Едва ли не со времени сближенія моего съ Жуковскимъ... Впервые слышанныя мною оды Ломоносова приводили меня въ упоеніе. Не вникалъ я въ ихъ смыслъ, но съ трепетомъ заслушивался стройныхъ и звучныхъ ихъ волнъ. Отъ Державина былъ я безъ ума... При удобномъ случаѣ, то и дѣло отпускалъ я строфы изъ Державина... Монологи и сцены изъ трагедій Расина и Вольтера, которые мнѣ давали выучивать наизусть, были для меня и прежде не уроками, а наслажденіемъ... Съ водвореніемъ Карамзина въ наше семейство, письменныя наклонности мои долго не пользовались поощреніемъ его... Карамзинъ боялся увидѣть во мнѣ плохаго стихотворца... Первые опыты мои таилъ я отъ него, какъ и другія проказы грѣшной юности моей. Уже позднѣе, а именно въ 1816 году, примирился онъ съ метроманіею моею. Александръ Тургеневъ давалъ въ Петербургѣ вечеръ въ честь его. Всѣ арзамасцы были на лицо; были литераторы и другаго лагеря. Хозяинъ вызвалъ меня прочесть кое-что изъ моихъ стихотвореній. Выслушавъ ихъ, Карамзинъ сказалъ мнѣ: «Теперь уже не буду отклонять васъ отъ стихотворства. Пишите съ Богомъ». На этомъ вечерѣ познакомился я съ Крыловымъ. Онъ также былъ одинъ изъ благопривѣтливыхъ слушателей и просилъ меня повторить чтеніе одного изъ стихотвореній, которое наиболѣе понравилось ему. Эти два знака отличія, полученныя мною на полѣ битвы, порадовали меня и польстили самолюбію моему. Они же порѣшили и, такъ сказать, узаконили участь мою».

Достоинства и недостатки своей стихотворной и прозаической дѣятельности князь Вяземскій опредѣляетъ и объясняетъ такимъ образомъ: «Въ стихахъ и въ прозѣ у меня много неровностей, и нельзя имъ не быть. Я никогда не писалъ прилежно, постоянно; никогда не изучалъ я систематически языка нашего: какъ пѣвцы-самоучки, писалъ я болѣе по слуху. Писалъ я болѣе урывками, подъ вдохновеніемъ или подъ осязаніемъ мысли и чувства. Писалъ я, когда что нибудь внутреннее или внѣшнее заживо задирало меня, когда мнѣ именно хотѣлось сказать или высказать что нибудь, такъ или сякъ, опять все равно. Натура моя довольно живучая и произрастательная, но не трудолюбивая; напротивъ, трудъ пугаетъ ее, она сжимается подъ давленіемъ его. А что ни говори, трудъ есть родникъ, двигатель всякаго положительнаго успѣха и возможнаго усовершенствованія... Никогда, или такъ рѣдко, что не стоитъ упоминать того, не велъ я жизни литературной, какъ вели ее, напримѣръ, Жуковскій, Пушкинъ. О Карамзинѣ уже не говорю: онъ былъ воплощенный трудъ, воплощенное терпѣніе... Странное дѣло: очень люблю и высоко цѣню пѣвучесть

чужихъ стиховъ, а самъ въ стихахъ своихъ нисколько не гонюсь за этой пѣвучестью. Никогда не пожертвую звуку мыслью моею... Мое упрямство, мое насильствованіе придаютъ иногда стихамъ моимъ прозаическую вялость, иногда вычурность... Въ стихахъ моихъ я нерѣдко умствую и умничаю. Между тѣмъ, полагаю, что если есть и должна быть поэзія звуковъ и красокъ, то можетъ быть и поэзія мысли. Всѣ эти свойства и недостатки побудили Пушкина, въ тайныхъ замѣткахъ своихъ, обвинить меня въ какофоніи: ужъ не слишкомъ ли?.. Малозвучность и другіе недостатки стиха моего могутъ объясниться слѣдующимъ. Я никогда не пишу стиховъ моихъ, а сказываю ихъ въ прогулкахъ моихъ. Это не вполнѣ импровизація, а что-то подобное тому, импровизація, съ урывками, съ остановками. Въ этой пассивной стихотворческой гимнастикѣ бываютъ промахи и неправильныя движенія. Послѣ выпрямлю ихъ, говорю себѣ,—и иду далѣе, а когда окончательно кладу надуманное на бумагу, бываетъ уже поздно; поправить, выпрямить не удается: поправить лѣнь, да и жаръ простылъ... Что говорю о стихахъ своихъ, могу вообще сказать и о прозѣ своей. И тутъ и тамъ замѣтенъ недостатокъ отдѣлки, оконченности... Если Карамзинъ и Пушкинъ бывали ко мнѣ строги, то порою бывали и милостивы... То же скажу о Дмитріевѣ, Жуковскомъ, Батюшковѣ, Баратынскомъ, Дашковѣ, Блудовѣ. Могу сказать, что я избалованъ былъ какъ строгими замѣчаніями ихъ, такъ и похвальными отзывами... Повѣрятъ ли мнѣ, или нѣтъ, но утверждаю, что собственно для публики я никогда не писалъ. Когда я съ перомъ въ рукѣ, она мнѣ и въ голову не приходитъ... Преимущественно писалъ я всегда для себя, а потомъ уже для тѣснаго кружка избранныхъ; въ нихъ не послѣднее мѣсто занимали мои избранницы».

Къ этому откровенному сознанію, къ этой трезвой характеристикѣ остается прибавить немногое; остается сказать нѣсколько словъ о тѣхъ стихотворныхъ произведеніяхъ князя Вяземскаго, которыя до сихъ поръ не утратили литературной цѣнности и которыя свидѣтельствуютъ, что талантъ его вспыхивалъ по временамъ священнымъ огнемъ поэзіи, освобождаясь отъ гнета мысли. Тогда обыкновенно прозаическій, вялый и неровный стихъ князя Вяземскаго пріобрѣталъ то гармоничность и музыкальность, то энергическую сжатость и силу. Онъ послушно слѣдовалъ за мыслью, которая красиво укладывалась въ соотвѣтствующій настроенію размѣръ. Образчики такихъ счастливыхъ исключеній среди множества стихотвореній князя Вяземскаго можно встрѣтить въ разные годы его долголѣтней писательской дѣятельности. Такъ, нельзя не отмѣтить поэтическаго стихотворенія «Первый снѣгъ», написаннаго въ 1817 году и заслужившаго похвалы Пушкина, который сказалъ, что «поэтъ роскошнымъ словомъ живописалъ намъ первый снѣгъ

и всѣ оттѣнки зимнихъ нѣгъ». По силѣ негодующаго чувства до сихъ поръ замѣчательно стихотвореніе 1818 года—«Негодованіе», въ концѣ котораго встрѣчаются слѣдующіе одушевленные стихи:

«Онъ загорится день—день торжества и казни,
«День радостныхъ надеждъ, день горестной боязни!
«Раздастся пѣснь побѣдъ, вамъ истины жрецы,
«Вамъ, други чести и свободы!»

Не безъ удовольствія перечитываются до сихъ поръ нѣкоторыя изъ басенъ и эпиграммъ князя Вяземскаго на-ряду со стихотвореніями шуточными, въ родѣ: «Русскій богъ» («богъ ухабовъ, богъ мятелей, богъ проселочныхъ дорогъ, богъ холодныхъ, богъ голодныхъ, нищихъ вдоль и поперекъ, богъ имѣній бездоходныхъ, богъ пришельцевъ-иноземцевъ, перешедшихъ нашъ порогъ, богъ въ особенности нѣмцевъ, вотъ онъ, вотъ онъ русскій богъ»), «Царь Горохъ», «Семь пятницъ на недѣлѣ», «Недовольный», «Пѣсня Зѣваки», а также извѣстное по христоматіямъ стихотвореніе «Нарвскій водопадъ» съ энергическими начальными стихами:

«Несись съ неукротивымъ гнѣвомъ,
«Мятежной влаги властелинъ!
«Надъ тишиной окрестной ревомъ
«Господствуй, бурный исполинъ!
«Жемчужною, кипящей лавой,
«За валомъ низвергая валъ,
«Сердитый, дикій, величавый,
«Перебѣгай ступени скалъ!»

Среди лучшихъ стихотвореній князя Вяземскаго должны быть также упомянуты: «Молитвенныя думы», «Станція», «Самоваръ», «Старое поколѣніе», «Святая Русь», которое въ цѣломъ немного растянуто, но въ частностяхъ отличается строфами весьма прочувствованными («Какъ въ эти дни годины гнѣвной ты мнѣ мила, святая Русь! Молитвой теплой, задушевной какъ за тебя въ тѣ дни молюсь! Какъ дорожу моей любовью и тѣмъ, что я твой сынъ родной! Какъ сознаю душой и кровью, что кровь твоя и духъ я твой!»), «Масляница на чужой сторонѣ», полное чисто русской размашистой удали, задорной веселости и народнаго юмора. Многіе, вѣроятно, помнятъ красивое начало этого стихотворенія:

«Здравствуй, въ бѣломъ сарафанѣ
«Изъ серебряной парчи!
«На тебѣ горятъ алмазы,
«Словно яркіе лучи.
. . . .
«Здравствуй, русская молодка,
«Раскрасавица душа,
«Бѣлоснѣжная лебедка,
«Здравствуй, матушка зима!»

Особенной гармоничностью и музыкальностью стиха отличаются—поэтическая картинка, согрѣтая теплымъ религіознымъ чувствомъ, «Сельская церковь» и «Ночь въ Венеціи», а энергическою сжатостью и патріотическимъ одушевленіемъ—написанныя во время Крымской войны стихотворенія: «Пѣснь русскаго ратника» и «Къ ружью!»

Прозаическія произведенія князя Вяземскаго несомнѣнно въ общемъ долговѣчнѣе его стихотвореній. Эти произведенія состоятъ изъ критическихъ статей, литературныхъ и біографическихъ очерковъ, писемъ и замѣтокъ въ «Старой записной книжкѣ». Къ сожалѣнію, на большей части этихъ трудовъ, какъ и на всей литературной дѣятельности князя Вяземскаго, лежитъ печать диллетантизма, случайности и любительской безсистемности. Особенно это сказалось въ критическихъ статьяхъ. Дѣло въ томъ, что князь Вяземскій былъ одаренъ недюжинными критическими способностями, которыя, однако, не достигли своего полнаго развитія, за отсутствіемъ правильнаго, систематическаго ухода за ними, за отсутствіемъ въ этомъ направленіи постоянной работы. Только разъ князь Вяземскій принудилъ себя къ усидчивому труду, и этотъ опытъ увѣнчался блестящимъ успѣхомъ, увѣнчался прекрасной біографіей Фонвизина, свидѣтельствующей, что авторъ ея обладалъ всѣми данными, необходимыми для критика: изящнымъ и тонкимъ вкусомъ, мѣткостью опредѣленія, способностью усматривать въ томъ или другомъ писателѣ его характеристическую сущность, начитанностью въ западно-европейскихъ и русской литературахъ и образованіемъ. Съ такими данными слѣдовало только работать и работать, совершенствоваться и совершенствоваться. Но, къ сожалѣнію, князь Вяземскій работалъ только урывками, какъ диллетантъ и любитель. Онъ началъ свою критическую дѣятельность въ 1816 году поминальною статьею по Державинѣ; въ началѣ двадцатыхъ годовъ, съ появленіемъ поэмъ Пушкина, князь Вяземскій становится защитникомъ новой литературной школы (романтической), неутомимо и остроумно полемизируетъ въ спорѣ о романтизмѣ и классицизмѣ съ М. Дмитріевымъ, участвуетъ въ основаніи журнала «Московскій Телеграфъ», который имѣлъ выдающійся успѣхъ и въ которомъ, по собственному признанію, князь Вяземскій «стоялъ на боевой стѣнѣ, стрѣлялъ изо всѣхъ орудій, партизанилъ, наѣздничалъ и подъ собственнымъ именемъ, и подъ разными заимствованными именами и буквами». Нѣкоторыя книжки «Московскаго Телеграфа» на первыхъ порахъ бывали наполовину наполнены статьями князя Вяземскаго или матеріалами, имъ сообщенными въ журналъ. Однако, вскорѣ обнаружился разладъ между соиздателями. Полевой печаталъ статьи и высказывалъ мнѣнія, которымъ не сочувствовалъ князь Вяземскій. «Мнѣ это не понравилось,—разсказываетъ онъ въ своей автобіографіи,—и я от-

казался отъ сотрудничества. Впрочемъ, можетъ быть, и Полевой радъ былъ моему отказу. Журналъ довольно окрѣпъ, участія моего было уже не нужно, а между тѣмъ, по условію, долженъ былъ я получать половину чистой выручки. Журналисту и человѣку коммерческому легко было расчесть, что лучше не дѣлить барыша, а вполнѣ оставить его за собою. Что же? Полевой былъ правъ, и я нисколько не виню его. Былъ правъ и я. Литературная совѣсть моя не уступчива, а щекотлива и брезглива. Не умѣетъ она мирволить и входить въ примирительныя сдѣлки. Жуковскій, а особенно Пушкинъ оказывали въ этомъ отношеніи болѣе снисходительности и терпимости. Я былъ и остался строгимъ пуританиномъ». Оставивъ «Московскій Телеграфъ», князь Вяземскій сотрудничалъ въ «Литературной Газетѣ» Дельвига и «Современникѣ» Пушкина, хотя и далеко не такъ дѣятельно, какъ въ «Телеграфѣ».

Главнѣйшимъ критическимъ трудомъ князя Вяземскаго является біографія Фонвизина, написанная въ 1831, а изданная только въ 1848 году. Приступая къ этой работѣ, авторъ пересмотрѣлъ, перебралъ и перечиталъ многіе десятки историческихъ и литературныхъ книгъ, въ томъ числѣ почти всю русскую литературу XVIII столѣтія. Князь Вяземскій разсматриваетъ литературную дѣятельность и жизнь Фонвизина на фонѣ современнаго ему общества, руководствуясь тою глубоко-вѣрною мыслью, что «исторія литературы народа должна быть вмѣстѣ исторіею и его общежитія». Этотъ взглядъ, высказанный въ началѣ тридцатыхъ годовъ, очень важенъ и знаменателенъ въ исторіи русской критики. Онъ свидѣтельствуютъ о томъ, что князь Вяземскій прекрасно понималъ значеніе здравой исторической критики и едва ли не первый удачно примѣнилъ ее въ своемъ трудѣ. Между тѣмъ, предшественники его на поприщѣ критики руководились главнымъ образомъ или личнымъ вкусомъ (Сумароковъ), или обращали вниманіе только на языкъ и слогъ писателя (Карамзинъ и Макаровъ), или, наконецъ, основывались на авторитетѣ теоретиковъ ложно-классицизма Батте, Бауло, Лагарпа (Мерзляковъ). Стоитъ только вспомнить смѣхотворные филологическіе споры разныхъ журналовъ двадцатыхъ годовъ по поводу хотя бы «Руслана и Людмилы», чтобы понять жалкое младенческое состояніе тогдашней критики и значеніе статей князя Вяземскаго, не особенно многочисленныхъ, но мѣткихъ, остроумныхъ и здравыхъ.

Разбору дѣятельности Фонвизина авторъ предпосылаетъ сжатый очеркъ литературы Екатерининской эпохи, причемъ доказываетъ ту мысль, что «между литературою нашею и обществомъ не было ничего взаимнаго, что на нее не дѣйствовали обыкновенные приливы и отливы общежитія», что литература не входила «въ составъ гражданскаго быта нашего, въ число богатствъ нашего

нравственнаго достоянія». Въ слѣдующихъ одиннадцати главахъ князь Вяземскій ведетъ разсказъ о жизни Фонвизина въ перемежку съ оцѣнкой его трудовъ—сначала переводныхъ, а затѣмъ самостоятельныхъ—писемъ изъ Франціи и произведеній драматическихъ, т. е. «Бригадира» и «Недоросля». Весьма замѣчателенъ разборъ, можетъ быть, черезчуръ строгій, писемъ, въ которыхъ Фонвизинъ, не упоминая объ этомъ, обильно пользовался книгою Дюкло: «Considérations sur les moeurs de ce siècle» (Размышленія о нравахъ настоящаго вѣка); весьма любопытенъ очеркъ русскаго театра Екатерининскаго времени до Фонвизина, а также разборъ и оцѣнка комедій послѣдняго. Вообще для характеристики жизни и дѣятельности знаменитаго творца «Недоросля» книга князя Вяземскаго является до сихъ поръ единственной и незамѣнимой по полнотѣ собраннаго матеріала, по тщательной разработкѣ его, по мѣткости оцѣнки всѣхъ произведеній Фонвизина.

Однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ не только для біографіи князя Вяземскаго, но и для исторіи русскаго общества и исторіи русскаго просвѣщенія является «Старая записная книжка», которую онъ велъ съ 1813 по 1877 годъ, т. е. почти до самой своей смерти. Въ ней можно встрѣтить любопытныя черты изъ жизни многихъ августѣйшихъ особъ, къ которымъ былъ приближенъ князь Вяземскій—Александра Благословеннаго, великаго князя Константина Павловича, Николая I; здѣсь же находятся любопытныя характеристики многихъ русскихъ и заграничныхъ государственныхъ дѣятелей; здѣсь передъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ русскихъ писателей начала текущаго столѣтія то въ сценахъ изъ ихъ домашняго обихода, то въ различныхъ обстоятельствахъ ихъ литературной, служебной и общественной дѣятельности; здѣсь же разсыпано множество мѣткихъ и глубокихъ мыслей по самымъ различнымъ поводамъ. Въ посланіи къ ея величеству королевѣ Виртембергской Ольгѣ Николаевнѣ, князь Вяземскій самъ опредѣлилъ значеніе и содержаніе этого важнаго памятника своей литературной дѣятельности такимъ образомъ:

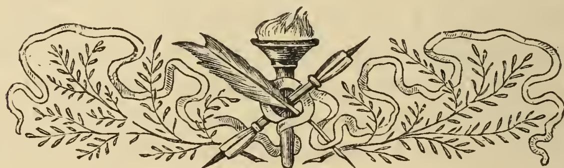
«.... Годовъ и поколѣній много
«Я пережить уже успѣлъ
«И длинною своей дорогой
«Событій много подсмотрѣлъ.
«Талантовъ нѣтъ во мнѣ излишка,
«Не корчу важнаго лица:
«Я просто «Записная книжка»,
«Гдѣ жизнь играетъ роль писца.
«Тутъ всякой всячины не мало:
«Съ бездѣльемъ дѣло, грусть и смѣхъ,
«То похвала, то шутки жало,
«Здѣсь неудача, тамъ успѣхъ».

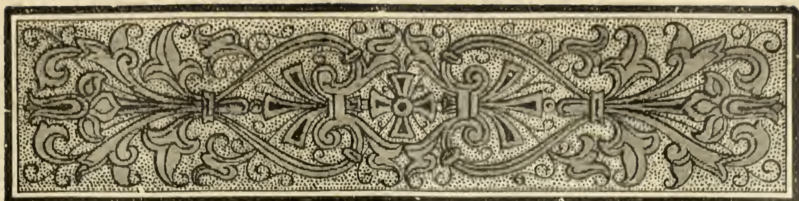
Дѣйствительно «Старая записная книжка» является обильнымъ источникомъ для нашихъ бытописателей-анекдотистовъ, которые отсюда черпали, черпаютъ и будутъ еще долгое время черпать любопытныя и характерныя свѣдѣнія о русской жизни въ разныхъ ея проявленіяхъ и представителяхъ съ начала текущаго столѣтія до восьмидесятыхъ годовъ. Князь Вяземскій не считалъ пустымъ дѣломъ своихъ разсказовъ-анекдотовъ, которые по большей части мѣтко характеризуютъ данную личность или явленіе и въ которыхъ преобладаютъ остроуміе, сатира и въ то же время живая фактическая правда, важная для изученія нравовъ и быта прежняго времени. Нельзя не согласиться со слѣдующимъ опредѣленіемъ значенія анекдота, сдѣланнымъ княземъ Вяземскимъ въ той же «Старой записной книжкѣ». «Оригинальныя личности, — говоритъ онъ, — бываютъ и анекдотическія. Человѣкъ, за которымъ нельзя закрѣпить ни одного анекдота, есть человѣкъ пропащій: это—лицо безъ образа, по выраженію поэта. Оно тонетъ въ толпѣ». Чтеніе «Старой записной книжки» въ высокой степени интересно, такъ какъ въ ней оживленный разсказъ о заграничномъ путешествіи прерывается остроумнымъ анекдотомъ, мысли по поводу того или другаго событія или общественнаго вопроса чередуются съ мѣткимъ изреченіемъ, воспоминанія о войнѣ 1812 года и о до-пожарной Москвѣ съ застольною пѣснью, которая нѣкогда пѣвалась на пирахъ московской молодежи, разсказъ о возникновеніи Арзамасскаго общества съ разсказомъ о собачкѣ графа Блудова, которой боялся Жуковскій, и т. д.

Въ числѣ прозаическихъ трудовъ князя Вяземскаго нельзя, наконецъ, не упомянуть «Писемъ ветерана 1812 года». Вынужденный обстоятельствами провести въ чужихъ краяхъ 1853—1855 годы, онъ не могъ быть равнодушнымъ свидѣтелемъ озлобленія европейскаго общества противъ Россіи какъ до начала, такъ и во время Крымской войны. Газетныя статьи заграничной печати были полны клеветами на русское правительство и на русскій народъ. Князь Вяземскій началъ писать на эти статьи опроверженія, намѣревался помѣщать ихъ во «Франкфуртской французской газетѣ» или въ одномъ изъ швейцарскихъ или бельгійскихъ періодическихъ изданій, но встрѣтилъ отказъ и вынужденъ былъ собрать свои статьи въ отдѣльную книгу и напечатать ее въ Лозаннѣ, въ 1855 году, подъ заглавіемъ: «Lettres d'un vétéran russe de l'année 1812 sur la question d'Orient, publiées par P. d'Ostafievo». По вѣрному замѣчанію переводчика этой книги г. Бартенева, «Письма ветерана», писанныя княземъ Вяземскимъ на седьмомъ десяткѣ лѣтъ, отличаются какъ свѣжестью и своеобразіемъ мысли, такъ и прелестью живаго изложенія. «Оторванный отъ родины, — говоритъ переводчикъ,—живя, по необходимости, посреди враждебно-настроеннаго противъ насъ общества, ежедневно огорчаемый и уязвляе-

мый лживыми извѣстіями о Россіи и кривыми толкованіями дѣйствій русскаго правительства, сочинитель чувствовалъ потребность, въ предѣлахъ своей возможности, послужить перомъ общему русскому дѣлу, и книга его, хотя не имѣла успѣха за границею и лишь въ небольшомъ числѣ дошла къ намъ, представляетъ собою честно и талантливо исполненный гражданскій долгъ писателя, сердечно преданнаго своему отечеству, про любовь къ которому князь П. А. Вяземскій говаривалъ, что въ ней должно быть еще болѣе свойствъ любви отеческой, нежели сыновней».

С. Трубачевъ.





ХУТЫНСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

(По поводу семисотлѣтія съ его основанія).

ВГУСТА 6-го исполнится 700-лѣтіе со дня основанія Хутынскаго монастыря, находящагося въ 10 верстахъ отъ Новгорода и пользующагося громкою извѣстностью не только въ городѣ и его окрестностяхъ, но и далеко за предѣлами Новгородской губерніи. Считаемъ не лишнимъ сообщить по этому поводу нѣкоторыя свѣдѣнія о монастырѣ и его основателѣ.

Въ Новгородѣ, на Софійской сторонѣ, недалеко отъ церкви св. Николая Кочанова, находится небольшая часовня, и подлѣ нея колодезь. Мѣсто это свято для новгородцевъ. Здѣсь въ XII вѣкѣ жили родители преподобнаго Варлаама [1]), Михаилъ и Анна, люди богатые и извѣстные въ городѣ. На этомъ мѣстѣ, въ 1156 году, у нихъ родился сынъ, названный при крещеніи Алексѣемъ. Воспитаніе его поручено было особому домашнему наставнику, подъ руководствомъ котораго отрокъ въ короткое время изучилъ всю тогдашнюю книжную премудрость, состоявшую главнымъ образомъ въ познаніи слова и закона Божія. Но, чѣмъ далѣе росъ Алексѣй, тѣмъ болѣе обнаруживалась въ немъ склонность къ аскетизму. Не смотря ни на какія увѣщанія своихъ родителей, онъ съ юныхъ лѣтъ началъ умерщвлять плоть свою строгимъ воздержаніемъ, постомъ и всевозможными лишеніями, а послѣ

---

[1]) См. грамоту патріарха Никона, данную въ 1655 году на имя Ивана Андреевича Голицына, хранящуюся въ спискѣ въ ризницѣ Хутынскаго монастыря.

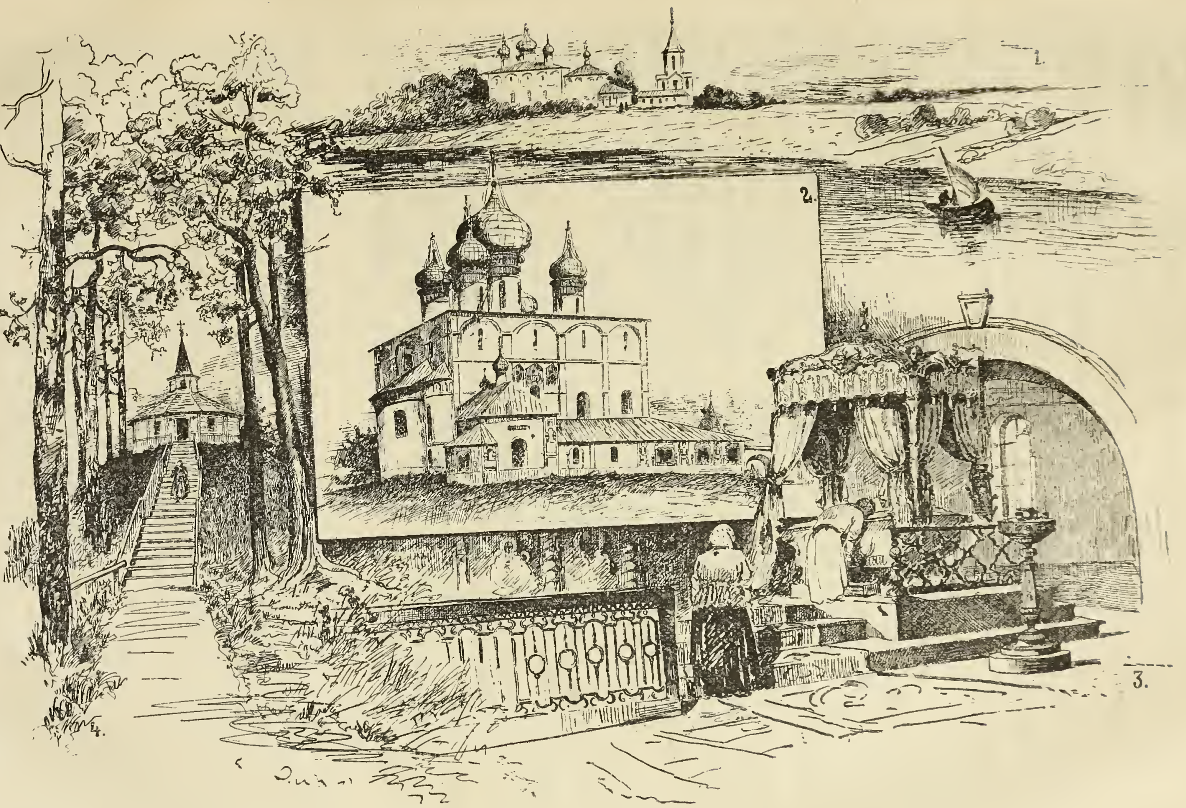
смерти ихъ въ скоромъ же времени принялъ постриженіе и получилъ монашеское имя Варлаама. Поселился онъ, по всей вѣроятности, въ Лисицкомъ монастырѣ, въ 7 верстахъ отъ города, гдѣ, по преданію, схоронены и его родители. Но жизнь въ обители мало удовлетворяла суроваго подвижника; онъ искалъ уединенія и, наконецъ, нашелъ его.

Верстахъ въ трехъ ниже по теченію Волхова была живописная, но пользовавшаяся дурною славою, мѣстность Хутынь, или иначе Худынь, отъ слова худой. Тамъ, по народному вѣрованію, съ незапамятныхъ временъ свила себѣ гнѣздо нечистая сила и тревожила проходящихъ разными страхами. Туда-то и направился Варлаамъ, быть можетъ, привлеченный красотою мѣстоположенія, и, поставивъ сперва крестъ, устроилъ подлѣ него небольшую келью [1]). Однажды, проходя по лѣсной чащѣ, онъ былъ пораженъ лучемъ свѣта, озарившимъ окрестность, и въ память этого небеснаго сіянія рѣшилъ поставить на томъ мѣстѣ церковь во имя Преображенія Господня. Это происходило ровно за семьсотъ лѣтъ до нашего времени, и церковь, по свидѣтельству лѣтописей, освящена 6-го августа 1192 года. Съ построеніемъ церкви Хутынская пустыня превратилась въ монастырь, и Варлаамъ былъ поставленъ игуменомъ надъ начавшею собираться сюда братіею. Такъ основалась эта древняя обитель.

Живя въ пустынѣ, управляя братіею и ведя жизнь строгаго аскета, Варлаамъ въ то же время навѣщалъ и родной свой городъ для бесѣды съ уважавшимъ его новгородскимъ архіепископомъ. Владыка жилъ на Софійской сторонѣ, и путь преподобнаго съ Торговой обыкновенно лежалъ черезъ Волховской мостъ, служившій въ то время мѣстомъ казни для преступниковъ, которыхъ отсюда бросали въ воду. Проходя однажды по мосту, онъ увидѣлъ приготовленія къ подобной казни. Когда Варлаамъ приблизился, палачъ уже схватилъ осужденнаго на руки, но преподобный остановилъ его и сталъ просить у окружавшаго народа, чтобы несчастный былъ отданъ ему на вѣчное служеніе въ монастырѣ. Народъ изъявилъ согласіе, и спасенный поступилъ въ число братіи. Вѣроятно, подобныя казни не были въ то время рѣдкимъ явленіемъ, потому что черезъ нѣсколько времени преподобный, вступивъ на мостъ, снова увидѣлъ вдали толпу народа, осужденнаго и палача. На этотъ разъ навстрѣчу ему бѣжали съ плачемъ родители казнимаго, умоляя вступиться за ихъ сына. Но, къ общему удивленію, Варлаамъ, сопутствуемый служкою, быстро прошелъ мимо, какъ бы не замѣчая окружающаго. Казнь совершилась. Нѣкоторые изъ братіи, бывшіе свидѣтелями этого, по возвращеніи въ обитель, приступили

---

[1]) Холмъ, на которомъ жилъ преподобный, существуетъ и понынѣ за стѣною обители.



Хутынскій монастырь.

1) Общій видъ монастыря съ Волхова.—2) Преображенскій соборъ, освященный въ 1515 г.—3) Рака надъ мощами пр. Варлаама.—4) Холмъ за монастырской оградой съ часовней на мѣстѣ бывшей кельи преподобнаго.

наединѣ къ преподобному съ просьбою объяснить его странный поступокъ. «Отцы и братія,— отвѣчалъ онъ, — судебъ Господнихъ бездна многа! Первый преступникъ былъ осужденъ справедливо, но въ сердцѣ его пробудилось чувство раскаянія, и я предвидѣлъ, что онъ можетъ добродѣтельною жизнью загладить прежніе грѣхи, второй же былъ человѣкъ невинный, но чтобы со временемъ злоба не перемѣнила разума его, и лесть не прельстила души его, промыселъ Божій благоволилъ потерпѣть ему страдальческую смерть и мученическимъ путемъ войти въ царство небесное: вотъ почему я и не могъ о немъ ходатайствовать».

Въ другой разъ, прощаясь съ новгородскимъ архіепископомъ, преподобный не мало изумилъ его обѣщаніемъ пріѣхать къ нему въ слѣдующій разъ, въ пятницу, на первой недѣлѣ Петрова поста, на саняхъ. Но пророчество не замедлило осуществиться. Въ ночь на означенную пятницу выпало столько снѣгу, что преподобный пріѣхалъ по санному пути въ городъ. Онъ засталъ владыку въ глубокой скорби о погибшихъ хлѣбахъ, которые въ это время уже начинали цвѣсти. Старецъ успокоилъ его, объявивъ, что безъ этого мороза насталъ бы голодъ, ибо всѣ хлѣбные корни были поражены червемъ, который теперь погибъ отъ холода. «Завтра же, — прибавилъ онъ: — настанетъ жара, снѣгъ растаетъ, и земля будетъ пить его, какъ изобильный, благотворный дождь». Въ память этого событія владыка установилъ на всѣ времена совершать въ первую Петровскую пятницу торжественный крестный ходъ изъ Софійскаго собора въ обитель. Постановленіе это выполняется и до нашего времени, привлекая отовсюду массу богомольцевъ.

День кончины преподобнаго Варлаама празднуется 6-го ноября [1]). Въ этотъ день, по завѣщанію его, раздаются деньги (полушки) и

[1]) Хотя годъ смерти угодника и не можетъ быть опредѣленъ вполнѣ точно, но болѣе вѣроятною кажется догадка, основанная на 4-й Новгородской лѣтописи, что святой скончался въ 1193 году. Этого года придерживается архимандритъ Макарій, авторъ «Археологическаго описанія церковныхъ древностей Новгорода» (т. I), и А. Ѳ. Бычковъ (въ примѣчаніяхъ къ редактированному имъ изданію 2-й и 3-й Новгородскихъ лѣтописей, сдѣланному археографической коммиссіей). Но есть и другое предположеніе, вытекающее изъ данныхъ въ житіи преподобнаго и отчасти основанное на 3-й Новгородской лѣтописи и краткомъ лѣтописцѣ новгородскихъ владыкъ, по которому годъ кончины преподобнаго слѣдуетъ отнести къ 1243 году. Этого предположенія придерживался и извѣстный составитель жизнеописаній русскихъ святыхъ Андр. Ник. Муравьевъ (см. его «Поѣздку по святымъ мѣстамъ русскимъ», т. II, и «Житіе преподобнаго Варлаама», мѣсяцъ ноябрь, 6-е число). Вслѣдствіе этого разногласія нельзя въ точности указать и архіепископа, при которомъ совершилось чудо съ саннымъ путемъ и который установилъ вышеупомянутый крестный ходъ. По словамъ «Житія» и по мнѣнію А. И. Муравьева, это былъ Антоній (съ 1211 по 1229 г.), по мнѣнію же архимандрита Макарія —Григорій, который освящалъ храмъ въ 1192 году и самъ скончался въ одинъ годъ съ преподобнымъ.

хлѣбъ всѣмъ приходящимъ въ обитель почтить его память. Чудотворенія продолжались и послѣ смерти святаго. У гроба его изцѣлился новгородскій князь Константинъ, сынъ Димитрія Донскаго; воскресъ отъ летаргіи постельничій Василія Темнаго, Григорій; были и другія чудеса. Около половины XV вѣка св. Евфимій (II-й), архіепископъ новгородскій, въ присутствіи только игумена Тарасія и своего иподіакона Іоанна, открылъ гробъ преподобнаго и нашелъ мощи его нетлѣнными, а весь внѣшній обликъ вполнѣ соотвѣтствующимъ изображенію его на иконѣ, стоявшей надъ гробомъ святаго. Но, вѣроятно, это открытіе было тайнымъ, потому что, когда въ 1462 году (по другимъ, въ 1471) Іоаннъ III посѣтилъ монастырь, мощи преподобнаго оставались въ землѣ подъ спудомъ. «Отчего, отцы, не открываете честныхъ мощей угодника? — обратился Іоаннъ къ игумену и братіи: — у насъ на Москвѣ чудотворцы всѣ на вскрытіи: и Алексѣй, и Іона митрополиты, и Сергій преподобный». Игуменъ отозвался невѣдѣніемъ того, какъ и въ какомъ видѣ почиваютъ мощи святаго, но Іоаннъ настаивалъ на открытіи и, наконецъ, видя нерѣшительность и робость игумена, самъ приказалъ сдвинуть каменную плиту, бывшую надъ могилою, и копать землю. Но лишь только плита была снята и люди взялись за заступы, какъ изъ могилы повалилъ густой дымъ, а вслѣдъ за нимъ сверкнуло и пламя. Преслѣдуемый огнемъ, Іоаннъ бѣжалъ изъ храма, бросивъ свой посохъ, который и понынѣ хранится въ обители. Длина этого посоха $1^1/_2$ аршина, толщина $1^1/_2$ вершка, на верху хрустальная головка. Въ монастырѣ показываютъ также и опаленную пламенемъ дверь. Въ 1505 году случилось новое чудо, занесенное и въ лѣтопись. Жилъ въ то время въ монастырѣ понамарь, по имени Тарасій. Однажды, ночью, войдя по обязанности въ церковь передъ утреней, онъ видитъ, что въ полумракѣ, окутывающемъ храмъ, передъ иконами уже мерцаютъ огоньки въ лампадахъ и на свѣчахъ, и даже кадило дымится, распространяя кругомъ чудное благоуханіе. Не успѣлъ Тарасій придти въ себя, какъ преподобный поднялся изъ своего гроба, вышелъ на средину храма и началъ молиться. Тарасій въ страхѣ упалъ на землю предъ угодникомъ. «Дерзай, не бойся», — сказалъ преподобный и послалъ его на церковный верхъ смотрѣть, что дѣлается надъ городомъ. Поднялся на кровлю Тарасій и остолбенѣлъ: высокою стѣною стояли надъ Новгородомъ бурныя волны Ильменя, готовыя обрушиться и мгновенно затопить все въ немъ живущее. Спустившись въ церковь, онъ передалъ о видѣніи угоднику Преподобный снова сталъ на молитву, и молитва его продолжалась около трехъ часовъ. Затѣмъ онъ опять велѣлъ Тарасію подняться и взглянуть на городъ. Теперь надъ городомъ виднѣлось множество ангеловъ, бросавшихъ огненныя стрѣлы. Вернулся въ храмъ Тарасій и повѣдалъ видѣнное преподобному, и опять старецъ на-

чалъ молиться. Послѣ моленія онъ сказалъ, что молитвою ему удалось спасти городъ отъ внезапнаго потопленія, но впродолженіе трехъ лѣтъ въ городѣ будетъ свирѣпствовать моровое повѣтріе. Затѣмъ, помолившись еще, онъ въ третій разъ послалъ понамаря смотрѣть на городъ. Страшная огненная туча приближалась къ городу съ полуденной стороны. Это видѣніе старецъ объяснилъ такъ: «черезъ три года послѣ начала мора будетъ въ городѣ великій пожаръ; сгоритъ вся Торговая сторона, и много народа погибнетъ». Сказавъ это, угодникъ снова возлегъ въ свою гробницу, а свѣчи и лампады угасли сами собою. Изображеніе этого чуда находится на большой иконѣ, помѣщающейся на паперти Преображенскаго собора. Оба предсказанныя злоключенія не замедлили разразиться надъ городомъ. «Бысть моръ въ Великомъ Новѣградѣ, — говоритъ лѣтопись подъ 1508 годомъ: — помре желѣзою по три осени, и въ послѣднюю осень умре людей 15.396 человѣкъ» [1]). А 20-го августа того же года, въ воскресенье, начался на Торговой пожаръ, продолжавшійся до половины слѣдующаго дня. «И погорѣла Торговая сторона вся, и многи полаты и животовъ безъ числа сгорѣло. И николиже въ Великомъ Новѣгородѣ таковъ пожаръ не бывалъ, ни въ прежнихъ лѣтехъ, но вельми бысть страшенъ, ни въ лѣтописцахъ таковаго пожара инаго не обрѣтохомъ толь злаго» [2]). Народъ цѣлыми семьями, съ женами, съ дѣтьми, съ имуществомъ, бѣжалъ въ какой-то Варбузьевскій садъ на Никитиной улицѣ, но вихремъ туда перебросило пламя, и всѣ сгорѣли. «Чаяху великія тоя бѣды избыти и не избыша»,—говоритъ лѣтописецъ, быть можетъ, очевидецъ, описывая страшную картину:—«и всѣ лежатъ, яко свиніи огорѣша: овому темя погорѣша, а иному чрево погорѣша, а иныхъ руки и ноги огорѣша; и никто же можетъ познати своего мертвеца, ни отецъ сына, ни мати дщери». Множество людей утонуло во время пожара и въ Волховѣ.

Черезъ семь лѣтъ послѣ этого событія въ лѣтописяхъ упоминается объ освященіи на Хутыни новаго Преображенскаго собора на мѣстѣ прежняго, уже приходившаго въ ветхость. Новый храмъ освященъ 6-го августа 1515 года и существуетъ до нашего времени. Храмозданная грамота была выдана, по приказанію великаго князя Василія Ивановича, московскимъ митрополитомъ Варлаамомъ, такъ какъ въ Новгородѣ не было тогда своего архіепископа. Сынъ Іоанна III глубоко чтилъ новгородскаго чудотворца и молитвамъ его приписалъ побѣду, одержанную надъ крымцами при Сурѣ въ 1521 году. По преданію, извѣщенный въ видѣніи угодникомъ о близкой своей кончинѣ, Василій Ивановичъ началъ готовиться къ

[1]) Лѣтописецъ новгородскій церквамъ Божіимъ, такъ называемая 3-я Новгородская лѣтопись.

[2]) 2-я Новгородская лѣтопись подъ 1508 годомъ.

смерти и принялъ при посхимленіи имя Варлаама. Такимъ образомъ, Москва, уничтоживъ Новгородъ, благоговѣла въ свою очередь предъ новгородскимъ чудотворцемъ, и изображеніе его встрѣчается на многихъ московскихъ иконахъ на ряду съ мѣстными святыми. Въ монастырѣ находится 7 подлинныхъ жалованныхъ грамотъ и около 40 грамотъ въ спискахъ, начиная отъ великаго князя Василія Ивановича до Петра Великаго.

Въ эпоху междуцарствія Хутынь на время становится главною квартирою де-ла-Гарди, осаждавшаго въ 1611 году Новгородъ, причемъ архимандриту Кипріану пришлось не мало вытерпѣть отъ шведовъ.

Въ XVII вѣкѣ, по вступленіи на престолъ дома Романовыхъ, въ день памяти святаго установлено архіерейское богослуженіе. Крестный ходъ, совершаемый въ первую пятницу Петрова поста, въ XVII вѣкѣ раздѣлялся на двѣ части. Одна изъ нихъ отправлялась изъ города въ монастырь сухимъ путемъ, еще наканунѣ праздника, другая же, съ архіереемъ во главѣ, плыла въ самый праздникъ Волховомъ въ особыхъ насадахъ. Во время плаванія пѣли молебенъ изъ четырехъ статей, причемъ четыре раза читалось евангеліе; затѣмъ протопопъ начиналъ чтеніе житія святаго Варлаама, которое послѣ него продолжали чтецы. На берегу крестный ходъ былъ встрѣчаемъ настоятелемъ и братіею, также съ иконами и крестами. Затѣмъ слѣдовалъ молебенъ и торжественная литургія. За трапезой, послѣ службы, были предлагаемы хлѣбъ Богородичный и чаша о государевомъ многолѣтнемъ здравіи [1]).

Въ началѣ нашего столѣтія, въ тихую іюльскую ночь, къ Хутыни, вверхъ по теченію, приближалась также небольшая флотилія, но совершенно иного характера. На первой лодкѣ, подъ балдахиномъ, окруженнымъ четырьмя массивными свѣчами, стоялъ на катафалкѣ малиновый гробъ. Передъ гробомъ на аналоѣ причетникъ читалъ псалмы по усопшемъ; въ носовой части помѣщались пѣвчіе. Вторая лодка была занята родственниками покойнаго, провожавшими его до мѣста послѣдняго упокоенія. Лодки эти шли отъ Званки, а въ гробу помѣщался прахъ пѣвца Фелицы, Гавріила Романовича Державина, скончавшагося въ Званкѣ 8-го іюля 1816 года. Поэтъ похороненъ въ соборномъ придѣлѣ Іоанна Богослова, переименованномъ, по просьбѣ его супруги, въ честь Архангела Гавріила.

Упомянемъ въ заключеніе, что извѣстный потѣшникъ Петра Великаго, Балакиревъ, до 1718 года исполнялъ на Хутыни обязанность стряпчаго.

И. Привольевъ.

---

[1]) Дальнѣйшія подробности объ этихъ обрядахъ можно найти въ сочиненіи архимандрита Макарія: «Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ», изд. 1860 года, т. I, стр. 451 и сл.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

О сношеніяхъ Россіи съ Франціею. П. В. Безобразова. Москва. 1892.

ЩЕ НЕ ЗАБЫТЫ шумныя кронштадтскія манифестаціи, газеты то и дѣло сообщаютъ объ оваціяхъ, устроиваемыхъ русскимъ во Франціи, и въ такую минуту, казалось намъ, особенно интересно бросить взглядъ на наше прошлое и выяснить, каковы были наши отношенія къ Франціи въ предшествовавшіе вѣка». Такова цѣль, съ которою П. В. Безобразовъ издалъ свою книгу «О сношеніяхъ Россіи съ Франціею». Книга эта не ученое изслѣдованіе: она представляетъ собою компиляцію—сводъ ряда статей, въ прошломъ году помѣщенныхъ въ «Русскомъ Обозрѣніи» и составленныхъ на основаніи въ послѣднее время появившихся новыхъ матеріаловъ для исторіи франко-русскихъ отношеній. Количество и качество матеріаловъ обусловливаетъ и самое содержаніе книги. Для періода отъ 1586—1793 г. у автора книги находился подъ руками сборникъ инструкцій, данныхъ французскимъ посланникамъ въ Россіи, изданный подъ редакціею Рамбо («Recueil des instructions» etc., t. VIII — IX, Paris, 1890), затѣмъ для исторіи отношеній франко-русскихъ при Александрѣ I онъ имѣлъ вышедшіе въ прошломъ году изслѣдованія Татищева и, главнымъ образомъ, Вандаля (Vandal, Napoléon et Alexandre I. L'alliance russe sous le premier Empire. I. De Tilsit à Erfurt. Paris, 1891), наконецъ, кое-какія добавочныя свѣдѣнія онъ почерпалъ изъ документовъ, напечатанныхъ въ «Сборникѣ историческаго общества» и въ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева. Такимъ образомъ г. Безобразовъ даетъ намъ исторію франко-русскихъ отношеній отъ начала сношеній между Россіею и Франціею до смерти Екатерины и за первую половину царствованія Александра I (до Эрфуртскаго свиданія); на всемъ этомъ протяженіи событія пересказаны имъ довольно полно и подробно и

не безъ интереса. Къ обзору политическихъ отношеній авторъ прибавляетъ еще обзоръ отношеній культурныхъ, занимающій, впрочемъ, въ книгѣ второе мѣсто и представляющій мало новаго.

«Исторія не достигала бы своей цѣли, если бы она не искала въ прошломъ совѣтовъ и поученій для будущаго»,—писалъ въ минувшемъ году Вандаль въ предисловіи къ своему труду «о франко-русскомъ союзѣ временъ первой имперіи». Выводы и поученія, какія можно извлечь изъ книги г. Безобразова, далеко не въ пользу alliance franco-russe. Съ конца XVII вѣка и втеченіе всего XVIII вѣка не могло быть и рѣчи о прочномъ франко-русскомъ союзѣ: до того противорѣчили другъ другу основныя цѣли обоихъ государствъ. Двѣ главныя задачи, съ давнихъ поръ преслѣдовавшіяся Россіею: проложеніе пути къ западному и южному морямъ, всегда находили отпоръ со стороны Франціи. Считая Швецію въ числѣ главныхъ своихъ союзниковъ, Франція не могла равнодушно смотрѣть на увеличеніе могущества Россіи и расширеніе ея территоріи въ ущербъ шведской; съ другой стороны, на востокѣ вліяніе Франціи было весьма сильно, французское правительство со временъ Франциска I всегда сочувственно относилось къ Портѣ и не могло попустить усиленія какой бы то ни было другой державы на счетъ Оттоманской имперіи. Все это прекрасно сознавали представители Франціи прошлаго вѣка въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имъ приходилось имѣть дѣло съ Россіею. Даже въ 1759 г., во время Семилѣтней войны, когда, повидимому, Франція и Россія весьма сблизились, одинъ изъ представителей версальскаго двора писалъ слѣдующее: «Можно сказать, что Франція не состоитъ въ союзѣ съ Россіею. Эти двѣ державы похожи на людей, относящихся равнодушно другъ къ другу, но имѣющихъ общаго друга и дѣйствующихъ сообща въ интересахъ этого друга. Таково политическое положеніе Франціи относительно Россіи.. Россія была почти всегда врагомъ нашихъ друзей и другомъ нашихъ враговъ. Эта странность вполнѣ естественна и происходитъ отъ внезапной перемѣны нашей политической системы и оттого, что мы находимся съ Россіей только во временномъ и не непосредственномъ союзѣ; отсюда происходятъ затрудненія въ нашихъ переговорахъ съ Петербургомъ и недовѣріе обоихъ дворовъ, дружба которыхъ не имѣетъ настоящей точки опоры». Съ гораздо большей рѣзкостью и опредѣленностью выражалъ свои мысли дипломатъ временъ Екатерины II, когда блестящіе успѣхи Россіи въ первую турецкую войну сильно встревожили французское правительство. «Побѣдоносная Россія, — писалъ въ 1773 г. Брольи въ мемуарѣ, представленномъ королю,—находится въ блестящемъ положеніи, собирая плоды своего военнаго могущества и могущества, доставляемаго ей выгодными союзами. Изъ великихъ державъ одна Франція заинтересована въ томъ, чтобы помѣшать торжеству Россіи и протянуть руку несчастнымъ туркамъ, ибо съ Польшей дѣло кончено. Если судить по наружности, представляемой всегда сближеніемъ двухъ дворовъ послѣ временнаго охлажденія, по комплиментамъ, по взаимному вниманію въ церемоніалѣ и этикетѣ, можетъ показаться, что Франція и Россія не далеки отъ союза; но если поразмыслить о противоположности справедливыхъ и миролюбивыхъ видовъ короля и несправедливыхъ и честолюбивыхъ плановъ русской императрицы, которые она отчасти привела уже въ исполненіе, эта надежда должна исчезнуть». Брольи указываетъ, какъ на наиболѣе существенный пунктъ, на восточный вопросъ, который являлся камнемъ

преткновенія во всякой рѣшительной попыткѣ установленія дружественныхъ отношеній между Франціей и Россіею. Къ концу XVIII вѣка присоединилась къ этой причинѣ еще другая, сдѣлавшая на время сношенія между Россіею и Франціею совершенно невозможными — французская революція; описаніемъ этого разрыва кончается первая часть очерковъ П. В. Безобразова. Вторая часть содержитъ исторію отношеній Александра I и Наполеона I, основанную главнымъ образомъ на сочиненія Вандаля. Здѣсь опять франко-русскій союзъ потерпѣлъ неудачу, но болѣе по причинамъ чисто личнымъ. «Наполеонъ,—говоритъ П. В. Безобразовъ,—былъ олицетвореніемъ войны; такъ какъ онъ распоряжался судьбами Европы, Россія вынуждена была воевать или сражаться противъ него, или вполнѣ подчиниться ему и приносить жертвы для упроченія его могущества». Вандаль въ своемъ недавнемъ трудѣ указываетъ на то, что въ настоящее время подобная неудача въ союзѣ Россіи и Франціи едва ли повторится. «Un avenir plus normal, plus fécond,— пишетъ онъ,— semble s'ouvrir aujourd'hui aux destinées des deux peuples, telles que les ont associées le parallélisme des intérêts et la rencontre des sympathies. En s'unissant dans une politique de sagesse et de fermeté prudente, elles pourront assurer l'indépendance du continent, après avoir vainement cherché à s'en partager l'empire, et il paraît réservè à ces deux pôles de l'Europe d'exercer sur elle une influence modératrice, d'entenir d'en replacer les eléments divers dans un juste équilibre». Настоящее доказало, что надежды эти не совсѣмъ соотвѣтствовали дѣйствительности: сказалась, хотя еще не въ сильной степени, и разность интересовъ, и недостаточность и односторонность симпатій. Впрочемъ, окончательное слово принадлежитъ еще будущему.

А. Л—нъ.

Е. И. Утинъ. Вильгельмъ I и Бисмаркъ. Историческіе очерки. Спб. 1892.

Трудъ г. Утина могъ бы въ настоящій моментъ, когда престарѣлый князь Бисмаркъ вступилъ въ такую страстную борьбу съ молодымъ германскимъ императоромъ, представлять особенный интересъ, еслибъ авторъ отнесся къ своему предмету серьезнѣе и съ бо̀льшимъ знаніемъ дѣла. Къ сожалѣнію, однако, книга его составляетъ только фельетонную болтовню. Достаточно привести нѣсколько примѣровъ, чтобы въ этомъ убѣдиться. Такъ въ предисловіи авторъ пытается дать намъ характеристику императора Вильгельма II. Оказывается, что этотъ монархъ, не смотря па четырехлѣтнее свое царствованіе, все еще остается какимъ-то сфинксомъ. Думы его сплошь и рядомъ носятъ на себѣ средневѣковой характеръ... Вліяніе Фридриха III (въ смыслѣ уваженія къ общественному мнѣнію) мало отразилось на сынѣ... Новый императоръ очень скоро заявилъ себя человѣкомъ, страстно любящимъ военное дѣло, мечтающимъ о военныхъ доблестяхъ, преклоняющимся передъ эпохой «огня и желѣза» и обожающимъ «силу», какъ высшее божество... Кромѣ того, онъ совершенно забываетъ дѣйствительность, конституціонный порядокъ, вліяніе, принадлежащее народному представительству, все это какъ бы пе существуетъ, онъ смотритъ на себя, какъ на абсолютнаго монарха, не знающаго никакихъ преградъ, на Германію, какъ па страну, не вышедшую еще изъ патріархальнаго быта, требующаго, чтобы все смирялось, все преклонялось передъ главою большой семьи... Воля его — вотъ единственный законъ для Германіи.

Обо всемъ этомъ мы узнаемъ на стр. XIX, XXI, XXII и XXIV; но уже съ той же XXIV стр. картина совершенно измѣняется. Тутъ оказывается, что Вильгельмъ II «не только охотно прислушивается къ общественному мнѣнію, но что онъ умѣетъ уступать и сообразовать свою политику съ желаніями и голосомъ народа», что «политика молодаго императора не сдѣлала до настоящаго времени ни одного шага, который обличалъ бы желаніе нарушить европейскій миръ»,—словомъ оказывается, что молодой германскій императоръ не только не проникнутъ средневѣковымъ духомъ, но, наоборотъ, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ проявляетъ чуткое пониманіе требованій современности: онъ заботится о рабочихъ, преисполненъ уваженія къ голосу народа, чуждъ религіозной и національной нетерпимости, воздерживается отъ протекціонныхъ увлеченій, миролюбивъ, гуманенъ и т. д. Всѣ эти черты его царствованія авторъ подкрѣпляетъ цѣлымъ рядомъ фактовъ.

Какъ же объяснить себѣ подобный противорѣчивый судъ автора надъ императоромъ Вильгельмомъ II? Г. Утинъ намъ только говоритъ, что у императора Вильгельма страстный темпераментъ и что у него «слово расходится съ дѣломъ». Вотъ и все. Но почему же слово расходится у него съ дѣломъ? Почему страстный его темпераментъ проявляется только въ его рѣчахъ, а не дѣлахъ? Этого авторъ намъ не поясняетъ, говоря только, что «тотъ, кто задался бы цѣлію въ настоящее время написать портретъ Вильгельма II, рисковалъ бы горько ошибиться». Дѣйствительно на авторѣ этотъ афоризмъ вполнѣ подтверждается. Ему не съ руки писать портреты историческихъ дѣятелей, если онъ, напримѣръ, не въ состояніи уяснить себѣ даже такой простой вещи, что мнимыя деспотическія наклонности Вильгельма II проявляются только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ заявляетъ о своемъ твердомъ намѣреніи сломить оппозицію, мѣтя этими словами въ непокорнаго бывшаго канцлера, вступившаго, какъ теперь для всѣхъ ясно, въ рѣшительную борьбу съ молодымъ императоромъ. Впрочемъ, мы объ этомъ вопросѣ уже говорили подробно на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (въ майской книжкѣ за текущій годъ) и считаемъ лишнимъ возвращаться къ нему здѣсь.

Что касается до знакомства автора съ историческими фактами, то достаточно будетъ упомянуть, что онъ, пытаясь дать характеристику Бисмарка, проглядѣлъ такое крупное событіе, какъ опубликованіе дневника императора Фридриха III, въ которомъ, между прочимъ, доказывается, что вовсе не князю Бисмарку принадлежитъ честь объединенія Германіи. Авторъ просто находитъ, что «Бисмаркъ имѣетъ полное право сказать: это—дѣло рукъ моихъ» (стр. 392). А между тѣмъ въ характеристикѣ, помѣщенной въ энциклопедическомъ словарѣ (трудъ г. Утина состоитъ изъ двухъ частей: характеристики Вильгельма I, появившейся первоначально въ «Вѣстникѣ Европы», и характеристики Бисмарка, вошедшей въ «Энциклопедическій словарь» гг. Брокгауза и Ефрона), слѣдовало бы бережнѣе обращаться съ историческими фактами и не признавать безспорными такихъ, которые еще далеко не могутъ считаться исторически-достовѣрными. Къ ихъ числу принадлежитъ и фактъ созданія княземъ Бисмаркомъ объединенной Германіи. Мы знаемъ, что князь Бисмаркъ, не проявляя особенной скромности, приписываетъ себѣ роль объединителя Германіи,—знаемъ, что и большинство нѣмцевъ склонны отводить ему эту почетную роль. Но въ дневникѣ императора Фридриха III приведены очень вѣскія данныя, опровергающія эту легенду,

а князь Бисмаркъ, хотя и помѣстилъ въ «Имперскомъ Указателѣ» подробное возраженіе противъ дневника покойнаго императора и пришелъ въ великій гнѣвъ по поводу опубликованія документа, лишавшаго вѣнокъ его славы главнаго лавра, не успѣлъ съ своей стороны доказать, что онъ не противился объединенію Германской имперіи, опасаясь раздоровъ между германскими монархами и народами, какъ и не успѣлъ опровергнуть, что только благодаря энергіи и рѣшительному почину тогдашняго кронпринца Фридриха-Вильгельма объединеніе Германіи состоялось вслѣдъ за побѣдоносною франко-прусскою войною. Все это необходимо было разъяснить въ спеціальномъ трудѣ, посвященномъ характеристикѣ дѣятельности князя Бисмарка, а не ограничиться голымъ восхваленіемъ государственнаго дѣятеля, заслуги котораго представляются многимъ сомнительными. Популярность и слава среди современниковъ не служатъ еще доказательствомъ дѣйствительныхъ заслугъ. Ужъ на что гремѣла слава Меттерниха, а много ли осталось отъ нея предъ нелицепріятнымъ судомъ исторіи? Быть можетъ, при объективномъ и всестороннемъ анализѣ и отъ заслугъ князя Бисмарка останется немного; но, какъ бы то ни было, отъ сколько нибудь обстоятельной оцѣнки его дѣятельности слѣдуетъ ожидать компетентной регистраціи фактовъ и данныхъ, выясняющихъ намъ его право на благодарность собственнаго народа и человѣчества, а тамъ, гдѣ игнорируются крупные факты и данныя этого рода, нельзя говорить объ историческомъ изслѣдованіи; рѣчь тутъ только можетъ идти, какъ мы выразились, нисколько не грѣша противъ истины, о фельетонной болтовнѣ, тѣмъ менѣе умѣстной, чѣмъ серьезнѣе обсуждаемый предметъ. Р. Сементковскій.

Г. Джаншіевъ. Изъ эпохи великихъ реформъ. Москва. 1892.

Со времени освобожденія крестьянъ, отмѣны тѣлеснаго наказанія, цензурной реформы, новаго суда и проч. прошло около тридцати лѣтъ. Дѣятели того времени уже сошли со сцены, а молодое поколѣніе, не знакомое въ школахъ съ отечествовѣдѣніемъ послѣднихъ лѣтъ, судитъ о своемъ прошломъ по наслышкѣ и часто пристрастно. Вотъ почему историческія справки г. Джаншіева изъ эпохи великихъ реформъ крайне своевременны. Правда, онѣ представляютъ не болѣе, какъ извлеченія изъ спеціальныхъ книгъ о минувшемъ царствованіи: профессора Иванюкова «Паденіе крѣпостнаго права», Н. Семенова «Освобожденіе крестьянъ», воспоминаній Щербачева, Валуева, Никитенки, и разныхъ статей, посвященныхъ тому же предмету въ «Русской Старинѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», и т. д. Это вполнѣ компилятивная работа, достоинство которой заключается въ прекрасномъ и увлекательномъ изложеніи предмета, съ цѣлью «возобновить въ памяти общества значеніе и смыслъ недавней преобразовательной эпохи, такъ часто и такъ безцеремонно извращаемые реакціонной печатью». Въ первыхъ очеркахъ г. Джаншіева читатель знакомится съ консервативной партіей 60-хъ годовъ въ лицѣ гр. Панина, Шувалова, митрополита Филарета, Валуева и реформаторами: Я. И. Ростовцевымъ, Киселевымъ, Ланскимъ, Чевкинымъ, Милютинымъ, Д. Самаринымъ, А. Кошелевымъ, кн. В. Черкасскимъ, Я. Соловьевымъ и т. д. Извѣстно, что за нѣсколько лѣтъ до освобожденія крестьянъ въ оффиціальныхъ сферахъ никто не смѣлъ говорить о выкупѣ полевой земли, и въ дворянскихъ собраніяхъ было запрещено касаться этого вопроса. Въ пер-

выхъ рескриптахъ и разъяснительномъ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ помѣщикамъ «сохранялось право собственности на всю землю», крестьянамъ же предоставлялось пріобрѣсти въ собственность только «усадебную осѣдлость», т. е., какъ разъяснилъ министръ, «избу или хату, въ которой живетъ крестьянинъ, съ дворомъ и принадлежностями, съ огородамъ и землею подъ онымъ». Остальная земля, составляя собственность помѣщика, отдавалась лишь въ пользованіе крестьянамъ, которые должны были или отбывать натуральныя повинности, или платить оброкъ деньгами или произведеніями. Уничтоженіе крѣпостнаго права должно было совершиться не вдругъ, а постепенно, причемъ переходное состояніе могло длиться до 12 лѣтъ. За помѣщиками сохранялась вотчинная полиція. Нѣкоторые дворянскіе комитеты (какъ-то курскій, новгородскій, тамбовскій, херсонскій, виленскій и др.) истолковали намѣренія правительства въ томъ смыслѣ, что предлагали въ своихъ проектахъ вовсе лишить крестьянъ, по истеченіи переходнаго времени, земли. Вообще большинство дворянъ было противъ реформы. Въ книгѣ г. Джаншіева мы находимъ слѣдующія тому доказательства. Министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской въ своей запискѣ отъ августа 1859 г. удостовѣряетъ, что большинство дворянства не оправдало ожиданій правительства и прямо или косвенно стремилось къ сохраненію крѣпостной зависимости въ болѣе или менѣе искусно замаскированной формѣ. Въ той же запискѣ своей государю Ланской писалъ: «Въ большинствѣ проектовъ, представленныхъ комитетами, не замѣчается безпристрастнаго соблюденія интересовъ обоихъ сословій, нѣтъ даже яснаго пониманія самыхъ выгодъ помѣщиковъ; въ нихъ выражалось стремленіе къ безземельному освобожденію крестьянъ, и въ то же время затрудняются имъ переходы». Въ опубликованныхъ собственноручныхъ отмѣткахъ покойнаго государя на адресѣ одного изъ корифеевъ крѣпостнической партіи, камергера М. А. Безобразова, имѣется любопытная отмѣтка, заключающая характеристику настроенія дворянства вообще. Противъ словъ адреса, подчеркнутыхъ государемъ: «дворянство горячо сочувствуетъ государю; оно доказало готовность свою исполнить его волю»,—стоитъ собственноручная ироническая отмѣтка государя: «хорошо доказано!» Во II томѣ сочиненія Семенова, стр. 951, противъ того мѣста письма Паскевича гдѣ говорилось, что предположенія редакціонныхъ коммиссій могутъ быть введены въ дѣйствіе только силою, имѣется отмѣтка государя: «да, если дворянство будетъ продолжать упорствовать». На письмѣ къ государю противъ того мѣста, гдѣ говорится о правѣ крестьянъ отказаться отъ земли, на полѣ государь отмѣтилъ: «и тогда помѣщики будутъ гонять ихъ съ земли и пустятъ ходить по міру». Явленіе это было печально, непонятно, нежелательно, но объяснимо. Смыслъ и источникъ его очень просто и вразумительно объяснилъ Я. И. Ростовцевъ въ своемъ предсмертномъ письмѣ къ императору Александру II отъ 23 октября 1859 года. «Большинство дворянскихъ комитетовъ,—писалъ онъ,—смотрѣло на дѣло съ точки зрѣнія частныхъ интересовъ и гражданскаго права, меньшинство же съ точки зрѣнія общественной пользы, государственной необходимости и государственнаго права. Огромное число враговъ реформы, не понимая этой необходимости, придумало противъ редакціонной коммиссіи обвиненіе въ желаніи обобрать дворянъ и произвести анархію»... До такой степени у большинства депутатовъ преобладало это частно-правовое воззрѣніе на дѣло, что когда заходила рѣчь объ отчужденіи дворянской собственности для надѣленія крестьянъ землею

то многіе изъ нихъ открыто, горячо и, повидимому, bona fide заявляли и въ губернскихъ комитетахъ, и въ редакціонной коммиссіи, что за себя лично онѣ готовы приносить жертвы, но не считаютъ себя вправѣ и уполномоченными «жертвовать интересами дворянъ, которыхъ они удостоены чести быть представителями». Такимъ образомъ, большинство дворянскихъ депутатовъ смотрѣло на себя не какъ на носителей государственно-общественной миссіи, а какъ на излюбленныхъ адвокатовъ своего сословія. До какой неразборчивости доходили противники радикальнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, можно судить по факту, оглашенному недавно «Русскимъ Архивомъ». На одномъ обѣдѣ князь А. В. Оболенскій предложилъ тостъ за всѣхъ трудившихся по крестьянскому вопросу и въ томъ числѣ за Кавелина и Унковскаго. Булгаковъ (членъ редакціонной коммиссіи) не постѣснился прервать тостъ такимъ замѣчаніемъ: «Ужъ если пить, то лучше начать съ начала, съ перваго, кто трудился за крестьянъ... съ Пугачева!» («Русскій Архивъ», 1891 г., № 1, стр. 7).

Ю. Ѳ. Самаринъ, князь В. А. Черкасскій и А. И. Кошелевъ, какъ извѣстно, должны были принимать рядъ мѣръ предосторожности и самообороны противъ угрозъ крѣпостниковъ.

Смерть Ростовцева (6-го февраля 1860 г.), если не произвела окончательнаго перелома въ направленіи работъ редакціонной коммиссіи, то все же лишила ее важной точки опоры и окрылила надеждами реакцію, входившую въ силу уже съ конца 1859 г. На мѣсто Ростовцева въ предсѣдатели редакціонной коммиссіи былъ назначенъ николаевскихъ временъ министръ, графъ В. Н. Панинъ — «кнутофилъ». Въ книгѣ того же г. Джаншіева «Основы судебной реформы» указанъ случай, въ которомъ графъ Панинъ не согласился на сенатское ходатайство дать малолѣтнему преступнику взамѣнъ 100 ударовъ розгами—50. Будучи крѣпостникомъ по убѣжденіямъ, графъ Панинъ, занявъ постъ предсѣдателя редакціонной коммиссіи, объяснялъ это противорѣчіе тѣмъ, что по долгу вѣрноподданической присяги онъ считаетъ себя обязаннымъ прежде всего узнавать взглядъ государя императора. «Если я какимъ либо путемъ,—говоритъ онъ,—прямо или косвенно удостовѣрюсь, что государь смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ я, — я долгомъ считаю тотчасъ отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать даже совершенно наперекоръ съ тою и даже большею энергіею, какъ если бы я руководился моими собственными убѣжденіями». Адмиралъ Грейгъ по этому поводу замѣтилъ: «Это самая полная защита трусости, какую я когда либо слышалъ». (См. дневникъ Валуева, «Русская Старина» 1889 г., № XI, стр. 150). Такимъ образомъ графъ Панинъ, лично не сочувствуя дѣлу освобожденія крестьянъ, содѣйствовалъ ему только оффиціально и, какъ пишетъ Джаншіевъ, въ первыхъ же засѣданіяхъ редакціонной коммиссіи дѣлалъ попытки добиться отъ нея существеннаго измѣненія постановленій, принятыхъ при Ростовцевѣ; но когда такія попытки разбились о стойкое противодѣйствіе членовъ, графъ Панинъ сталъ отстаивать частичныя выгоды въ пользу помѣщиковъ въ ущербъ крестьянамъ. Видя безплодность и этихъ своихъ усилій, графъ Панинъ, у котораго отношенія съ большинствомъ членовъ дѣлались все болѣе и болѣе натянутыми, сталъ, въ качествѣ тонкаго казуиста, прибѣгать ко всевозможнымъ способамъ оттяжки дѣла. Пренія затягивались, протоколы задерживались недѣлями, засѣданія назначались въ дни, неудобные для членовъ, и даже протоколы «исправлялись» въ духѣ

предсѣдателя. Но пришлось отказаться и отъ этой системы, такъ какъ члены уклонялись подписывать протоколы, не соотвѣтствующіе дѣйствительности. Когда однажды такой маневръ былъ выведенъ Н. А. Милютинымъ на свѣжую воду, графъ Панинъ поблѣднѣлъ и задыхаясь сказалъ: «такъ это значитъ, вы выражаете сомнѣніе въ моемъ словѣ! Это случается со мной въ первый разъ моей жизни». Отъ системы проволочекъ пришлось также отказаться въ виду прямаго приказанія государя окончить работы къ октябрю 1860 г. Только впослѣдствіи, въ главномъ комитетѣ графу Панину удалось провести довольно существенныя измѣненія въ проектѣ редакціонной коммиссіи, причемъ вопреки первоначальному намѣренію допущенъ былъ даже такъ называемый сиротскій, или гагаринскій, надѣлъ.

Наблюденіе за изготовленіемъ манифеста 19-го февраля было возложено на того же графа Панина. Первоначальный проектъ манифеста былъ составленъ Ю. Ѳ. Самаринымъ и Н. А. Милютинымъ. Но проектъ не удовлетворилъ графа Панина, и, по его докладу, высочайше повелѣно было окончательную редакцію этого важнаго документа возложить на московскаго митрополита Филарета. Митрополитъ Филаретъ не сочувствовалъ крестьянской реформѣ. Онъ,—пишетъ г. Джаншіевъ,—по складу своего ума и по другимъ причинамъ, не сочувствовалъ рѣшительнымъ переворотамъ въ народной жизни и предпочиталъ держаться того порядка вещей, который установился издавна и пустилъ глубокіе корни.

Митрополитъ Филаретъ сократилъ почти вдвое первоначальный проектъ манифеста и измѣнилъ его значительно. 5-го февраля проектъ манифеста былъ составленъ и въ тотъ же день препровожденъ къ графу Панину при письмѣ, въ которомъ митрополитъ Филаретъ высказываетъ, что «въ исполненіе порученія его ввело вѣрноподданническое повиновеніе, а не сознаніе удовлетворить требованію». Вотъ при какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ подготовлялась реформа 19-го февраля, и если бы обнародованіе ея было замедлено, то много вѣроятности, что возникли бы еще болѣе серьезные тормазы, и реформа была бы неузнаваема. Многіе изъ дѣятелей того времени особенно опасались искаженія реформы и ея односторонности. Въ запискѣ тверскаго комитета, составленной его предсѣдателемъ А. Унковскимъ, по этому поводу говорится: «Не смотря на все зло крѣпостнаго права, власть помѣщика, его мѣстное значеніе, его вліяніе и на крестьянъ, и на должностныхъ лицъ, служили, съ одной стороны, огромнымъ пособіемъ въ управленіи, съ другой—ограничивали произволъ чиновниковъ. Съ уничтоженіемъ ея останутся для управленія и охраненія порядка и спокойствія только два становыхъ пристава. Съ другой стороны, въ чемъ будетъ ограниченіе произвола чиновниковъ? Крѣпостное право, глубоко пустившее корни во всѣхъ сферахъ русской жизни, проникло насквозь и служебную дѣятельность: если уничтожить его только въ чистомъ видѣ, оставивъ все прежнее постарому, это не будетъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, а только передачей его изъ рукъ помѣщиковъ въ руки чиновниковъ и расширеніемъ его предѣловъ. Это будетъ раздѣленіе всѣхъ сословій въ государствѣ на два враждебные лагеря: на лагерь полноправныхъ чиновниковъ, вооруженныхъ всею необузданностью безотвѣтственнаго произвола, и безгласныхъ жителей». Для прекращенія такого состоянія комитетъ предлагалъ положить основаніе самоуправленію, т. е. самостоятельному управленію общинъ. Впослѣдствіи, дѣйствительно, какъ мы видимъ, за освобожденіемъ крестьянъ возникли ре-

формы: земское положеніе, гласный судъ, законы о печати и цензурѣ, отмѣна тѣлесныхъ наказаній и т. д.

Каждой изъ этихъ реформъ г. Джаншіевъ удѣлилъ по отдѣльной статьѣ, полныхъ интересныхъ фактовъ и яркаго освѣщенія. А. Фаресовъ.

Рулетка въ Монако. Переводъ съ французскаго. Москва. 1892.

Въ прошломъ году, въ статьѣ «Послѣдній игорный притонъ въ Европѣ», «Историческій Вѣстникъ» представилъ картину настоящаго положенія позорнаго учрежденія, процвѣтающаго въ независимомъ княжествѣ Монако, но находящемся на територіи французскаго департамента приморскихъ Альпъ, на побережьѣ Средиземнаго моря. На десяткѣ страницъ мы передали исторію возникновенія этого игорнаго дома и того, что дѣлается въ немъ въ настоящее время на глазахъ международнаго общества, гордящагося своею цивилизацией и гуманностью. Теперь въ Москвѣ вышла цѣлая книга, почти въ 200 страницъ, подробно разсказывающая всѣ продѣлки этого мошенническаго притона, всѣ убійства, кражи и грабительства, совершающіяся въ немъ и остающіяся безнаказанными. Неизвѣстный переводчикъ взялъ одну изъ многочисленныхъ брошюръ объ этомъ предметѣ и издалъ ее на русскомъ языкѣ со своими примѣчаніями и дополненіями, впрочемъ, весьма незначительными. Онъ задался благою цѣлью — уничтоженіемъ рулетки, и взялъ себѣ эпиграфомъ: «delenda Monte-Carlo!». Но, какъ говоритъ нашъ поэтъ: «и погромче насъ были витіи, да не сдѣлали пользы перомъ», и немножко странно съ какого нибудь Сивцева-Вражка упрекать Францію за то, что она «невозбранно позволяетъ этому дому дьявола заработывать свои доходы путемъ самаго постыднаго, самаго растлѣвающаго соблазна». Самъ же авторъ сознается, что трудно бороться «съ грудами золота и ниспровергнуть обманъ, приносящій ежегодно 25 милліоновъ франковъ дохода». Но находитъ, что, не смотря на трудность борьбы, бороться, всетаки, необходимо, такъ какъ нельзя позволить «шайкѣ плутовъ и бандитовъ обирать безъ помѣхи честныхъ, но легкомысленныхъ людей». Не думаетъ ли онъ своею брошюрою помѣшать крупье обворовывать игроковъ? Да и можно ли называть честными людьми тѣхъ, кто лишаетъ состоянія свои семьи и пускаетъ себѣ пулю въ лобъ, думая этимъ оправдать свой постыдный поступокъ? Это уже и не легкомысліе, а скорѣе недомысліе или просто безсмысліе. Такихъ людей жалѣть нечего, когда они самовольно разстаются съ жизнью. Ничего бы они и не сдѣлали въ ней путнаго, если бы продолжали влачить свое жалкое, никому ненужное существованіе. Въ первый день новаго 1890 года, по словамъ брошюры, въ Монте-Карло застрѣлился прилично одѣтый нашъ соотечественникъ. Въ карманѣ у него нашли записку: «проигралъ 800.000. Желаю остаться неизвѣстнымъ». Желаніе вполнѣ понятное, потому что послѣ такого нелѣпаго проигрыша совѣстно было бы смотрѣть въ глаза всякаго разумнаго человѣка. Въ книгѣ помѣщено и еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ нравственно и умственно свихнувшихся русскихъ людей, и чѣмъ скорѣе исчезаютъ они съ земного поприща, тѣмъ чище дѣлается нравственная атмосфера въ ихъ отечествѣ. Главы о самоубійствахъ съ 1879 по 1891 годъ самыя любопытныя въ книгѣ, хотя въ нихъ мало собственныхъ именъ, и случаи смертей разсказаны безъ всякихъ подробностей, на основаніи газетныхъ статеекъ. Понятно, что управленіе игорнымъ домомъ

старается замять такіе случаи, но вѣдь невозможно же, чтобы всѣ они проходили безъ послѣдствій и безнаказанно. Судебныя власти Франціи должны же обращать вниманіе на эти преступленія, и если министры въ Парижѣ по понятнымъ причинамъ не даютъ хода прошеніямъ о закрытіи рулетки, прокуратура могла бы, во имя нравственности и гуманности, войдти съ представленіемъ объ этомъ въ палату депутатовъ или въ сенатъ. Любопытно, что авторъ брошюры совѣтуетъ самоубійцамъ стрѣляться не въ ресторанахъ и садахъ Монако, а въ самомъ притонѣ, во время игры. Для чего это? Чтобы подѣйствовать на совѣсть разбойнической администраціи, или чтобы заставить ее чаще мѣнять мебель, забрызганную кровью психопатовъ? Слишкомъ ужъ много, кажется намъ, авторъ приписываетъ злодѣяній притону, наполняя двѣ главы разсказами о его скандалахъ, кражахъ, мошенничествахъ и грабительствахъ. Разсказывается даже, что администрація произвела однажды переполохъ въ залѣ, заставивъ своихъ агентовъ кричать, что подброшены динамитныя бомбы, которыя сейчасъ взорветъ. Публика, конечно, бросилась къ выходамъ, и одни крупье остались спокойными и безстрастными, и воспользовались паникой, чтобы захватить всѣ ставки и не уплатить какому-то англичанину значительнаго выигрыша. Англичанинъ самъ разсказываетъ объ этомъ сомнительномъ происшествіи, но не протестуетъ противъ ограбленія и не возбуждаетъ судебнаго преслѣдованія противъ виновниковъ переполоха, за которымъ не послѣдовало никакого взрыва. Не слѣдуетъ сгущать краски даже при описаніи такого лупанара, какъ Монте-Карло, который авторъ напрасно называетъ «лупанаріемъ» (у Ювенала: lupanar). Преувеличеніе въ одномъ какомъ нибудь случаѣ заподозрѣваетъ правдивость и другихъ разсказовъ. Много лишняго въ первыхъ главахъ брошюры о родѣ князей Гримальди, основаніи и развитіи игорнаго дома, а послѣдняя VIII-я глава «можно ли выиграть въ Монте-Карло» просто наивна, и съ первыхъ строкъ ея авторъ сознается, что это невозможно, «даже еслибъ игра велась и вполнѣ честно». Крупье ограничиваются тѣмъ, что даютъ по временамъ возможность пріобрѣсти порядочный кушъ извѣстнымъ лицамъ, чтобы объ этомъ кричали въ газетахъ. Такъ недавно герцогъ Уэльскій выигралъ двадцать тысячъ франковъ въ рулетку. Но это едва ли не единственный случай въ послѣднее время, и на столбцахъ газетъ гораздо чаще встрѣчаются извѣстія о самоубійствахъ и проигрышахъ. Отъ этихъ сенсаціонныхъ разсказовъ, въ виду интереса, возбуждаемаго ими въ читателяхъ, газеты не могутъ воздержаться, не смотря на все желаніе не печатать ничего непріятнаго для притона, отъ котораго они получаютъ значительныя подачки, восхваляя удивительный климатъ Монако, его очаровательные пейзажи, роскошную флору и блестящіе праздники «Общества морскихъ купаній», куда собираются всѣ знаменитости Европы. О рулеткѣ при этомъ, конечно, не говорится ни слова, какъ будто ея вовсе не существуетъ въ этихъ волшебныхъ садахъ, прославленію которыхъ такъ много содѣйствовала продажная печать. Поэтому авторъ брошюры поступилъ бы гораздо цѣлесообразнѣе, если бы вмѣсто риторическихъ воззваній и обращеній къ гуманности, нравственности, цивилизаціи и правосудію, подкрѣпилъ главу о «подкупленныхъ и нанятыхъ защитникахъ игорнаго дома» болѣе вѣскими и доказательными фактами, чѣмъ извѣстіями о томъ, что «Figaro» получаетъ въ годъ отъ Монте-Карло 80.000 франковъ, а «Petit Journal» 25.000. Что это за цифры, въ сравненіи съ 2,200.000 годового дохода, получаемаго княземъ Гримальди

со своего княжества въ 21 версту, то-есть собственно съ одного игорнаго дома, съ 21 милліономъ чистой прибыли, получаемымъ въ годъ рулеткою, и съ 130 милліонами запасныхъ капиталовъ и недвижимости Монте-Карло!..

В—ъ.

Историческій очеркъ Романо-Борисоглѣбскаго училища (1787—1891 г.). Составилъ А. А. Кузнецовъ. Мышкинъ. 1892.

Очеркъ г. Кузнецова посвященъ исторіи одного только Романовъ-Борисоглѣбскаго училища, но, тѣмъ не менѣе, представляетъ интересъ. Авторъ воспользовался архивнымъ матеріаломъ, находившимся въ училищѣ, и нарисовалъ очень любопытную картину школьнаго быта того времени. Передъ читателемъ ясно рисуется вся школьная обстановка, учителя и ученики, ихъ взаимныя отношенія, занятія, отношеніе общества къ школѣ и т. д. Статистическія свѣдѣнія, собранныя авторомъ, даютъ точное понятіе о средствахъ, которыми располагало училище, о его расходахъ, количествѣ учениковъ. Любопытно, какъ отношеніе общества отражалось постоянно на количествѣ посѣщавшихъ школу мальчиковъ. Въ 1873 г. здѣсь было всего 60 мальчиковъ, въ 1874 г. уже 70, а въ 1890—114, а въ тридцатыхъ, сороковыхъ годахъ школа посѣщалась всего—30, 40 учениками. Не лишены также интереса свѣдѣнія, сообщаемыя г. Кузнецовымъ, о первой публичной библіотекѣ, открытой въ 1859 г. по распоряженію попечителя Московскаго округа. Въ публичную библіотеку была обращена школьная фундаментальная, состоявшая изъ 207 названій и 495 томовъ. За десять лѣтъ количество книгъ библіотеки увеличилось до 425 названій и 868 томовъ. Лицъ, подписавшихся на чтеніе, въ 1860 г. было—25, въ 1861—18, а въ 1870—одинъ человѣкъ. Въ 1871 г. ушелъ этотъ единственный читатель, и библіотека, не закрытая оффиціально, фактически передала существовать, «медленно угасла за отсутствіемъ желающихъ читать». Отсутствіе это авторъ объясняетъ тѣмъ, что «въ ней нечего было читать, а наличному числу любителей чтенія было не подъ силу снабдить библіотеку болѣе интересными для любителей сочиненіями». Судя, однако, хотя бы по перечню журналовъ, выписывавшихся библіотекой, нельзя сказать, чтобы читать было нечего. Здѣсь получались, напримѣръ, «Библіотека для Чтенія», «Современникъ», «Отечественныя Записки», «Московскія Вѣдомости», «Русскій Вѣстникъ», «Рѣчь» и др. Очевидно, что читать можно было, матеріалъ для чтенія былъ и несомнѣнно увеличивался бы, если бы «любителей чтенія» было больше. Читать было некому, и потому напрасно г. Кузнецовъ оправдываетъ общество, напрасно думаетъ, что главная причина заключалась не «въ недостаткѣ любителей чтенія среди мѣстныхъ жителей». Рѣдкой библіотекѣ не приходилось, да и теперь не приходится, считаться съ этимъ индифферентизмомъ общества, съ этимъ печальнымъ «отсутствіемъ желающихъ читать».

В. Б.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Франко-русскій союзъ.—Французы и русскіе въ Крыму.— Мнѣніе Луи Леже о трудахъ русской академіи и академическомъ словарѣ.—Былъ ли Мольтке хорошимъ стратегомъ? — Республика и армія. — Записная книжка баварскаго поручика въ 1870 году.—Испанскій журналъ въ память открытія Америки.—Мазарини и Кольбертъ по новымъ изслѣдованіямъ.—Исторія Византіи.—Паденіе Константинополя по изысканіямъ сербскаго писателя.

РАНКО-РУССКОЕ соглашеніе, являющееся единственною опорою европейскаго мира, вопреки всѣмъ интригамъ тройственнаго союза, служитъ и въ литературѣ предметомъ изслѣдованій и выводовъ. Фердинандъ Гено издалъ историческій этюдъ «Двѣнадцать лѣтъ франко-русскаго союза (Douze ans d'alliance franco-russe, par F. de Hénaut). Это подробное изложеніе нашихъ сношеній съ Франціей отъ 1818, по 1830 годъ. Авторъ подтверждаетъ неопровержимыми фактами, что, не смотря на преобладаніе въ это время въ политикѣ идей священнаго союза, Россія противилась всякой враждебной попыткѣ противъ Франціи и дала такимъ образомъ ей возможность сдѣлаться снова могущественною державою, не смотря на разгромъ 1815 года, на всѣ старанія Метерниха и происки Англіи. Гено доказываетъ, что и 60 лѣтъ тому назадъ французскія симпатіи были тѣ же самыя, какъ и теперь, и Россія готова была заключить формальный союзъ съ Франціей, но революція 1830 года измѣнила мысли и намѣренія Николая I. Онъ считалъ нелойяльнымъ захватъ власти Луи Филиппомъ и во всѣ 18 лѣтъ его царствованія относился къ нему сдержанно и недружелюбно. Но до 1830 года русскій императоръ считалъ процвѣтаніе Франціи необходимымъ условіемъ европейскаго мира и равновѣсія. Даже захватъ власти Луи На-

полеономъ и Крымская война не уничтожили симпатій между двумя націями. Да оно и понятно: славянской и романской расѣ нечего бояться другъ друга, но ослабѣй одна изъ нихъ, и тевтонская раса сдѣлается господствующею въ Европѣ, что̀ и случилось послѣ погрома Франціи. Народный инстинктъ болѣе, чѣмъ всѣ дипломатическіе расчеты, содѣйствуетъ соглашенію державъ, и это вполнѣ подтверждаетъ книга Гено, хотя и обнимающая небольшой періодъ времени.

— Генералъ Гербе оставилъ своему семейству письма изъ эпохи Крымскаго похода, появляющіяся теперь подъ названіемъ «Французы и русскіе въ Крыму» (Général Herbé: Francais et Russes en Crimée). Генералъ былъ тогда адъютантомъ въ 95 линейномъ полку. Онъ описываетъ живымъ литературнымъ языкомъ высадку въ Галлиполи, Константинополь, лагери въ Варнѣ, Іени-кей, Базарджикѣ, пожаръ въ Варнѣ, прибытіе въ Крымъ. Онъ участвовалъ въ сраженіи при Альмѣ и траншейныхъ работахъ противъ Севастополя, въ сраженіяхъ при Инкерманѣ и Балаклавѣ, въ осадныхъ стычкахъ при взятіи Зеленаго холма, въ неудачномъ штурмѣ 18 го іюня, въ побѣдѣ при Черной, взятіи Малахова кургана и въ Кинбурнской экспедиціи. Книга изобилуетъ анекдотами, особенно относящимися къ самымъ любезнымъ отношеніямъ между офицерами враждебныхъ армій въ короткіе промежутки перемирій. Любопытны характеристики отдѣльныхъ лицъ, какъ капитана Бирюлева, генерала Фальи, проницательность и хладнокровіе котораго авторъ уже черезчуръ превозноситъ, также какъ и Пелиссье за его энергію и твердую волю. Не думаемъ также, чтобы солдаты жалѣли и даже плакали о маршалѣ Сент-Арно, этомъ бездарномъ авантюристѣ. О принцѣ Наполеонѣ авторъ отзывается также черезчуръ снисходительно. Онъ порицаетъ его за роль фрондера, которую тотъ разыгрывалъ въ арміи, и за рѣзкое осужденіе военныхъ операцій, какое принцъ позволялъ себѣ въ присутствіи субалтернъ-офицеровъ. Гербе говоритъ даже, что если принцъ оставилъ армію, то потому именно, что ему не давали въ ней прерогативъ, приличныхъ его званію, и что всякій на его мѣстѣ поступилъ бы точно также, но что онъ храбро дрался при Альмѣ и Инкерманѣ,—послѣднее утвержденіе весьма сомнительно. Не мало разсѣяно въ книгѣ анекдотовъ и о солдатахъ; такъ, авторъ разсказываетъ, какъ маленькій, тощій капралъ Машера бросился на огромнаго, плечистаго русскаго солдата, и тотъ, обезоруживъ капрала, взялъ его подъ мышку и унесъ въ плѣнъ. Авторъ удивляется смѣлости француза, но, кажется, и смѣлость русскаго въ этомъ случаѣ не меньше. Плѣннику было разрѣшено писать къ своей семьѣ, и авторъ почему-то удивляется этой «наградѣ за его храбрость». Неужели и такое простое позволеніе надо считать необычайною наградою?

— Извѣстный знатокъ русскаго языка Луи Леже въ «Revue critique d'histoire et de littérature» разбираетъ отчетъ II отдѣленія нашей академіи наукъ за пятьдесятъ лѣтъ его существованія и первый выпускъ новаго академическаго словаря. Странно, что критикъ, составившій много дѣльныхъ статей о Россіи, высказываетъ въ своей оцѣнкѣ ошибочныя и поверхностныя сужденія. Такъ, онъ говоритъ, что «россійская академія», основанная въ 1783 году Екатериною II, была присоединена къ академіи наукъ въ 1841 г. Николаемъ I, потому что подъ предсѣдательствомъ «фантазера» адмирала Шишкова уклонилась отъ своей первоначальной цѣли и не сумѣла принять ни открыто литературнаго, ни ученаго характера. Отношенія на-

шего второго отдѣленія къ академіи вовсе не такія, какъ французской академіи къ институту. Расхваливая труды членовъ второго отдѣленія и называя только умершихъ: Жуковскаго, Крылова, Востокова, Срезневскаго, Билярскаго, Строева, Пекарскаго, Леже осыпаетъ похвалами и новый русскій словарь академіи, тогда какъ наша журналистика встрѣтила его или молчаніемъ, или не весьма одобрительными отзывами: за статьею въ нашемъ журналѣ вышла болѣе обширная и обстоятельная статья въ «Наблюдателѣ», изъ которой «Новое Время» и «Петербургская Газета» привели выписки не въ пользу изданія, а «Петербургскія Вѣдомости» доказали, что и чисто лингвистическая часть словаря сильно хромаетъ; профессоръ Казанскаго университета А. Соколовъ издалъ отдѣльной брошюрой свои «Замѣчанія на словарь», въ которыхъ приводитъ множество невѣрно опредѣленныхъ и пропущенныхъ словъ. Леже желаетъ, чтобы 80-лѣтній редакторъ словаря скорѣе окончилъ свое полезное изданіе, но утверждаетъ въ то же время, что наши писатели долгое время смѣшивали славянскій языкъ съ русскимъ, и раздѣленіе ихъ произошло только въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Стало быть, Кантемиръ, Державинъ, Фонвизинъ, Радищевъ и всѣ писатели вѣка Екатерины вмѣстѣ съ самою императрицею, да и всѣ авторы царствованія Александра I, писали на русско-славянскомъ языкѣ? Отъ Луи Леже можно было бы и не ожидать такого верхоглядства въ сужденіяхъ.

— Полководцевъ и стратеговъ признаютъ великими, когда они одерживаютъ побѣды, но пессимисты говорятъ, что побѣды часто выигрываются случайно и зависятъ отъ счастья и тысячи обстоятельствъ, которыхъ нельзя предвидѣть. Хотя еще Суворовъ говорилъ: сегодня счастье, завтра счастье, надо же когда нибудь и немножко ума, но нельзя не сказать, что и въ послѣднихъ войнахъ многія побѣды зависѣли отъ чисто случайной удачи. Недавно умершій фельдмаршалъ Мольтке пользуется славою знаменитаго стратега, а между тѣмъ французскій генералъ Юнгъ развѣнчиваетъ его въ своемъ сочиненіи «Мольтке и его мемуары о кампаніи 1870 года» (M. de Moltke et ses mémoires sur la campagne de 1870). Юнгъ говоритъ, что онъ совершенно разочаровался, читая эти мемуары: «это не болѣе, какъ книга акуратнаго кассира, отдающаго ежедневный отчетъ въ операціяхъ своего дома». Авторъ увѣряетъ, что Мольтке обязанъ своею военною репутаціей простой случайности; все, что онъ предписывалъ, какъ начальникъ штаба нѣмецкой арміи, могло служить и къ ея пораженію, но даже самые явные промахи его имѣли счастливый исходъ; подъ Мецомъ онъ одержалъ верхъ при самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ; подготовить военныя операціи онъ еще могъ, но составить планъ кампаніи былъ совершенно неспособенъ. Къ тому же, по счастливымъ шансамъ, противниками его были генералы, занимавшіеся политикою, а не войною, дѣйствовавшіе безъ всякаго плана съ своимъ ни на что неспособнымъ императоромъ. Въ какой степени правъ французскій генералъ, произнося такой приговоръ о нѣмецкомъ стратегѣ, могутъ рѣшить компетентныя лица. Авторъ былъ начальникомъ штаба во время министерства Буланже, и неудавшійся авантюристъ называлъ своего помощника «печальнымъ субъектомъ», но хорошимъ работникомъ. За то и Юнгъ выставилъ своего бывшаго министра въ другой своей книгѣ «Республика и армія» (La république et l'armée), какимъ онъ и былъ въ жизни: пустымъ фанфарономъ, нерѣшительнымъ болтуномъ,

не умѣвшимъ пользоваться обстоятельствами, не имѣвшимъ ни энергіи, ни цѣли, къ которой онъ могъ бы стремиться. Въ этой книгѣ Юнгъ изслѣдуетъ, какими способоми можно сдѣлать армію республиканскою, и рисуетъ картину, какою должна быть республика во время войны: одна палата, исполнительная власть, вооруженная всѣми полномочіями, отдѣльныя комисіи, отвѣтственные генералы, при которыхъ должны находиться комисарами народные представители. Къ диктатурѣ онъ, однако, не совѣтуетъ прибѣгать даже въ крайней опасности.

— Любопытнымъ документомъ къ исторіи войны 1870 года является изданная надняхъ «Записная книжка баварскаго офицера». Французы тотчасъ же перевели ее (Le cornet d'un officier bavarois) въ извлеченіи, потому что въ ней встрѣчаются ни для кого не интересныя подробности о томъ, какъ авторъ каждый день завтракалъ, обѣдалъ и ужиналъ, кромѣ случайныхъ угощеній, выпадавшихъ на его долю, и которыя онъ всѣ вносилъ въ свой дневникъ, приписывая особенное значеніе своему питанію. Исключены также изъ книжки амурныя похожденія, циническія разсужденія о женщинахъ и грубыя нѣмецкія ругательства, относящіяся къ начальству, но все остальное сохранено въ неприкосновенности, рисующей закулисную, неприглядную сторону войны, этого позорнаго бича, отъ котораго не можетъ избавиться человѣчество. Оригиналъ книжки, въ черномъ полотняномъ переплетѣ, хранится въ Берзасовѣ. Авторъ, поручикъ 1-й роты 10-го пѣхотнаго полка принца Лудвига, входившаго въ составъ 1-го корпуса 2-й дивизіи 4-й бригады, Эммеръ—человѣкъ ограниченныхъ способностей, но съ практическимъ смысломъ, не считающій воровствомъ присвоенія себѣ на войнѣ чужой собственности, грубый, но довольно простодушный, отличающійся сильно развитымъ апетитомъ. Онъ записывалъ день за днемъ, часто даже часъ за часомъ, все, что случалось съ нимъ во время похода отъ 30-го іюня по 9-е ноября 1870 года. Лучше всего съ содержаніемъ и тономъ его дневника, доказывающаго, какъ мало думаютъ военные на войнѣ о ея патріотическихъ цѣляхъ, о славѣ отечества, ознакомятъ выписки изъ его книжки, которыя мы и приводимъ на выдержку.

«30-го іюля. Мы оставляемъ Ингольштадтъ въ 5 часовъ вечера, а когда вернемся? Продолжительная остановка въ Виллисѣ: хорошее пиво, отличный кофе, радушный пріемъ, хорошенькія дѣвчонки. Но съ перваго же этапа изъ полка скрылось уже нѣсколько человѣкъ.

«1-го августа. Перешли Рейнъ у Шпейера, пройдя, безъ всякаго восторга маршемъ мимо прусскаго короля. Квартиру мнѣ отвели у статскаго совѣтника Миллера, очень любезнаго человѣка, но его кофе ни къ чорту не годится.

«2-го августа. Отправившись въ Гердерсгеймъ, попали не на ту дорогу, проплутали нѣсколько лишнихъ часовъ, дошли усталые, въ безпорядкѣ, изъѣденные комарами, должно быть, женскаго пола: такъ они надоѣдливы.

«5-го августа. Третій день дождь, по ужаснымъ дорогамъ пришли измученные въ Ингольсгеймъ,—и нечего съѣсть. Стрѣлки разграбили великолѣпный картофельный огородъ. Какъ бы охотно я вернулся домой, еслибъ могъ!

«6-го августа. Въ Вёртѣ пруссаки съ помощью стрѣлковъ одержали побѣду: пожаръ, стоны раненыхъ и другія пріятныя картинки.

«8-го августа. Въ Ципсвейлерѣ обобрали куръ, гусей, свиней, стащили боченокъ вина, устроили пиръ.

«13-го августа. Въ Бертельмингѣ ночевалъ у булочника; стащилъ у него двѣ бутылки вина.

«14-го августа. Въ Лагарди; воскресенье; раздавали вино; но для ночлега всѣ дома заняли раньше офицеры 3-го батальона. Насъ пріютилъ ученый, съ которымъ товарищъ мой говорилъ полатыни, и угостилъ прекрасными сосисками, но въ которыхъ было столько перцу, что даже мертвый сталъ бы пить. Поэтому мы даже кофе запивали водкой. Удивлялись моему апетиту.

«15-го августа. Хорошая новость: Наполеонъ бѣжалъ въ Бельгію, захвативъ военную казну. Стало быть, война, благодареніе Богу, окончена.

«17-го августа. Въ Домбалѣ напились страшно. Эти животныя французы, однако, богаты. Товарищъ мой оставилъ такіе слѣды въ нашей квартирѣ, что хозяину придется долго убирать ихъ.

«18-го августа. Въ Азело солдаты мои набросились, какъ звѣри, на фруктовыя деревья; я вырвалъ у одного два клока волосъ, другого отдулъ плашмя саблей, третьему надавалъ оплеухъ.

«21-го августа. Наѣлся хлѣба съ масломъ и медомъ, яицъ, ветчины, напился шеколаду и лимонаду и пошелъ въ церковь, но тамъ протестантская комедія, а я по воскресеньямъ привыкъ къ католическимъ церемоніямъ.

«23-го августа. Въ бѣдной маленькой деревнѣ Мелиньи съ бѣшеными блохами крестьяне встрѣтили вилами нашего квартирмейстера; чтобы научить ихъ жить, отняли у нихъ всю провизію, вино, сало,—все отняли и отдули палками старшину за то, что кто-то выстрѣлилъ въ капитана, чего вовсе не было.

«25-го августа. Именины нашего короля, поэтому утромъ насъ угостили парадомъ съ музыкой и безконечной проповѣдью капелана дивизіи. Въ Баръ-ле-дюкѣ беремъ реквизиціи въ третій разъ; жители жалуются, точно мы виноваты въ этомъ.

«1-го сентября. Третій день прусскія дивизіи сражаются. Мы въ резервѣ и занимаемъ горящую деревню Базейль. Балланъ также горитъ. Мы идемъ на Седанъ. Въ $5^1/_2$ вечера крѣпость сдалась. Въ Базейлѣ страшная картина сожженныхъ, разрушенныхъ домовъ, груды тѣлъ.

«2-го сентября. Наполеонъ отдалъ свою шпагу: стало быть, мы вернемся въ Баварію. Хоронили нашихъ убитыхъ солдатъ. Вчера разрушили бомбами деревню, изъ которой одинъ крестьянинъ выстрѣлилъ въ нашихъ солдатъ. Мы встрѣтили за столомъ, уставленнымъ бутылками, извѣстіе, что Наполеонъ сдался въ плѣнъ съ стотысячною арміею. Это великолѣпная побѣда для Германіи, отмстившей Франціи за прошлыя обиды.

«11-го сентября. Въ часъ мы отправились въ походъ по направленію къ Парижу. Я такъ скучаю, что напиваюсь всякій день вмѣстѣ съ нашимъ капельмейстеромъ.

«14-го сентября. Въ Бетанвилѣ фабрики шампанскаго. Я былъ бы очень радъ здѣсь остановиться. Въ Моранвильерѣ сталъ торговать сыръ. Съ меня запросили очень дорого, и я унесъ его, ничего не заплативъ. Надо было идти поздравить нашего генерала, получившаго крестъ (какая скука!). Что за комедія всѣ эти ордена, раздаваемые въ такомъ количествѣ!

«8-го октября. Когда же кончится эта глупая кампанія? Насъ отправляютъ противъ луарской арміи, сформированной изъ вольныхъ стрѣлковъ, національной гвардіи, безъ артилеріи.

«11-го октября. Мы идемъ къ Орлеану, непріятель преграждаетъ намъ путь, завязывается серьезное сраженіе. Меня назначили быть при батальонномъ знамени, въ помощь маіору, трусливому какъ заяцъ. Приносятъ раненаго вольнаго стрѣлка. Я обращаюсь къ нему на французскомъ языкѣ; онъ смотритъ на меня и отвѣчаетъ: monsieur! я не говорю понѣмецки! Конечно, онъ смѣется надо мною, но у него пуля въ животѣ, а я совершенно здоровъ.

«13-го октября. Въ Орлеанѣ. Пошелъ смотрѣть соборъ — не важный. Въ домѣ, гдѣ я на постоѣ, — нечѣмъ поживиться, но съ города мы взяли мильонъ контрибуціи. Поставленный на часы, я напугалъ отъ скуки одну дѣвушку, пригрозивъ взять ее подъ стражу. Всю ночь дулись въ карты, выпили 30 бутылокъ вина.

«28-го октября. Мецъ сдался съ 64 батареями, арміей въ 173 тысячи, въ которой 4,000 офицеровъ и 20.000 больныхъ. За насъ Богъ!

«9-го ноября. Въ полночь мы отправились на охоту за вольными стрѣлками къ деревнѣ Кульмье. На привалѣ мы развели огонь, при которомъ я пишу эти записки. Въ 10 часовъ мы двинулись къ деревнѣ. Началось сильное сраженіе: ядра и пули пронизывали наши полки. Въ половинѣ второго моя рота идетъ въ атаку, но у меня нѣтъ моего ординарца. Надѣюсь на успѣхъ». Это—послѣднія строки записной книжки. Успѣха поручикъ Эммеръ не дождался—онъ былъ убитъ наповалъ, и книжка его осталась въ рукахъ французовъ, когда хоронили мертвыхъ. Думалъ ли этотъ безхитростный, хоть и не симпатичный нѣмецъ, что его замѣтки, которыхъ онъ, конечно, не готовилъ для печати, черезъ двадцать лѣтъ будутъ читаться и тѣми, кто пережилъ эту страшную войну, и тѣми, которые надѣются, хотя, можетъ быть, и напрасно, что подобная безцѣльная и безчеловѣчная бойня будетъ послѣдней между цивилизованными націями.

— Готовящееся празднованіе четырехсотлѣтней годовщины открытія Америки, къ которому выставка въ Чикаго дѣлаетъ такія блестящія приготовленія, въ Европѣ послужила поводомъ къ появленію множества сочиненій, относящихся къ изслѣдованію этой эпохи. Въ Испаніи началъ выходить даже журналъ подъ очень длиннымъ заглавіемъ: «Столѣтіе, илюстрированное обозрѣніе, офиціальный органъ распорядительной хунты, учрежденной для устройства торжествъ, имѣющихъ увѣковѣчить открытіе Америки» (El Centenario. Revista ilustrada, organo oficial de la Sunta directiva, encargada de disponer los solemnedades que han de conmemorar el descubrimiento del America). Эту годовщину Испанія намѣрена въ октябрѣ праздновать самымъ торжественнымъ образомъ: во многихъ городахъ открываются ученые и литературные конгресы, конкурсы въ стихахъ и прозѣ, освященіе памятниковъ и статуй, разнаго рода выставки, экскурсіи и т. п. Для той же цѣли правительствомъ учрежденъ особый комитетъ изъ выдающихся политическихъ, ученыхъ и литературныхъ дѣятелей Испаніи. Въ комитетѣ участвуютъ и представители американскихъ республикъ. Новый журналъ, выходящій еженедѣльно, долженъ служить органомъ для всѣхъ статей, относящихся къ юбилею, и представитъ полную програму и картину праздниковъ. Въ немъ помѣстятся также всѣ поста-

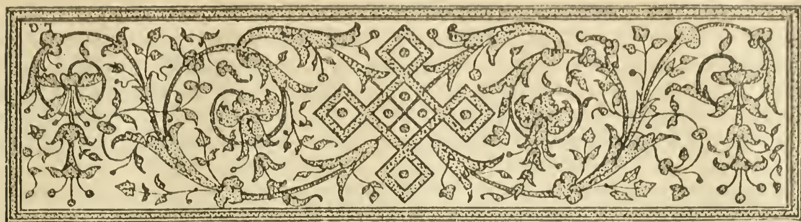
новленія, рѣчи, изысканія и пр. Редакторъ журнала Хуанъ Валера, романистъ, извѣстный своимъ талантомъ и образованіемъ, написалъ блестящую вступительную статью въ первомъ нумерѣ, въ которой въ скромномъ и меланхолическомъ тонѣ говорится о былыхъ заслугахъ Испаніи, подарившей міру новую часть свѣта. Въ первыхъ шести нумерахъ помѣщены: завѣщаніе королевы Изабеллы, представленное также въ фотографическомъ снимкѣ, изслѣдованія о каравеллахъ Колумба, о состояніи его финансовъ и др., все это любопытно, и журналъ пользуется большимъ успѣхомъ.

— Графъ де-Конакъ написалъ два тома этюдовъ о Мазарини и Кольбертѣ (Mazarin et Colbert). Трудно, казалось бы, сказать что нибудь новое объ этихъ историческихъ лицахъ, значеніе и дѣятельность которыхъ давно уже оцѣнены. Но авторъ нашелъ въ нихъ новыя характеристичныя черты на основаніи писемъ, хранящихся въ архивахъ, и рисуетъ этихъ министровъ попреимуществу въ ихъ интимной, частной жизни. Мазарини представленъ у него страстнымъ собирателемъ всякихъ рукописей, картинъ, статуй, обоевъ, рѣдкой мебели, составителемъ самой богатой библіотеки того времени. Этотъ скупой честолюбецъ награбилъ себѣ колосальное состояніе и прекрасно устроилъ всѣхъ своихъ родныхъ. Кольберта авторъ изучалъ исключительно, какъ управляющаго интендантствомъ, и изслѣдуетъ, какое вліяніе имѣлъ этотъ мало извѣстный періодъ его жизни на административныя реформы, введенныя во время его министерства. Финансовую опытность онъ пріобрѣлъ, завѣдуя имуществомъ Мазарини послѣ фронды, участвуя въ его комерческихъ и артистическихъ операціяхъ. Но министръ, сдѣлавшій столько полезныхъ экономическихъ нововведеній, не научился безкорыстію въ школѣ Мазарини и, пріобрѣтя также значительное состояніе, поминутно выпрашивалъ у короля подачки и пособія. Грубый и надутый, какъ всѣ выскочки, онъ умѣлъ дѣлаться также низкимъ льстецомъ и исполнялъ всѣ королевскія прихоти. Авторъ доказываетъ, что онъ былъ виною неправильнаго веденія многихъ дѣлъ по интендантству, а потомъ первый требовалъ наказанія бѣднаго Фуке. Обязанный всѣмъ Мазарину, Кольбертъ тотчасъ послѣ его смерти открылъ королю всѣ потаенныя мѣста, куда итальяиецъ припряталъ свои капиталы, драгоцѣнности и артистическія сокровища, и Людовикъ XIV не только возвратилъ себѣ все награбленное министромъ изъ государственныхъ складовъ, но и пріобрѣтенное имъ на свои средства. Государство отъ этого, впрочемъ, ничего не выиграло, такъ какъ король вскорѣ же роздалъ своимъ фавориткамъ всѣ сокровища, скопленныя Мазариномъ въ его управленіе.

— По исторіи Византіи вышли два замѣчательныхъ изслѣдованія: Омана «Византійская имперія» (The Byzantine empire) и серба Міатовича «Константинъ, послѣдній греческій императоръ или завоеваніе Константинополя турками, по послѣднимъ историческимъ изысканіямъ» (Constantine, the last emperor of the greeks, or the conquest of Constantinople by the turks, after the latest historical researches). Книга Омана—серьезный трудъ: не легко было разсказать исторію Византіи на 350 страницахъ, передать событія 12 столѣтій такъ, чтобы они не явились сухою хроникою. Авторъ съ большимъ искуствомъ вышелъ изъ этого затрудненія: въ сжатыхъ, но вѣрныхъ очеркахъ, въ короткихъ словахъ онъ характеризуетъ лица и событія. Основателя Македонской династіи Василія онъ представляетъ «счастливѣйшимъ человѣкомъ, успѣвшимъ съ пользою употре-

бить въ дѣло «чужіе труды, когда не доставало своихъ». Алексѣя Комнена называетъ «настоящимъ византійскимъ императоромъ», придавая этому эпитету предосудительное значеніе; сына Алексѣя, Іоанна, онъ признаетъ «благоразумнымъ и экономнымъ монархомъ, отдалившимъ на много лѣтъ неизбѣжный день паденія имперіи». Но у автора, какъ у истаго англичанина, встрѣчаются странныя сравненія. Такъ, Іоанна Златоуста онъ называетъ Ѳомою Бекетомъ V столѣтія и ораторскій даръ его сравниваетъ съ проповѣдничествомъ Джона Нокса. Онъ проводитъ также паралель между Юстиніаномъ и Людовикомъ XIV, Велизаріемъ и Марльборо. На судьбу этихъ двухъ полководцевъ большое и вредное вліяніе имѣли ихъ жены, и Антонина также дѣйствовала на характеръ и намѣренія императрицы, какъ герцогиня Сара интриговала противъ королевы. А послѣ смерти Анны семья Марльборо, подвергшись опалѣ, испытала такія же несчастія, какъ Велизарій съ женою по смерти Теодоры. Сраженіе подъ Силистріей онъ сравниваетъ съ битвой при Гастингсѣ: войско Цимисхія долго не могло одолѣть дружинъ Святослава, вооруженныхъ сѣкирами, и, только осыпавъ ихъ тучею стрѣлъ, византійская конница, врѣзавшаяся въ ряды ихъ, произвела страшное опустошеніе. Очень хороши характеристики императоровъ-писателей: Льва VI и Константина VII. Авторъ возстаетъ противъ утвержденія историка Лекки, что «византійская цивилизація была самою низкою и презрительною», и противъ словъ его, что вся исторія императоровъ Византіи наполнена братоубійствами. Съ 340 года по 1453 ни одинъ императоръ не былъ убитъ своимъ братомъ, и только одинъ низвергнутъ съ престола.

— Міатовичъ написалъ исторію паденія Константинополя посербски, но такъ какъ съ этимъ языкомъ мало кто знакомъ въ Европѣ, то онъ перевелъ свой трудъ на англійскій языкъ. Хотя авторъ составилъ свою книгу по новѣйшимъ источникамъ, но онъ, очевидно, мало пользовался греческими сочиненіями, относящимися къ этой эпохѣ, и даже вовсе не упоминаетъ о трудѣ Паспатеса, безъ котораго нельзя обойтись, говоря о паденіи Византіи. Міатовичъ написалъ уже давно обширную исторію Георгія Бранковича, деспота Сербіи, и находитъ, что онъ могъ бы помочь грекамъ, пользуясь большимъ вліяніемъ па Балканскомъ полуостровѣ. Судьба турецкаго могущества не разъ зависѣла отъ потери одного сраженія и, идя на послѣдній приступъ къ городу, турецкій султанъ въ случаѣ неудачи рѣшился снять осаду, опасаясь прибытія на помощь венгерскаго короля Гуніада. И хотя огромное пространство полуразрушенныхъ стѣнъ защищало всего 9.000 грековъ, но 160-тысячное населеніе города такъ упорно отстаивало въ немъ каждый шагъ, что, не оставь осажденные, по непростительной небрежности, старыхъ воротъ Корко безъ защиты, можно было еще отбить приступъ, на которомъ императоръ палъ героемъ. Картина этой послѣдней битвы начертана авторомъ чрезвычайно драматично, хотя онъ описываетъ событія день за днемъ, какъ лѣтописецъ.



СМѢСЬ.

ВОРЕЦЪ царевича Димитрія. 9-го іюня въ Угличѣ освященъ реставрированный дворецъ царевича Димитрія. Углицкія лѣтописи говорятъ, что онъ построенъ княземъ Андреемъ Васильевичемъ Большимъ въ концѣ XV столѣтія. Дворецъ этотъ горѣлъ при полякахъ, въ 1609 году, и потомъ почти полтораста лѣтъ оставался въ развалинахъ, не имѣя даже кровли. Въ 1709 г. углицкій воевода Колударовъ представилъ Петру I челобитную священника церкви Димитрія царевича «на крови» о дозволеніи произвести это возобновленіе на счетъ усердствующихъ. Дозволеніе было дано, но дворецъ остался не возобновленнымъ. Въ 1753 г. онъ пришелъ въ такую ветхость, что присланный въ Угличъ архитекторъ князь Ухтомскій нашелъ его къ возобновленію неудобнымъ. Сенатъ, однако, приказалъ углицкой провинціальной конторѣ сдѣлать надъ нимъ деревянную кровлю, подъ которою онъ и простоялъ до 1802 г. Въ это время, купецъ Александръ Кожевниковъ покрылъ его желѣзомъ и придѣлалъ каменное крыльцо. Позднѣе дворецъ былъ обнесенъ каменною оградою съ желѣзными рѣшетками и обсаженъ деревьями. По возобновленіи дворца, Кожевниковъ расписалъ внутреннія стѣны дворца живописью, весьма плохою по исполненію и по содержанію. На потолкѣ изображенъ Саваоѳъ, окруженный херувимами, а подъ потолкомъ вмѣсто карниза написанъ рядъ грубыхъ портретовъ великихъ князей, подъ портретеми, на простѣнкахъ и около двери изображены: Христосъ, благословляющій дѣтей, мироносицы при гробѣ, обращеніе Савла, убіеніе царевича Димитрія и картины изъ священнаго писанія. Прямо противъ двери, на южной части стѣны, находится образъ Спасителя, сдѣланный гораздо лучше, нежели прочая живопись. Находящаяся здѣсь надпись говоритъ, что это реставрировка древняго лица. Здѣсь же лежатъ деревянныя носилки, обитыя краснымъ сукномъ, на которыхъ въ 1606 г. несены были мощи мученика въ Москву и оттуда присланныя снова въ 1631 г. Михаиломъ Ѳеодоровичемъ на память. Дворецъ въ старо-давнія времена имѣлъ деревянныя пристройки. Подъ дворцомъ въ старину существовалъ большой погребъ со сводами и

подземный ходъ. Въ 1822 г., во время большаго разлитія Волги, отъ напора воды открылись въ землѣ два отверстія: одно съ сѣверной, другое — съ западной стороны дворца, вода изъ которыхъ лилась съ необыкновенною силою. Послѣ увидѣли, что тутъ были своды, впослѣдствіи эти выходы были засыпаны землею и мусоромъ. Преданіе и до сихъ поръ передаетъ о большихъ подземныхъ ходахъ, идущихъ въ разныя стороны отъ дворца.

Десятилѣтняя годовщина смерти М. Д. Скобелева. Десять лѣтъ тому назадъ, въ ночь съ 24-го на 25-е іюня 1882 года, въ Москвѣ, неожиданно скончался генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. Телеграма, полученная 25-го іюня, отъ его величества сестрою почившаго, княгинею Бѣлосельскою-Бѣлозерскою, была слѣдующаго содержанія:

«Страшно пораженъ и огорченъ внезапною смертью вашего брата. Потеря для арміи трудно замѣнимая и, конечно, всѣми истинно военными сильно оплакиваемая. Грустно, очень грустно терять столь полезныхъ и преданныхъ своему дѣлу дѣятелей». «Александръ».

Скорбная вѣсть о безвременной кончинѣ замѣчательнаго полководца мгновенно облетѣла всю Россію. Дѣйствительно, Скобелевъ былъ рожденъ для боевой дѣятельности, война была его стихіей. Свою боевую службу онъ началъ 26-ти лѣтъ въ Туркестанскомъ краѣ, гдѣ близко познакомился съ условіями степной войны, со свойствами среднеазіатскихъ полчищъ и сроднился съ русскимъ солдатомъ, узнавъ его боевыя качества. Въ хивинской экспедиціи подполковникъ генеральнаго штаба Скобелевъ все время шелъ впереди по безводной степи, подъ палящими лучами южнаго солнца, командуя первымъ эшелономъ, а затѣмъ авангардомъ мангышлакскаго отряда. Въ 1875 г. въ войну противъ коканцевъ, Скобелевъ совершилъ опасныя рекогносцировки, подготовилъ штурмъ Кокана, обратилъ въ бѣгство непокорнаго Абдурахмана-Автобачи, а затѣмъ, черезъ годъ, съ 2.800 солдатами взялъ крѣпость Андиджанъ, защищаемую 30.000 вооруженныхъ жителей, и рѣшилъ такимъ образомъ участь Ферганской долины и Коканскаго ханства, 5-го февраля 1876 года присоединеннаго къ Россіи. Въ русско-турецкую войну 1877—1879 годовъ Скобелевъ покрылъ себя новыми лаврами подъ Ловчею и на Зеленыхъ горахъ, при переходѣ зимой черезъ снѣжныя вершины Балканъ, подъ Иметли и Шейновымъ. Наконецъ, въ 1880 г., уже легендарный въ народѣ «бѣлый генералъ» появился опять въ Средней Азіи и рѣшительнымъ ударомъ уничтожилъ сопротивленіе текинцевъ, взялъ Геок-Тепе и завоевалъ Ахалъ-Текинскій оазисъ. Быстро присоединилось имя Скобелева къ самымъ славнымъ, дорогимъ именамъ для арміи и для русскаго народа. Боевые подвиги снискали ему громкую извѣстность далеко за предѣлами отечества, а его военный геній сдѣлался грозой для враговъ Россіи. Во всѣхъ войнахъ, участникомъ которыхъ приходилось быть Скобелеву, онъ проявлялъ то рѣдкое сочетаніе беззавѣтной храбрости, знанія и проницательной осторожности, которое составляетъ удѣлъ избранныхъ полководцевъ, способныхъ вести войска къ вѣрной побѣдѣ. Но, если тяжело было терять, въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ такого высокодаровитаго военачальника, имя котораго сдѣлалось символомъ побѣды, то еще тяжелѣе чувствовали всѣ истинно-русскіе люди утрату, со смертью Скобелева, человѣка русскаго, исполненнаго живою вѣрою въ могущество русскаго народа. Эта вѣра всегда одушевляла его въ тяжелыя минуты, и онъ умѣлъ сообщить это одушевленіе своимъ, не забывающимъ его, сподвижникамъ.

Полувѣковая дѣятельность професора Павлова. 16-го іюня исполнилось сорокъ пять лѣтъ, какъ Платонъ Васильевичъ Павловъ состоитъ въ званіи професора, и въ нѣнышнемъ же году въ томъ же мѣсяцѣ истекло ровно полвѣка, какъ П. В. началъ трудиться на литературномъ поприщѣ. Въ 1842 году впервые появились его переводы въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго. За-

тѣмъ П. В. помѣщалъ оригинальныя свои статьи въ «Современникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», подъ редакціей Некрасова, въ журналѣ «Министерства Народнаго Просвѣщенія» подъ редакціей Георгіевскаго, въ художественномъ журналѣ «Пчела», въ «Художественныхъ Новостяхъ», въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» подъ редакціей Краевскаго, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» подъ редакціей Каткова, «Костромскихъ Вѣдомостяхъ» и въ газетѣ «Кіевлянинъ». Кромѣ участія въ журналахъ и газетахъ, ему принадлежитъ много полезныхъ трудовъ: по греческой словесности, по исторіи русской и всеобщей, по статистикѣ, по части изящныхъ искуствъ. Главное его сочиненіе «Тысячелѣтіе Россіи», помѣщенное впервые въ академическомъ мѣсяцесловѣ на 1862 г., разошедшемся въ 40 тысячахъ экземпляровъ, а затѣмъ изданное отдѣльно въ 1863 г., было отмѣчено критикой и удостоилось лестныхъ отзывовъ спеціалистовъ по отечественной исторіи — Соловьева, Кавелина, Калачева, Бодянскаго и Бестужева-Рюмина. П. В. Павловъ содѣйствовалъ также возникновенію воскресныхъ школъ для распространенія просвѣщенія среди низшихъ классовъ населенія. П. В. Павловъ родился 7-го сентября 1823 г. въ Нижегородской губерніи, получилъ воспитаніе въ дворянской семьѣ, проживавшей постоянно въ деревнѣ, а высшее образованіе въ главномъ педагогическомъ институтѣ, на историко-филологическомъ факультетѣ; окончилъ курсъ въ 1844 г. съ серебряной медалью. Въ 1847 г. 22-лѣтній Павловъ былъ уже магистромъ греческой словесности Петербургскаго университета и занялъ каѳедру русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра послѣ Н. И. Костомарова. Въ 1849 г. Московскій университетъ (въ коемъ тогда на историко-филологическомъ факультетѣ професорами были: Грановскій, Кудрявцевъ, Соловьевъ, Бодянскій, Буслаевъ, Катковъ, Леонтьевъ, Шевыревъ) былъ свидѣтелемъ блестящей защиты дисертаціи П. В. на степень доктора историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики. По возвращеніи въ Кіевъ онъ избранъ былъ сперва (1850 г.) экстраординарнымъ, а въ 1852 г. ординарнымъ профессоромъ. Кромѣ университета, онъ преподавалъ отечественную исторію въ кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ и въ 1-й и 2-й классическихъ гимназіяхъ безвозмездно. Въ 1857 г. командированъ съ ученой цѣлью на $1^1/_2$ года за границу для изученія историческихъ памятниковъ, бытовыхъ и художественныхъ. Послѣ командировки П. В. одновременно съ курсомъ русской исторіи, по порученію факультета, прочелъ безвозмездно курсъ исторіи пластическихъ искуствъ, въ связи съ развитіемъ культуры (ранѣе офиціальнаго учрежденія каѳедры въ университетахъ). Сверхъ того, въ 1859 г., по порученію Н. Н. Пирогова, руководилъ впервые учрежденными тогда въ Кіевѣ, при его непосредственномъ участіи, частными воскресными школами. Въ концѣ 1859 г. П. В. переведенъ на службу въ Петербургъ членомъ археографической комисіи при министерствѣ просвѣщенія, причемъ руководилъ, съ разрѣшенія министерства и подъ его контролемъ, возникшими тогда частными воскресными школами (на подобіе кіевскихъ); къ этому же времени относится чтеніе лекцій въ старшемъ классѣ училища правовѣдѣнія всеобщей исторіи. Затѣмъ до 1861 г. П. В. Павловъ читалъ въ Петербургскомъ университетѣ всеобщую исторію (древнюю). Съ 1862 по 1875 г. унивеситетской каѳедры П. В. не занималъ, а состоялъ членомъ археографической комисіи безъ содержанія; въ 1870 г., благодаря вниманію и участію цесаревича, П. В. по службѣ его въ археографической комисіи назначено было небольшое содержаніе. Съ 1870 г. П. В. читалъ статистику въ военномъ Константиновскомъ училищѣ, русскую и всеобщую исторію въ юнкерскомъ училищѣ, русскую исторію въ Еленинскомъ женскомъ училищѣ, и былъ приглашаемъ, въ качествѣ эксперта, въ состоявшій при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній комитетъ для составленія програмъ для военныхъ училищъ. Съ 1875 г. П. В. Павловъ занималъ

вновь учрежденную каѳедру исторіи и теоріи искуствъ въ университетѣ св. Владиміра, при которой имъ устроенъ художественный музей по его плану съ специальной библіотекой; онъ читалъ также, безвозмездно, лекціи по части общей эстетики въ кіевскомъ музыкальномъ училищѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ содѣйствовалъ, сколько то отъ него зависѣло, успѣшному развитію мѣстныхъ хувожественныхъ учрежденій. Съ 1884 г., по приглашенію академіи художестъ, П. В. читалъ публичныя лекціи по исторіи и теоріи искуствъ въ тѣхъ городахъ имперіи, гдѣ находилъ нужнымъ. За чтеніе означенныхъ лекцій П. В. была неоднократно выражаема признательность мѣстнаго интелигентнаго общества. Издательская дѣятельность П. В. ограничилась приведеніемъ въ систему и подготовкой къ изданію «Сибирскихъ лѣтописей» (съ указаніемъ реальныхъ варіантовъ для Строгоновской и Есиповской лѣтописей) по порученію археографической комисіи, въ «Лѣтописяхъ занятій» которой и помѣщена его записка о помянутыхъ лѣтописяхъ. Платонъ Васильевичъ Павловъ имѣлъ особенное вліяніе на нравственный складъ ума своихъ слушателей, они унаслѣдовали отъ него широкій и гуманный взглядъ на жизнь и исторію, который ихъ охранилъ отъ односторонности и мелочности и помогъ имъ навсегда сохранить въ борьбѣ съ грязною пошлостью ясность мысли и вѣру въ прогресъ.

Присужденіе премій Петра Великаго. Для соисканія премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, ученымъ комитетомъ назначена была, «по разряду гимназій» на 18 92-й годъ, группа «языки нѣмецкій и французскій, съ преимущественнымъ правомъ на премію систематической граматики нѣмецкаго языка». Къ сроку, опредѣленному: положеніемъ объ означенныхъ преміяхъ, въ ученый комитетъ представлено девятнадцать сочиненій: въ этомъ числѣ 11 печатныхъ и 8 въ рукописяхъ. Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій образованы были при ученомъ комитетѣ двѣ особыя комисіи подъ предсѣдательствомъ членовъ ученаго комитета Ф. Ф. Гельбке и В. С. Игнатовича. На основаніи представленныхъ комисіями подробныхъ рецензій о разсмотрѣнныхъ сочиненіяхъ, съ общими о нихъ заключеніями, ученый комитетъ опредѣлилъ: преподавателю московской 2-й гимназіи «А. Еше», за «Синтаксисъ нѣмецкаго языка. Москва. 1887»,— присудить «малую» премію императора Петра великаго (въ 500 рублей). Преподавателю французскаго языка въ олонецкой гимназіи «П. Таккелля», за Dictionnaire étymologique français-russe renfermant, dans un odre graduel, tous les mots de la langue française, analysés et grouppés auprès de leurs mots racines, par Paul Tacchella» (рукопись), присудить «большую» премію (въ 2,000 рублей). Въ вознагражденіе трудовъ предсѣдателей особыхъ комисій: Ф. Ф. Гельбке и В. С. Игнатовича, и членовъ: Ф. Ф. Мазинга, Эрн. Іос. Цейдлера И. О. Бастэна, М. М. Мозера и И. И. Хрущова по разсмотрѣнію означенныхъ сочиненій, выдать имъ учрежденныя на этотъ предметъ «золотыя» медали.

Для сочиненій на соисканіе премій Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, ученымъ комитетомъ назначенъ по разряду гимназій слѣдующій порядокъ. На премію 1893 года группа: «русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесностью и логика; сюда присоединяется педагогика съ дидактикою и методикою, примѣнительно къ гимназіямъ, съ предпочтительнымъ правомъ на премію по логикѣ». На премію 1894 года—группа: «исторія и географія, всеобщая и русская», съ предпочтительнымъ правомъ на премію книги для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, примѣнительно къ потребностямъ русской школы (Славяне и Византія). Сочиненія для соисканія преній должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія въ теченіе года, предшествующаго назначенію премій, но не позже 1-го ноября.

Могилы Фонвизина и другихъ писателей. 1-го декабря минетъ сто лѣтъ со дня кончины Фонвизина. Всѣмъ знакомы его произведенія, изъ которыхъ «Не-

доросль» до сихъ поръ остается живымъ памятникомъ своей эпохи. А между тѣмъ многіе и не знаютъ, гдѣ покоится безсмертный авторъ его; а если и знаютъ кладбище, гдѣ находится его прахъ, то могила его въ такомъ забвеніи, что ее съ трудомъ можно отыскать! Похороненъ онъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры, близь Ломоносова. Не такъ забытъ Ломоносовъ, какъ забытъ Фонвизинъ. Подойдя къ его могилѣ, глазамъ не вѣришь: почернѣвшая и растрескавшаяся плита, надпись съ трудомъ можно разобрать, вѣнковъ нѣтъ—за исключеніемъ желѣзнаго, уже заржавленнаго, вѣнка, возложеннаго года три тому назадъ «отъ филологовъ». Могила эта одна изъ худшихъ могилъ Лазаревскаго кладбища, которое не слишкомъ велико, между тѣмъ Фонвизина безъ долгихъ поисковъ нельзя отыскать. Соображаясь съ его дѣятельностью, не вѣришь найденной, покосившейся плитѣ; до того она бѣдна. Надпись, что онъ здѣсь лежитъ, едва держится, могила покосилась, осѣла въ землю, верхняя доска изъ когда-то бѣлаго мрамора, нынѣ почернѣвшая, растрескалась, надпись на ней слѣдующая: «Подъ симъ камнемъ погребено тѣло статскаго совѣтника Дениса Ивановича Фонъ-Визина. Родился въ 1745 году апрѣля 3-го дня, преставился 1792 года декабря 1-го дня, житіе его было 48 лѣтъ 7 мѣсяцовъ 28 дней». Филологи сняли ленту съ вѣнка, на которой значилось: «Отъ филологовъ». Пора бы привести въ порядокъ дорогую для просвѣщенныхъ людей могилу.

Ломоносова памятникъ, все таки, лучше. Надпись на памятникѣ на двухъ языкахъ, на русскомъ и латинскомъ:

«Въ память
Славному мужу
Михаилу Ломоносову

«Родившемуся въ Холмогорскѣ въ 1711 г., бывшему статскому совѣтнику, С.-Петербургской академіи наукъ профессору, Стокгольмской и Болонской члену, разумомъ и науками превосходному, знатнымъ украшеніемъ отечеству послужившему.

«Краснорѣчія стихотворцу и теоріи россійской учителю,
«Первому въ Россіи безъ руководства изобрѣтателю,
«Преждевременною смертью отъ музъ и отечества
«На-дняхъ Святыя Пасхи 1765 году похищенному

«Воздвигнулъ сію гробницу
«графъ М. Воронцовъ.

«Славя отечество съ таковымъ гражданиномъ и горестно соболѣзнуя о его кончинѣ.

«Возобновленъ графомъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ въ 1832 г».

Памятникъ отъ ветхости далъ глубокія трещины.

На Полежаевскомъ кладбищѣ покоятся Карамзинъ, Жуковскій и графъ Сперанскій. Н. М. Карамзинъ похороненъ рядомъ съ женою, надпись на могилѣ простая: «Родился декабря 1766 г. Скончался 22-го мая 1826 года». Памятникъ въ трещинахъ, а на памятникѣ лежитъ бронзовый вѣнокъ.

У В. А. Жуковскаго воздвигнутъ почитателями роскошный саркофагъ, но никогда не обметается, потому что, подойдя къ нему, захватываешь вершковый слой пыли. Вѣнковъ нѣтъ никакихъ.

У Сперанскаго могила крѣпка, но содержится въ неопрятности. На плитѣ круглый годъ лежатъ листья и пыль толстыми слоями. Да и сторожа не знаютъ, гдѣ его могила.

Когда хоронятъ человѣка, то сколько говорится пламенныхъ рѣчей о томъ, что сей великій мужъ никогда не будетъ забытъ, а между тѣмъ проходятъ года, и забывается даже то мѣсто, гдѣ погребенъ дорогой человѣкъ. Деревенскій мужикъ нерѣдко печется о могилѣ земляка, а у насъ о могилахъ великихъ мужей кто же будетъ заботиться? Хоть бы могилу Фон-

визина къ предстоящему столѣтнему юбилею привели въ надлежащій видъ. Фотографомъ любителемъ Шелеховымъ предпринято составленіе альбома фотографій могилъ и украшающихъ ихъ надгробныхъ памятниковъ общественныхъ дѣятелей, покоящихся на петербургскихъ кладбищахъ.

Археологическое общество. Въ общемъ собраніи общества, подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Бычкова, К. Н. Лишинъ сдѣлалъ сообщеніе «о мѣстностяхъ нѣкоторыхъ городовъ Ѳракіи». Совершенное докладчикомъ путешествіе по берегу Эгейскаго моря намѣчаетъ теперь цѣлый рядъ пунктовъ, заслуживающихъ серьезнаго археологическаго изслѣдованія. Древности, видѣнныя нашимъ путешественникомъ и воспроизведенныя посредствомъ фотографіи, въ древнемъ Эносѣ (при устьѣ Марицы), Мароніи и Кавала (древній Неаполисъ), относятся и къ эпохѣ античной греческой культуры, и къ позднѣйшей—византійской. Докладчикъ представилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣлый рядъ тщательно имъ записанныхъ древнихъ греческихъ надписей и богатую колекцію собранныхъ имъ античныхъ монетъ въ прекрасно сохранившихся экземплярахъ. Вторымъ докадчикомъ въ томъ же засѣданіи выступилъ А. Ѳ. Семеновъ, прочитавшій рефератъ «о древнихъ критскихъ клятвенныхъ формулахъ». Въ томъ же засѣданіи избраны въ почетные члены общества графиня П. С. Уварова и Н. М. Благовѣщенскій.—Въ засѣданіи древне-классическаго отдѣленія русскаго археологическаго общества, подъ предсѣдательствомъ Н. И. Стояновскаго, были прочтены рефераты Ѳ. Ѳ. Соколовымъ и С. А. Жебелевымъ. Рефератъ Ѳ. Ѳ. Соколова посвященъ вопросу «о дани союзныхъ городовъ лакедемонянамъ». Установивъ взглядъ на гегемонію надъ греческими городами, бывшую сначала въ рукахъ Аѳинъ, а потомъ упрочившуюся за Спартой, докладчикъ выяснилъ размѣры той дани (1,000 талантовъ), которая выплачивалась греческими городами, преимущественно расположенными по островамъ Архипелага, во имя гегемоніи. Вопросъ этотъ, бывшій до сихъ поръ предметомъ спорныхъ толкованій въ пользу тѣхъ или другихъ историческихъ свидѣтельствъ древности (Діодоръ, Исократъ), перешелъ теперь, какъ сообщилъ докладчикъ, на почву подтвержденія постановленіемъ аѳинскаго сената отъ 403 года до Р. Х., которое приводитъ Аристотель въ своемъ сочиненіи объ Аѳинскомъ государствѣ, сдѣлавшемся теперь вполнѣ извѣстнымъ ученому міру, благодаря вновь найденному тексту. С. А. Жебелевъ представилъ докладъ «о религіозномъ врачеваніи въ древней Греціи». Какъ это представилъ докладчикъ, опирающійся въ своихъ выводахъ на богатый эпиграфическій матеріалъ, медицина въ классической древности, освященная именемъ Асклепія-Эскулапа, была сочетаніемъ какъ религіозныхъ обрядовъ, такъ и несомнѣнныхъ терапевтическихъ пріемовъ, признанныхъ уже учеными врачами за вполнѣ раціональные и научные, и особо подробной работой по этому вопросу является изслѣдованіе французскаго врача Веркутра, появившееся въ 1885 году. Къ тому же храмы Асклепія были расположены въ мѣстностяхъ чрезвычайно благопріятныхъ въ климатическомъ отношеніи. Что же касается религіозной стороны врачеванія, то здѣсь все было основано на вѣрѣ древнихъ грековъ въ сновидѣнія, въ которыхъ, думали они, боги открывали свою волю. Соотвѣтственно этому въ леченіи больныхъ, обращавшихся въ одинъ изъ храмовъ Асклепія, играла большую роль такъ называемая инкубація: больной, заснувшій въ храмѣ, во снѣ долженъ былъ слышать волю бога, рекомендовавшаго лечебныя средства.—Въ засѣданіи восточнаго отдѣленія общества подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена доложено сообщеніе В. А. Жуковскаго «о персидской версіи легенды объ Іисусѣ и черепѣ». Докладчикъ изложилъ эту легенду по вновь открытому имъ въ рукописяхъ Публичной библіотеки (изъ колекціи Кауфмана) тексту неизвѣстнаго досолѣ произведенія одного изъ замѣчательныхъ персидскихъ поэтовъ, Феридъ-Эддинъ-Аттара. Въ томъ же засѣданіи С. Ѳ. Ольденбургъ ознакомилъ собраніе

съ такими выдающимися новостями оріенталистики, какъ только что изданное большое ученое путешествіе по Тибету Рокгиля (Rockhill The Land of the Lama), новое сочиненіе американскаго ученаго Блюмфельда по вопросу объ индійскихъ Ведахъ и новый трудъ Гольцмана о Магабгаратѣ. Въ заключеніе баронъ В. Р. Розенъ представилъ собранію полученный изъ Асхабада отъ А. Г. Туманскаго рукописный экземпляръ брошюры, распространенной теперь среди бабидовъ и заключающей въ себѣ подробный отчетъ о разбирательствѣ въ военномъ судѣ въ Асхабадѣ дѣла объ убійцахъ-фанатикахъ, ополчившихся противъ этой быстро развивающейся новой секты мусульманства.

Въ русскомъ отдѣленіи, подъ предсѣдательствомъ А. А. Бобринскаго, сдѣланы были сообщенія Г. Ѳ. Челищевымъ «объ изданіи ерминіи» и С. Ѳ. Платоновымъ «о новомъ источникѣ для исторіи московскихъ событій 1648 года». Указавъ на то, что греческія ерминіи, т. е. сборники руководящихъ указаній для иконописцевъ, требуютъ ближайшаго сопоставленія съ нашими лицевыми толковыми подлинниками, Г. Ѳ. Челищевъ заявилъ о предпринимаемомъ изданіи ерминіи по старѣйшимъ текстамъ, изъ которыхъ одинъ пріобрѣтенъ докладчикомъ въ Константинополѣ въ рукописи начала XVIII вѣка, другой относится къ 1671 г. и доставленъ докладчику въ копіи архіепископомъ Епифаніемъ Іорданскимъ. Въ докладѣ о московскихъ событіяхъ 1648 г. С. Ѳ. Платоновъ, установивъ историческій взглядъ на бывшія въ это время въ Москвѣ волненія, предшествовавшія всего на нѣсколько недѣль началу работъ по Уложенію, представилъ теперь окончательныя подтвержденія точной даты этого событія (2-го іюня 1648 г.), опираясь въ данномъ случаѣ на доставленное Г. В. Форстеномъ изъ шведскаго государственнаго архива письмо, подробно излагающее бывшее въ Москвѣ волненіе. Въ томъ же засѣданіи графъ А. А. Бобринскій представилъ на разсмотрѣніе собранія пріобрѣтенный имъ въ Спасскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи распространенный въ этой мѣстности женскій головной уборъ, украшенный мелкими раковинами.

Въ послѣднемъ засѣданіи восточнаго отдѣленія баронъ В. Р. Розенъ доложилъ собранію присланное Н. Ѳ. Петровскимъ изъ Кашгара сообщеніе о древностяхъ Кашгаріи и замѣчанія С. Ѳ. Ольденбурга относительно доставленной г. Петровскимъ индійской рукописи трудночитаемыхъ сѣверно-индійскихъ письменъ. Въ томъ же засѣданіи баронъ В. Р. Розенъ сдѣлалъ сообщеніе, касающееся «новыхъ книгъ и извѣстій о бабидахъ». Эта религіозно-политическая секта, возникшая среди персидскихъ мусульманъ въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія, когда появился объявившій себя пророкомъ Бабъ, располагаетъ въ настоящее время громаднымъ числомъ своихъ приверженцевъ, не смотря на то, что въ средѣ бабидовъ образовался уже расколъ: теперь одновременно два пророка бабизма — Бехауллахъ и Субхи-Эзель. Въ недавнее время англійскій ученый путешественникъ Браунъ посѣтилъ обоихъ этихъ пророковъ бабизма и, изучивъ это религіозно-политическое движеніе на Востокѣ во всѣхъ подробностяхъ, издалъ книгу, съ содержаніемъ которой и познакомилъ собраніе докладчикъ, присоединивъ къ этому нѣкоторыя документальныя данныя, лично имъ добытыя. Присутствовавшій въ засѣданіи генералъ А. В. Комаровъ, съ своей стороны, сообщилъ личныя свои наблюденія надъ бабидами, которыхъ въ настоящее время множество проживаетъ въ Асхабадѣ. Сущность бабизма заключается въ томъ, что сторонники этого толка изъ правовѣрныхъ послѣдовательно идутъ къ отрицанію такихъ установленій ислама, которыя являются главнымъ тормазомъ въ умственномъ и общественномъ развитіи мусульманъ. Баронъ В. Р. Розенъ представилъ текстъ одного изъ послѣднихъ такъ называемыхъ откровеній Бехауллаха, распространенныхъ среди бабидовъ, которымъ здѣсь указывается: отмѣна священной войны, разрѣшеніе жить въ мирѣ съ иновѣрцами, свобода носить какую угодно одежду и не брить головы, разрѣшеніе изучать всякія науки и искуства, требованіе усердно заниматься

какими бы то ни было промыслами и ремеслами. Бабиды въ Персіи, изъ которыхъ 9/10 тщательно скрываютъ свою принадлежность къ этому толку, составляютъ въ настоящее время передовую часть населенія. Бабиды поддерживаютъ другъ друга, располагая для этой цѣли общественнымъ капиталомъ до 40 миліоновъ рублей, находящимся въ распоряженіи избранныхъ изъ среды бабидовъ «мужей дома справедливости». Бабиды оружія при себѣ не носятъ, въ случаѣ преслѣдованія сопротивленія не оказываютъ, проявляютъ широкое стремленіе къ умственному развитію и, признавая всѣ религіи большимъ или меньшимъ откровеніемъ самого Бога, особо интересуются евангеліемъ. Бабиды, проживающіе въ Асхабадѣ, гдѣ они пріобрѣли репутацію честныхъ торговцевъ и промышленниковъ, не разъ уже просили о разрѣшеніи перейти въ русское подданство, выражая при этомъ готовность пожертвовать большія суммы на сооруженіе въ Закаспійскомъ краѣ христіанскихъ храмовъ и учрежденіе среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній.

† Въ Финляндіи, на дачѣ, гофмейстеръ **Кесарь Филиппович Ординъ**, хорошо извѣстный въ русской литературѣ, какъ авторъ историческихъ изслѣдованій о финляндской конституціи и финляндскихъ законахъ; его сочиненія по этимъ вопросамъ издавались и отдѣльными книгами и помѣщались въ цѣломъ рядѣ статей въ періодическихъ изданіяхъ, особенно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Горячій приверженецъ русской государственной идеи, онъ не могъ равнодушно отнестись къ сепаратистскимъ стремленіямъ части шведской и финской интелигенціи, которыя начали пробивать себѣ дорогу въ современной жизни Финляндіи въ ущербъ русскому населенію и вообще русской коренной народности, находившейся въ Финляндіи въ подчиненномъ положеніи. Принявшись за изученіе исторіи Финляндіи, Ординъ, рядомъ неопровержимыхъ фактовъ, цитатами изъ подлинныхъ документовъ, доказалъ неправильныя толкованія этихъ документовъ финляндскими административными учрежденіями. Его сочиненія, надѣлавшія много шума, обратили на себя вниманіе высшихъ властей и послужили матеріаломъ для законодательныхъ работъ. Покойный воспитывался въ 3-й петербургской гимназіи, гдѣ окончилъ курсъ съ серебряной медалью, и затѣмъ поступилъ въ Петербургскій университетъ, въ которомъ кончилъ курсъ по математическому факультету. Онъ усердно занимался сельскимъ хозяйствомъ, а свою служебную дѣятельность посвятилъ благотворительнымъ учрежденіямъ, состоя сперва попечителемъ Николаевской больницы, а потомъ Ремесленнаго училища Цесаревича Николая, о которомъ дѣйствительно имѣлъ самое серьезное попеченіе и входилъ во всѣ мелочи его жизни, ходатайствовалъ и хлопоталъ и о выгодахъ училища и за его бывшихъ питомцевъ. Состоя одновременно по придворному вѣдомству, онъ послѣдовательно прошелъ всѣ стадіи придворной службы отъ камеръ-юнкера до гофмейстера.

† Въ Москвѣ **Владиміръ Михайловичъ Каченовскій**, напечатавшій рядъ ученолитературныхъ работъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, Покойный— сынъ извѣстнаго профессора Московскаго университета М. Т. Каченовскаго— родился въ 1826 г., по окончанія курса въ гимназіи поступилъ въ Московскій университетъ, уволился съ третьяго курса и уѣхалъ на Кавказъ, гдѣ зачислился въ Кабардинскій егерскій полкъ. Вмѣстѣ съ полкомъ В. М. участвовалъ во многихъ стычкахъ и схваткахъ съ горцами. Памяти своего отца покойный посвятилъ двѣ статьи, помѣщенныя въ «Русской Старинѣ» (1890 г.) и въ «Библіографическихъ Запискахъ» (1892 г.).

† Въ Тифлисѣ предсѣдатель кавказской археографической комисіи **Дмитрій Аркадьевичъ Кобяковъ**. Онъ принималъ близкое участіе въ трудахъ Берже по изданію актовъ кавказской археографической комисіи, а послѣдній XII-й томъ редактировалъ одинъ. Д. А. принималъ близкое участіе въ мѣстной періодической печати.

Когда онъ увидалъ Марсель, онъ разомъ поблѣднѣлъ, какъ смерть. Лорисъ думалъ, что онъ умираетъ, но въ немъ солдатъ спасъ отца.

— Въ такіе дни,—проговорилъ онъ улыбаясь,—не имѣешь права умереть отъ радости.

Онъ слушалъ, склонивъ голову, ужасный разсказъ о смерти Картама.

— Какъ онъ любилъ тебя! — воскликнулъ онъ, прижимая къ груди своей Марсель.—Увы! теперь, кромѣ меня, у тебя никого, а тамъ,—прибавилъ онъ, указывая на St.-Germain:—тамъ пруссаки.

Когда онъ узналъ все, что сдѣлалъ Лорисъ, онъ протянулъ ему обѣ руки.

— Мнѣ кажется, дитя мое, что надъ тобою свершилось чудо. Мсьё Лорисъ, благодарю васъ отъ имени Марсели и Франціи.

— Развѣ я не такой же французъ, какъ и вы?— воскликнулъ Лорисъ.—Неужели вы думаете, что я все еще тотъ безумецъ, тотъ неблагодарный, какимъ я былъ мѣсяцъ назадъ, когда я оспаривалъ цвѣтъ знамени? А, кромѣ того, вы не знаете...

Жанъ Шенъ прервалъ его жестомъ:

— Я все знаю: вы, ни въ чемъ неповинный, желали искупить преступленіе, совершенное въ Филипвилѣ.

— Преступленіе, которое еще не искуплено,—замѣтилъ Лорисъ.— Капитанъ, я имѣлъ честь сражаться тамъ подъ вашею командою Дайте мнѣ опять мѣстечко въ вашихъ рядахъ.

— У Франціи не много защитниковъ, я принимаю ваше предложеніе. Знаете ли вы, что здѣсь идетъ отчаянная борьба — пруссаки не берутъ въ плѣнъ.

— Я былъ въ Женапѣ.

Марсель объявила, что она не уйдетъ съ бивуака отца, но Жанъ Шенъ былъ неумолимъ. Онъ требовалъ, чтобы она вернулась въ Парижъ.

— Отецъ, вдалекѣ отъ тебя я умру отъ безпокойства и тоски. Умоляю тебя, позволь мнѣ остаться съ тобою! Мсьё Лорисъ, помогите мнѣ уговорить папу.

Жанъ Шенъ призадумался. Онъ страдалъ при мысли, что молодая дѣвушка останется безъ всякой опоры. Но развѣ онъ имѣлъ право уйдти изъ борьбы? Развѣ онъ не принадлежалъ отчизнѣ, этой матери всѣхъ нашихъ матерей?

— Послушай, — сказалъ онъ Марсели: — я не могу и не хочу имѣть тебя при себѣ. Подумай только, каждую минуту насъ могутъ накрыть. Мнѣ кажется, что твое присутствіе отниметъ у меня всякую энергію. Но для тебя, какъ и для себя, я желаю имѣть тебя какъ можно ближе; для этого вотъ что мы сдѣлаемъ: при въѣздѣ въ Севръ есть небольшой постоялый дворъ, его содержитъ одинъ изъ нашихъ единомышленниковъ. Отправляйся ты къ нему. Каждое утро, пока сообщеніе будетъ свободно, одинъ изъ нашихъ

будетъ приходить за тобой и приводить тебя ко мнѣ, въ свиданіи съ тобой я буду черпать мою силу и храбрость; затѣмъ, ты будешь возвращаться къ себѣ.

Зная, что ей не вымолить большаго, Марсель съ удовольствіемъ приняла то, что ей предлагали.

— До свиданья, отецъ; до свиданья, мсьё Лорисъ, будьте вы оба живы, объ этомъ проситъ васъ ваша дочь, ваша сестра.

Между обоими молодыми людьми во все время долгихъ часовъ, какіе имъ пришлось провести другъ съ другомъ въ этой лихорадкѣ, которая слѣдуетъ обыкновенно за сильными ощущеніями, не было сказано ни одного слова, которое бы не дышало все той же простотою дружбы. Крещенье кровью превратило ихъ въ брата и сестру. Марсели казалось совершенно естественнымъ покровительство Лориса, для него все ея довѣріе казалось вполнѣ законнымъ. Три раза, по волѣ судьбы, ему пришлось быть ея защитникомъ. Это образовало между ними ненарушимую связь. Они, какъ друзья, пожимали другъ другу руки.

Онъ разсказалъ ей все свое прошлое, всю свою любовь къ Регинѣ, не скрылъ отъ нея о томъ, что они женихъ и невѣста. Если онъ горячился при воспоминаніи о Флореннѣ, она успокоивала его, защищала ее. Развѣ политика женское дѣло? Она могла ошибаться: неужели ее за это можно меньше любить? Онъ охотно соглашался и давалъ себѣ слово перевоспитать ее нравственно, какъ малое дитя, когда она станетъ его женою.

— Отчего вы не повидаете ее?—спрашивала Марсель:—можетъ быть, она уже вернулась въ Парижъ.

Нѣтъ, не теперь еще. Теперь она окружена всѣми этими лживыми льстецами, которые восхваляютъ ее, разжигаютъ въ ней тѣ страсти, которыя онъ теперь порицалъ. Развѣ потомъ. Теперь онъ еще не расчитался съ своими долгами.

— Вѣдь вы же ее все еще любите?

— Всею силою моей души.

Понятно, что Лорисъ взялъ на себя проводить Марсель до указаннаго отцемъ ея дома.

Она была принята тамъ съ распростертыми объятіями.

Хозяинъ этого постоялаго двора былъ солдатъ Республики, съ ампутированной ногой, одинъ изъ уцѣлѣвшихъ отъ первыхъ стычекъ 1792 года. Лоренъ, прозванный Лоренъ де-Вальми, въ силу предстоявшаго возврата къ прежнимъ титуламъ дворянства, занималъ маленькій домикъ на берегу Сены, близехонько отъ Севрскаго моста.

Еще совсѣмъ бодрый, преданный Жану Шену до послѣдней капли крови, онъ являлся самымъ вѣрнымъ покровителемъ для молодой дѣвушки.

Прошло нѣсколько дней безъ всякихъ новыхъ усложненій. Не-

пріятель быстро подвигался, но встрѣча состоялась только въ концѣ іюня.

1-го іюля Марсель напрасно прождала человѣка, который обыкновенно провожалъ ее. По временамъ бывали стычки, вдалекѣ раздавались выстрѣлы, которые отдавались болью въ ея сердцѣ. Наконецъ, вечеромъ ей удалось повидать отца на нѣсколько минутъ. Это было какъ разъ въ то время, когда почтовая карета маркизы остановилась у аванпостовъ.

Въ этотъ вечеръ Жанъ Шенъ прощался съ ней дольше обыкновеннаго. Лориса тамъ не было: онъ находился со своими людьми неподалеку, въ засадѣ; онъ надѣлъ опять свои поручичьи погоны.

— Говорятъ о перемиріи, о капитуляціи,—замѣтила Марсель.

Рука Жана Шена сжалась на рукояткѣ шпаги; онъ замолкъ.

Прошло еще два дня безъ особыхъ событій. Непріятельскій кругъ все суживался, и Жанъ Шенъ, со своей ротой, стоялъ теперь бивуакомъ на берегу самой Сены, въ лѣсахъ Saint-Cloud.

Слухи о капитуляціи усиливались; всѣ старые защитники страны ужасались при мысли, что близокъ часъ, когда ихъ оружіе должно сломаться въ ихъ рукахъ, и они поглядывали другъ на друга, бросая мрачные и злобные взгляды.

Въ эту ночь Марсель не ложилась. Какое-то мучительное предчувствіе щемило ей сердце.

Она открыла окно и, облокотясь, прислушивалась. Луна поздно взошла и освѣщала своимъ стальнымъ свѣтомъ ленту-Сену, за которой Марсель слѣдила взоромъ до глубины мрака лѣсовъ.

Вдругъ,—это было около одиннадцати съ половиною часовъ,—Марсель услыхала конскій топотъ по дорогѣ изъ Парижа: кто-то несся во весь опоръ, вѣроятно, эстафета. Не въ первый разъ приходилось ей это видѣть, но отчего въ этотъ разъ такъ тревожно забилось ея сердце?

Она высунулась въ окно, чтобы слѣдить за всадникомъ, думая, что непремѣнно догадается, въ чемъ дѣло.

Это былъ французскій офицеръ, при бѣломъ яркомъ свѣтѣ луны можно было разглядѣть его форму; если бы онъ не нагибался впередъ, пришпоривая лошадь, она могла бы разглядѣть даже его черты.

Онъ подъѣзжалъ къ мосту. Еще нѣсколько минутъ, и онъ въѣхалъ бы на него. Везъ ли онъ приказаніе выступать или, напротивъ, вѣсть объ окончаніи борьбы?

Въ эту минуту внезапно налетѣлъ на офицера другой всадникъ съ быстротою, возможною развѣ въ кошмарѣ. Марсель видѣла только, что этотъ другой всадникъ нагналъ офицера и слился съ нимъ въ одну общую тѣнь.

Затѣмъ раздался глухой выстрѣлъ; офицеръ пошатнулся и упалъ.

Тотъ другой выстрѣлилъ еще вторично по немъ; тѣло заколыхалось, предсмертныя судороги—и затѣмъ стало неподвижно.

Тогда тотъ другой быстро повернулъ поводъ, и въ эту минуту Марсель при яркомъ свѣтѣ луны увидала его лице, которое она узнала.

Тогда, высунувшись въ окно, съ опасностью вывалиться, она стала кричать:

— Убійца! Убійца!

Но негодяй уже исчезъ.

Марсель, обезумѣвъ, бросилась въ домъ, взывая о помощи.

Лоренъ уже былъ около нея съ ружьемъ въ рукѣ, поддерживая ее, такъ какъ она едва стояла на ногахъ.

Въ чемъ дѣло? Не было ли то нападеніе непріятеля на Севрскій мостъ? Марсель, вся запыхавшись, была не въ силахъ связать двухъ словъ, она тащила его на улицу, говоря отрывочныя безсвязныя слова.

Они вышли. Марсель бросилась бѣжать къ мосту. Она первая добѣжала до несчастнаго убитаго и опустилась около него на колѣни; испуганная лошадь умчалась, исчезнувъ въ ночной тьмѣ.

— Ахъ, несчастный!—воскликнулъ Лоренъ, — вѣроятно, упалъ съ лошади.

— Нѣтъ, нѣтъ, я сама видѣла! О, Боже, онъ умеръ!

И она приподняла голову стараго офицера, лице уже измѣнилось.

На вискѣ зіяла черная рана. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ упоръ.

Лоренъ, нагнувшись на своей деревянной ногѣ, старался его приподнять.

Вдругъ раненый широко раскрылъ глаза и, со вздохомъ или скорѣе въ предсмертномъ хрипѣ, прошепталъ:

— Депеша... Генералу Пире... О!

Челюсти сжались, все тѣло вытянулось въ предсмертной мукѣ, и онъ упалъ замертво.

Марсель разрыдалась.

— Бѣдный старикъ,—проговорилъ Лоренъ,—печальный конецъ для солдата!

Марсель обернулась къ нему:

— Вы не знаете еще всего—его убили.

— Убили?

— Да, я сама видѣла.

И, сдѣлавъ надъ собой неимовѣрное усиліе, она разсказала все, какъ было.

— Чортъ возьми! — замѣтилъ Лоренъ, — онъ намъ говорилъ о депешѣ, гдѣ же она?

Онъ разстегнулъ сюртукъ несчастнаго и увидалъ на немъ кожаную сумку.

— Вернемся,—сказалъ онъ,—и посмотримъ, въ чемъ дѣло.

— Неужели же мы такъ и оставимъ здѣсь этого несчастнаго человѣка?

— Что дѣлать! На все свое время—у него теперь терпѣнія хватитъ.

Оба направились къ дому.

Дома, при свѣчкѣ, они открыли портфель.

Генералу Пирс... Тамъ и была та депеша, о которой онъ говорилъ.

— Что дѣлать?—проговорила Марсель, ломая руки:—быть можетъ, въ ней какая нибудь важная вѣсть, отъ которой зависитъ благополучіе всѣхъ тамъ находящихся?..

Лоренъ призадумался.

— Очень просто, хоть я и плохой ходокъ, но что нужно, то нужно: я доставлю эту депешу.

— Прекрасно, и я пойду съ вами.

— Ужъ это извините. Я старый солдатъ и умѣю исполнять то, что мнѣ приказано; прежде всего, мы должны слушаться Жана Шена; я не могу позволить вамъ выходить безъ кого нибудь изъ его людей. Такъ было рѣшено, и вамъ придется подчиниться, мадемуазель Марсель.

— Это невозможно, говорю вамъ: тутъ вопросъ жизни или смерти.

— Тѣмъ болѣе. Вы на меня не сердитесь, вы храбрая, достойная дѣвушка, но въ моей власти только то, что вы подъ моей охраною, и то уже много, что я васъ оставлю одну... Ну, ужъ тутъ что дѣлать, но брать васъ съ собой—ни за что. Мужчина всюду пролѣзетъ, и вы меня только стѣсните.

— Милый, добрый Лоренъ.

— Нѣтъ такого... или скажемъ, я милый только, если исполняю свой долгъ, вотъ я его и исполняю; вы меня здѣсь подождете, я скоро вернусь. Мнѣ чуется, что французы недалеко, я отдамъ депешу и сейчасъ же вернусь.

Всѣ просьбы были напрасны. Старикъ былъ неумолимъ, онъ сознавалъ свою отвѣтственность и не считалъ себя въ правѣ уклониться отъ нея.

Марсели пришлось подчиниться.

— Вы правы, — сказала она, — только Бога ради поспѣшите: какой-то внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что эта депеша большой важности; тотъ негодяй былъ, безъ сомнѣнія, заинтересованъ, чтобъ депеша не дошла.

Она чуяла въ этомъ какую-то мрачную интригу.

Лоренъ торопился, какъ могъ.

— Дождитесь меня,—сказалъ онъ ей,—обѣщаю вамъ идти какъ можно скорѣе. Отдамъ письмо, поразвѣдаю чего нибудь новенькаго, имѣйте только терпѣніе.

Марсель, не смотря на все желаніе видѣть его поскорѣе въ дорогѣ, просила, чтобъ онъ вмѣстѣ съ нею помогъ перенести несчастнаго убитаго съ большой дороги, гдѣ лошади могли его раздавить. Они вмѣстѣ дотащили его до моста и тамъ прислонили его къ камнямъ.

Лоренъ отправился наудачу въ походъ.

Марсель не вернулась домой, она облокотилась на перилы моста и силилась что нибудь услыхать, увидѣть? Что̀ именно — она сама не знала.

Но отчего такъ сильно билось ея сердце? Отчего такъ стучали виски?

Понемногу у нея стали путаться мысли. Ее пробиралъ ночной холодъ, а колыханье воды убаюкивало ее. Она не сознавала ни времени, ни окружающей жизни. Какіе-то безсвязные образы носились въ ея головѣ.

Ей видѣлись взрывы, которые окружали ее своимъ краснымъ пламенемъ. Но она не двигалась, она точно замерла въ гипнозѣ.

Вдругъ она вздрогнула, кто-то схватилъ ее за руку:

— Мадемуазель Марсель, скорѣй, скорѣй домой!... Пруссаки!...

Она широко раскрыла растерянные глаза.

Но Лоренъ,—это былъ онъ,—уже тащилъ ее за собой бѣгомъ.

Они добрались до дому; когда они вошли, онъ заперъ дверь всею тяжестью своего тѣла.

— Они не увидятъ нашего барака,—пробормоталъ онъ.—Разбойники!...

— Что же случилось?

Марсель изъ кошмара сна очнулась для еще болѣе ужасной дѣйствительности.

Лоренъ началъ запыхавшимся голосомъ:

— Вы никогда не отгадаете—это по истинѣ ужасно! Едва я перешелъ черезъ мостъ, я чуть не попалъ въ прусскій отрядъ. Да, они были не въ пяти стахъ метровъ отсюда. Я пробрался черезъ полъ-лье, — знаете, на кого я натыкаюсь: на англичанъ! Какъ могло это случиться? Еще въ полдень тутъ были французы. Я не зналъ, куда идти дальше. Наконецъ, пройдя еще два лье, я встрѣчаю французовъ, я уже потратилъ болѣе друхъ часовъ на дорогу. Знаете ли, что я узналъ? Капитуляція подписана, пруссаки и англичане вступаютъ въ Парижъ, наши солдаты отступаютъ.

— Отецъ мой! Отецъ!

— Дитя мое, что дѣлать! злой рокъ!—проговорилъ Лоренъ, ударивъ кулакомъ по столу.—Генералъ Пире не былъ своевременно предупрежденъ о перемиріи и не далъ аванпосту приказанія отступить и...

— И что же?

— И рота Жана Шена, видя приближающихся англичанъ, стрѣляла по нимъ. Говорятъ, произошелъ кровавый бой: пятьдесятъ человѣкъ противъ тысячи.

— Убитъ! мой отецъ убитъ!

— Повидимому, нѣтъ. Говорятъ, ихъ двѣнадцать человѣкъ захватили, и такъ какъ они нарушили капитуляцію, они сегодня же утромъ предстанутъ предъ военнымъ судомъ и будутъ разстрѣлены.

— Разстрѣлены? Кто?

— Вѣроятно, не солдаты, но офицеры—ихъ дное.

— Ихъ имена... Я чувствую, что схожу съ ума.

Лоренъ склонилъ голову.

— Одинъ изъ нихъ,—проговорилъ онъ печальнымъ голосомъ:— нашъ капитанъ, нашъ братъ, Жанъ Шенъ.

— Отецъ! Отецъ! Я не хочу этого! Не хочу!

— А второй—тотъ молоденькій поручикъ, который все время былъ съ Жаномъ Шеномъ... виконтъ-де...

— Лорисъ...

— Да онъ... Взгляните... Пруссаки... О злополучная Франція!

Извнѣ слышался тяжелый топотъ всадниковъ. Нашествіе приближалось къ послѣднему этапу. Убитая горемъ Марсель опустилась на колѣни, безъ голосу, безъ мысли.

Лоренъ въ отчаяніи продолжалъ свой разсказъ. Онъ вручилъ депешу одному офицеру генеральнаго штаба, который отъ волненья вскрылъ ее.

Это было извѣщеніе о капитуляціи, приказаніе прекратить немедленно всякія непріятельскія дѣйствія. Оно должно было придти въ 12 часовъ ночи, а теперь было около пяти часовъ!

Англичане, надо полагать, подозрѣвали или дѣлали видъ, что подозрѣваютъ, тутъ западню. Пришлось сейчасъ же увѣдомить генерала Пире, который, вѣроятно, пошлетъ парламентера для объясненія этого факта, этого недоразумѣнія, но завоеватели жестоки. Чего добраго, ихъ ни въ чемъ не разубѣдишь, черезъ два часа все можетъ быть кончено!

Передъ этой ужасной катастрофой, которая была выше человѣческихъ силъ, Марсель сознавала себя уничтоженной, безпомощной, безсильной.

Что могла она придумать? Борьба была немыслима. Бѣжать въ Saint-Cloud, броситься къ ногамъ англійскаго генерала? Да будетъ ли онъ ее слушать? Допустятъ ли ее до него? На этотъ разъ отъ смерти было не уйдти.

— Если бы знать, къ кому обратиться?—плакался Лоренъ.—Въ Парижѣ есть столько людей, которые дружны съ англичанами. Вѣдь это же, наконецъ, несправедливость, подлость. Офицеровъ не убиваютъ за то, что они исполняли свой долгъ солдата.

И онъ топнулъ ногой.

— Ахъ, если бы старый Картамъ былъ живъ!

Вдругъ Марсель вскочила, вскрикнувъ:

— Къ кому обратиться? Есть къ кому! Къ женщинѣ, къ маркизѣ де-Люсьенъ. Къ невѣстѣ мсьё Лориса. Она спасетъ его отъ смерти, а съ нимъ будетъ спасенъ и Жанъ Шенъ. Надо бѣжать къ ней! Развѣ я имѣю право убиваться? Лоренъ, идемте сейчасъ въ Парижъ, тамъ мы ее найдемъ. Говорю вамъ, она любитъ одного изъ приговоренныхъ къ смерти!

XX.

Маркиза де-Люсьенъ была одною изъ героинь дня. Между крайними, которые ожили въ Парижѣ съ отъѣздомъ людоѣда съ Корсики, не было ни одного, который бы не зналъ, какое участіе она принимала въ послѣднихъ событіяхъ, какую дѣятельность она проявила, какъ всемогуще было ея вліяніе въ дѣлѣ служенія интересамъ короля.

Въ этомъ странномъ мірѣ, гдѣ идеи и мысли принимались иначе, чѣмъ простыми смертными, героями назывались Бурмоны, Блюхеръ, Велингтонъ, — всѣ тѣ, кто ускорилъ паденіе Франціи; Ватерлоо являлось побѣдою, Ней измѣнникомъ, армія Mont Saint Jean собраніемъ разбойниковъ.

Какъ только по Парижу разнеслась вѣсть о капитуляціи, произошла перемѣна въ настроеніи. Всѣ патріоты, которымъ все давно опротивѣло, позаперлись у себя, не интересуясь возвращеніемъ чужестранцевъ; на улицахъ же, на набережныхъ, на площадяхъ, въ садахъ, появились подозрительныя личности, выползшія изъ своихъ норокъ, довольные трусы, подлые даже въ минуты своихъ успѣховъ, дѣлавшіеся понемногу смѣлѣе, наглѣе: такіе люди выплываютъ обыкновенно въ дни великихъ національныхъ катастрофъ.

Убѣжденные въ невозможности всякаго возврата, они суетились теперь около своихъ друзей, нашихъ враговъ, точно въ праздничномъ шествіи. Странная то была толпа, напудренная, въ сюртукахъ à la française—иронія старой моды; женщины въ нарядныхъ платьяхъ, франты со шпагами en verrouil, въ шелковыхъ чулкахъ, съ пряжками, съ камнями.

Эти люди явились занимать завоеванныя мѣста: все было для нихъ готово. Франція принадлежала имъ. Временное правительство подало въ отставку, король былъ въ замкѣ Арнувиль, при въѣздѣ въ Парижъ.

Это было торжество, давно подготовленное Фуше, которому суждено было имъ пользоваться всего нѣсколько мѣсяцевъ.

Поговаривали, правда, объ озлобленіи, царившемъ въ предмѣстьяхъ: объ офицерахъ, которые ломали свои шпаги, о солдатахъ, которые сжигали свои знамена.

Маленькій шумокъ на окраинахъ Парижа: по словамъ Шарра—послѣдняя пульсація утомленной артеріи.

Побѣдители по довѣренности ликовали.

Зная, что маркиза начинала рано день, какъ подобаетъ начальнику партіи, самые нетерпѣливые уже съ девяти часовъ были въ отелѣ де-Люсьенъ, двери котораго были уже раскрыты.

Маркиза еще не выходила, но ея пріемныя комнаты быстро наполнялись.

Героемъ празднества былъ, безъ сомнѣнія, мсьё Маларвикъ, близость съ королемъ котораго была всѣмъ хорошо извѣстна; вліяніе его на короля давно поколебало вліяніе Блакаса. Сынъ его, Гекторъ, могъ расчитывать на самое блестящее положеніе. Тремовиль, Трезекъ, Гишемонъ прибыли въ это утро, опередивъ Бурмона, который пожелалъ остаться при королѣ. Со всѣми кориѳеями сатурналіи, противодѣйствовавшей прогрессу, тутъ была цѣлая масса статистовъ, всякихъ попрошаекъ мѣстъ, крестовъ, нетерпѣливо ожидавшихъ возстановленія своихъ преувеличенныхъ титуловъ и привилегій.

Кто же могъ быть лучшимъ посредникомъ между ними всѣми и королемъ, какъ не маркиза де-Люсьенъ, которая, говорятъ, наканунѣ была польщена собственноручнымъ письмомъ Велингтона.

Нѣкоторые вполголоса спрашивали Тремовиля:

— Правда ли, что этотъ маленькій Лорисъ?...

— Не говорите... Сумасшедшій какой-то! — проговорилъ Тремовиль, у котораго, не смотря ни на что, сохранилась доля привязанности къ старому пріятелю.

— Скажите лучше, глупецъ!—замѣтилъ кто-то, подмигнувъ глазомъ на Гектора Маларвика, побѣдоносные виды котораго на красавицу маркизу не были ни для кого тайною.

— Богиня храма что-то долго не появляется,—замѣтилъ какой-то селадонъ, современникъ молодости Помпадуръ.

Вошла m-me де-Люсьенъ, блѣдная, вся въ черномъ. Всѣ поспѣшили къ ней на встрѣчу: она была восходящее солнце.

Никто не замѣтилъ, что этой молодой, свѣжей женщины коснулись струи холоднаго, леданаго вѣтра.

Съ устремленнымъ взоромъ, со сжатыми устами, она едва слушала, отвѣчая односложными словами. На почтительные поклоны, на мадригалы она отвѣчала разсѣянно, была холодно вѣжлива.

Какъ она страдала, трудно выразить: теперь она была убѣждена въ силу какого-то необъяснимаго предчувствія, что Лорисъ умеръ.

Когда она вошла, она окинула взглядомъ всѣ эти подобострастныя, пошлыя физіономіи; когда она услыхала всѣ эти безстрастные голоса, это эхо могилъ, ей стало противно. Чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе вспоминалось ей прошлое.

Ей казалось, она слышитъ искренній, задушевный голосъ того, кого ей не суждено было больше слышать. Здѣсь, въ этой самой пріемной, какъ онъ безумно, нѣтъ, великодушно клеймилъ сдѣлки съ совѣстью и интриги низкой политики... И странно, Регина видѣла его передъ собой все въ минуту той сцены во Флореннѣ, когда въ глазахъ его засверкалъ свѣтъ, котораго она до тѣхъ поръ въ нихъ не видала и который, помимо ея, обжегъ ее своимъ огнемъ.

Конечно, она все ему простила и богохульство ея боговъ, и свою личную обиду. Она вспоминала ту фразу, за которую она когда-то его такъ бранила:

— Какое мнѣ дѣло до короля!.. Я знаю только васъ, обожаю васъ одну!

Она шепотомъ повторяла эти слова, и слезы навертывались ей на глаза.

Конечно, за то, чтобы онъ очутился тутъ, около нея, чтобы онъ снова повторилъ ей эти сладостныя революціонерныя слова, она тоже готова была на святотатство, готова была забыть и гордость Салестэновъ, и роялистскую страсть де-Люсьеновъ. Зачѣмъ такъ поздно познала она свое сердце, зачѣмъ не прислушалась она къ нему раньше!

И она допустила его идти на смерть!

Появилось новое лице—всѣ переполошились: большей чести маркизѣ не могло быть оказано.

Генералъ Кольвиль, англійскаго корпуса Гилля, явился лично благодарить вѣрную союзницу, которая облегчила задачу завоевателей.

Съ низкимъ поклономъ онъ приложился къ рукѣ Регины.

Онъ напомнилъ ей, что имѣлъ честь быть ей представленнымъ въ Лондонѣ, что онъ не забылъ этого.

— Въ Парижѣ я буду имѣть честь сдѣлать вамъ первый визитъ... Быть можетъ, у васъ найдется въ тотъ день какое нибудь приказаніе для вашего покорнаго слуги.

Весьма любезно и опредѣленно.

Въ первый разъ въ жизни, когда уста его коснулись ея руки, Регина испытала чувство отвращенія.

Лорисъ убитъ на полѣ битвы! Быть можетъ, солдаты этого человѣка убили его!

Всѣ окружили счастливаго побѣдителя съ разспросами о послѣднихъ дѣйствіяхъ.

Онъ прямо изъ Saint-Cloud. Все обстояло благополучно, за исключеніемъ одной стычки ночью. Французы нарушили капитуляцію, и дѣло будетъ разбираться военнымъ судомъ. Говорили тутъ о какомъ-то недоразумѣніи, о депешѣ, не полученной во время. Конечно, это не можетъ быть принято во вниманіе. Онъ ожидаетъ адъютанта съ отчетомъ о результатѣ суда.

Регина не слушала, она упорно смотрѣла на дверь. Она ожидала кого-то. Аббатъ Блашъ все ей сообщилъ. Почемъ знать—можетъ быть, ненависть того человѣка къ Лорису будетъ изобрѣтательнѣе ихъ симпатіи въ дѣлѣ его поисковъ?

Наконецъ, появилась ея горничная и сдѣлала ей знакъ.

Она извинилась и вышла подъ предлогомъ неотложнаго дѣла.

Въ будуарѣ ее ожидалъ Лавердьеръ.

Она умоляюще взглянула на него, не рѣшаясь спросить.

Онъ сказалъ только одно слово:

— Живъ!

Бѣдная женщина схватилась за сердце, пошатнулась, прислонилась къ спинкѣ кресла и такимъ образомъ удержалась на ногахъ.

Передъ этимъ человѣкомъ ей не хотѣлось выдать себя.

— Благодарю васъ,—сказала она только, какъ будто это одно слово не заключало въ себѣ всѣхъ ея мыслей.

Онъ тихонько пожалъ протянутую руку по всѣмъ правиламъ людей свѣта.

— Маркиза,—замѣтилъ онъ,—я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы достойно выполнить возложенное на меня аббатомъ Блашомъ порученіе: я былъ на столько счастливъ, что мнѣ удалось получить вѣрныя свѣдѣнія... Мсьё виконтъ Лорисъ живъ!

Онъ повторилъ это съ аффектаціею. Если до этихъ поръ у него было нѣкоторое сомнѣніе насчетъ чувства Регины къ его врагу, то въ настоящую минуту всѣ эти сомнѣнія рушились.

Она любила его. Если она желала знать, что съ нимъ сталось, то совсѣмъ не для того, чтобы имѣть увѣренность въ полученной обратно свободѣ, но только для того, чтобы ожидать его, чтобы встрѣтить радостно этого счастливца ея первой любви.

Все это выяснится. Маларвикъ не имѣетъ права быть неблагодарнымъ, онъ еще не расквитался за оказанную ему услугу.

Маркиза думала, что къ ней уже вернулось ея спокойствіе, и голосомъ, который казался ей вполнѣ естественнымъ, она спросила:

— Гдѣ онъ?

— Очень близко отсюда. Онъ служитъ въ корпусѣ генерала Пире, который еще вчера вечеромъ занималъ Севръ и Saint-Cloud.

— Вы увѣрены въ вашихъ справкахъ?

— Вполнѣ: если маркизѣ угодно, я могу дать ей болѣе подробныя свѣдѣнія.

И смотря на Регину болѣе пристально, чѣмъ то позволяло приличіе, онъ началъ:

— Мсьё виконтъ де-Лорисъ снова носитъ чинъ поручика; онъ состоитъ подъ командою отъявленнаго революціонера, имени котораго маркиза, вѣроятно, не забыла.

— Это имя?

— Капитанъ Жанъ Шенъ.

Регина вздрогнула; это не могло ускользнуть отъ Кейраза.

— Жанъ Шенъ, — пробормотала она, — дѣйствительно я его помню.

Кейразъ выждалъ минуту, затѣмъ, отчеканивая по слогамъ, прибавилъ:

— Отецъ нѣкой якобинки, по имени Марсель.

— Я знаю, что же дальше?

Безъ всякаго равновѣсія по натурѣ, Регина отдавалась всецѣло всякому новому впечатлѣнію. Это имя, случайно названное, пронзило ея сердце. Она тѣмъ не менѣе овладѣла собою.

— Продолжайте,—сказала она.

— Дѣло въ томъ, что это предметъ довольно щекотливый и я боялся бы...

У людей закваски Лавердьера своя собственная психологія, грубая, безъ анализа, для всѣхъ одинаковая. По его мнѣнію, Регина была влюблена въ Лориса. Надо было ее убѣдить, что она на ложномъ пути. Большаго не требовалось.

Онъ, по своей грубости вояки, не сознавалъ даже, что клавикорды, которыхъ онъ касался своими тяжелыми лапами, были изъ такихъ чуткихъ, впечатлительныхъ струнъ, что при малѣйшемъ грубомъ прикосновеніи къ нимъ они звучали диссонансами, полными страданья. Онъ думалъ, что сердитъ ее, тогда какъ онъ убивалъ ее. Она неподвижно стояла, невозмутимая на видъ, дрожа внутреннею, невидимою дрожью.

— Я вамъ сказала, чтобы вы продолжали,—замѣтила она.

— Такъ какъ я зналъ, гдѣ находится Жанъ Шенъ, задача моя становилась не трудною.

— Отчего?

— Оттого, что зная, гдѣ одинъ, я былъ убѣжденъ, что найду и другаго.

— То-есть?

— Маркиза, скажу вамъ прямо—я солдатъ и не умѣю вилять Я выслѣживалъ его довольно давно, со встрѣчи,—это было въ послѣднихъ дняхъ мая,—мсьё Лориса съ этой подозрительной барышней, съ этой Марселью, которую онъ защищалъ по поводу, могу васъ увѣрить, самой вздорной невѣжливости,—эту дочь якобинца Жана Шена.

Онъ остановился, наслаждаясь біеніемъ сердца Регины, отъ котораго она вся трепетала.

Она сдѣлала ему знакъ рукой, чтобы онъ продолжалъ.

— Я встрѣтился въ другой разъ съ этой дѣвчонкой, вы знаете, при какихъ обстоятельствахъ, въ улицѣ Erégon; оба они были тогда арестованы и отведены въ Консьержери.

Регина не знала этого обстоятельства: убѣжденіе, которое ей хотѣлъ навязать Кейразъ, начинало уже вліять. И снова въ этой душѣ, въ которой любовь расцвѣла впервые, появилась ревность съ своимъ медленнымъ, острымъ ядомъ.

— Арестованы оба вмѣстѣ,—вы убѣждены въ этомъ?

— Я самъ имѣлъ честь ихъ провожать до дверей тюрьмы. Признаться, я никогда не думалъ, что мсьё Лорисъ до такой степени проникнутъ якобинствомъ. Онъ себя слишкомъ компрометировалъ, протежируя этой дѣвушкѣ, и я убѣжденъ, что политика тутъ играла весьма второстепенную роль.

У нея стало духу улыбнуться:

— Дальше,—замѣтила она.

— Быть можетъ, маркизѣ достаточно этихъ свѣдѣній.

Она почувствовала въ себѣ проблескъ гордости:

— Мнѣ кажется, мсьё Кейразъ, я вамъ приказала разсказать мнѣ все, что вамъ извѣстно.

— Въ такомъ случаѣ—къ вашимъ услугамъ. Лорисъ и Марсель провели всю ночь въ Консьержери. О, будьте спокойны, не въ тюремномъ заключеніи. На другой день, въ семь часовъ утра, ихъ освободили. Затѣмъ мсьё Лорисъ отправился на Champ de Mai, гдѣ «Compagnons du Gui» третировали его какъ товарища и повѣреннаго, затѣмъ онъ отправился въ армію, тогда какъ эта дѣвица, связанная не знаю какими узами со старикомъ Картамомъ, бывшимъ членомъ Конвента, другомъ Робеспьера, покинула Парижъ подъ предлогомъ слѣдованья за интендантствомъ. Правда, что виконту, состоявшему въ штатѣ Бурмона, было бы не особенно легко попасть къ ней, не случись одного обстоятельства...

Такъ вотъ оно настоящее объясненіе того порыва патріотической чести! Вотъ отчего Лорисъ измѣнилъ своимъ взглядамъ, вотъ отчего въ то время, когда она имѣла глупость признаться ему въ своей любви, въ то время, когда она старалась его всячески удержать, онъ такъ торопился, онъ спѣшилъ къ этой дѣвчонкѣ!

Душѣ ли, тѣлу ли бываетъ нанесена первая рана, но ощущеніе перваго удара ужасно. Въ Регинѣ соединились два страданія—физическое и нравственное, оба они точно тонкимъ лезвіемъ проникали ей въ сердце, въ мозгъ, заставляли ее выносить страшную пытку, доводящую до безумія. Она вся была полна стыда, гнѣва, презрѣнія, отъ которыхъ у нея ссыхались уста, сжималось горло.

— И что-жъ, они встрѣтились?—спросила она.

— Не такъ скоро, какъ онъ бы желалъ того. Маркизѣ не безъизвѣстно, какая жалкая участь постигла армію Бонапарта. Картамъ былъ убитъ, но, благодаря случайности, одной изъ тѣхъ, какія всегда имѣются про запасъ у бога любви для своихъ вѣрныхъ слугъ, мсьё Лорисъ очутился какъ разъ на лицѣ, когда нужно было спасти отъ смерти эту дурочку. Все, что я знаю, это, что они вер-

нулись вмѣстѣ въ почтовой каретѣ, точно изъ свадебнаго путешествія. Мсьё Лорисъ, который не могъ оставить своего будущаго тестя, безумно увлеченнаго битвою, вернулся къ нему на аванпостъ. Затѣмъ могу повторить то, что я уже имѣлъ честь доложить маркизѣ: виконтъ де-Лорисъ живъ, живъ и невредимъ.

Каждое слово Лавердьера отравляло ядомъ сердце несчастной женщины! Все, что онъ говорилъ, было такъ правдоподобно! Наконецъ, какая выгода этому человѣку обманывать ее?

Истина была несомнѣнна и ужасна.

Лорисъ всегда лгалъ низко, неблагородно. У ея ногъ, нашептывая ей слова любви, онъ думалъ о другой, объ этой дѣвчонкѣ, о своей любовницѣ...

Была ли то боль?—нѣтъ. Униженіе, превратившееся въ ненависть, въ ненасытную потребность мести, наказанія. О, съ какимъ бы наслажденіемъ она пронзила имъ обоимъ сердце!

Кейразъ не злоупотреблялъ своимъ тріумфомъ. Онъ отвернулся отъ нея на половину и не смотрѣлъ на ту, которую подвергъ такой жестокой пыткѣ.

Онъ былъ доволенъ собою. Маларвику онъ угодилъ: немного правды, много клеветы, какъ все это было просто! Немножко энергіи въ трудныя минуты, какъ, напримѣръ, сегодня ночью, и цѣль была достигнута.

Регина хотѣла переломить себя, быть спокойной. Но какъ преодолѣть ту внутреннюю дрожь, отъ которой она трепетала всѣми фибрами своего существа?

Вдругъ она обратилась къ нему:

— Мсьё Кейразъ, вернемтесь въ гостинную. Прошу васъ, дайте мнѣ руку.

Она презирала этого человѣка, для нея было началомъ реванша снизойти до него, она наказывала себя этимъ униженіемъ за то, что вѣрила въ честность, въ искренность, въ честь, въ любовь. Она перестала разсуждать, она поддавалась влеченію своихъ чувствъ, моментальному проявленію инстинкта.

Де-Кейразъ гордился своимъ значеніемъ и тѣмъ, что попалъ такъ мѣтко, тѣмъ не менѣе былъ достаточно хитеръ, чтобы не злоупотребить своей побѣдой и не забыть разстоянія, ихъ раздѣлявшаго; онъ не поддался тщеславному искушенію, которое ему было предложено, и, опередивъ маркизу, онъ открылъ дверь въ гостинную и, низко ей кланяясь и отстраняясь, пропустилъ ее.

Въ эту самую минуту ея появленіе точно прервало начатый разговоръ: съ именемъ Лориса, случайно произнесеннымъ, наступило вдругъ всеобщее молчаніе.

Маркиза замѣтила это. Неужели надъ ней смѣялись?

— Вы, кажется, говорили о виконтѣ Лорисѣ?—спросила она, окинувъ гордымъ взглядомъ окружающихъ.

Всѣ взоры были направлены на англійскаго генерала, который, съ бумагами въ рукахъ, говорилъ тихимъ голосомъ съ офицеромъ, вытянувшимся передъ нимъ, держа руку подъ козырекъ.

— Прошу извиненія, маркиза, — проговорилъ Кольвиль, обращаясь къ ней:—я принялъ здѣсь адъютанта по неотложному дѣлу о двухъ военно-плѣнныхъ.

— Мсьё Лорисъ въ плѣну?

— Онъ и еще другой офицеръ, по случаю стычки, происшедшей сегодня ночью,—впрочемъ ничего серьезнаго.

Регина смотрѣла на него; быть можетъ, она догадывалась объ ужасной истинѣ.

Но кто скажетъ, что дѣлается въ душахъ страстныхъ натуръ, когда онѣ находятся еще всецѣло подъ первымъ впечатлѣніемъ отчаянья.

Она отвернулась, прекратила разспросы и опустилась на диванъ.

— Мсьё Маларвикъ,—проговорила она,—сядьте подлѣ меня.

Графъ отошелъ отъ сына, котораго Кейразъ увлекъ къ окну.

— Слышали вы новость, — началъ Гекторъ съ иронической улыбкой:—депеша съ извѣстіемъ о капитуляціи не дошла до своего назначенія, и несчастный де-Лорисъ...

— Бываютъ такія роковыя фатальности, — замѣтилъ Кейразъ, по которому тѣмъ не менѣе пробѣжала нервная дрожь: иногда отъ слишкомъ большихъ удачъ приходишь въ ужасъ.

Англичанинъ собирался уже отпустить своего адъютанта. Онъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ тихо Тремовилю:

— Черезъ два часа... Что дѣлать! На то война!

— Подарите мнѣ минуту времени, — проговорилъ молодой человѣкъ.

— Съ удовольствіемъ, но къ чему?

Тремовиль былъ легкомысленъ, эгоистиченъ. Но онъ былъ пріятелемъ Лориса, за тотъ пассажъ въ Филипвилѣ у него не сохранилось къ нему злобы, такъ какъ онъ не сознавалъ ясно, что происходило въ то время въ душѣ молодаго человѣка. Да, наконецъ, бываютъ положенія, гдѣ надо выручать. Состраданіе бываетъ въ сердцахъ самыхъ беззаботныхъ людей.

Онъ подошелъ къ дивану, на которомъ сидѣла Регина, занятая конфиденціальнымъ разговоромъ съ мсьё Маларвикомъ.

Онъ обратился къ ней съ поклономъ.

— Смѣю ли я просить у маркизы,—прошу извинить меня, мсьё Маларвикъ,—одну минуту времени?

Она обернулась къ нему.

— Сію минуту, мсьё Тремовиль.

— Маркиза, дѣло большой важности, прошу васъ,—повторилъ Тремовиль глухимъ голосомъ.

Она слегка пожала плечами:

— Что вамъ нужно?

— Я буду просить васъ нѣсколько словъ наединѣ...

— Тайна? О, нѣтъ! говорите громко, мсьё Тремовиль. У насъ тутъ нѣтъ тайнъ другъ отъ друга.

Тремовиль выпрямился, что-то въ тонѣ Регины показалось ему обиднымъ.

— Маркиза, я желалъ говорить тихо, потому что дѣло идетъ о жизни и смерти. Но разъ вы не желаете этого, то знайте, что мой старый другъ, виконтъ де-Лорисъ...

Регина встала, вся блѣдная:

— Мсьё Тремовиль, я желаю,—проговорила она ледянымъ голосомъ:—чтобы здѣсь никогда болѣе не было произнесено имя человѣка, который измѣнилъ интересамъ короля.

Этимъ все и кончилось. Тремовиль отошелъ. Генералъ, который очень добродушно ждалъ, сдѣлалъ знакъ своему адъютанту, что онъ можетъ идти.

Знала ли Регина? Неужели гнѣвъ обманутой женщины довелъ ее до такой жестокости, что она сама произнесла приговоръ смерти человѣку, котораго она любила?

Сознавала ли она, что адъютантъ увозилъ съ собой приказаніе о казни двухъ французовъ, которые нарушили капитуляцію?

Мсьё Маларвикъ снова продолжалъ начатый разговоръ, убѣжденный, что она его слушаетъ, оттого только, что она была около него, а у нея въ ушахъ звучали только два имени: Жоржъ, Марсель.

Чтобы стряхнуть уныніе, какое овладѣло всѣми, болѣе вѣтренные снова заговорили. Велика важность въ самомъ дѣлѣ—два якобинца поплатились за свое безразсудство, и не такіе виды видали!

Вторично появилась горничная Регины съ встревоженною физіономіею.

— Что тамъ опять?—спросила Регина.—Записка?... Давайте сюда.

Она протянула руку за письмомъ.

Она развернула его и прочитала:

«M-me де-Люсьенъ.

«Умоляю васъ именемъ всего для васъ святаго дать мнѣ возможность съ вами переговорить: ради Бога, не теряйте ни минуты. Молю васъ на колѣняхъ меня выслушать.

«Марсель».

XXI.

Марсель!... Она... посмѣла явиться къ ней въ домъ. У Регины выступили на лбу капли холоднаго пота.

Конечно, она ея не приметъ, просто велитъ выгнать эту проклятую дѣвчонку.

Но вѣдь она можетъ и сама ее выгнать... Неужели она боится ея?... Что за вздоръ!

Она разомъ рѣшила: для нея будетъ удовольствіемъ швырнуть ей въ лице весь свой гнѣвъ, все свое презрѣніе.

Не обращая вниманія на присутствующихъ, она встала и безсознательно, какъ лунатикъ, направилась къ дверямъ, отстраняя тѣхъ, кто ей мѣшалъ пройти.

Она толкнула дверь.

Но едва она переступила за порогъ другой комнаты, какъ Марсель упала передъ ней на колѣни и схватила ея руки:

— Спасите ихъ... Спасите ихъ... Если бы вы знали...

Регина въ ужасѣ отступила, вырывая свои руки изъ рукъ молодой дѣвушки съ такой силой, что та почти упала.

И, не разслышавъ даже ея словъ, она ее прервала:

— Что вамъ надо? Зачѣмъ вы здѣсь? Не смѣйте дотрогиваться до меня... Не смѣйте говорить со мной... Вы посмѣли пройти сюда... Отъ такихъ нахалокъ всего дождешься...

Марсель, блѣдная, съ распущенными волосами, изнемогая отъ усталости, такъ какъ бѣжала всю дорогу, смотрѣла на нее, подпершись одною рукою, распростертая на коврѣ. Она не узнавала ея. Подъ этой искаженной маской она не узнавала той молодой, красивой женщины, которую она видѣла мелькомъ въ тотъ вечеръ, когда она явилась передъ своими противниками во всей прелести героини.

Регина продолжала, отчеканивая слова, съ трудомъ переводя дыханіе:

— Чего вы хотите отъ меня? Что общаго между вами и мною?... Убирайтесь, если не хотите, чтобы я велѣла васъ выгнать...

Но Марсель была до такой степени полна отчаянья, что могла только проговорить:

— Вы вѣрно не знаете—ихъ убьютъ... убьютъ...

Она старалась при этомъ ухватить за платье Регину, которая все отъ нея пятилась.

— Убирайтесь, слышите, убирайтесь!—повторила Регина.

Марсель вдругъ выпрямилась:

— Говорю вамъ, моего отца убьютъ... убьютъ мсьё Лориса...

Она смѣла называть это имя! Когда Регина услыхала его, у нея въ сердцѣ точно раскрылась рана.

Она вдругъ расхохоталась безумнымъ хохотомъ:

— Убьютъ мсьё Лориса! Какое мнѣ дѣло защищать его, если можете, спасайте его—на то вы и любовница его.

И въ это слово, которое никогда еще въ жизни не произнесли ея уста честной женщины, она вложила все отвращеніе, все презрѣніе.

У Марсели, ошеломленной подобнымъ оскорбленіемъ, сперлось дыханіе, но по своей непорочности она рѣшила, что тутъ, вѣроятно, какое нибудь жестокое недоразумѣніе:

— Вы не поняли меня: я говорю о мсьё Лорисѣ, о вашемъ женихѣ!

— Моемъ женихѣ?

— Неужели я ошибаюсь, о Боже! Онъ мнѣ самъ говорилъ это сто разъ. Онъ мнѣ говорилъ, что онъ васъ любитъ, что вы его любите, и что вы дали другъ другу слово.

Она говорила все это тихимъ, искреннимъ голосомъ, она желала одного только—возстановленія истины, защиты себя.

Въ ея голосѣ, въ ея глазахъ, устремленныхъ на Регину, было столько чистоты, правды, что у Регины явилось въ душѣ что-то, похожее на сознаніе своей жестокости. Но подъ вліяніемъ пароксизма страсти она не могла уже остановиться.

— Все это не правда!—воскликнула она:—правда только то, что мсьё Лорисъ вашъ любовникъ.

Марсель вскрикнула, закрывъ лице руками; это была пощечина, отъ которой у нея брызнули слезы.

Но какъ ни было велико ея страданіе, она должна была говорить, время уходило.

— Не знаю, какія ужасныя мысли преслѣдуютъ васъ, но клянусь вамъ, что я сказала вамъ сущую правду. Я здѣсь потому что мой отецъ и мсьё Лорисъ будутъ разстрѣляны... слышите? разстрѣляны. Я никого не знаю, никто не можетъ помочь имъ, вырвать ихъ изъ рукъ англичанъ, вы же, вы всемогущи... я вспомнила о васъ потому, что часто слышала отъ мсьё Лориса, что вы добры, энергичны. Я сказала себѣ, что, любя его, какъ онъ васъ любитъ, вы сдѣлаете все, чтобы спасти его, и за одно спасете и моего отца,—вы же отвѣчаете мнѣ какимъ-то ужаснымъ, непонятнымъ мнѣ вымысломъ. Ихъ убьютъ! убьютъ!...

Она рыдала, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— Если бы я могла вамъ повѣрить!—воскликнула Регина.

— Вы бы могли имъ помочь? Вы бы могли ихъ спасти, и вы медлите, потому что думаете, что я лгу. Боже мой! Какъ могу я вамъ доказать всю правду моихъ словъ... Говорю вамъ, что мсьё Лорисъ любитъ васъ, обожаетъ. Я ничто для него, первая встрѣчная, которую онъ не далъ въ обиду, ребенокъ, котораго онъ спасъ. Любить меня, да онъ и не подумалъ бы даже: его сердце полно вами.

Регина схватила ее за руки:

— Посмотрите мнѣ въ лице и скажите, что вы его не любите.

— Клянусь вамъ... чѣмъ угодно. О Боже! развѣ я пришла сюда ради него? Я пришла сюда ради отца моего, моего добраго, дорогаго отца, въ которомъ вся моя жизнь. Я говорю о мсьё Лорисѣ потому, что онъ любитъ васъ и вы его, но я думаю только о моемъ отцѣ.

— Любите ли вы мсьё Лориса?

— Сказать вамъ, что я его ненавижу, я не могу. Онъ былъ чрезвычайно ко мнѣ добръ, на его глазахъ умеръ мой дѣдушка Картамъ, онъ сражался подъ начальствомъ моего отца, онъ спасъ мнѣ жизнь, я зову его братомъ!

— О, если вы лжете...

— Марсель говоритъ сущую правду!—раздался вдругъ чей-то голосъ.

Вошелъ аббатъ Блашъ и, обращаясь къ Регинѣ, сказалъ:

— Несчастная женщина! Что вы дѣлаете? Развѣ Марсель способна на ложь? Взгляните на нее хорошенько... Развѣ сестра ваша Бланшъ Салестэнъ лгала когда нибудь?

— Бланшъ? Моя сестра? При чемъ она тутъ?

— Она мать Марсели, а настоящее имя отца ея Жана Шена— Жанъ де-Листаль... Я не говорилъ вамъ этого раньше, потому что зналъ, что на днѣ души вашей есть мрачная бездна ненависти и жестокости... Но вы столкнулись лицемъ къ лицу... Она умоляетъ васъ... о чемъ?... Спасти отца ея, этого героя, этого честнаго человѣка, отъ ужасной, отъ позорной смерти... А вы подозрѣваете ее въ любви къ мсьё Лорису!... Видно, что вы принадлежите къ той семьѣ, которая погубила ея мать безъ состраданья...

— Да скажите же ей, что мсьё Лорисъ любитъ ее!—воскликнула Марсель, которая по своему женскому чутью понимала, въ чемъ кроется причина всего.

— Мсьё Лорисъ умираетъ за данное имъ слово, — замѣтилъ аббатъ:—онъ не способенъ на ложь.

Регина слушала съ широко раскрытыми глазами. Въ ней точно вдругъ проснулась совѣсть. Она схватила Марсель за руку и потащила ее въ гостиную и, раскрывъ дверь:

— Генералъ,—обратилась она къ лорду Кольвилю:—вы только что говорили о двухъ плѣнныхъ: не правда ли, одинъ изъ нихъ Жанъ Шенъ, другой виконтъ де-Лорисъ?

— Совершенно вѣрно, маркиза.

— Они приговорены къ смертной казни?

— Маркиза...

— Отвѣчайте мнѣ—да или нѣтъ? Ихъ убьютъ?

— Они приговорены военнымъ судомъ.

— Какое мнѣ дѣло? Слышите, я не хочу, чтобы ихъ лишили жизни, я не хочу. Въ чемъ ихъ преступленіе?

— Они нарушили капитуляцію. Они напали на мое войско изъ засады.

— Потому, что до нихъ не дошло приказаніе объ отмѣнѣ военныхъ дѣйствій!—вмѣшался аббатъ Блашъ.—Офицеръ, который везъ депешу, былъ убитъ на Севрскомъ мосту.

— Да, да, на Севрскомъ мосту, я сама видѣла! — воскликнула Марсель.

Она вдругъ вскрикнула и бросилась къ Лавердьеру:

— Вотъ онъ, убійца, я узнала его!

— Я?—спросилъ Лавердьеръ:—это ложь!

— Ты убійца, я сама видѣла, какъ ты выстрѣлилъ сзади изъ пистолета. Вотъ, господа, виновникъ той роковой ошибки; онъ не можетъ не сознаться въ этомъ; вы всѣ знаете его: это шпіонъ Лавердьеръ.

— Меня зовутъ Губертъ де-Кейразъ, и я не знаю этой женщины.

— А! тебя зовутъ Губертомъ де-Кейразъ,—началъ аббатъ.—Въ такомъ случаѣ ты убійца; ты убилъ этого человѣка, какъ въ былое время подъ именемъ Casse-Bleu ты убивалъ и умерщвлялъ, чтобы обкрадывать. Регина де-Люсьенъ, посмотрите хорошенько на этого человѣка—онъ убійца вашей сестры, матери Марсели.

— Онъ! И онъ же только что наклеветалъ мнѣ... О, подлецъ!

— Убійца моей матери,—вскричала Марсель: — посмѣй только сказать мнѣ въ лице, что ты не убилъ того человѣка на Севрскомъ мосту.

Лавердьеръ молча оглядывался. Маларвикъ стоялъ къ нему спиной.

— Генералъ,—обратилась Регина къ генералу Кольвилю:—вы слышите, совершено звѣрское преступленіе. Тѣ люди ни въ чемъ не повинны. Спасите его, молю васъ...

И съ храбростью, доходящей до величія, она прибавила:

— Мсьё де-Лорисъ, котораго приговорили къ смерти,—мой женихъ и я люблю его...

Кольвиль обернулся къ Лавердьеру:

— Вы убили этого человѣка?

— Да, но честно... въ дуэли.

Англичанинъ перчаткою, которую держалъ въ рукѣ, коснулся его лица.

— Надѣюсь, господа, что кто нибудь изъ васъ расправится съ этимъ человѣкомъ.

Затѣмъ, обращаясь къ Регинѣ, онъ сказалъ:

— Если еще не поздно, маркиза, я постараюсь исправить то горе, какое негодяй этотъ причинилъ вамъ.

— Я послалъ за почтовою каретою, — замѣтилъ аббатъ:—она подана.

— Въ которомъ часу?—рѣшилась спросить Регина.

Кольвиль поднялъ руку, чтобы ее прервать, не рѣшаясь ей отвѣтить.

Черезъ нѣсколько минутъ карета уже неслась по дорогѣ въ Saint-Cloud, въ ней были англичанинъ, аббатъ Блашъ и обѣ женщины, которыя обнимались со слезами на глазахъ.

А вотъ что происходило въ это время въ гостиной.

Тремовиль подошелъ къ Лавердьеру со словами:

— Милордъ Кольвиль далъ вамъ пощечину: не желаете ли вы получить отъ меня удовлетвореніе за понесенное вами оскорбленіе?

Лавердьеръ, съ вытянутымъ лицемъ, походилъ на пойманнаго дикаго зрѣря.

— Мсьё Гекторъ де-Маларвикъ, — произнесъ онъ во всеуслышаніе:—какъ вы полагаете, не слѣдуетъ ли вамъ быть моимъ секундантомъ?

— Мнѣ? Что у меня общаго съ вами?

— Вы отрекаетесь, что если я убилъ этого человѣка, то по вашему приказанію?

— Господа,—спросилъ Гекторъ совершенно хладнокровно:—кто желаетъ быть защитникомъ этого господина? Я лично не унижусь до расправы съ нимъ.

— Посмотримъ!—вскричалъ Лавердьеръ.

И, набросившись на Маларвика, онъ ударилъ его по лицу.

Ихъ выпроводили въ садъ.

Началась отчаянная, дикая дуэль.

Оба противника были одинаковой силы, одинаковой ловкости.

Лавердьеръ первый былъ задѣтъ въ плечо.

Но авантюристъ со всею энергіею, чуть не ползкомъ, нанесъ Гектору Маларвику рану въ животъ, которая была смертельна.

И въ ту минуту, когда всѣ окружили умирающаго:

— Когда нибудь свидимся, но пока мой часъ еще не пришелъ,—съ этими словами Лавердьеръ однимъ прыжкомъ исчезъ, прежде чѣмъ успѣли схватить его.

XXII.

Передъ военнымъ судомъ Жанъ Шенъ и де-Лорисъ защищали себя безъ всякаго хвастовства, но и безъ униженія. Для натуръ честныхъ, проникнутыхъ истиною, отъ которой они не въ состояніи отступать, защита не сложна. Капитуляція была объявлена. Имъ это не было извѣстно; пока не было получено офиціальнаго извѣщенія на аванпостахъ, долгомъ солдатъ было не пропускать завоевателей, все равно какимъ образомъ. Въ ночное время англичане хотѣли перейдти черезъ границу, которую они охраняли, и они дрались, чтобы защитить ее.

Одинъ противъ десяти, конечно, это было безумно, но то былъ долгъ. Они исполняли службу. Спрошенные отдѣльно, Жанъ Шенъ и Лорисъ дали тѣ же отвѣты.

Приведенные на судъ, они дали тѣ же объясненія.

Жанъ Шенъ сказалъ:

— Мы не оправдываемся, мы только выясняемъ дѣло. То, что мы сдѣлали, мы были обязаны сдѣлать, иначе мы были бы измѣнниками своей страны.

— Вамъ было неизвѣстно, что капитуляція подписана?

— Полковникъ,—отвѣтилъ Жанъ Шенъ тому, кто его спрашивалъ:—вы солдатъ, я бы не усомнился въ вашихъ словахъ. Не признаю за вами права сомнѣваться и въ моихъ словахъ.

— Какое вы можете представить доказательство суду?

— Если бы у меня были доказательства, я бы зналъ, что капитуляція подписана. Я слышу это отъ васъ, я вамъ вѣрю; если вы мнѣ не вѣрите—ваше дѣло!

Члены суда были связаны закономъ.

Капитанъ Жанъ Шенъ и поручикъ виконтъ де-Лорисъ были приговорены къ смерти.

Тѣмъ не менѣе военные судьи послали рѣшеніе суда на утвержденіе лорду Кольвилю.

Совѣсть требовала его послѣдняго слова.

Обоихъ приговоренныхъ помѣстили вмѣстѣ.

Было восемь часовъ. Въ одиннадцать они должны быть разстрѣляны.

Они были одни, вдвоемъ, въ комнатѣ нижняго этажа дома, который нѣсколько лѣтъ позже по случаю убійства Кастэнга пріобрѣлъ мрачную извѣстность отеля Черной Головы.

У дверей стоялъ часовой.

Заключенные протянули другъ другу руку.

— Пришла наша смерть, — началъ Жанъ Шенъ... — Вы умираете изъ-за меня, простите.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Это часы откровенія, мсьё Лорисъ, и повѣрьте, что если я хочу воскресить въ вашей памяти нѣкоторыя обстоятельства, то только потому, что меня вынуждаетъ на это совѣсть. Мсьё Лорисъ, развѣ вы были патріотомъ?

Лорисъ вздрогнулъ. Жанъ Шенъ смотрѣлъ на него съ протянутой рукою; онъ вложилъ свою руку въ его и началъ:

— Нѣтъ. Теперь мнѣ ясно, что вы подразумѣваете. Дѣйствительно, я прозрѣлъ съ того дня, какъ я услыхалъ васъ и вашихъ сотоварищей. Но я еще не проникся тогда вполнѣ истиною. Вы говорили объ отчизнѣ, но тутъ были и побочныя соображенія—форма правленія, ваша ненависть къ Бонапарту. Вы понимали другъ друга, я васъ не понималъ. Когда во Флореннѣ я не согласился на измѣну, это было скорѣе въ силу инстинкта, чѣмъ убѣжденія. Знаете ли, когда я понялъ, что такое отечество? Это когда при мнѣ непріятель, чужестранецъ, убивалъ одного изъ нашихъ, приговаривая: fod! caput! Можетъ быть, это были не тѣ именно слова, но они звучали такъ чуждо, дико, быть убитымъ на ино-

странномъ языкѣ,—прибавилъ онъ смѣясь,—показалось мнѣ ужаснымъ. Я позналъ раздѣленіе расъ, эту истребительную борьбу. Я почувствовалъ то, чего не сознавалъ раньше, я понялъ, что отечество—это большая семья, и мнѣ захотѣлось защищать Францію, какъ бы я защищалъ мою мать.

— Лорисъ,—замѣтилъ Жанъ Шенъ,—не будемъ себя обнадеживать иллюзіями, черезъ два часа насъ не будетъ. Тѣмъ не менѣе надо всегда имѣть въ виду случайность. Одинъ изъ насъ можетъ пережить другаго.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Ничего, кромѣ того, что я сказалъ. По всей вѣроятности, мы будемъ разстрѣляны оба. Вы вѣрно знаете обычай соблюденія, такъ сказать, іерархіи въ смерти. Не будьте въ претензіи: у капитана предполагается больше твердости духа, чѣмъ у поручика, сперва разстрѣливаютъ младшаго. Слѣдовательно, вы умрете раньше меня. Боятся, чтобы вы не спасовали при видѣ смерти вашего капитана. Таково правило. Не будемъ его оспаривать. Но мы имѣемъ дѣло съ англичанами: быть можетъ, у нихъ это иначе, не знаю. Допустимъ всякія гипотезы. Во всякомъ случаѣ,—прибавилъ онъ почти весело,—которому нибудь изъ насъ двоихъ придется умереть первымъ.

— Пусть это буду я.

— На вашей сторонѣ всѣ шансы, мой юный другъ. Но предположимъ даже невозможное. Между минутою взведенія курковъ и минутою, когда пуля попадетъ въ васъ, можетъ произойти... Почему знать? Одинъ можетъ пережить другаго. Кто умретъ раньше? Вы ли? Я ли? Во всякомъ случаѣ, у васъ и у меня есть привязанности, есть обязательства. Я вѣрю вамъ. Довѣрьтесь и вы мнѣ. Если вы умрете и я переживу васъ въ силу какого нибудь непредвидѣннаго обстоятельства, что̀ вы мнѣ завѣщаете, какое порученіе?

— Выслушайте меня,—началъ Лорисъ.—Я достаточно открылъ вамъ свою душу, и вы поймете меня. Я былъ роялистомъ, безумнымъ, безсознательнымъ, увлеченнымъ какимъ-то мистицизмомъ законности, котораго не буду даже отстаивать. Въ настоящее время я постигъ человѣческое право. Разумъ вернулся ко мнѣ, но я не хочу и не могу вернуть моего сердца, оно не принадлежитъ мнѣ. Я люблю... поймите всю глубину, весь смыслъ этого слова, сказаннаго на порогѣ смерти, въ самомъ широкомъ его смыслѣ. Я люблю Регину де-Люсьенъ...

Жанъ Шенъ не шевельнулся.

— Продолжайте,—сказалъ онъ только.

— Если-бъ вы знали, сколько въ ней доброты, героизма, пыла страсти. За своего короля и за Бога Регина способна отдать жизнь. Она предана имъ всецѣло во имя добра, во имя идеи спра-

ведливости. Не будемъ спорить о принципахъ, скажу вамъ одно: Регина—это олицетвореніе честности. Я люблю ее всею силою души, со всѣми порывами моей молодости, со всѣми увлеченіями зрѣлаго возраста,—вы понимаете, я люблю ее. Въ этомъ словѣ все. Если я умру, скажите ей... о Боже! быть можетъ, она теперь ненавидитъ меня, объясните ей меня, объясните, какому побужденію я послѣдовалъ; я не ищу извиненій, но я хочу, чтобы она знала, что если я пересталъ служить идеѣ, которой она посвятила себя, я, всетаки, остался ея другомъ, ея любовникомъ, ея женихомъ. Какое мнѣ дѣло до короля!—сказалъ я ей однажды, но есть нѣчто, чего я не могъ сказать: это—какое мнѣ дѣло до отчизны! Пусть она мнѣ это проститъ. Простите и вы мнѣ, Жанъ Шенъ, что въ послѣднюю минуту жизни я больше думаю о ней, чѣмъ о Франціи; за Францію я умираю, пусть же ей принадлежитъ послѣдняя мысль въ моей жизни.

— Сынъ мой!—воскликнулъ Жанъ Шенъ, обнимая его:—выслушайте и вы меня въ свою очередь. Наши взгляды, Жоржъ, складываются подъ вліяніемъ времени, въ которомъ мы живемъ. Вы молоды. Я же сынъ 1792 года. Моя кровь, моя жизнь, мой мозгъ носитъ на себѣ отпечатокъ эпохъ, которыя мы называемъ великими и которыя были главнымъ образомъ ужасны. Какъ сынъ, какъ мужъ, какъ отецъ, я вижу передъ собою эту ужасную войну кастъ, которую я порицаю и изъ-за которой я такъ много выстрадалъ. Я не якобинецъ: это—глупое слово. Я защитникъ права, истины, справедливости. Гдѣ зло—тамъ и я, отстаивая добро. Эта тоже своего рода страсть, и дайте мнѣ сказать, самая достойная! Мнѣ необходима вся сила моей вѣры въ мои послѣднія минуты. Быть можетъ, я отдался ей на столько, что забылъ мои ближайшіе интересы, интересы сердечные. Что дѣлать! Дѣлиться не приходится. Но я вамъ всетаки скажу, де-Лорисъ, вы знаете, какое мѣсто занимаетъ въ моемъ сердцѣ Марсель... Я думаю о ней... Съ моею смертью она остается совершенно одинокою... Что станется съ ней? Согласны ли вы быть ей братомъ?

— Конечно, даю вамъ слово. Я люблю m-lle Марсель, какъ друга, какъ сестру. Говорю это на случай, если бы вы отъ меня потребовали большаго, чтобы я посвятилъ себя всецѣло ей. Но зачѣмъ говорить объ этомъ, разъ что намъ обоимъ предстоитъ умереть.

— Надо, чтобы вы знали, кто я и кто она... Вы любите Регину де-Люсьенъ: знайте, что она сестра матери Марсели!

— Развѣ Марсель тоже Салестэнъ?

— Говорю вамъ—сестра Регины... Слушайте.

И въ короткихъ словахъ Жанъ Шенъ повторилъ свой разсказъ Картаму.

Слушая его, Жоржъ вспомнилъ, что Регина говорила ему однажды объ этой сестрѣ, но съ какою ненавистью!

Но, нѣтъ, она великодушна... ея глаза раскроются когда нибудь предъ свѣтомъ доброты, какъ разверзлись его собственныя очи.

И у него стало храбрости солгать:

— Регина говорила мнѣ своей сестрѣ, она будетъ любить ея дочь...

— О, какъ бы я желалъ ей этого! — воскликнулъ Жанъ Шенъ: для нея это будетъ возрожденіемъ...

— Я отвѣчаю за нее.

— Напишемъ наши завѣщанія! Намъ оставили бумагу, особаго рода состраданіе... Я завѣщаю вамъ Марсель...

— Если же я умру и вы переживете меня, чего я отъ души желаю, такъ какъ я одинокъ на свѣтѣ, я завѣщаю вамъ мою Регину... вотъ что я пишу; «Регина, я люблю васъ... сердце мое бьется только для васъ, и въ минуту смерти имя ваше будетъ на моихъ устахъ... Не проклинайте меня. Сохраните обо мнѣ добрую память... и не забудьте, что есть нѣчто, что выше всего—справедливость и доброта. Я люблю васъ».

Затѣмъ слѣдовала подпись.

Въ это же время писалъ и Жанъ Шенъ.

— Завѣщаніе уважается,—проговорилъ онъ.—Не забудьте, что вы братъ Марсели.

Они обмѣнялись бумагами.

Пробило десять съ половиною часовъ.

— Еще полъ-часа, — сказалъ Жанъ Шенъ. — Какъ мы быстро старимся! Для преступника послѣднія минуты должны быть ужасны. Я покоенъ, а вы?

— Я даже не считаю времени.

И онъ прибавилъ почти весело:

— Если бы мнѣ сказали мѣсяцъ назадъ, что я буду разстрѣлянъ, какъ солдатъ Бонапарта!

— Вы на меня за это не въ претензіи?

— Что вы!... Я умираю солдатомъ Франціи и горжусь этимъ.

Они еще разговаривали въ то время, какъ открылась дверь. Ихъ ожидалъ небольшой отрядъ.

Они поцѣловались.

Затѣмъ послѣдовали за солдатами.

На башенныхъ часахъ пробило 11 часовъ.

Въ то время рѣшетка парка была не на томъ мѣстѣ, какъ теперь. Площадь на берегу Сены была прежде гораздо обширнѣе, она простиралась до самыхъ водопадовъ.

Они шли, окруженные англійскими солдатами.

Они пришли къ набережной.

Здѣсь ихъ поставили спиною къ рѣкѣ. Три роты образовали кругъ, открытый къ мосту. Офицеръ, съ обнаженною шпагою, со-

провождалъ приговоренныхъ. Онъ говорилъ на дурномъ французскомъ языкѣ.

— Господа,—началъ онъ,—къ вамъ примѣняются законы войны. Имѣете ли вы что передать? Обѣщаю вамъ, какъ честный человѣкъ, что ваши распоряженія, каковы бы они ни были, будутъ свято исполнены.

— Мсьё,—сказалъ Жанъ Шенъ,—при насъ бумаги, не имѣющія никакого значенія... прошу васъ самихъ взять ихъ съ нашихъ труповъ и сжечь...

— Обѣщаю вамъ... Теперь, господа, разъединитесь. Вы, конечно, знаете, что поручикъ разстрѣливается первымъ...

— Отчего не капитанъ?—воскликнулъ Жанъ Шенъ:—это мое право, какъ старшаго...

— Таково правило,—отвѣтилъ офицеръ.—Мсьё де-Лорисъ, готовы ли вы?

— Къ вашимъ услугамъ.

Какова бы ни была вражда расъ, у человѣчества есть свои права, которыхъ ничто не въ силахъ превозмочь. Англичанинъ восхищался спокойствіемъ этихъ двухъ приговоренныхъ къ смерти. Быть можетъ, онъ желалъ бы не приводить въ исполненіе приговора.

Но какъ разъ въ это время подъѣхалъ адъютантъ генерала Кольвиля съ утвержденіемъ приговора военнаго суда.

Ничего больше не оставалось, какъ повиноваться. Англичанинъ вмѣстѣ съ Лорисомъ вернулись къ началу моста, и онъ попросилъ молодаго человѣка остановиться въ углу, у перилъ.

— Здѣсь,—проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Я не предлагаю вамъ завязать глаза.

— Благодарю васъ, — сказалъ Лорисъ.—Будьте великодушны до конца, разрѣшите мнѣ самому скомандовать залпъ.

— Разрѣшаю, а затѣмъ, господинъ французскій офицеръ, я желалъ бы моей странѣ побольше такихъ защитниковъ.

Лорисъ протянулъ ему руку.

Тотъ пожалъ ее.

Затѣмъ, сдѣлавъ полуоборотъ, онъ направился къ взводу солдатъ и еще разъ оттуда обмѣнялся взглядомъ съ Лорисомъ.

Онъ поднялъ шпагу.

— Да здравствуетъ Франція!—воскликнулъ Лорисъ.—П-ли!

Что случилось? Между минутою, когда офицеръ отошелъ, и тою минутою, когда, обернувшись къ своей ротѣ, онъ сталъ съ поднятой кверху шпагой, на мосту показался экипажъ.

На козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, сидѣлъ господинъ, который махалъ шляпою.

Быть можетъ, солдаты видѣли его, но дисциплина обязывала ихъ быть неподвижными.

Изъ кареты вышло нѣсколько человѣкъ; неясно обрисовывались ихъ силуэты.

— П-ли!—скомандовалъ де-Лорисъ.

— Ground arms!—кричалъ лордъ Кольвиль, но поздно: раздался залпъ, правда, нерѣшительно. На рукахъ у Лориса лежала раненная, но не на смерть, женщина.

Это была Регина де-Люсьенъ. Съ нечеловѣческимъ усиліемъ,— она такъ любила его, ей стало все такъ ясно изъ разсказа Марсели,—добѣжала она до молодаго человѣка, встала передъ нимъ, защищая его грудью. Въ это время раздался залпъ.

XXIII.

Въ комнатѣ, которая только что служила тюрьмою, на походной кровати лежала Регина.

Лорисъ около на колѣняхъ, тутъ же стоялъ Жанъ Шенъ, сидѣла на стулѣ Марсель.

Аббатъ Блашъ осторожно поддерживалъ голову раненной:

— Дитя мое...

Вошелъ хирургъ. Лордъ Кольвиль остался за дверьми.

Съ безцеремонностью, которую допускаетъ борьба со смертью, онъ обнажилъ грудь молодой женщины, эту дѣвственную грудь, это чудо человѣческой чистоты. Два зіяющихъ, черныхъ пятна.

Она лежала неподвижно, съ опущенными вѣками. Онъ покачалъ головой и сдѣлалъ отрицательный знакъ.

Наука уступала свои права смерти.

Вдругъ Регина простонала:

— Жоржъ! Жоржъ!

Лорисъ нагнулся къ ней, съ сухими глазами.

Умирающіе не должны видѣть слезъ.

— Регина! Регина!

— О, твой голосъ! Скажи еще разъ: «я обожаю тебя!»—какъ ты мнѣ сказалъ это однажды; я хочу услыхать это еще разъ.

И когда онъ, уста съ устами, повторилъ то божественное слово, она раскрыла глаза и увидала Марсель.

Она улыбнулась. О, какъ грустна была эта улыбка умирающей!

— Марсель! подойди ко мнѣ... Прости меня... твоя мать была моей сестрою... Это не моя вина... я такъ желала быть доброй... Если бы ты знала, какъ я любила мою сестру... меня заставили ее ненавидѣть... я не посмѣла сопротивляться... Ты не можешь себѣ представить, что это были за люди...

— Молю васъ не разговаривать,—проговорила Марсель...—Объ одномъ умоляю васъ—живите, мы будемъ любить другъ друга и забудемъ все прошлое...

Настало молчаніе.

— Поздно! —прошептала Регина.—Жоржъ, подложи мнѣ руку подъ голову... О, ты смѣло можешь коснуться меня... Вѣдь я твоя...

Подошелъ Жанъ Шенъ.

— Регина Салестэнъ, — проговорилъ онъ:—такъ какъ мы оба были приговорены, мы обмѣнялись завѣщаніями, прочтите это...

И онъ поднесъ ей къ глазамъ бумагу, на которой Лорисъ написалъ свою послѣднюю волю.

Умирающая, сіяя счастіемъ, прочитала по складамъ, какъ малое дитя:

«Регина, я люблю васъ, мое сердце бьется только для васъ».

У нея достало еще духу скокетничать:

— Правда?—спросила она его.

Жоржъ взялъ ее въ объятія и свято, съ благоговѣніемъ приложился устами къ ея устамъ.

Съ этимъ поцѣлуемъ она умерла.

— Не хочу жить!—воскликнулъ Лорисъ въ отчаяніи.

Жанъ Шенъ положилъ ему руку на плечо:

— Надо жить, чтобы дѣлать добро,—проговорилъ онъ.—Еще многіе будутъ страдать... Вы намъ нужны!

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ВЪ ІЮЛѢ 1892 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

Альбрехтъ, В. Ф. Теорія четверной шахматной игры. Вильна. 1892 г. Ц. 50 к.

Аминторъ, фонъ, Г. Cis-moll — соната (противъ Крейцеровой сонаты Л. Толстого). Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Аммонъ, Ф. Д-ръ. Гигіена беременности. Обязанности матери. Уходъ за маленькимъ ребенкомъ. Спб. Ц. 1 р.

Анановъ, С. І. Д-ръ. Абастуманъ и его цѣлебное значеніе. Тифлисъ. 1892 г. Ц. 1 р. 60 к.

Арнольдъ, Юрій. Воспоминанія. Вып. II. М. 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

Безрѣдка, Ш. М. Опытъ исторіи развитія стереохимическихъ представленій. Подъ редакц. и съ предисловіемъ Н. Д. Зелинскаго. Одесса. 1892 г. Ц. 1 р. 80 к.

Beard, G. M. и Roekwell, A. D. Половая слабость, какъ видъ нейрастеніи. Изд. 2-е. Харьковъ. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Біографическая библіотека Ф. Павленкова: Ньютонъ — Джіак. Мейербергъ. — П. К. Бомарше.—Беранже.—М. М. Сперанскій.—Д. С. Милль.—Н. Коперникъ.— М. Н. Катковъ. Съ портретами. Спб. 1892 г. Ц. кажд. кн. 25 к.

«Библіографъ». Изданіе періодическое. № 4—5. Спб. 1892 г. Ц. отд. №-ра 50 к., подписная цѣна на годъ съ перес. 5 р.

Богословскій, В. С. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Изд. 4-е, значительно измѣнен. М. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бородинъ, Н. Весна. Русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бюхнеръ, Людвигъ. проф. Искусство долго жить (макробіотика). По современнымъ научнымъ даннымъ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Булатовъ, П. Н. Какъ уберечься отъ холеры? Спб. 1892 г. Ц. 10 к.

Бураковскій, С. Новая русская литература отъ Ломоносова до Пушкина. Новгородъ. 1892 г. Ц. 80 к.

Василевскій, полк. Руковод. для штабъофицеровъ и капитановъ, подвергающихся испытанію при зачисленіи въ кандидаты на должности уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ. 3-е издан., испр. и дополн. Спб. 1892 г. Ц. 5 р.

Веберъ, К. Мукомольное дѣло. 2-е, переработ. и значительно дополн. изданіе. Спб. 1892 г. Ц. съ атласомъ 10 р.

Виларе, А. Д-ръ. Энциклопедическій медицинскій словарь. Переводъ подъ редакц. проф. И. Р. Тарханова. Вып. 4-й. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Вильчинскій. О. О происхожденіи письма. Съ рисунками. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Владиміровъ, П. В. Первыя русскія писательницы XVIII вѣка и участіе русской женщины въ развитіи народной словесности и древне-русской письменности. Кіевъ. 1892 г. Ц. 40 к.

Владиміровъ, Л. Е., проф. Законъ зла. Изд. 2-е. Харьковъ. 1892 г. Ц. 20 к.

Воротинъ, А. Принципы прибалтійской жизни. Ревель. 1891 г. Ц. 75 к.

Вѣстникъ Славянства. Сборникъ, издаваемый проф. Влад. Кочановскимъ. Кн. VII. Кіевъ. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

«Въ добрый путь». Заграничный справочный календарь на 1892—93 гг. Изданіе „Русскаго Братства“ въ Берлинѣ. Берлинъ. 1892 г. Ц. 2 р.

Галанинъ, М. И. Д-ръ. О холерѣ. Общедоступное разъясненіе мѣръ противъ нея, личныхъ и общественныхъ. Спб. 1892 г. Ц. 15 к.

Гинтервальднеръ, І. М. Руководство къ

составленію естественно-научныхъ коллекцій. Перев. подъ редакц. и съ приложеніемъ статьи профес. Э. Ю. Петри „Антропологическія коллекціи и наблюденія". Съ рисунками. Спб. 1892 г. Ц. 3 р.

Григорьевъ, Н. И. Мѣры для борьбы съ холерою. Спб. 1892 г. Ц. 20 к.

Дамская верховая ѣзда. Заимствовано изъ сочиненія графа К. Г. Врангеля. „Das Buch vom Pferde". Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Didon, R. P. Іисусъ Христосъ. Т. II. Спб. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

*) **Еврипидъ.** Неистовый Гераклъ. Трагедія. Съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 10 к.

Жуковскій, В. П. Д-ръ. Предупрежденіе и леченіе холеры у дѣтей. (Для матерей и семействъ). Спб. 1892 г. Ц. 20 к.

Жукъ, В. Н. Что такое холера и какъ отъ нея уберечься. Спб. Ц. 15 к.

Золя, Э. Погромъ (La Debâcle). Романъ. Спб. 1892 г. Ц. 75 к.

К. Ф. П. Кто чаще у насъ горитъ и почему? Какъ помочь горю? Спб. 1892 г. Ц. 30 к.

Кирпотенко, А. П. Пришла весна, пришла красна! (Иллюстр. естественно-научная библіотека. II). Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Козловъ, И. И. Стихотворенія. Изд. испр. и значительно дополн. А. И. Введенскимъ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій технический словарь. Вып. III. М. 1892 г. Ц. 40 к.

Краткій очеркъ Пріамурскаго края. По официальнымъ даннымъ. Спб. 1892 г. Ц. 75 к.

Леопардовъ, Н. О Буддѣ въ поэмѣ Э. Арнольда: „Свѣтъ Азіи", представленномъ въ образѣ предвозвѣщеннаго Мессіи. Кіевъ. 1892 г. Ц. 75 к.

Липскій, А. А. Голодъ и вызываемыя имъ болѣзни. Спб. 1892 г. Ц. 35 к.

Maragliano, Prof. Азіатская холера 2-е русск. издан. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Михневичъ, Н. П. Военно-историческіе примѣры. Издан. 3-е, исправл. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Модестовъ, В. Ученая жизнь въ Римѣ. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Морозовецъ, Левъ. Единство протеиновыхъ тѣлъ. Т. I. Глобулинъ и его сочетанія. Ч. I. Зооглобинъ. М. 1892 г. Ц. 5 р.

Мордовцевъ, Д. Л. Между Сциллой и Харибдой. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Мунтъ-Валуева, А. П. Друзья слѣпыхъ и глухонѣмыхъ. (Нашему юношеству разсказы о хорошихъ людяхъ. № 4). Спб. Ц. 10 к.

Настольный энциклопедическій словарь. Издан. А Гарбель и Комп. Вып. 45-й. М. 1892 г. Ц. вып. 30 к., на лучш. бум. 40 к.

Немировичъ-Данченко, В. И. Гроза. Романъ. Издан. 7-е. Кіевъ. Ц. 1 р. 50 к.

Панченко, В. К. Д-ръ. Что дѣлать при холерѣ? Спб. 1892 г. Ц. 15 к.

Перль, Л. Реформа пассажирскихъ тарифовъ. Изслѣдованіе. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Петровъ, В. В. Обзоръ двадцатипятилѣтней дѣятельности Московскаго земства (1865 — 1890). Попеченіе о народномъ образованіи. М. 1892 г. Ц. 50 к.

Петровъ, Н. П. Библіографическій указатель русскихъ диссертацій по медицинѣ и ветеринаріи (съ 1860 по 1-е іюня 1892 г.). 2-е дополн. издан. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

*) **Пирлингъ, Павелъ.** Россія и Востокъ. (Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ, Иванъ III и Софія Палеологъ). Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Плахова, Ф. Какъ приготовлять разные именинные пироги, бульонъ, пирожки и сладкіе блины. Варшава. 1892 г. Ц. 50 к.

Плещеевъ, Александръ. Для театра. Сборникъ пьесъ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Покровскій, Е. А. Русскія дѣтскія подвижныя игры. М. 1892 г, Ц. 75 к.

Прессъ, А. А. Защита жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Вып. 2-й. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Программа изслѣдованія санитарнаго состоянія учебныхъ заведеній, ученія и учащихся. Спб. 1892 г. Ц. 30 к.

Путешествіе миссъ Марсденъ въ Якутскую область. М. 1892 г. Ц. 1 р.

Раскина, М. А. Д-ръ. Какъ предохранить себя отъ заболѣванія холерою? Спб. 1892 г. Ц. 15 к.

Сборникъ законовъ объ охотѣ въ Россіи и Финляндіи. Изд. 2-е, дополненное. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго общества. Томы 71-й, 80-й, 81-й и 82-й. Спб. 1892 г. Ц. каждаго т. 3 р.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ. Отдѣлъ хозяйственной ститистики Т. Х. Продовольственное дѣло. Вып. 1-й. М. 1891 г. Ц. 2 р.

Тоже. Т. Х. Вып. 2-й. М. 1892 г. Ц. 50 к.

«Семейная библіотека». № 30. Шатобріанъ. Мученики или торжество христіанства. Спб. 1892 г. Ц. 25 к.

Сидоровъ, Василій. За Пиренеями. Путевыя замѣтки и впечатлѣнія по Испаніи. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Синицынъ, А. П. Объ особенной важности ухода за полостью рта и зубами въ холерное время. Спб. 1892 г. Ц. 5 к.

Спутникъ по Россіи, соединенный съ рижскимъ спутникомъ Резлера. Рига. 1892 г. Ц. 30 к.

Спутникъ охотника. Иллюстр. справочная книга-календарь для охотниковъ. М. 1892 г. Ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к.

„Стоглавъ“. Иллюстрированный календарь на 1893 годъ. Спб. Ц. 35 к.

Столыпинъ, Д. А. Объ организаціи нашего сельскаго быта. — Теорія и практика.—Къ вопросу о высшемъ образованіи. М. 1892 г. Ц. 30 к.

„Столица Петроградъ за 20 коп.“. 3-е дополненн. и исправленн. изд. книжки „Весь Петербургъ за 20 к.“ Путеводитель по сѣверной столицѣ. Спб. Ц. 20 к.

Стэнли, Г. М. Въ дебряхъ Африки. 2 т. Спб. 1892 г. Ц. за 2 т. 3 р.

Субботинъ, А. Мальцовскій заводскій районъ. Его исторія и настоящее экономическое положеніе. Спб. Ц. 60 к.

Сычевскій, С. И. Уильямъ Шекспиръ. Лекціи. Съ портретомъ и біографіей С. П. Сычевскаго. Одесса. 1892 г. Ц. 1 р.

Сюзевъ, П. И. Безопасныя отъ пожара сельскія постройки изъ матеріаловъ малоцѣнныхъ. Пермь. 1891 г. Ц. 60 к.

— Памятная записка о томъ, какъ тушить сельскіе пожары. Пермь. 1892 г. Ц. 25 к.

Таганцевъ, Н. С. Лекціи по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. IV. Спб. 1892 г. Ц. 4 р.

Фалькенгорстъ, К. Важнѣйшія открытія и завоеванія испанцевъ въ Новомъ Свѣтѣ. Съ рисунками. М. 1892 г. Ц. 1 р.

*) **Фарраръ, Ф.** Святой Григорій Богословъ. Переводъ съ англійскаго. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 15 к.

Федоровъ, А. И. Учебникъ химіи для техническихъ училищъ. Кіевъ. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фофановъ, К. М. Баронъ Клаксъ. Разсказъ въ стихахъ. М. 1892 г. Ц. 60 к.

Холмскій календарь на 1893 годъ. Спб. Ц. 25 к.

Шахтъ, А. А. Пожары и страхованіе отъ огня въ Россіи. М. 1892 г. Ц. 30 к.

Шестаковъ, С. О происхожденіи поэмъ Гомера. Вып. I. Казань. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шохоръ-Троцкій, С. И. Цѣль и средства преподаванія низшей математики съ точки зрѣнія требованій общаго образованія. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Щегловитовъ, С. Г. Судебные уставы Императора Александра II. Уставъ уголовнаго судопроизводства. Издан. 5-е, исправленн. и дополн. Спб. 1892 г. Ц. 5 р.

— Городовое положеніе съ законодательными мотивами, разъясненіями и дополнит. узаконеніями. Спб. Ц. 4 р.

Энциклопедическій словарь. Подъ редакціею К. К. Арсеньева и Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго. Вып. 12-й. Спб. Ц. въ перепл. 3 р.

---

*) Изданія А. С. Суворина.

Печатается и въ непродолжительномъ времени поступитъ въ продажу

НОВОЕ ИЗДАНІЕ

А. С. СУВОРИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ

Популярные очерки, составленные по Брэму и другимъ источникамъ, подъ редакціей Эльпе (Л. К. Попова). Каждый очеркъ будетъ заключать въ себѣ вполнѣ законченное описаніе образа жизни, привычекъ, повадокъ и проч. одного или нѣсколькихъ животныхъ и будетъ продаваться отдѣльно. Каждый очеркъ будетъ содержать одну хромолитографію и нѣсколько рисунковъ въ текстѣ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени"**, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа **„Историческаго Вѣстника"**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118012936